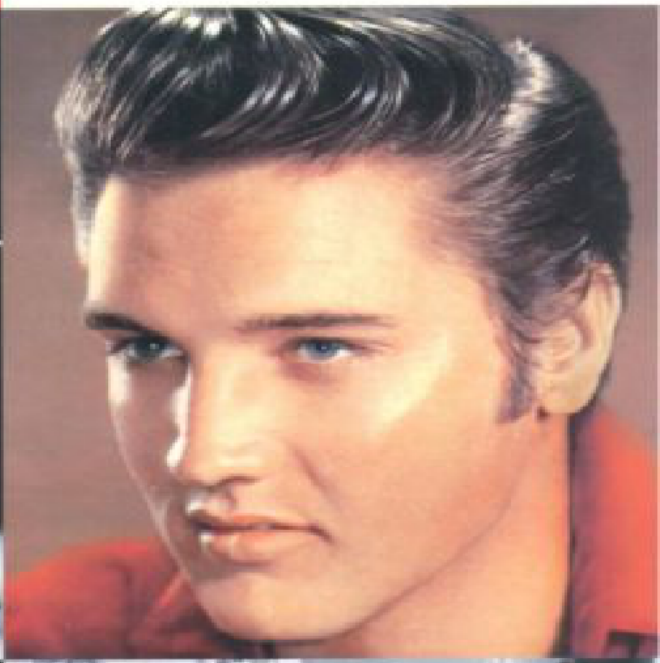
ЭЛВИС ПРЕСЛИ



Себастьян Даниен

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Личность Элвиса Пресли (1935–1977) заслуживает внимания не только и не столько потому, что он был и остается самым популярным артистом в мировой поп-культуре. Представитель самых низших слоев общества — «белого отребья», он буквально взлетел на вершину звездного Олимпа благодаря своей совершенно новой, непривычной музыке, которая поначалу шокировала Америку, а потом заставила поклоняться ему. Соединив в своем творчестве лиризм блюза, напевность госпела, нежность и сентиментальность кантри, он создал свою музыку — неистовый, зажигательный рок-н-ролл, в котором воплотилась вся музыкальная культура черно-белой Америки. Автор, специалист по американской культуре, с эмоциональностью писателя и объективностью историка рассказывает историю суперзвезды, белого певца блюза, восприимчивого к культуре негритянского Юга, таланта, которому подрезала крылья музыкальная индустрия; историю сына, морально искалеченного чрезмерной любовью матери, мужчины, загнанного в угол своим статусом секс-символа, величайшей голливудской звезды своего времени, наивного актера, которым помыкал мошенник-импресарио, одержимый собственными страстями. Из абсурдности и грандиозности взрывной и трагичной судьбы человека, которому было не угнаться за собственным образом, вырастает портрет Америки той переломной эпохи, когда она создавала свой новый имидж.

- Даншен С. Элвис Пресли: Реванш Юга
  - Мемфис, четверг 8 августа 1984 года
  - Глава первая. «БЕЛОЕ ОТРЕБЬЕ». 1935–1948
  - Глава вторая. МЕМФИС, ТЕННЕССИ. 1948–1953
  - Глава третья. «САН РЕКОРДЗ» — СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСХОДИТ. 1954–1955
  - Глава четвертая. ЛОЖЬ ПОЛКОВНИКА. 1955
  - Глава пятая. КОРОЛЬ РОК-Н-РОЛЛА
  - Глава шестая. ДЖИ-АЙ БЛЮЗ. 1958–1960
  - Глава седьмая. ОБЪЯВЛЕННАЯ СМЕРТЬ РОК-Н-РОЛЛА. 1960
  - Глава восьмая. ГОЛЛИВУДСКАЯ ЖВАЧКА. 1960–1967
  - Глава девятая. ФАНАТКИ, ДЕВОЧКИ, ЖЕНА, ДОЧЬ
  - Глава десятая. ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ. 1968–1969
  - Глава одиннадцатая. ЛАС-ВЕГАССКИЙ КИТЧ. 1969–1976

- Глава двенадцатая. РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭЛВИСА ПРЕСЛИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

Даншен С. Элвис Пресли: Реванш Юга

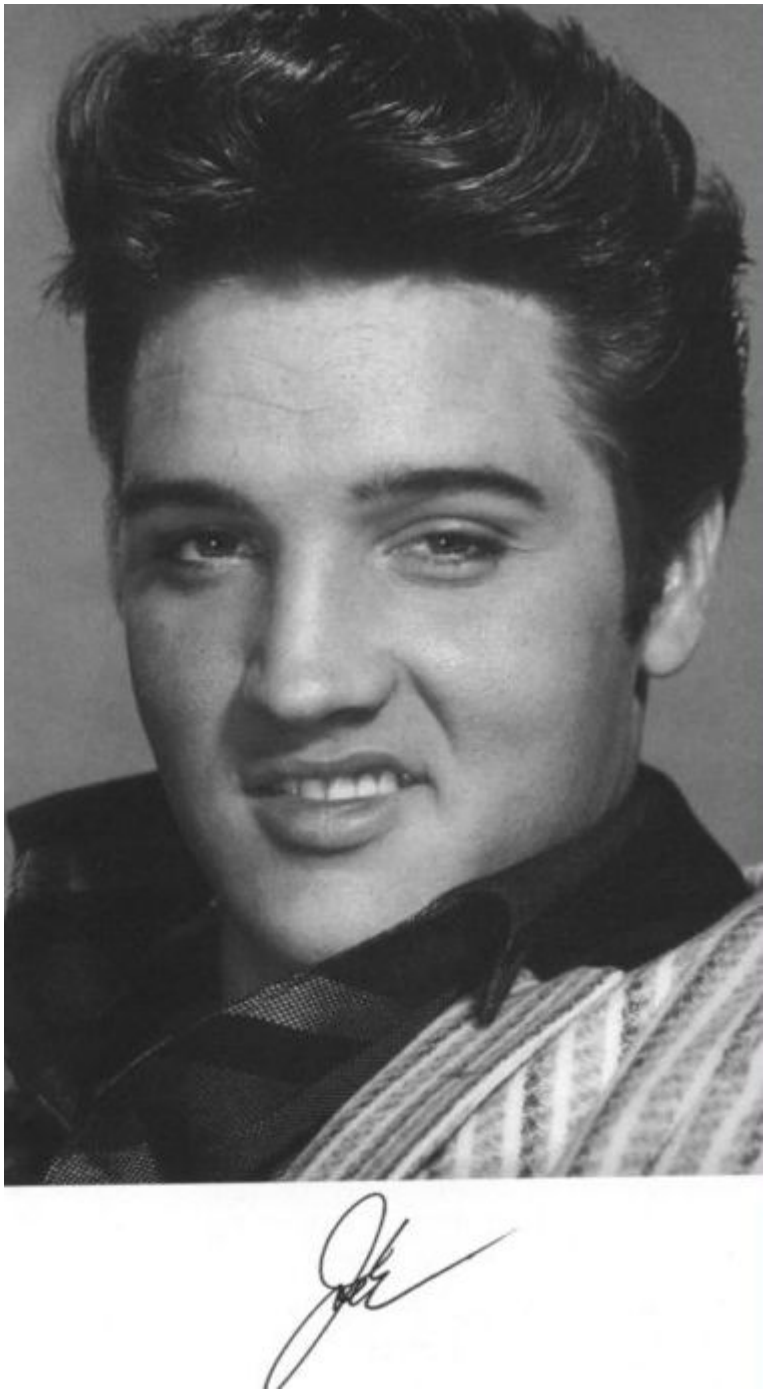
Жан-Франсуа,
который знает, что дьявол всегда где-то рядом

Марлен,
которая доказала ему, что ангелы существуют

Мемфис, четверг 8 августа 1984 года

Когда я был маленьким, то представлял себя в виде героев из комиксов и фильмов, которые смотрел в кино. Я вырос, цепляясь за эту мечту, и в конце концов она сбылась. Чего еще желать человеку.

Элвис Пресли



Под конец дня центральные улицы города, обезлюдевшие из-за масштабных ремонтных работ с целью вернуть блеск бывшей мировой столице хлопка, изнывают от всепроникающей жары. По оси север — юг, параллельной Миссисипи, пролегли траншеи для будущих трамвайных путей, вынуждая редких прохожих

двигаться замысловатым маршрутом в обход насыпей, ям и сваленных в беспорядке труб. С высоты они, должно быть, напоминают хаотично движущихся муравьев.

Фасады домов образуют заслон для влажного зноя, то ли спускающегося с грозового неба, то ли поднимающегося от грязных вод реки, тяжелый запах которой разносит теплый ветерок из Арканзаса. Бизнесмены в строгих костюмах и секретарши, мучающие себя колготками, обязательными для работающей американской женщины, идут, глядя под ноги и думая лишь о том, чтобы поскорей добраться до «дома, милого дома» с кондиционером. Все пытаются обогнуть последнее препятствие: в погоне за легким сюжетом для вечерних новостей съемочная группа местного телевидения просит жителей Мемфиса поделиться воспоминаниями о громкой отставке президента Ричарда Никсона, которая произошла ровно десять лет тому назад.

А три недели назад Америка отмечала еще один славный юбилей: тридцатилетие выхода в Мемфисе — 19 июля 1954 года — первого диска Элвиса Пресли под маркой фирмы «Сан». Склонная к упрощениям пресса охотно провозглашает эту дату днем рождения рок-н-ролла, и журналисты, стараясь раздобыть материал, не преминули расспросить свидетелей этого события через семь лет после кончины главного действующего лица.

Парадоксальным образом именно в Мемфисе юбилей прошел тише всего. С тех пор как центр хлопковой индустрии переместился в развивающиеся страны, столица американского Среднего Юга охотно ностальгировала о былом экономическом величии, однако упорно отказывалась хвалиться музыкальным достоянием, хотя оно и превратило ее в перекресток популярных музыкальных течений XX века. В противоположность Новому Орлеану, с готовностью заявляющему свои права на джаз, Мемфис отмахивался от замечательного наследия, оставленного пионерами блюза, кантри, рок-н-ролла и музыки соул.

Это чувство, близкое к чувству стыда, особенно явно ощущалось в середине восьмидесятых. Бил-стрит, расположенная в нескольких кабельтовых от отеля «Пибоди» (говорят, что его холл расположен у самой дельты), представляла собой лишь длинную череду остовов домов, сплошь поросших сорняками и дожидающихся сноса. Там, где когда-то билось сердце черной Америки, едва теплятся воспоминания в обстановке под стать фильму «Безумный Макс»: днем здесь безнадежно пусто, а по ночам снуют торговцы крэком. Только после избрания первого мэра-афроамериканца в начале следующего десятилетия Мемфис признает свое культурное прошлое и возродит Бил-стрит из

пепла.

Это неприятие в основном обусловлено расовой и социальной пропастью между здешними общинами. Вотчина помещиков-южан с замашками аристократов, Мемфис не мог допустить, что своей известностью он обязан фольклору люмпен-пролетариев, черных и белых, своим потом взрастивших их благосостояние. «Представьте себе на минуту, что слава Афин пережила века благодаря рабам, а не философам», — ответил мне уязвленно один стареющий магнат местной экономики, когда я расспрашивал его об этом странном пробеле. Однако тем летом 1984 года тридцатилетие первого успеха Элвиса вызвало небывалый наплыв его почитателей в Грейсленд — его имение, ставшее объектом паломничества; жители Мемфиса смотрели на это поклонение сквозь пальцы только потому, что их собственная религия запрещала им отвергать доллары, пролившиеся благодатным дождем из туристических туч.

Сэм Филлипс, человек, открывший Пресли, не обладает той же щепетильностью, что и местные олигархи, к которым он принадлежит с тех пор, как прибыль от продажи певца гиганту грамзаписи Ар-си-эй (RCA) позволила ему проникнуть в замкнутый круг доморощенных капиталистов. Не чувствуя себя униженным связью с Королем, он все же сразу тускнеет от усталости, когда с ним заговаривают о дебюте Элвиса, и более-менее вежливо выпроваживает тех, кто вновь и вновь просит его рассказать историю, которая уже набила ему оскомину. И все же я приехал в Мемфис, чтобы взять у него интервью, поговорить о его работе с певцами в стиле блюз из дельты Миссисипи.

Переговоры с Филлипсом дались непросто, только по настоятельной просьбе одного общего друга он согласился встретиться со мной на нейтральной территории — на складе-магазине одного из своих племянников, занимающегося оптовой торговлей пластинками, — поставив жесткое условие: ни слова о Пресли. Предостережение излишне. Меня интересует совсем другое: Филлипс может многое порассказать о создании своей студии «Сан» в то время, когда мало кто интересовался певцами блюза со Среднего Юга, так что самый пресыщенный собеседник будет слушать его раскрыв рот.

Но по ходу беседы срабатывает неумолимая логика, следуя которой Филлипс бросил афроамериканскую музыку ради Пресли: не в силах долго придерживаться собственного изначального решения, он первым заводит разговор об Элвисе. По его словам, вторжение Элвиса в его жизнь стало одновременно благословением и проклятием: благословением — потому что принесло его маленькой студии грамзаписи баснословные

барыши, обеспечив завидное место в пантеоне рок-н-ролла, проклятием — потому что заставило его навсегда расстаться с мечтой о том, чтобы дать южному ритм-энд-блюзу мировую аудиторию, которой он заслуживал. «Я мечтал совершить то, что фирма типа „Стакс“ совершила в Мемфисе десятью годами позже с Отисом Реддингом, группой Сэм и Дэйв или Джонни Тейлором», — признался он.

Настойчивость, с какой он оправдывает двойной выбор — творческий и экономический, — перед которым его поставил неожиданный успех Пресли в 1954 году, не позволяет сомневаться в его искренности: «С самого начала я хотел, чтобы музыку негров оценили по достоинству, чтобы широкая публика заинтересовалась их художественным даром. На мой взгляд, было в этой музыке что-то жизненное, неповторимое, и если я о чем и жалею, так это что не смог продолжать записывать чернокожих музыкантов после успеха Элвиса и других моих белых артистов. Нужно понять, что я стоял во главе крошечного предприятия и должен был в первую очередь думать о его будущем — а заодно и о будущем моей семьи.

Чего только не говорили по этому поводу! Лорейн Смит (тетка Пресли. — С. *Д.)* договорилась до того, что будто бы я запросил у Элвиса пятьсот долларов за его первую пластинку. Конечно же это неправда. Вот почему я всегда отказываюсь давать интервью. За славой я не гонюсь, история всем воздаст по заслугам, но я хочу, чтобы мне верили, когда я говорю, что никогда не стремился раскручивать хиты ради денег. Как ни странно, это чистая правда. Мне было интересно добиться, чтобы на записи в студии проявилась аура моих певцов, и это чудо произошло с Элвисом».

Не могу удержаться от соблазна и спрашиваю, действительно ли именно он в свое время изрек, что разбогатеет в тот день, когда найдет белого, способного петь, как черный. Не пытаясь уйти от вопроса, Филлипс сорвал покров с тайны, которой окутан необыкновенный успех Пресли, — неоднозначных межрасовых отношений на американском Юге, из-за чего большинство критиков видели в Пресли узурпатора, без зазрения совести ограбившего культуру черного Юга. «Люди так и не поняли, что я хотел сказать, потому что легче легкого приписать нечистые намерения тому, кто добился успеха. Им хотелось считать, что я готов на всё ради денег и что моей единственной заботой было отнять талант у черных, чтобы наградить им белого. На самом деле я просто констатировал факт. В Америке пятидесятых годов для молодежи не было ничего. Как только малыш перерастал считалочки, то есть становился старше четырех-пяти лет, — всё.

Потом — для тех, кому за двадцать пять, — приходил джаз, но в промежутке — пустота. Юношеству, а этот возраст очень важен, не предлагали ничего подходящего. Им нужен был стиль, о котором они могли бы сказать: „Папе с мамой это не нравится, а вот я обожаю!“

Выпуская записи в стиле ритм-энд-блюз, я заметил, что эта музыка близка чернокожей молодежи, но и белой тоже. И не один я: братья Чесс из Чикаго, Арт Руп из Лос-Анджелеса с фирмой „Спешиалти“ и братья Эртеган из Нью-Йорка со студией „Атлантик Рекордз“ — все специализировались на негритянской музыке. Некоторые крупные фирмы, например „Декка“, тоже это знали, но, вместо того чтобы предлагать молодежи негритянских певцов, записывали белых подражателей, причесывавших на прямой пробор буйную шевелюру ритм-энд-блюза, в которой была его „изюминка“ и сила. На рынке поп-музыки это продавалось хорошо, но чернокожих этим было не зацепить. Когда я однажды сказал Марион (Марион Кейскер, помощница Филлипса. — С. *Д.),* что мечтаю записать белого, способного петь, как черный, мне нужен был не плагиатор, а настоящий певец блюза с белым цветом кожи, способный открыть истинную суть блюза всем американским подросткам, не рядя ее в чужие одежды и с одобрения чернокожих. Этого мог добиться только белый, потому что в те времена только белого могли крутить по радио в Америке и показывать по телевизору в лучшее эфирное время. Вот в чем успех Элвиса Пресли».

Эта книга родилась из того разговора, из этого осознания.

Отнюдь не став преемником белых «менестрелей», накрашенных жженой пробкой, которые долгое время выворачивали наизнанку музыку черных, чтобы снять чувство вины с Америки белых, Элвис был настоящим блюзменом, который помог музыке Юга глубоко и надолго проникнуть в общеамериканскую культуру при помощи уловки наподобие троянского коня.

В мире южного блюза и раньше появлялись белые певцы, но это не афишировалось по причинам, тесно связанным с хорошо известными стереотипами поведения между общинами в краю «унесенных ветром». В период между двумя мировыми войнами Джимми Роджерс, считавшийся отцом музыки кантри, последовал этой логике и достиг успеха. Выбившись из той же нищеты, что и афроамериканские барды, сделавшие первые записи блюза, Роджерс доказал своим примером, что подлинный раскол на Старом Юге имеет в большей степени социальную, чем расовую природу. По его стопам пошли Ред Фоли и Хэнк Уильямс.

«Правящая верхушка жила в постоянном страхе перед союзом, в который могли бы объединиться индейцы, чернокожие и белая беднота», — писал Жан Поль Леве, специалист по культуре блюза. В обществе, построенном на неприятии расового смешения, было необходимо подобрать разные названия для музыки двух общин, но за словами «блюз» и «хиллбилли» (уничижительный термин, долгое время использовавшийся для музыки кантри) скрывались две взаимодополняющие половины единого культурного пространства — культуры сельской бедноты, искусственно раздробленной по расовому признаку аристократией из землевладельцев, стремящихся сохранить свою гегемонию.

Как и у Джимми Роджерса, творческий путь Элвиса Пресли проступает из особенностей его собственной биографии: певец вышел из горнила, в котором переплавилось наследие блюза, кантри и госпела, и на законном основании превратился в рупор всей простонародной общины Юга. Но если успех Роджерса был ограничен современными ему средствами коммуникации, Элвис, напротив, взмыл вверх на волне музыкальной индустрии, благодаря развитию транзисторных приемников и телевидения, ворвавшихся в повседневную жизнь американских подростков.

Одновременно явление Пресли совпало с переломной эпохой в отношениях между общинами США: именно в тот момент афроамериканцы повели открытую борьбу за признание своих элементарных прав. Велик соблазн утверждать, что его роль в распространении, утверждении и повышении престижа негритянской культуры (через музыку, но также через манеру одеваться, краситься и говорить, свойственную афроамериканцам) дополняет собой требования чернокожего меньшинства, руководимого пастором Мартином Лютером Кингом-младшим.

Счастливое совпадение места и времени, географии и истории, придавшее размах успеху Элвиса Пресли, ничуть не умаляет его бесспорного таланта. Хотя рождение феномена Пресли совпало с тем моментом, когда у американской молодежи проснулся интерес к менее косным представлениям о взаимоотношениях полов, вдохновляемый эротизмом блюза, это движение воспринимается совершенно иначе, если понять, как круто изменила свое направление американская мысль, увлекшись традициями и ценностями, носителями которых был Юг.

После долгого периода, наступившего вслед за Гражданской войной, когда северяне навязывали свой пуританский взгляд всему союзу американских штатов, произошел резкий поворот к

гедонизму, характерному для штатов из бывшей Конфедерации; средние американцы подпадали под обаяние образа жизни южан, нежного и необычного, героизации бедного и достойного белого. Музыковед Алан Ломакс, с большим воодушевлением приобщившийся народной культуры, писал в воспоминаниях о своих поездках по сельскому Югу с сентиментальной ноткой, присущей Стейнбеку: «Пока всё население графства готовилось прожить новый вечер наслаждений в своем Новом Свете, я бродил по улицам, завернувшись в кокон из застенчивости и англосаксонского превосходства. Мы забрали всё: деньги, землю, заводы, красивые машины и красивые дома. Однако лишь эти люди, запертые в своих трущобах и жалких лачугах, были настоящим лицом Америки; из всех первопроходцев, поднимавших эту целину, только они породили веселье на этом бессчастном и бескрайнем континенте, только они заслужили себе имя американцев».

Убедительнее всего универсализация мысли Юга проявляется в религии: всё больше американцев примыкало к христианскому фундаментализму евангелистов с Глубокого Юга, к эсхатологическим представлениям, вобравшим в себя духовность конфедератов. Разница между сельским Югом и устной традицией промышленного и образованного Севера всегда наиболее ярко проявлялась в церкви — столпе американской жизни. Во время службы пламенные речи проповедников, наполненные суевериями, окончательно противопоставили себя рациональному прочтению Библии, унаследованному от отцов-пилигримов. Именно в тот исторический момент, когда звук и цвет приняли эстафету у письменности через посредство пластинок и телевидения, Элвис Пресли как никто другой символизировал собой эти перемены. Он поставил свой пыл пятидесятника на службу эстраде, исполняя светский репертуар блюза и кантри с исступлением, воспринятым от церковных гимнов чернокожих и белой бедноты.

Когда устное слово обрело полноту власти, пал последний бастион европейского наследства, уступив свое место новой культуре, которая начала победное шествие, торопясь навязать свои устои всей планете. Заразительное возбуждение рок-н-ролла соответствовало потребности в свободе и раскрепощении у юного поколения далеко за пределами Америки. Когда нарождающаяся глобализация побудила Америку к экспорту своей культуры в противовес насаждению коммунизма, экспансивность Пресли способствовала повсеместному принятию новых американских канонов. Свободный мир раскрепощает! Как только Пресли превратился в орудие международной пропаганды, с него

быстренько сняли обвинения в антиконформизме, и теперь он мог раскрыть всю неоднозначность либеральной революции, глашатаем которой являлся, явив из-под маски бунтаря лицо южанина, консерватора и моралиста, с которым он вырос и которое Америка теперь хотела навязать в качестве образца.

Эта эволюция менталитета через песни и фильмы Элвиса найдет свое логическое завершение в приходе в Белый дом детей Дальнего Юга — Линдона Джонсона, Джимми Картера, а затем и человека, олицетворяющего собой поколение Пресли, — Билла Клинтона, после долгой череды представителей высшей буржуазии с северо-востока во главе с Франклином Рузвельтом.

Белый певец, ставший своим для звезд негритянской Америки, архетип южанина-земледельца или общепризнанный идол новой Америки — истинное лицо Элвиса Пресли трудно разглядеть под личиной, которую нацепила на него система, чтобы скрыть правду под глянцем легенды, спрятать суть под нагромождением второстепенного. Он не давал серьезных интервью, и это лишь усугубило дело. Не то чтобы Элвис не шел на контакт, по крайней мере поначалу, однако, заложив концепцию рок-звезды, он избегал разговоров по существу, на которых потом будут специализироваться журналы типа «Роллинг стоун» или «Плейбой», ограничиваясь ответами на глупые вопросы бульварной прессы, гоняющейся за сенсациями, которой было мало дела до его побудительных мотивов и глубинных пружин его творчества.

Потому-то обилие литературы об Элвисе в большей степени мешает делу, чем помогает. За редким исключением — например книг Джерри Хопкинса и Питера Гуральника, — легенда запутала все следы, большинство авторов поддались соблазну выдумать Пресли заново, руководствуясь своими желаниями, или вылепить его образ согласно ожиданиям его поклонников.

Соблазн создать из его жизни житие просто поражает, потому что карьера Пресли и его огромное влияние на целое поколение, выросшие из скромного происхождения, полукрово-смесительной связи с матерью, простодушия его побуждений, малоизвестной агрессивности его импресарио, его упорных духовных исканий и саморазрушительной потребности придать смысл своей жизни, могут произвести впечатление на кого угодно. Однако приходится признать, что реальность долгое время пугала Америку, решившую любой ценой уверовать в собственную мечту. Это тем более прискорбно, что правда, иногда неудобная, но всегда проникновенная, представляет совершенно в ином свете блестящего артиста, изнывающего от тревоги. Только

объективный взгляд, лишенный предвзятости, проникающий сквозь наносные подробности, которыми замусорены самые полные исследования, способен дать ключ к тому, чтобы соизмерить влияние, оказанное Элвисом на его эпоху, и наоборот.

Эта книга — история невероятной звезды, сына Великой депрессии, вышедшего из касты неприкасаемых с американского Юга, которую элита, ревностно оберегающая свои привилегии, предоставила милосердию Бога-тирана из Ветхого Завета. Это история артиста, обратившего свой слух к волшебству и красоте грубого музыкального искусства Дальнего Юга, обработанного индустрией грамзаписи, которая рисковала из-за собственной смелости. Это история сына, искалеченного любовью своей матери, изолированного своим статусом секс-символа. История наивного певца, которым манипулировал нечистоплотный делец, одержимый манией успеха. История покорной жертвы общества потребления, витриной которого являлась, жертвы, вынужденной вести в безнадежном одиночестве повседневную жизнь всеядной Америки пепси-колы, витаминизированных гамбургеров, амфетаминов и барбитуратов, пока их передозировка не вызвала смерть.

Я хотел показать смешную нелепость этой взрывной судьбы, патетическое величие романического героя, раздавленного собственным имиджем, но главное — портрет эпохи, когда Америка создавала свой новый образ.

Глава первая. «БЕЛОЕ ОТРЕБЬЕ». 1935–1948

В «Молчании ягнят» (роман Томаса Харриса, экранизированный Джонатаном Деммом) извращенец доктор Лектер пытается вывести из себя героиню триллера, молодую женщину-агента ФБР, высмеивая ее принадлежность к «белому отребью». Антагонизм между плебейским происхождением девушки и патрицианским воспитанием убийцы выведен неспроста: тем больше заслуга Кларисы Старлинг, одерживающей победу в конце, в соответствии с легендой о том, что Америка — страна великих возможностей, в том числе и для детей «белого отребья» с Юга, повинных в бедности на родине доллара. Если успех члена этой богом забытой касты, добытый неимоверными усилиями, и сегодня считается пределом мечтаний, можно себе представить, какой символический смысл обрело в середине пятидесятых явление Элвиса Пресли — архетипа белого бедняка, родившегося в самый пик Великой депрессии в захолустном городке штата Миссисипи.

Еще в XVIII веке летописцы жизни на Юге подчеркивали разительный контраст между роскошью богатых плантаторов и массовой нищетой «белой бедноты». Постепенно бедняки втянулись в борьбу, которая привела к расколу Соединенных Штатов; в то время как аболиционисты приписывали нищету низших слоев общества южан гибельной системе рабства, местная буржуазия возлагала на белую бедноту вину за отрицательное впечатление, производимое Дальним Югом. После отмены рабства положение практически не улучшилось: промышленный Север обвинял «белое отребье» в том, что оно тормозит прогресс демократии и поддерживает расовую вражду, доверяя демагогам и популистам всякого толка.

Хиллбилли (*hillbilly)* — «деревенщина с холмов» — в представлении американцев наделен всеми возможными пороками: это отсталый, безграмотный, ленивый, чахоточный сифилитик, склонный к кровосмешению и суевериям. Эта карикатура нужна была для сохранения господства южной олигархии, стремящейся разжигать соперничество между неграми и «белым отребьем», и только после прихода в литературу Уильяма Фолкнера и Джеймса Эйджи плебс с Юга вернул себе некоторое достоинство.

Детство Пресли прошло в мире, во многом похожем на мир алабамских испольщиков, описанный Джеймсом Эйджи в документальной книге «Теперь восхвалим славных мужей», с той лишь разницей, что он вырос в штате Миссисипи, в поселковой

среде, куда понемногу проникало мелкое промышленное производство. Тьюпело, городок в шесть тысяч душ на северо-востоке штата, в полусотне километров от границ Теннесси и Алабамы, нашел свое место в истории задолго до рождения Элвиса. Когда Эрнандо де Сото, бывший спутник Писарро по Перу и колонизатор Флориды, шел через эти края зимой 1540/41 года, стремясь к водам Миссисипи, он наткнулся там на крупное поселение индейцев чикасо. Индейцы вышли победителями из жестокого столкновения с конкистадорами и продолжали мирно жить на этой земле вплоть до прибытия европейских поселенцев в первой половине XIX века.

Плодородные земли на стыке Аппалачей и равнин Среднего Запада, орошаемые обильными дождями и многочисленными реками, манили к себе первопроходцев, которые стали выращивать здесь кукурузу, хлеб, табак и хлопок. Болота, довольно многочисленные в этих местах, стали прибежищем смолистого дерева, которое чикасо называли «тьюпело». Это название быстро пристало к поселку.

Официально статус города Тьюпело получил только в 1870 году. После Гражданской войны его жители взялись за работу засучив рукава, чтобы забыть о поражении конфедератов от янки, обративших город в руины в июле 1864 года. В период реконструкции Юга Тьюпело даже стал центром графства Ли, названного в честь военачальника сепаратистов, — это многое говорит о верности местного населения делу южан.

На этом испытания, обрушившиеся на город, не закончились. Удобное расположение на перекрестке железных дорог Мобайл — Огайо и Сент-Луис — Сан-Франциско способствовало взлету производства хлопка, пока нашествие в 1916 году долгоносика, уничтожившего большую часть урожая, не поставило под удар местную экономику. Понемногу стали развиваться другие направления экономической деятельности, чтобы снизить риск, связанный с монокультурой. Животноводство и лесное хозяйство быстро пошли в гору, подъем полукустарного текстильного производства потребовал возникновения рабочей прослойки, в основном женской, в чисто крестьянском поселке со своим скотным рынком и хлопковой биржей.

В тот момент, когда Тьюпело, казалось бы, приобрел устойчивое положение на новом Юге, очередной кризис ударил по населению, и так уже ослабленному порочной системой испольщины, из-за которой почти все чернокожие фермеры и добрая половина белых пребывали в положении, близком к рабству. Как обычно бывает в небольших поселениях традиционного Юга, каждая община жила в четко определенном

квартале, так что о социальном происхождении каждого жителя можно было с легкостью догадаться по его адресу. В центре Тьюпело селилась средняя буржуазия, состоявшая из торговцев, дельцов и руководящих работников; белые рабочие ютились в домишках Милл-Тауна, а афроамериканцы теснились в кое-как сколоченных бараках по ту сторону железной дороги, в гетто Шейк Рэг; что касается «белого отребья», то его задвинули еще дальше — в Восточный Тьюпело, за два грязных ручья, которые должны были отделять зерна от плевел.

Восточный Тьюпело — вотчина семейства Пресли, одного из главных кланов этого второсортного общества, которое не могло даже прикрыться цветом кожи, чтобы оправдать свое маргинальное положение. В середине тридцатых годов поселковая бакалея находилась в руках Ноа Пресли — предприимчивого человека, который обеспечил себе дополнительный заработок тем, что водил школьный автобус, а в январе 1936 года стал мэром поселка. Это относительное процветание никак не сказалось на остальном многочисленном семействе. Джесс, один из братьев Ноа, как говорили, жил тем, что гнал и продавал самогон — типичная деятельность «белого отребья», которое ни в грош не ставит людские законы да и Божьи старается обойти.

Вернон, один из пятерых детей Джесса и Минни Мэй Пресли, был гораздо молчаливее своего отца, которому помогал всякий раз, когда окрестные фермеры набирали рабочую силу, особенно осенью, для сбора хлопка. Как и другие крестьянские дети, Вернон ходил в школу только изредка, когда уроки не совпадали с полевыми работами. Как и положено в обществе, живущем натуральным хозяйством, он ничего не знал о внешнем мире, его собственный мирок ограничивался кругом родственников и соседей, в особенности Смитов, чьи дочери сильно интересовались сыновьями Пресли.

Зазнобу Вернона звали Глэдис; она была гораздо общительнее этого высокого светловолосого парня, которым увлеклась до такой степени, что тащила его под венец, хотя была четырьмя годами старше. Не получив благословения родителей с обеих сторон — они непременно воспротивились бы их союзу из-за разницы в возрасте, — Глэдис в один весенний день 1933 года увлекла Вернона в городок Понтоток в тридцати километрах от Тьюпело. Для такого случая они взяли взаймы три доллара и для начала раздобыли необходимое свидетельство о браке, а при регистрации намеренно назвали неверные даты рождения: Вернон заявил, что ему двадцать один, тогда как ему едва сравнялось

семнадцать, а Глэдис скинула себе два года, сказав, что ей девятнадцать.

Поставленные перед фактом, Пресли смирились с положением. Так же будет и два года спустя, когда брат Вернона Вестер женится на младшей сестре Глэдис — Клетт. Молодая чета сначала поселилась в семье мужа, но дом на Оулд-Салтилло-роуд был слишком мал, чтобы вместить всех, а отношения между Джессом Пресли и его снохой обострились настолько, что та перебралась вместе с мужем к своей матери, которая с недавних пор овдовела.

Вернон и Глэдис являли собой типичный пример полусельского пролетариата, широко распространенного на Юге в период между двумя мировыми войнами. Пока Вернон хватался за любую работу, нанимаясь поденно сельхозрабочим, разносчиком или чернорабочим на стройке, Глэдис зарабатывала на жизнь шитьем платьев и фартуков на разных текстильных фабриках от Милл-Тауна до Тьюпело, просиживая за швейной машинкой по двенадцать часов в день шесть дней в неделю. Выдержать это было нелегко, но заработок в размере доллара в день высоко ценился в то время, когда просто-напросто иметь постоянную работу уже считалось победой над судьбой.

Эта стабильность пошатнулась одним летним днем 1934 года, когда Глэдис поняла, что беременна. Вынужденная уйти с работы по требованию врача, она неотступно побуждала мужа найти постоянное место, тем более что ей хотелось иметь собственный дом, чтобы воспитывать ребенка. Поработав какое-то время столяром, Вернон устроился молочником к Орвиллу Бину, местному животноводу. Как всякий порядочный землевладелец с Юга с патерналистскими замашками, Бин получал часть доходов, ссужая деньги своим работникам. Когда Вернон попросил его помочь с покупкой жилья, Бин предоставил ему земельный участок и 180 долларов, чтобы построить небольшой деревянный домишко с крылечком в районе Восточного Тьюпело. Теоретически дом был записан на Пресли, но если присмотреться, то видно, что месячные выплаты едва-едва покрывали проценты с ссуды и сильно походили на квартплату.

Шутган шэкс (shotgun shacks) простреливаемые лачуги — традиционное жилье самых обездоленных южан вне зависимости от цвета кожи называлось так не случайно: построенные из плохо подогнанных досок, они не защищали ни от холода, ни от жары, а сквозняки пронизывали их так же свободно, как пули.

Дом Пресли — 306 по Норт-Салтилло-роуд — одна из таких типичных лачуг, трагичную поэтичность которых передали фотографы времен кризиса — Уолкер Эванс, Доротея Ланж и

Юдора Уэлти. Поставленная на сваях, чтобы не смыло грязевым потоком во время сильного дождя (частая беда в этих краях), она была размером восемь на четыре метра и состояла всего из двух квадратных помещений — комнаты и кухни, разделенных печной трубой. Из мебели имелись только железная кровать, стол, несколько стульев и дощатый буфет. Водопровода не было, воду качали насосом на улице, рядом с туалетной кабинкой. Впоследствии, когда в рамках «нового курса», провозглашенного президентом Рузвельтом, в долине реки Теннесси начались крупные строительные работы, в дом провели электричество: по потолку проложили провод, с которого свисала лампочка, а в стену вделали розетку чисто символического назначения: у Пресли не было ни одного электроприбора.

Тем временем при свете керосиновых ламп Глэдис Пресли собиралась рожать. Схватки начались вечером в понедельник 7 января 1935 года. За врачом посылать не стали, чтобы сэкономить пятнадцать долларов, но мать Вернона, соседку и местную акушерку призвали на помощь, пока будущий отец ожидал в соседней комнате. Только в середине ночи все-таки решились обратиться к доктору Ханту, потому что роды оказались трудными. Причина была проста: Глэдис ждала близнецов, но первый из них уже умер, когда явился на свет 8 января, около четырех часов утра, на полчаса раньше своего брата.

Закон Божий не позволяет хоронить дитя без имени, и Пресли решили назвать старшего из близнецов Джессом в честь деда по отцовской линии и дали ему второе имя — Гарон; в тот же день его положили в крошечный гробик, купленный на деньги родни, и на следующее утро похоронили на небольшом кладбище в Прайсвилле, в нескольких километрах от Восточного Тьюпело.

Зато второй близнец был живехонек, родители дали ему имя Элвис Арон: Арон, библейское имя, позаимствованное у друга семьи, было созвучно «Гарону», а «Элвис» было второе имя Вернона. Происхождение этого мало распространенного имени не вполне ясно; иногда его связывают с Элвином — старосаксонским словом, означающим «благородный друг», но, скорее всего, Элвис происходит от Альвиса — персонажа скандинавской мифологии, посватавшегося к дочери Тора и обращенного в камень рассерженным богом. Чтобы понять, каким образом зять скандинавского божества обрел последователей на Дальнем Юге первой половины XX века, придется распутывать клубок миграционных маршрутов между Европой и Америкой.

Кончина Джесса Гарона нанесла глубокую рану супругам Пресли, которые неукоснительно чтили его память, регулярно

посещая кладбище и возлагая цветы на его безымянную могилку, часто вместе с Элвисом, которому пришлось считаться с отсутствующим братом всю свою жизнь. Самое сильное потрясение испытала Глэдис, отличавшаяся неустойчивой психикой (в ее семье с давних пор была склонность к депрессии). Несмотря на все усилия, ей так и не удастся родить других детей, в середине следующего десятилетия у нее будет два выкидыша. Чтобы как-то утешиться, она заявляла всем и каждому, что «умерший близнец отдает свои силы выжившему», и всегда ждала чего-то большего от единственного сына, которого окружила обожанием и чрезмерно опекала.

Соседи и друзья отзывались о Глэдис Пресли как о вечно встревоженной «наседке», старающейся забрать выводок под свое крыло, и Элвис сам это сознавал: «Мама никогда не спускала с меня глаз, мне даже не разрешалось пойти поиграть с приятелями у ручья по соседству с домом, так что я иногда сбегал. В наказание мама била меня, и я был уверен, что она меня не любит». Было совсем наоборот, но неоднозначность отношений между матерью и сыном еще усилилась из-за гнетущей тревоги женщины, одержимой мыслью об умершем сыне. Выказывая эгоизм в отношениях с Элвисом, Глэдис держалась до крайности строго с этим ребенком, которого считала восьмым чудом света.

Желание внушить ему хорошие манеры, чтобы он поднялся по социальной лестнице, удесятерялось под презрительными взглядами, которые местная мелкая буржуазия бросала на «белое отребье» из Восточного Тьюпело. Несмотря на Великую депрессию и бедняцкое происхождение, несмотря на собственную тягу к алкоголю и бытовому насилию, Глэдис Пресли собиралась сделать своего сына образцом благопристойности и учтивости, требуя, чтобы он обращался ко всем не скупясь на «мэм» и «сэр», ведь в этом и заключается легендарная южная учтивость и понятие о социальной иерархии, вдолбленное старой аристократией Юга низшим классам. Как охотно повторяет доктор Хант, когда дает в Тьюпело уроки Закона Божьего по утрам в воскресенье, вежливость — лучшее искупление бедности.

Слова хорошие, но кризис все не кончается, и учтивость — плохое средство от холода и голода. Сколько бы Пресли ни создавали себе репутацию достойной семьи, регулярно посещая баптистскую церковь Восточного Тьюпело, вокруг них нарастали проблемы, начиная с того, что мать и бабка Глэдис умерли одна за другой. Миссис Смит оставила после себя двух несовершеннолетних детей: Клетту, шестнадцатилетнюю девушку, вышедшую замуж за Вестера, брата Вернона, и Джонни, тринадцатилетнего мальчика, заботу о котором пришлось взять

на себя старшим родственникам.

Несколько месяцев спустя, утром 5 апреля 1936 года, когда Элвису был год и три месяца, на Тьюпело обрушился торнадо такой силы, что впору было поверить проповедникам, сулившим Армагеддон тем из своих прихожан, которые перестали жить в страхе перед Господом. В считаные минуты ураган снес несколько десятков домов, оставив после себя больше двух сотен жертв. Восточный Тьюпело он обошел стороной, но это бедствие прозвучало предупреждением для Пресли, которым едва удавалось сводить концы с концами.

Глэдис не удалось вернуться обратно на швейную фабрику, пришлось браться за поденную работу на хлопковых полях, нося с собой ребенка, чтобы хоть чем-то дополнить скудный заработок мужа, не склонного к труду.

Самым драматическим моментом этой эпохи лишений стал ноябрь 1937 года, когда «Тьюпело джорнэл» объявил об аресте Вернона Пресли, уличенного в подделке чека с жалованьем, выданного его хозяином Орвиллом Бином. По воспоминаниям очевидцев, подделка принесла пару десятков долларов, не больше сорока. Это был жест отчаяния со стороны человека, пустившегося в сомнительное предприятие вместе с двумя сообщниками, чтобы купить хлопок и разделить его между тремя семьями. И все же на семью Пресли легло клеймо позора. После нескольких месяцев предварительного заключения Вернона приговорили к трем годам тюрьмы и отправили в Парчман, на ферму для исправительных работ в самом центре Дельты, где самые отбросы «белого отребья» жили вместе с неграми-заключенными, составлявшими большинство, в атмосфере ежедневного насилия, словно в концлагере.

Вернон провел в Парчмане только восемь месяцев: его жена, судя по всему, умолила Орвилла Бина простить бывшего работника и задействовать свои связи. Проявленное милосердие не помешало Бину потребовать назад 180 долларов, одолженных Пресли на строительство дома, вынудив Глэдис переехать в семью мужа и обратиться за социальной помощью. Отныне любая попытка доказать обществу Тьюпело, что они «бедная, но честная» семья, была обречена на неудачу; зато в Восточном Тьюпело к ним проявили сочувствие и солидарность, что еще раз доказывает, как велика была пропасть между общинами.

Возвращение Вернона в начале 1940 года было омрачено отрицательным отношением к нему в Тьюпело. Без дома, без надежды найти работу в городе, самые добросердечные обитатели которого не видели его в упор, он решил временно

уехать с женой и сыном на юг штата Миссисипи. С тех пор как в Европе разразилась война, судостроительная верфь в Паскагуле — порту, находящемся в Мексиканском заливе между Мобайлом и Новым Орлеаном, — развила бурную деятельность. У Вернона там был близкий родственник, там жили и несколько других семей из Восточного Тьюпело. Условия жизни были ужасными: одни ютились в хибарах с окнами, в которые вместо стекол были вставлены москитные сетки, другие — в палатках.

Это изгнание продлилось до конца года. Затем Пресли вернулись в Тьюпело и находили приют поочередно у разных членов семьи Смитов и Пресли. В тесноте да не в обиде — это было жизненным правилом самых обездоленных семей, не задумываясь делившихся последним, что имели. Вернон с женой какое-то время жили у Вестера и Клетт, своих брата и сестры, которые делили с ними кров до приезда Трэвиса, одного из младших братьев Глэдис. Он только что женился на подруге детства, которой едва исполнилось четырнадцать. Найдя новое жилье на столь же краткий срок, Пресли вскоре сами забрали к себе маленького сына старшей сестры Глэдис, которая недавно скончалась. «Белое отребье», возможно, и были отбросами Америки, но обладали более развитым чувством взаимопомощи, чем промышленники-янки, навязавшие свои суровые нравоучительные ценности всей стране.

Сколько Вернон ни старался, он так и не смог найти работу в Тьюпело и в конце концов отправился в Мемфис — на сей раз один: найти жилье в городе, переполненном нахлынувшими туда фермерами со Среднего Юга, было невозможно. Накануне налета на Пёрл-Харбор американская экономика начала приходить в себя благодаря закону о ленд-лизе, принятому сенатом весной 1941 года, по которому в Англию предстояло поставлять гражданское и военное оборудование. Вернон был в числе тех, кто смог воспользоваться экономическим подъемом, и хотя он тяжело переживал разлуку с родными во время рабочей недели, его усилия бывали вознаграждены, когда он каждую субботу возвращался вечером в Тьюпело, привозя достаточно денег, чтобы прокормить семью и заплатить за квартиру, которую снимал в Восточном Тьюпело.

Казалось бы, возвращение к нормальной жизни должно было смыть пятно с имени Пресли, но ничего подобного: на улицах Тьюпело поговаривали, что Вернон пользуется поездками в Мемфис, чтобы перевозить «лунный свет» — контрабандный бурбон, потреблявшийся низшими классами, к великой досаде элиты, продолжавшей «голосовать за сухой закон, пока еще могут, шатаясь, добраться до урны», как говорил актер-юморист Уилл

Роджерс.

Вернону повезло: поскольку он был единственным кормильцем, то избежал сражений в Тихом океане и в Европе, но всю войну ему пришлось работать вдали от дома. Он строил лагерь для немецких военнопленных в районе Комо, к югу от Мемфиса, но его уволили по неясным причинам, в очередной раз заподозрив в контрабанде «лунного света». Слухи или правда? История об этом умалчивает, но Глэдис чувствовала себя одинокой как никогда, дожидаясь возвращения мужа по субботам, скрываясь от осуждения добропорядочных граждан, считавших Вернона бездельником да еще и «откосившим» от армии.

И так уже чересчур опекавшая Элвиса, Глэдис растворилась в любви к единственному сыну, движимая чувством одиночества и опасения за их безопасность. Они жили вместе с матерью Вернона: прекрасный предлог, чтобы Элвис отдал свою кровать бабушке и спал вместе с матерью. Так будет продолжаться до самого отрочества, даже когда Вернон был дома. Кроме того, как только Элвис пошел в школу осенью 1941 года, Глэдис лично отводила его туда каждое утро. Поначалу это казалось естественным, тем более что школа находилась по другую сторону шоссе № 78; но по мере того, как мальчик подрастал, это стало казаться странным.

Пребывание Элвиса в школе не оставило никаких воспоминаний, за исключением тех, что неизбежно рождаются впоследствии у людей, которые, не ведая того, сидели за одной партой с будущей знаменитостью. Детство Элвиса Пресли не обошлось без своей доли выдуманных историй, распространенных его однокашниками и родственниками. Они неизменно создают образ ребенка, рано повзрослевшего в мыслях и поступках, как показывают воспоминания Глэдис Пресли незадолго до ее смерти: «Элвис всегда очень беспокоился о нас, потому что видел, что мы сплошь в долгах. Он всегда говорил: „Вот вырасту, куплю вам красивый дом, расплачусь с бакалейщиком и подарю вам „кадиллак““».

Предполагаемые свершения Элвиса не ограничиваются его отзывчивостью. По рассказам, в нем очень рано проявилась ярко выраженная склонность ко всему, связанному с музыкой, но и к этим утверждениям надо относиться осторожно. Друзьям и соседям, помнящим, «как сейчас», как двухлетний Элвис вырвался у матери и взобрался на эстраду церкви пятидесятников, чтобы спеть, хорошо бы напомнить, что семейство Пресли перешло из баптистской церкви Восточного Тьюпело в эту новую конгрегацию только в начале сороковых годов, когда общину пятидесятников

возглавил дядя Глэдис.

Эта перемена в духовных традициях семейства Пресли весьма показательна, поскольку передает близость белой бедноты к учению пятидесятников, которое тогда множило своих сторонников. Появившись на рубеже XX столетия, этот культ отмежевался от баптистской церкви, более сдержанной в проявлениях веры. Решительно повернувшись спиной к «пристойной» вере южной буржуазии, проповедники пятидесятников преподносили Священное Писание в прагматическом и манихейском прочтении, лучше приспособленном к духовности в большинстве своем неграмотного населения, близкой к суеверию. Орудуя адом и раем, как другие — кнутом и пряником, евангелисты больше взывали к страху, чем к разуму, повергали паству своими речами просто-таки в гипнотическое состояние, когда на того или другого снисходил Святой Дух и тот принимался говорить «на языках».

В отличие от того, что происходило в религиозных общинах чернокожих, где глоссолалия (бессмысленная речь во время экстаза), впадение в транс и обмороки были непременными этапами на пути к экстазу, у белых пятидесятников всё проходило не так бурно и зрелищно. Возможно, именно в этом афроамериканцы и «белое отребье» дальше всего расходились между собой на Юге, расколотом надвое расовой сегрегацией; белые считали коллективную истерию в церквях негров признаком вульгарности и отсутствием достоинства, кощунственной сакрализацией чувственности. Это ощущение усиливало чувство собственного превосходства: белая беднота видела в своем пуританстве торжество духа над плотью. Поэтому музыкальное сопровождение, очень важное по обе стороны расовой границы, у белых было более сдержанным: они предпочитали простую гармонию и размеренный ритм, тогда как негритянский госпел, бесконечно сложный в ритмическом плане, черпал свою силу в буйстве мелизмов и коллективном возбуждении.

Не выказав такого же раннего развития, как Арета Франклин, которая была уже состоявшейся певицей, когда четырнадцати лет от роду сделала свои первые записи госпела, Элвис Пресли все-таки с удовольствием пел в церкви. «Я был взращен на госпеле, — вспоминал он позднее. — Эта музыка всегда была частью моей жизни. Госпел был средством забыть о моих проблемах». До 1937 года верующим приходилось довольствоваться палаткой, установленной на пустыре рядом с родным домом Элвиса в Восточном Тьюпело, но, когда Пресли вступили в общину

несколько лет спустя, церковь пятидесятников уже переехала в более привычное деревянное здание на Адамс-стрит. За неимением пианино верующие чаще всего пели под гитару. Вернон, Глэдис и Элвис охотно подпевали присутствующим, но не было и речи о том, чтобы составить профессиональное трио. То, что некоторые журналисты представляли как «турне госпел», на самом деле было *revivals* — собраниями, позволявшими последователям разных общин сойтись вместе и помолиться или устроить летом пикник под религиозные песнопения.

Элвис впервые заявил о себе как певец не в церкви, а в школе Восточного Тьюпело, где учился, особо не выделяясь, под руководством миссис Граймз. Между прочим, она была дочерью того самого Орвилла Бина, который долгое время давал работу Вернону Пресли, пока не отдал его под суд по прекрасно отлаженной схеме. Южная буржуазия первой половины XX века считала своим долгом заботиться о спасении «белого отребья», при этом напоминая ему о его долге.

По обычаю каждое утро один из учеников должен был славить Создателя, исполняя церковный гимн. Когда очередь дошла до десятилетнего Элвиса, он затянул «Old Shep»: несмотря на свое название — «Старый пастух» («Старый пастырь»), на самом деле это был самый первый хит певца в стиле кантри Реда Фоли. Речь в песне шла о пастушьей собаке, спасшей своего юного хозяина, когда тот тонул. Тем не менее учительницу растрогал чистый голос Элвиса, и она предложила директору школы отправить его на песенный конкурс, устраиваемый в Тьюпело в начале октября по случаю ежегодной ярмарки. В тот день Элвис, не дотягивавшийся до микрофона, взобрался на стул, преодолел свою робость и исполнил шлягер Фоли в присутствии своей матери, пришедшей в неописуемый восторг. Правда, никакого приза он не получил. Забавная история, не зря ее потом растиражировали и раздули, но действительность не оставляет места для легенды о чудо-ребенке.

Зато эта история подчеркивает, в общем-то заурядный, интерес десятилетнего мальчика к стилю хиллбилли (кантри), который служил звуковым фоном для семей бедных южан. Главным источником музыки для тех, кому было не по средствам обзавестись граммофоном, служило радио — средство массовой информации, переживавшее бурный подъем в момент возвращения Америки к мирной жизни. Пришествие телевидения подписало смертный приговор крупным довоенным радиосетям, зато мелкие региональные станции привлекали местных рекламодателей.

Кроме «Grand Ole Opry» — самой первой радиопередачи музыки кантри, транслировавшейся из Нэшвилла, которую Элвис благоговейно слушал каждую субботу вечером, — мальчик увлекался WELO — радиостанцией Тьюпело, которая спонсировала певческий конкурс, где он выступал. Его любимой передачей была «WELO вечеринка», которую вел по субботам брат его школьного товарища, молодой певец по прозвищу Миссисипи Слим. Элвис взял в привычку слушать «WELO вечеринку» каждую неделю, с тех пор как родители подарили ему на одиннадцатилетие гитару. Он предпочел бы велосипед, но тот, что ему нравился, стоил 55 долларов — квартплата за два месяца, и родители предложили подарить вместо него гитару за 12,95 доллара. Стремясь оградить сына от опасностей, Глэдис не скрывала своего предпочтения к музыкальному инструменту: за несколько месяцев до того Элвис сломал себе руку, катаясь на соседском велосипеде.

После губной гармоники гитара была самым доступным инструментом в среде «деревенщины с холмов», и Элвис без труда нашел добровольных учителей в своем непосредственном окружении. Помимо дядей Вестера и Джонни, он обратился к новому пастору церкви пятидесятников, который показал ему несколько аккордов и даже предложил подыгрывать хору по воскресеньям. Элвис поартачился немного, но преподобный Фрэнк Смит его уговорил: молодой проповедник казался ему почти старшим братом, особенно после того, как женился на Корин — подруге детства, дочери учителя Закона Божьего, которой было всего тринадцать лет в ее брачную ночь. Этот первый «сценический» опыт помог Элвису понемногу уверовать в свои силы и явиться на «WELO вечеринку» со своей гитарой.

Теперь он с ней почти не расставался, даже носил с собой в «Милам Скул» — новое учебное заведение, куда его перевели, когда родители перебрались в Тьюпело: в недавнем времени город слился с Восточным Тьюпело, своим бедным родственником.

Пресли взяли в привычку переезжать каждый раз, когда не могли расплатиться за квартиру; так повторялось неоднократно на протяжении 1946 года. Весной, когда Вернон потерял работу на лесопилке, им пришлось покинуть дом, за который они выплачивали деньги вездесущему Орвиллу Бину. Массовая демобилизация «джи-ай»[1] после победы над Японией усугубила трудное положение отца Элвиса: ему сильно повредили репутация бутлегера и то, что он не сражался во имя свободы.

Оказавшись в крайне стесненном положении, Пресли нашли

приют в центре беднейшего квартала. В последующие месяцы они переезжали с одной квартиры на другую, с каждым разом все более жалкую, и покидали ее, задолжав соседним бакалейщикам, пока не оказались в трущобе на аллее Мобайл, за пустырем, служившим городской свалкой. Можно понять, что при таких условиях Элвис искал спасения в музыке — области, в которой он добился наиболее существенных успехов. Он привык петь на переменах, во время школьных мероприятий, снискав определенную популярность у девочек своей школы.

Пресли катились под откос почти год, пока в 1947 году Вернон наконец не получил место разносчика у оптового торговца фруктами и овощами. Почти в то же время Глэдис взяли на работу в химчистку, и эта неожиданная манна небесная позволила семье вырваться с аллеи Мобайл и подыскать себе дом из четырех комнат в негритянском квартале Шейк Рэг. Переезд в негритянское гетто Тьюпело считался движением вниз по социальной лестнице: явный признак того, что «белая беднота» стоит на самой низшей ее ступени. В Тьюпело это было приговором: те редкие белые, что проживали в Шейк Рэг, автоматически зачислялись мелкой и средней местной буржуазией в категорию «белого отребья».

Жители Восточного Тьюпело смотрели на дело несколько иначе: самые зажиточные испытывали к Пресли сострадание, а близкие прекрасно знали, что нищета цветов не различает, и ни один из их друзей не был шокирован тем, что они поселились в гетто. Сам Вернон часто подчеркивал свое несогласие с дискриминацией всякого рода: «Мы всегда сочувствовали другим, кем бы они ни были. Мы никогда не были расистами, никогда никого не презирали, и Элвис рос таким же». Элвис не изменит этой позиции и став взрослым; в конце пятидесятых он ответил одному журналисту, которого удивило, что он почтительно разговаривает с хозяином негритянского ресторанчика: «Я всегда говорил ему „сэр“. С чего бы мне меняться?»

Нежелание судить о других по субъективным критериям наверняка можно приписать тому, что Элвис рано познакомился с бытом негритянского Юга. Поселившись в Шейк Рэг, он впервые столкнулся с этой ипостасью бедности в самом центре Дальнего Юга. Хотя вскоре он убедился, что средний класс относится к афроамериканцам практически так же, как и к людям его круга, и заметил, что образ жизни тех и других (особенно в кулинарном плане) весьма схож, но, однако, обнаружил существенные различия в той области, которая захватывала его все больше и больше, — в музыке.

Особенно разительным контраст был в церкви, когда он

посещал разнузданные воскресные службы в церкви Христа неподалеку от дома его родителей на Норт-Грин-стрит. Богатство гармонии, возбужденность солистов, когда они забирались в самый верхний регистр, зрелищное взаимодействие между проповедником и верующими — все это показало ему, что вера может иметь самое разное выражение.

Музыка соседей тоже привела его в изумление. Он не был подготовлен к такому потрясению: в те времена радиоэфир был наглухо закрыт для негритянской музыки, за исключением разве что свинга в исполнении джазовых оркестров. Элвису был знаком блюз в подаче Джимми Роджерса, но он открыл для себя гораздо более чувственную музыку, лившуюся из музыкальных ящиков окрестных баров, мимо которых он проходил, присутствуя по выходным на репетициях небольших оркестров в евангелистско-лютеранской общине, слушая, как Юлисс Мэйхорн, бакалейщик из лавки на углу, играет на тромбоне. Экзотика этой музыки усиливалась невероятно яркими цветами платьев, которые женщины без всяких комплексов надевали в субботу вечером, или набриолиненными прическами негров, стремившихся выпрямить свои курчавые волосы и придать им матовый блеск.

На уровне Тьюпело это было предвестием того, что Элвис вскоре увидит в Мемфисе: его родители внезапно решили переехать туда осенью 1948 года, в погоне за надеждой на лучшую жизнь.

Глава вторая. МЕМФИС, ТЕННЕССИ. 1948–1953

Пусть не внезапный, но все же переезд семейства Пресли в столицу Среднего Юга был мало подготовленным, как позже подтверждал сам Элвис: «У нас не было ни гроша, мы уехали с бухты-барахты. Папа сложил всё, что у нас было, в картонные коробки, которые напихал в багажник и на крышу старого „плимута“, и мы уехали в Мемфис, уверенные в том, что хуже, чем в Тьюпело, уже не будет».

Решение покинуть штат Миссисипи вызревало уже давно, но трудно определить причину, подтолкнувшую Пресли к отъезду в разгар учебного года, когда Элвиса еще и выбрали старостой класса. Вернон недавно лишился работы, но ему это было не впервой, похоже, что его операции с «лунным светом» аукнулись ему теперь, когда федеральные власти твердо решили положить конец подпольной торговле спиртным.

Глэдис не хотела, чтобы сын пропустил хоть один учебный день, и отъезд состоялся в субботу 6 ноября, через четыре дня после переизбрания президентом Гарри Трумэна, вопреки единодушным предсказаниям социологических институтов. На той неделе во всех американских газетах можно было увидеть фотографию сияющего главы Белого дома, держащего в руках выпуск «Чикаго трибюн» с неосторожной передовицей, объявляющей о его поражении от республиканца Дьюи. Столкнувшись с враждебностью сената и палаты представителей, в которых большинство принадлежало его противникам, президент-демократ в своей предвыборной кампании сделал акцент на социальной и расовой справедливости, а также на выходе из жилищного кризиса, подтачивающего страну.

Пресли были в числе тех, кто на себе испытал последствия положения, ставшего очень тревожным с конца войны. О жилищной проблеме Вернон знал не понаслышке: он не мог вызвать жену и сына к себе в Мемфис, когда там работал, из-за невозможности найти квартиру. Еще в большей степени, чем безработица, нехватка жилья была серьезным препятствием для самых скромных семей, решивших поселиться в городе. Перед отъездом Вернон Пресли несколько раз смотался в Мемфис в поисках квартиры, но тщетно, и был вынужден на какое-то время поселиться с семьей в меблированных комнатах в доме 370 по Вашингтон-стрит, пока не подыскал жилье в доме 572 на Попларавеню.

До середины пятидесятых Пресли переезжали с места на место, но все их адреса находились к северу от центра города, в бывшем престижном квартале, покинутом буржуазией: развитие автомобилестроения позволило зажиточным семьям обосноваться в зеленых пригородах вдали от центра. Бывшие особняки понемногу превратились в муравейники, чтобы вместить как можно больше жильцов. Воспользовавшись жилищным кризисом, домовладельцы заламывали невероятные цены за крошечные, плохо оборудованные квартиры, содержавшиеся с нарушением всех санитарных норм.

Однокомнатная квартира Пресли на Поплар-авеню была похожа на другие пристанища бедняков в крупных промышленных городах Америки. Кухни в ней не было, трем-четырем семьям приходилось делить единственную ванную на этаж. Для Глэдис главным несчастьем была даже не теснота, а грязь и антисанитария: она целыми днями пыталась вывести тараканов и плесень со стен. Родители Элвиса не имели даже утешения в виде умеренной квартплаты: 38 долларов в месяц серьезно подрывали семейный бюджет, составлявший меньше 150 долларов.

В Мемфисе жилищный кризис был в основном вызван массовым притоком сельхозрабочих и испольщиков, изгнанных из Миссисипи, Теннесси и Арканзаса набирающей размах механизацией хлопководства. Город уже пережил один наплыв сельских жителей, после того как чуть не был стерт с карты эпидемией желтой лихорадки, выкосившей его население в семидесятых годах XIX века; тогда Мемфис выжил за счет прибытия большого числа мелких фермеров, белых и черных, и стал «самым крестьянским городом на всем Юге», как язвительно написал журналист Генри Луис Менкен. Ситуация повторилась после войны, и население столицы Среднего Юга выросло на четверть за десять лет: в 1948 году это был 36-й по величине город США с населением в 475 тысяч человек.

Работы было полно: город стремился избавиться от гегемонии короля-хлопка под воздействием Эдварда Крампа, настоящего Цезаря местной политики, продолжавшего тайно управлять городом и после того, как покинул кресло мэра. Через тридцать лет после создания концепции супермаркета и открытия первого магазина «Пигли-Уигли» Мемфис активно обновлялся. Весной 1948 года здесь открылся завод сельхозтехники «Интернэшнл Харвестер», пополнив собой экономический арсенал города, в копилке которого уже были региональное представительство фирмы дистанционной продажи «Сиарс, Робук

и К°», автотранспортное предприятие «Гордоне», лакокрасочное производство, цементный завод, несколько химических комплексов, деревообрабатывающее предприятие и заводы Форда, фирмы «Квакер Оутс» и «Файрстоун», не говоря уже о субподрядчиках и малых и средних предприятиях, пополнявших собой местную промышленную сеть.

Такое изобилие, естественно, притягивало к себе кандидатов в горожан, селившихся по принципу землячеств. Точно так же, как негры селились преимущественно по соседству с Бил-стрит или в квартале Оранж Маунд, «белая беднота» образовала район, известный под названием Малая Миссисипи. Людская молва и солидарность действовали безотказно, и Пресли довольно быстро смогли найти работу. Глэдис встретила в Малой Миссисипи своего брата Трэвиса и невестку Лорейн, и та добыла ей место швеи на фабрике занавесок. Вернон же благодаря Трэвису поступил работать в инструментальную мастерскую, но очень скоро нашел лучше оплачиваемую работу на конвейере фабрики швейных машин «Зингер».

Церковь была другим важным центром общественной жизни в Мемфисе, прозванном «пряжкой Библейского пояса»[2] из-за внушительного количества общин, сошедшихся в этом городе. Сначала Пресли посещали местную церковь пятидесятников, разместившуюся в бывшем складе на Третьей улице, но по соседству с ними находилась Пятидесятническая миссия Поплар-стрит, и они сблизились с преподобным Денсоном. Тот энергично взялся за решение насущных проблем жителей квартала, устраивая благотворительные распродажи и вещевые рынки. В противоположность сдержанному мужу Глэдис почти постоянно посещала утренние воскресные службы вместе с Элвисом, но не хранила верности какой-либо конкретной церкви: в последующие годы ее видели в разных приходах по мере переездов семьи.

Только к началу учебного 1949 года Пресли наконец-то нашли подходящее жилье. Вернон уже в третий раз сменил работу и подал заявку на жилищную субсидию в Жилищную комиссию Мемфиса. Глэдис уже некоторое время не работала, чтобы иметь возможность заниматься сыном. Годовой доход Пресли недотягивал до двух тысяч долларов, они жили явно ниже среднего: в те времена, когда фунт масла или дюжина яиц стоили доллар, на 35 долларов в неделю, которые получал Вернон, было не разгуляться, тем более что он посылал 10 долларов в месяц своей матери в Миссисипи, как он рассказал сотруднице соцслужбы, посетившей их жалкую квартирку на Поплар-стрит.

Радушный прием со стороны Глэдис и безупречная чистота, которую она поддерживала в доме, а также невероятная учтивость

Элвиса произвели благоприятное впечатление на миссис Ричардсон, рекомендовавшую предоставить Пресли квартиру за умеренную плату в Лодердейл Кортс. В 1934 году социальная жилищная политика в США существенно продвинулась вперед в связи с принятием общегосударственного закона о жилье — одного из основополагающих документов политики «нового договора» Франклина Рузвельта. Благодаря этому закону по всей стране началось строительство недорогих домов, зачисленных на баланс муниципалитетов: в Мемфисе такими кварталами стали Дикси Хоумс из 685 квартир и Лодердейл Кортс из 449.

Лодердейл Кортс выходил на Винчестер-авеню напротив больницы Святого Иосифа на северо-восточной окраине центра. На фотографии того времени виден большой трапециевидный четырехугольник, пересеченный широким проспектом, от которого отходят лучи аллей с лужайками по бокам, ведущих к кирпичным домам кубической формы в три-четыре этажа. Выглядит все это не роскошно, но здесь самые скромные семьи могли жить в пристойных условиях и за плату, соответствующую их возможностям; особенно разительный контраст Кортс составлял с соседними негритянскими трущобами.

Предоставление жилья в таком микрорайоне, как Кортс, было вехой на пути продвижения по социальной лестнице, как подчеркивалось в лозунге Жилищной службы Мемфиса: «Из трущоб — в социальные дома в ожидании доступа к собственности». На исходе сороковых годов понятие собственности заместило собой понятие свободы в уточненном варианте американской мечты.

Даже не подозревая, что через восемь лет они поселятся в самом большом доме в городе, 20 сентября Пресли с восторгом переехали в новую квартиру № 328: после того как они несколько месяцев жили друг у друга на голове в однокомнатной квартирушке на Поплар-стрит, новое жилье показалось им почти огромным. Социальные службы назначили цену в 35 долларов — это была четверть их доходов, однако за ту же плату, которую Вернон вносил до сих пор, они теперь получали в свое распоряжение две спальни, гостиную, кухню и ванную. Подлинный комфорт, но с поправкой на кое-какие недочеты, накопившиеся за одиннадцать лет после постройки микрорайона: «Стена в ванной потрескалась, краска облупилась, в одной из спален сломаны жалюзи, дверца духовки не закрывается, один кран сломан, ножку буфета надо починить».

В домовой карточке Пресли на момент переезда появляется номер телефона: к 1949 году телефон был в Мемфисе у 140 тысяч семей (их число за три года увеличилось на 67 процентов), но

семья Элвиса к ним не принадлежала, указанный номер — наверняка номер сторожа или соседа. В Кортс не хватало атмосферы взаимопомощи, царившей в Восточном Тьюпело. Большинство жильцов были, как и они сами, «белой беднотой» из Миссисипи, и Глэдис очень обрадовалась, встретив в новом квартале семейство преподобного Денсона. Общительный характер позволил ей быстро обзавестись подругами, с которыми она обсуждала повседневные дела, участвовала во встречах для домохозяек и говорила о своем подрастающем сыне, не забывая и о Джессе Гароне — эта мысль никогда не выходила у нее из головы.

Будучи более сдержанным по характеру, Вернон мало общался с соседями, однако он больше всех выиграл от переезда в Лодердейл Кортс: отсюда ему было ближе добираться до работы в «Юнайтед Пейнт Компани», где он зарабатывал 83 цента в час, фасуя банки с краской по коробкам, которые потом развозили по всей округе. Элвис же ходил пешком один километр в школу Хьюмза на Манассас-авеню. Родители записали его туда через два дня после приезда в Мемфис.

Утром 8 ноября 1948 года Элвис настоял, чтобы отец пошел вместе с ним в школу и записал его в восьмой класс. В школе Хьюмза было тысяча шестьсот учеников — больше населения всего Восточного Тьюпело, это был целый город посреди рабочего квартала, и Элвис чувствовал себя тем более потерянным, что прибыл туда в середине учебного года. Едва Вернон вернулся домой, как следом явился и сын, понурив голову. В виде исключения родители разрешили ему пропустить этот школьный день, но дали понять, что ему уже скоро четырнадцать, пора бы и образумиться.

Застенчивость Элвиса, культивируемая властностью матери, существенно осложняла ему жизнь в первые годы в Мемфисе. Он уже знал город, потому что несколько раз бывал там с родителями, даже в раннем детстве, когда его двоюродный дед Ноа возил туда всю семью на выходные в школьном автобусе, который был записан на его имя. Оживленное движение, бетон и неоновые огни были ему не в новинку, но относительно обезличенные отношения между людьми в большом городе тяжело давили на психику чересчур опекаемого подростка.

С 1948 года и до получения документа о среднем образовании пятью годами позже он продолжал учиться, не выделяясь ничем, кроме «доброты и желания сделать хорошо», по словам мисс Джонсон, его классного руководителя в девятом классе. Удовлетворительные оценки по математике и по музыке,

хорошие — по правописанию и истории. Элвис был из тех учеников, которые растворяются в среде и имена которых позже, рассматривая старые групповые фотографии, никак не можешь вспомнить.

В школу Хьюмза принимали в основном ребят из неблагополучных семей, и отношения между учениками не отличались крайней любезностью; однако было далеко и до стереотипа, утвержденного несколькими годами позже фильмом Ричарда Брукса «Джунгли за школьной доской» — драматической трактовкой жизни хулиганов из бедных кварталов в эпоху рок-н-ролла. Мемфис был далеко от Бронкса, и южная беспечность позволяла умерить распущенность самых «бешеных», к которым Элвис, кстати, не принадлежал. Можно лишь поражаться контрасту между примерным мальчиком Элвисом и образом бунтаря, который он воплотит в начале своей карьеры; не позволяя себе ни малейшего непослушания или дерзости, он олицетворял собой молодого южанина, бедного, но порядочного, который всеми силами старается найти себе место под солнцем в стремительно развивающейся Америке. В этом не было ничего напускного, он хорошо себя чувствовал в форме, которую с гордостью надевал на уроки начальной военной подготовки, решив посещать их, когда перешел в десятый класс.

Главная заслуга в том, что Элвис избрал для себя такую модель поведения, принадлежит его родителям, которые к тому же сумели сохранить доверительные отношения со своим сыном, больше всего на свете старавшимся им угодить. Наступление переходного возраста никак не отразилось на взаимопонимании, всегда связывавшем Элвиса с Верноном и Глэдис. У первого он перенял умение шутить с серьезным видом и отстраненно смотреть на жизнь, пригодившееся ему, когда слава отрезала его от остального мира; Глэдис же была ангелом-хранителем и обожательницей, готовой на любые жертвы, чтобы защитить единственного сына. Дома у Элвиса были своя тарелка и свои приборы, которыми не дозволялось пользоваться никому другому, точно так же, как никто не мог прикасаться к его книгам и игрушкам, даже его двоюродные братья. Пресли были такими сплоченными, что пытавшиеся с ними сблизиться сразу чувствовали себя автоматически исключенными из неразрывного трио. Эта клановая замкнутость еще усиливалась за счет использования Пресли в быту особого языка со множеством «детских» слов и ласковых прозвищ, которыми мать и сын называли друг друга.

Как позднее признается Вернон, «Элвис никогда не расставался с нами до семнадцати лет» — это был почти невроз,

поскольку Элвис по-прежнему регулярно спал в одной постели с родителями под тем предлогом, что у него случались приступы сомнамбулизма.

Эти более чем тесные отношения не помешали ему обзавестись друзьями в городе и в школе. Среди них были Эван «Баззи» Форбесс, Пол Дауэр и Фарли Гай, жившие с ним в одном доме, а еще Бобби Уэст — спортивный парнишка по прозвищу Рыжий, который часто защищал его в школе от старших ребят. Как только Элвис стал чувствовать себя уверенней, жизнь его вошла в нормальную колею; он ходил с ребятами в кино на фильмы с Тони Кёртисом — красавчиком, сыгравшим главаря банды в «Городе за рекой», уголовника («Канзасские райдеры»), очаровательного вора («Принц, который был вором»), глухонемого боксера в фильме «Плоть и ярость».

Некоторые признаки указывают на то, что застенчивость Элвиса была сродни сдержанности, унаследованной от отца. В период полового созревания, привыкнув жить в замкнутом кругу, он предпочитал близкие отношения с избранными людьми, в особенности девушками. Им он открыл свою страсть к музыке, исполнял сентиментальные песни, услышанные по радио, аккомпанируя себе на гитаре, на благопристойных вечеринках, которые устраивал у себя дома по субботам, когда родители уходили. И то еще он соглашался спеть после долгих уговоров, погасив свет, чтобы его не было видно.

Будучи в гостях, он чаще всего отказывался танцевать, боясь выглядеть смешно, и предпочитал сидеть за пианино (если оно было), на котором научился бренчать. И все же его любимым инструментом оставалась гитара. Мать поговорила с соседкой, женой пастора из миссии с Поплар-стрит, и Элвис стал брать уроки у Джесса Ли Денсона. Этот маневр чуть не провалился, потому что юный Денсон, боксер-любитель, впервые сбежавший из дома в девять лет и неоднократно побывавший в исправительных заведениях, считал Элвиса маменькиным сынком. В первое время Джесс Ли, напускавший на себя вид «районного хулигана», отказывался водиться с соседским мальчиком — застенчивым и слишком хорошо воспитанным, однако подчинился матери, заговорившей с ним о христианском человеколюбии. Некоторые аргументы действовали безотказно, и сын пастора Денсона согласился показать Элвису несколько аккордов, научил не бояться прижимать струны пальцами левой руки, чтобы добиться более четкого звучания. Элвис быстро делал успехи и даже аккомпанировал группе музыки хиллбилли под руководством Денсона, когда она играла летними вечерами на городских лужайках.

Элвис не был виртуозом, но отличался невероятной способностью запоминать слова песен и порядок аккордов к ним с первого же прослушивания. Если бы не это, на него так бы и сыпались насмешки членов группы Денсона, которых он прозвал Далтонами (так звали бандитов из комиксов про Счастливчика Люка). Его отношения с самыми старшими из них, и без того натянутые, осложнялись еще и тем, что на горизонте постоянно маячила Глэдис Пресли. Элвис комплексовал из-за своего хлипкого телосложения, тогда как другие щеголяли своей мускулатурой, на его лице высыпали прыщи, как видно на фотографиях того времени, однако он не стремился к напускной самоуверенности, не пытался вести себя «по-мужски», прилюдно отвергая проявления любви со стороны своей матери.

Это характерная черта личности Элвиса: он придерживался своего выбора, своих пристрастий и предпочтений, не заботясь о мнении посторонних. Кстати, такая манера поведения помогла ему в отношениях с девушками: их покорила мягкость и восприимчивость ранимого подростка, в котором была какая-то женственность. Хотя образ накачанного самца был еще очень популярен, он уже не привлекал чувствительных девушек, более склонных оценить ум и сердечные качества.

Элвис интуитивно сознавал это и не пытался подстроиться под мужественный образ, тиражируемый американской поп-культурой. Намеренно отдаляясь от канонов, в которые он не вписывался, он делал все, чтобы отмежеваться от мужского стереотипа послевоенной эпохи: квадратная челюсть, короткая стрижка, джинсы и облегающая футболка. У него были даже претензии на оригинальность, и он сочинял себе ни на что не похожий образ, совсем иную внешность. Его эксцентричная манера одеваться была в его глазах броским способом отдалиться от образца, который он отвергал, потому что ему нравились яркие цвета, в особенности розовый с голубовато-серым отливом. Словно этого различия было недостаточно, он намеренно разделял свои костюмы, чтобы сильнее выделяться: в один день надевал черные брюки с розовым пиджаком, в другой день — наоборот.

Прическа была еще более действенным способом подчеркнуть свою непохожесть. Во времена, когда образцом считалась армейская стрижка «под полубокс», одно лишь то, что он отрастил волосы на затылке и зачесал их наверх, слепив этакий «банан» с помощью геля, было практически объявлением войны. Забота Элвиса о своих волосах была сродни наваждению, он никогда не расставался с расческой, поминутно доставал ее из

кармана, чтобы подправить свой замысловатый кок. Это не облегчало его отношений с внешним миром. Помимо неодобрения взрослых, большинство одноклассников забрасывали его более-менее невинными шутками. Переживая из-за своей фигуры, Элвис с большим трудом добился зачисления в школьную команду «Тигры» по американскому футболу, но, отказавшись придать себе обычную спортивную внешность, вызвал недоверие и даже враждебность к себе со стороны товарищей по команде, которые регулярно зажимали его в раздевалке, грозя остричь его шевелюру. Несмотря на покровительство Рыжего Уэста, тренер в конце концов исключил его из команды именно за отказ постричься.

Тем, кто задавал вопросы по поводу его странного вида и бакенбард, которые он пытался отращивать, он говорил, что хочет быть похожим на дальнобойщиков с большими руками, которые разъезжают по американским хайвэям, однако не они служили ему образцом. На Юге, где строго соблюдалась расовая сегрегация, и в то время, когда достаточно было дать афроамериканцу более-менее значительную роль в кинофильме, чтобы власти Мемфиса его запретили, Элвис не мог открыто признаться, что это влияние негритянского гетто, если точнее — Бил-стрит, где процветали сутенеры и прочие жулики в костюмах «зут» всех цветов радуги: мешковатые брюки, длинные пиджаки с широкими плечами и огромными отворотами. Там же, на Бил-стрит, он с интересом приглядывался к модной у негров прическе, которую ввел в моду Кэб Кэллоуэй: он распрямлял свои курчавые волосы едким натром, делая укладку, вариантом которой был «банан» Элвиса.

Сложные прически и яркая манера одеваться вызвали интерес Элвиса еще в Шейк Рэг — негритянском квартале Тьюпело, где он прожил несколько месяцев. Переезд в Мемфис только усилил эту склонность, подпитываемую буйством красок и звуков в негритянском квартале. В доме 126 по Бил-стрит была лавка братьев Лански, перед витринами которой он подолгу простаивал, с вожделением разглядывая муаровые плащи ярко-оранжевого или блестяще-голубого цвета, желтые канареечные рубашки и лиловые галстуки, двухцветные штиблеты, костюмы, смешивающие бежевый и коричневый. Именно там одевались «звезды» негритянской общины, и Элвис мечтал однажды стать похожим на них.

Это удивительное и непреодолимое влечение к культуре меньшинства, вытесненного на обочину существующей системой, объясняется его растущим интересом к афроамериканским ритмам — прямым следствием его увлечения музыкой. В

магазине грампластинок «Чарлиз Блюз Шоп» на Мейн-стрит он часами слушал новинки с неподдельным любопытством, одинаково интересуясь и эстрадными певцами типа Бинга Кросби и Перри Комо, и оперным певцом Марио Ланца, который прогремел в начале 1951 года песней «Будь моей любимой» из фильма «Тост Нового Орлеана».

Радио было для Элвиса еще одним способом находиться в курсе музыкальных новостей американского Юга, когда записи Эдди Арнольда, Хэнка Уильямса, Эрнеста Табба и Хэнка Сноу регулярно звучали в утренних передачах на WMPS. Но монополия певцов хиллбилли в радиоэфире была нарушена с появлением в Мемфисе первого радио, предназначенного для негритянской публики. Станция WDIA начала вещание 7 июня 1947 года. Она была создана двумя белыми бизнесменами и начала с музыки хиллбилли, но без особого успеха, пока не попробовала привлечь новую аудиторию, умело смешивая популярные песенки и классическую музыку. Результат вышел средненьким, и перед угрозой неизбежного банкротства владельцы радиостанции решились на последний эксперимент, попытавшись заинтересовать негритянскую общину Мемфиса и соседних областей, то есть потенциальный рынок в полмиллиона человек. Результат превзошел все ожидания, и WDIA стала в США образцом для подражания, тогда как покупательная способность чернокожего меньшинства («15 миллионов позабытых», как назвал их музыкальный журнал «Спонсор») разжигала аппетиты рекламодателей. Слушая WDIA, Элвис открыл для себя молодого Би Би Кинга, который каждый полдень вел там передачу «Би Биз Джибиз» («Bee Bee's Jeebies»), и Руфуса Томаса, ведущего любительских конкурсов в Палас-Театре, с большим воодушевлением представлявшего новые афроамериканские хиты.

Если несколько радиостанций — по примеру KWEM, вещавшей в Западном Мемфисе на противоположном берегу Миссисипи, — пошли по стопам WDIA, другим источником ритм-энд-блюза для Элвиса стала передача «Red Hot and Blue» Дьюи Филлипса на WHBQ, где пересекались шлягеры, музыка в стиле кантри и новинки негритянских ритмов. Филлипс — эксцентричный ведущий-нонконформист, питавший пристрастие к бутылке, — очень рано осознал, какой привлекательностью обладает негритянская музыка для новых поколений «белой бедноты», разрывающихся между своими деревенскими корнями и новыми запросами, которые прекрасно удовлетворяла энергетика нового городского блюза. Между гипнотическими

заклинаниями Мадди Уотерса и балладой Чарлза Брауна, последним хитом Патти Пейдж и блюзом с сильным отпечатком кантри Хэнка Уильямса Дьюи вставлял рекламу магазина братьев Лански, расхваливая его достоинства очень образным языком с массой выражений, позаимствованных из жаргона негров с Бил-стрит.

Элвис был подростком с хорошо развитым воображением, он упивался необычностью этих передач. Они позволяли ему вырваться из привычных рамок отношений между общинами, тем более что радио не различало цвета кожи. Многие слушатели принимали Дьюи Филлипса за негра — вот лучшее тому доказательство. Элвис слушал радио, направлявшее поиски пластинок, от которых он «тащился», и городские радиостанции выплескивали на него эклектичную смесь из сентиментальных баллад, западного кантри и ритм-энд-блюза, — все это было для него единым целым, возвещавшим будущую культурную интеграцию.

Элвис был не единственным представителем своего поколения, который интересовался зарождающейся негритянской поп-музыкой. Зато он один, или почти один, давал волю своей страсти и даже пытался встретиться с этими музыкантами. Мемфис уже давно превратился в горнило певцов, вышедших из мира нищеты на плантациях Миссисипи и других штатов. На рубеже пятидесятых с увеличением миграционных потоков на улицы города и в клубы на Бил-стрит хлынула толпа талантливых музыкантов, хватавшихся за первую же возможность представить свою версию южного блюза.

Наряду с Би Би Кингом, популярным ведущим с WDIA, который в канун нового, 1951 года вышел на общенациональный уровень со своим хитом «Трехчасовой блюз», в окрестностях Бил-стрит можно было встретить множество артистов, которые уже заставили говорить о себе, — Бобби Блю Бленда, Элмора Джеймса, Хоулина Вулфа, Джуниора Паркера, Эрла Форреста, Айка Тернера, Эрла Хукера, Джонни Эйса, Литтла Мильтона… Некоторых из них Элвис знал — слышал их записи на радио. Остальных открыл для себя на концертах в Овертон-парке, в негритянском квартале Оранж Маунд, где фирмы-производители муки, сигарет и стирального порошка становились спонсорами бесплатных мини-концертов перед супермаркетами и бензозаправками в субботу после полудня, или гуляя в Хенди-парке, где еще можно было услышать шумовые оркестры довоенных времен.

Другим его излюбленным местом был бар «Зеленая сова» на

Мейн-стрит, где жили в обнимку пиво и музыка. «Мы иногда заглядывали в „Зеленую сову“, — подтверждает Баззи Форбесс. — Это был бар, куда ходили негры, Элвису он очень нравился. Народ толпился уже на тротуаре, и Элвис был очарован одним парнем, который часто играл там на странном инструменте — самодельном контрабасе, сварганенном из таза и рукоятки метлы, с одной струной».

Ничего удивительного, что Элвис так проникся блюзом. Блюз был языком тех, кто отвергал систему, выражением внутренних переживаний, которые певец облекал в словесную форму. Эта музыка одиночества затрагивала самую чувствительную струну в душе единственного сына, который никак не мог найти себе место в мире подростков, не похожих на него. Его первого продюсера Сэма Филлипса всегда поражала его почти трагическая ранимость: «Он изо всех сил старался не показывать этого, но всегда чувствовал себя *ниже* прочих. Как будто он негр; только неграм в те времена было свойственно такое чувство незащищенности».

Эта неловкость, порожденная ощущением принадлежности к низшей касте, скрывала от взора Элвиса обычные беды Юга, заставляя думать, что блюз и хиллбилли — две стороны одной медали, с наивностью и искренностью, трогавшей музыкантов, как черных, так и белых, которых он ждал после концертов, чтобы посоветоваться. Расизм ему был неведом, и он инстинктивно тянулся к самым универсальным художественным формам южной культуры. Госпел, бывший в чести в церквях «белой бедноты» и негритянского населения, в той форме, в какой он существовал в послевоенные годы, преодолевал линию раздела между людьми, придерживавшимися одной веры. Позднее пастор Мартин Лютер Кинг скажет с полным на то основанием, что утренние воскресные службы — час наивысшей сегрегации в Америке: в самом деле, общины молились по отдельности, певцы из обоих лагерей наблюдали Друг за другом и соперничали.

Контакты Элвиса с негритянским госпелом не ограничивались религиозными передачами на радио. Вместо того чтобы сидеть дома и слушать радио, Элвис иногда отправлялся со своим кузеном Джином Смитом в Вековую Африканскую методистскую епископальную церковь или шел с подружкой в баптистскую церковь Восточного Тригга, расположенную в самом центре мемфисского гетто, чтобы побывать на службе и послушать хор преподобного Брюстера: у его солистки Квин Кандис Андерсон был один из самых волнующих голосов в городе. «Элвис был заворожен их манерой пения, их духовной властью, — рассказывает его кузен. — Мы старались не шуметь,

чтобы не обращать на себя внимание, так что ему не доводилось подпевать хору, но он все-таки настаивал, чтобы мы ходили туда по воскресеньям».

Одновременно Элвис был завсегдатаем Ночных песнопений в зале Эллис — большом концертном зале неподалеку от Кортс, где раз в месяц выступали лучшие белые ансамбли гос-пела со всей округи. Не имея возможности заплатить за вход, он нанимался продавать газировку или пробирался в зал со служебного входа. Его любимыми группами были «Стейт-смен» и «Братья Блэквуд», потому что в свои выступления они привносили возбуждение, позаимствованное у едва прикрытого эротизма афроамериканских групп типа «Соул Стеррерс». Когда солист «Стейтсмен» Джейк Хесс пускался в импровизации, возвышая голос до уровня стратосферы, традиционалисты скрипели зубами, видя в этом порочное влияние негритянской церкви, но женщины, присутствовавшие на концерте, впадали в транс. Более или менее осознанно Элвис видел в этих демонстрациях доказательство того, что мужественность настоящих мачо — не самый верный способ доводить женскую аудиторию до полуобморочного состояния, и учел этот урок в будущем. Не имея возможности выйти на сцену, он подпевал своим кумирам — к великому стыду своей подружки Реджис Вогэн, которая порой ходила с ним на эти концерты.

Девушка не первая усомнилась в вокальных данных Элвиса, которого уже раскритиковала мисс Марманн — его первая учительница музыки из школы Хьюмза. В Кортс мнения разделились: брюзги шумно вздыхали, завидев сынка Пресли со своей гитарой, другие рассчитывали на него, чтобы заполнить паузу между сменой пластинок на вечеринках, устраиваемых в подвалах для местной молодежи. Постепенно Элвис набирался храбрости. Как и многие другие подростки в стране, где больше развита солидарность, чем соцобеспечение, он участвовал в благотворительной программе в больнице под руководством общества «Чудаков»[3], и его друзья Баззи и Пол первыми удивились, когда однажды он предложил спеть больным, вместо того чтобы вести с ними разговоры. В этой ситуации Элвис отдал предпочтение сентиментальным балладам, а не блюзу, — не из страха шокировать аудиторию, а от недостатка уверенности в себе, решив, что ему не хватает данных, чтобы блеснуть в этом жанре.

Внешкольная деятельность Элвиса не ограничивалась социальной сферой. В таком квартале, как Кортс, большинство детей помогали родителям, начиная работать в относительно

раннем возрасте. Элвису было четырнадцать, когда он впервые отправился стричь газон к соседям; в тот вечер он с нарочито расстроенным видом протянул отцу несколько монеток, а потом расхохотался и гордо предъявил заработанные им семь долларов. Годом позже он устроился официантом в ложу «Чудаков», потом получил в большом кинотеатре в центре города место капельдинера и работал там с перерывами несколько месяцев, пока его не выгнали за драку с одним из коллег, приревновавшим его к молоденькой сотруднице. Параллельно он попробовал свои силы в инструментальной мастерской, где краткое время работал его отец по приезде в Мемфис, но мастер заметил, что он скрыл свой настоящий возраст, и уволил его. Правда, Элвис успел заработать достаточно денег, чтобы купить родителям телевизор.

Эта реакция типична для тесных связей между тремя Пресли, которых стало четверо с тех пор, как в 1951 году Минни Мэй, мать Вернона, переселилась к ним. Изучая эти годы тощих коров, кажется, что они наперебой старались выказать свою преданность остальным. Все старые машины, которыми пользовалась семья, по очереди испустили дух, и Пресли обходились без них, пока в один весенний день 1952 года Вернон не явился в Кортс за рулем старенького «линкольна» и не протянул ключи Элвису, который получил права год назад и с тех самых пор мечтал об автомобиле. На самом деле машиной пользовались и отец, и сын, но именно ему она символически принадлежала, хотя его карманных денег никогда не хватало на то, чтобы наполнить бак бензином.

Финансовое равновесие Пресли было слишком неустойчивым, от малейшего толчка рушилось все здание. Так и произошло за несколько месяцев до того, как Вернону пришлось бросить работу из-за проблем со спиной. Набежали долги по плате за квартиру, и Глэдис решила снова найти работу. Она подыскала себе место санитарки в больнице Святого Иосифа, где и работала вплоть до того дня, когда городская социальная служба сообщила Пресли, что они теперь зарабатывают слишком много денег, чтобы оставаться в Кортс. Глэдис не была готова искать новое жилье и предпочла уйти с работы.

Проблема возникла снова осенью 1952 года, когда Америка, увязшая в войне в Корее, отдала предпочтение кандидату Эйзенхауэру. Элвис работал все лето на мебельной фабрике и как будто не собирался бросать эту работу с началом учебного года. Но после уроков в последнем классе и восьмичасового рабочего дня на заводе, где он заступал на смену уже после полудня, он едва держался на ногах от усталости и уволился по настоянию матери: «Это было слишком тяжело для него, он был изнурен, так что я попросила его уволиться и снова поступила на работу в

больницу Святого Иосифа». Это решение ускорило события. На сей раз жилищные власти Мемфиса уведомили Пресли о выдворении из Кортс, откуда они выехали 7 января 1953 года. Трудный выбор после трех лет, проведенных в районе, где они успели пустить корни, но реалистичный, обусловленный сознанием того, что это единственный способ вырваться из порочного круга, в который их загнала социальная система.

Пресли не стали дожидаться истечения срока, назначенного властями, и съехали с бывшей квартиры. Чтобы где-то приткнуться, они сначала сняли двухкомнатную квартиру напротив школы Хьюмза, где Элвис заканчивал учебу. За жилье теперь приходилось платить на 10 долларов больше, чем в Кортс, но это было временно, пока не сыщется что-то получше. Случай подвернулся уже весной: семья нашла квартиру чуть поуютнее на первом этаже кирпичного дома под номером 462 на Алабама-авеню, рукой подать от Кортс. И снова 50 долларов ежемесячной квартплаты серьезно подорвали семейный бюджет, к тому же Пресли в этой тесной квартирке как будто вернулись на четыре года назад. Вернон и Глэдис спали в единственной спальне, Элвис с бабушкой делили гостиную: каждый вечер они ставили там раскладушку для бабушки, а Элвис ложился спать на кушетке рядом с пианино.

Домовладельцем был местный мясник-иудей, сдавший квартиру на втором этаже паре евреев-ортодоксов, с которыми Глэдис прекрасно поладила. Альфред Фрухтер был раввином, его жена Жанетта полюбила соседей — порядочных людей, чей сын всегда был готов зажечь у них свет в субботу. Этот сын отметил свое восемнадцатилетие сразу после переезда из Кортс. Не являясь еще по закону совершеннолетним, он уже стал взрослым. Свою зрелость он утверждал через возросшую уверенность в своем певческом таланте. Теперь его уже не нужно было упрашивать спеть, он доказал это, взяв с собой гитару на пикник с одноклассниками в Овертон-парке, — он хорошо знал это место, двоюродный дед Ноа еще ребенком как-то привел его сюда в зоопарк. Еще более показательным стало его выступление на ежегодном Певческом конкурсе, который устраивали в школе в начале апреля.

В тот вечер два десятка учеников сменяли друг друга на сцене перед зрительным залом, заполненным, как полагается, школьниками, учителями и родителями. Время было ограничено, и директриса мисс Скривенер, которая вела концерт, велела каждому спеть только одну песню, предоставив право выступить на «бис» тому, кто сорвет больше аплодисментов. Вопреки всем ожиданиям и несмотря на конкуренцию со стороны нескольких

завсегдатаев школьных конкурсов, Элвис завоевал симпатии публики, исполнив хит певца и телеведущего П. У. Кинга в стиле кантри — «Keep Them Cold Icy Fingers Off of Me» («Не прикасайся ко мне ледяными пальцами»). Сам удивившись нежданному успеху, он решил вновь оттолкнуться от деревенских корней, присущих многим слушателям, и спел «Till I Waltz Again with You» («Пока я снова танцую вальс с тобой») — эту песенку в исполнении Томми Сосби весной 1953 года крутили по всем радиостанциям. «У меня в школе было мало друзей. До того дня, когда меня записали на конкурс. Уже на следующее утро моя популярность скакнула вверх», — вспоминал он потом.

Как могли засвидетельствовать зрители Певческого конкурса, открывшие для себя обладателя красивого голоса, однако довольно неуклюжего на сцене, уверенность Элвиса в своих силах была еще в зачаточном состоянии, он с большим трудом выражал свои чувства. В конце мая, на выпускном балу, он выбрал себе в партнерши четырнадцатилетнюю подружку Реджис. Торжество проходило в парадном зале престижного отеля «Пибоди» и было достаточно значительным в его глазах, раз он постарался взять напрокат синий смокинг и «шевроле» того же цвета. Но этим его смелость и ограничилась, и он весь вечер проговорил со своей юной спутницей, упорно отказываясь танцевать под тем предлогом, что никогда этому не учился, — поразительное признание в свете его будущих талантов шоумена.

Аттестаты вручали вечером 3 июня в Зале Эллис. Утром того же дня Элвис зарегистрировался на бирже труда штата Теннесси и успешно прошел собеседование на станкостроительном предприятии, подтверждавшем, что местная экономика находится в добром здравии. На следующий день ему предстояло дебютировать в «Паркер Машинистс», а пока он готовился к церемонии, на которой с особой гордостью присутствовали его родители вместе с братом и невесткой Глэдис, раввином Фрухтером и его женой: сам факт, что он стал первым Пресли, получившим среднее образование, уже выглядел подвигом в его среде.

После полагающихся по случаю речей директора школы, заместителя мэра по вопросам образования и двух музыкальных вкраплений, включая Рахманинова в исполнении хора бывших выпускников, ученики один за другим стали подниматься на сцену, чтобы получить диплом. Дожидаясь своей очереди, они могли узнать о заслугах друг друга из спецвыпуска газеты «Геральд», составленного с обычным школярским юмором. Там говорилось, что Элвис — любимчик учителей, и намекалось на его таланты певца хиллбилли. Но это было всего лишь

упоминание вскользь, его имя не появилось ни в одной из категорий хит-парада, традиционно величавшего самого красивого и самого одаренного или же самого перспективного. Элвис нисколько на это не обиделся, тем более что на тот момент его устремления сводились к тому, чтобы найти достаточно денежную работу, чтобы купить дом своей матери (он признался в этом Реджис несколькими неделями раньше). На этом жизненном этапе пение явно не было его главной заботой — не столько от недостатка воображения или амбиций, а скорее потому, что Элвис сознавал свою маргинальность, которую сам поддерживал изо всех сил, причесываясь и одеваясь как певец ритм-энд-блюза с Бил-стрит.

В Америке нарождающейся эры Эйзенхауэра переход из мира школы в мир труда совершался сразу: едва приняв дела, новая администрация свернула все социальные программы демократов. Уже на следующее утро Элвис занял свое место у конвейера, чтобы пробыть там до конца лета, надеясь подыскать лучше оплачиваемое место на приборостроительном заводе, где он уже работал несколько месяцев назад. Этот оборонный завод заработал на полную мощь с конца предыдущего десятилетия. Генерала Эйзенхауэра выбрали президентом в ноябре благодаря обещанию положить конец войне в Корее (что он и сделал 27 июля 1953 года), но обстановка холодной войны способствовала пополнению портфеля заказов этой компании. Элвис работал в дневную смену и каждый день приступал к работе в семь утра. Как и его кузен Джин Смит, с которым он вместе устраивался на завод, он делал на конвейере снаряды 90-го и 105-го калибра.

Благодаря переработке, он получал в неделю от 50 до 60 долларов, этих денег было более чем достаточно на развлечения. Однако Элвис не собирался всю жизнь проработать на заводе: его ценили за качество и быстроту, однако несчастные случаи там были не редки. А главное — он мечтал о такой работе, чтобы не быть прикованным к одному месту, о чем и сообщил служащим из бюро по трудоустройству, когда в конце года ушел с приборостроительного завода. Ему сразу предложили место водителя грузовика в фирме «Краун Электрик», офис которой находился неподалеку от Кортс. Элвис тотчас отправился туда и был принят благодаря настойчивой рекомендации из Департамента по трудоустройству штата Теннесси. «Эта дама сказала мне, чтобы я не судила по его внешности, — уточняет директриса миссис Типлер. — И правда, если бы она меня не предупредила, я бы сразу указала на дверь этому волосатику. Лицо у него было привлекательное, но в те времена мы не привыкли к длинным волосам».

Не только миссис Типлер и ее муж были шокированы прической Элвиса, его манией постоянно причесываться и привычкой посещать дамские парикмахерские, когда все мужчины становились клиентами местного цирюльника. В «Краун Электрик» работало около сорока электриков, и Элвис должен был подвозить им оборудование; самый младший в команде, всегда готовый услужить, он был легкой мишенью для насмешек новых товарищей, потешавшихся над его набриолиненным коком и устраивавших ему извечные розыгрыши для учеников, которые, казалось, не задевали его. Возможность всю неделю разъезжать по Мемфису за рулем грузовичка была слишком большой роскошью, чтобы обижаться, тем более что он мог брать с собой гитару и играть, когда выпадет свободная минутка. Как ни увещевала его миссис Типлер, Элвис воспринимал ее почти материнские нотации с улыбкой. В это время его начала одолевать мысль о том, чтобы сделаться профессиональным певцом.

Глава третья. «САН РЕКОРДЗ» — СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСХОДИТ. 1954–1955

Хотя жизнь Элвиса круто изменилась в период работы в «Краун Электрик», он не дожидался, пока его наймут супруги Типлер, чтобы дать волю своим артистическим устремлениям. В начале лета 1953 года произошел занятный случай. Окончив школу, он устроился на работу в «М. Б. Паркер Компани», где разбирал и снова собирал приборы, заменяя изношенные детали. Работа несложная, но нудная, цех — настоящая духовка, рабочие находились там обнаженными по пояс. Однажды утром в середине июля Элвис записался на прием к хозяину мистеру Паркеру и попросил выдать ему аванс в счет зарплаты: ему нужно выплатить деньги за «линкольн». Как достойный представитель предпринимателей с Юга, по-отечески относящихся к рабочим, мистер Паркер сначала ответил категорическим отказом: не в интересах хорошего рабочего тратить жалованье прежде, чем он его заслужил. Элвис чуть не плакал, Паркер смягчился и лично одолжил ему тридцать долларов, которые молодой работник вернул до последнего цента через несколько дней, когда получил недельное жалованье.

Казалось бы, ничего примечательного, вот только «линкольн» Элвиса, который купил ему отец, уже давно был оплачен. Более того: именно на это время выпадает дата записи его первой пластинки. Вероятнее всего, деньги были нужны Элвису именно для пластинки, — но это выглядело слишком по-ребячески, чтобы заговаривать о таком с работодателем.

Незадолго до того Пресли обнаружил небольшую лавчонку чуть в стороне от центра города, которая очень его заинтересовала. Тремя годами ранее в доме 706 на Юнион-авеню, рядом с кафе-рестораном мисс Тейлор, на перекрестке, образованном пересечением Юнион-авеню и Маршал-авеню, открылся «Мемфис Рекординг Сервис». Владельцем был тридцатилетний звукоинженер Сэмюэль Корнелиус Филлипс.

Этот человек, которого справедливо считают крестным отцом школы рокабилли (он стоял у истоков карьеры Джерри Ли Льюиса, Джонни Кэша, Сонни Берджесса, Роя Орбисона и Карла Перкинса), также, как и Элвис, был уроженцем Юга, что называется, «от сохи». Но в отличие от Пресли Филлипс не принадлежал к касте неприкасаемых «красношеих» (северная элита наделила этим презрительным прозвищем «белую бедноту»), потому что родился 5 января 1923 года в относительно

комфортных условиях — на ферме в 120 гектаров неподалеку от Флоренс в штате Алабама, на которой работал его отец. Кризис, последовавший за биржевым крахом 1929 года, перевернул всю жизнь Филлипсов: их состояние растаяло в Великую депрессию. Вскоре после Пёрл-Харбора и вступления США в войну в конце 1941 года отец Сэма скончался, и младший из восьми детей уже не мог продолжать учебу на юрфаке, как намеревался.

Чтобы обеспечить мать и глухонемую тетку, Сэм поступил на работу сначала в бакалейную лавку, потом в похоронное бюро. Жизнь умерила его амбиции, но не поставила на них крест; на сэкономленные деньги он посещал вечерние курсы, которые позволили ему получить диплом радиоинженера. «Вступление в мир радио пробудило во мне интерес к музыке», — рассказывает Филлипс.

Проведя детство в Алабаме, на границе штатов Теннесси и Миссисипи, он тонко чувствовал невероятное культурное и музыкальное разнообразие этой части Юга, где мирно сосуществовали блюз и хиллбилли, а также религиозные песнопения в двух вариантах исполнения — «черном» и «белом». Объясняя свое особое отношение к блюзу, Филлипс часто упоминал дядю Сайласа Пейна — старого негра, сажавшего его к себе на колени и певшего ему заунывные песни, — прекрасная иллюстрация к тесному контакту между общинами, описанному журналистом Уилбуром Дж. Кэшем в 1941 году: «В этом обществе, где детей плантатора кормила грудью чернокожая нянька, а поседевшие старые негры рассказывали им сказки, их отрочество проходило в близком общении с черными мальчиками (и девочками) с плантаций; в этом обществе, где у всех белых, от мала до велика, постоянно звучала в ушах музыка негров, отношения между двумя общинами были совершенно органичными».

Эхо блюза и ностальгических баллад его детства откликнулось Филлипсу, когда на его семью навалились беды. «Существовало две категории отверженных: черные сельхозрабочие и белые испольщики, — говорит он. — В то время было попросту невозможно не поддаться власти всех этих стилей, родившихся от угнетения, которые были как бальзам на израненную душу». Пройдя через этот опыт, Филлипс сохранил представления о равенстве, не делающем различия между расами, которое впоследствии сильно повлияло на его продюсерский взгляд.

Но в начале сороковых годов Сэм был еще далек от мысли о том, чтобы руководить фирмой грамзаписи. Он женился и уехал из Алабамы, переходя с одного места на другое в бурно

развивающемся мире радио. Пожив какое-то время в Нэшвилле, в 1945 году он перебрался в Мемфис по зову Хойта Вутена, заправлявшего одной из первых радиостанций в городе — WREC («Вутен Радио Электрик Компани»), Он вел несколько передач музыки хиллбилли, но больше по долгу службы, чем по призванию: этот человек, не любивший быть на виду, предпочитал оставаться в тени, но свободным, чем удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к тому, кто на свету. Проникнувшись восхвалением модернизма, на котором зиждилась американская мысль, он страстно увлекся техникой, тем более что технический прогресс, стимулированный войной, благоприятствовал и его профессии. Пока не вошла в обиход магнитная лента (носитель, привезенный из Германии победителями-американцами и вызвавший целый переворот), он приобщился к прямой записи на пластинку, которая тогда была еще единственным способом предварительной записи передач.

К этому же времени относится его знакомство с миром грамзаписи, переживавшим настоящий бум, с тех пор как диск в 78 оборотов сменил на радио довоенные оркестры, игравшие вживую. Руководство поручило Филлипсу составить для WREC коллекцию пластинок, он взялся за дело и стал часто наведываться к Рубену Черри — продавцу пластинок с Бил-стрит под вывеской «Дом блюза», которая не оставляла сомнений относительно характера товара. В своих личных пристрастиях Филлипс был эклектичен, что подтверждают слушатели его еженедельной передачи «Субботняя танцевальная вечеринка» — смесь салонного джаза, эстрадных танцевальных мелодий и изысканного блюза.

Чтобы прокормить семью, которая пополнилась двумя сыновьями, Филлипс занимался технической координацией трансляций концертов, которые передавали каждый вечер из дансинга отеля «Пибоди» в Мемфисе; в творческом смысле ему этого было мало, и его предприимчивая натура побуждала подыскать дополнительное занятие, лучше соответствующее его потребностям. Он знал слабые места в индустрии грамзаписи: со времен Великой депрессии ведущие компании Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анджелеса совершенно забросили рынок «этнической» музыки. Бурно развивающийся сектор местных и региональных радиостанций, обращающихся в основном к населению, которым пренебрегали крупные сети, был настоящим Клондайком для нарождающейся категории «инди» — так в профессиональной среде прозвали небольшие независимые компании.

Горстка таких фирмёшек появилась уже в конце тридцатых

годов, когда кризис пошел на убыль, — «Эксклюзив» в Лос-Анджелесе, «Варсити» и «Киноут» в Нью-Йорке, — но подавляющее большинство этих «обувных коробок», как их называли «профи», появилось после 1945 года, и каждый день возникали новые. Не имея большой финансовой поддержки, эти предприятия отличались гибкостью, которой были лишены «мастодонты», и проявляли повышенный интерес ко всем областям творчества, оставленных теми за бортом, в частности к музыке кантри и ритм-энд-блюза. В плане распространения лучшими союзниками «инди» были музыкальные автоматы, а главное — радио, которому требовались новые записи для передач.

На волне технических инноваций, связанных с распространением магнитной ленты, такие студии стали расти по всей Америке как грибы, самые ловкие предприниматели даже выстраивали настоящие мини-империи: «Атлантик» в Нью-Йорке, «Модерн» и «Империал» в Лос-Анджелесе, «Аристократ/Чесс» в Чикаго, «Пикок» в Хьюстоне. Парадоксальным образом, хотя Мемфис обладал огромными артистическими залежами благодаря своей истории и расположению в дельте Миссисипи, столица Среднего Юга далеко не сразу восстановила свою индустрию грамзаписи до уровня двадцатых годов, когда первопроходцы устраивали свои передвижные студии в городских отелях и записывали там пионеров блюза, госпела и кантри.

Крах «Ройял Рекординг» — небольшой студии грамзаписи, недолго просуществовавшей в 1948 году, отпугнул храбрых предпринимателей, подумывавших было ввязаться в эту авантюру. Создание студии для профессиональной записи музыки осложнялось еще и тем, что залетные продюсеры использовали оборудование радиостанций. Несмотря на все трудности, Сэм Филлипс вступил на этот путь осенью 1949 года, приняв решение открыть студию. Для начала он занял денег у друга, снял за 150 долларов в месяц небольшое торговое помещение на Юнион-авеню и купил недорогую консоль для микширования, гравер для перезаписи ацетатных дисков и магнитофон «Престо». «Мемфис Рекординг Сервис» официально открылся в январе следующего года под девизом «Записывает всё, везде и всегда». Филлипс придумал его сам. Он постарался закупить портативное оборудование, потому что в первое время основу его клиентуры составляла городская элита, для которой он записывал на заказ свадьбы, похороны и бар-мицва[4].

Первые робкие шаги нового предприятия не позволяли Филлипсу уйти из WREC или отказаться от ежедневных трансляций из «Пибоди», на новую деятельность у него

оставались только вечера и выходные. Недостаток времени побудил его нанять помощницу — Марион Кейскер, 36-летнюю разведенную женщину с детьми, которая, как и он сам, работала в WREC.

Марион сыграет первостепенную роль в истории компании и еще большую — в раскрутке Пресли. Именно она вела переговоры с поставщиками и клиентами и стремилась навести хоть какой-то порядок в делах, которые хозяин вел довольно хаотично; у нее также было верное чутье, и она сразу делилась своим мнением с Сэмом; наконец, эта хорошо образованная женщина (она даже изучала старофранцузский язык), к тому же независимая (она продолжала вести по утрам свою передачу под псевдонимом Мисс Китти Келли), регулярно забывала получать жалованье в «Мемфис Рекординг Сервис», когда в сейфе было пусто, — то есть очень часто. Применительно к ней нередко используют слово «самоотверженность», и оно подходило к ней прежде всего потому, что она безмолвно и безнадежно любила своего женатого босса.

Филлипс был вынужден тратить большую часть своего времени на запись скучных церемоний, а ведь его мечтой было продюсировать местных артистов, отдавая предпочтение чернокожим: он интуитивно предчувствовал их будущее влияние на подрастающие поколения. В отсутствие студий грамзаписи в Мемфисе и не имея возможности уйти в свободное плавание, он «поставлял товар» братьям Бихари, владельцам студии «Модерн» в Лос-Анджелесе, которые искали талантливую молодежь для раскрутки создаваемого ими лейбла ритм-энд-блюза. Благодаря Филлипсу, который привел его в свою студию в июле 1950 года, Би Би Кинг тоже робко дебютировал у Бихари, а через несколько месяцев прогремел на всю страну.

Другим ранним гостем «Мемфис Рекординг Сервис» стал Джо Хилл Луис. Бывший боксер, превратившийся в человека-оркестр и дававший концерты на улицах Мемфиса, произвел благоприятное впечатление на Филлипса своей «заводной» манерой исполнения. Сэм настолько уверовал в его потенциал, что даже создал для него эфемерную студию грамзаписи «Филлипс» — весьма прозрачное название, если знать, что по такому случаю он заключил союз со своим однофамильцем и собратом, ведущим Дьюи Филлипсом. Провал этой затеи побудил его временно забыть о своих амбициях и сосредоточиться на поиске талантов.

Не одни только Бихари интересовались южным ритм-энд-блюзом, переживавшим настоящий расцвет. После успеха первых записей Мадди Уотерса братья Чесс осознали, какую власть над

чернокожим рабочим населением имеют мелодии из дельты Миссисипи, и без тени сомнения запустили неистовый буги-вуги в исполнении Джеки Бренстона и оркестра Айка Тернера. «Ракета-88», которую сегодня считают одним из прототипов рок-н-ролла, стала лидером продаж в американских гетто весной 1951 года. Этот коммерческий и творческий успех стал подарком судьбы для Сэма Филлипса, который сразу ушел с радио и полностью посвятил себя своей студии.

Однако хит сезона вызвал целую серию проблем. Бихари очень ревниво относились к отношениям Филлипса с конкурентами и решили обойтись без его услуг. Это был суровый удар для Сэма, который знал: чтобы выжить, любое начинающее предприятие должно разнообразить клиентуру. В последующие месяцы он изо всех сил старался компенсировать эту потерю, укрепляя связи с братьями Чесс. Он предоставил в их распоряжение новые открытые им таланты во главе с эпическим персонажем, имевшим бешеный успех в закусочных штата Миссисипи под псевдонимом Хоулин Вулф. Филлипс никогда не скрывал своего восхищения этим «воющим волком», завораживавшим аудиторию и певшим блюз как одержимый. «Из всех, кого мне посчастливилось открыть, включая Пресли, Вулф — мой шедевр», — признается он без тени сомнения.

Система, установленная Филлипсом с момента открытия «Мемфис Рекординг Сервис», очень скоро себя исчерпала. Во-первых, братья Чесс переманили Хоулин Вулфа в Чикаго. В это же время в Мемфисе множились новоявленные продюсеры, чьи аппетиты разгорались по мере коммерческого успеха артистов, открытых Филлипсом: это относится к Айку Тернеру, которому Бихари поручили заткнуть его за пояс, или к Дэвиду Джеймсу Маттису — сотруднику негритянского радио WDIA, который использовал свои связи в местной афроамериканской общине и раскрутил свою собственную фирму «Дьюк Рекордз».

Обжегшись на провале своего первого предприятия, в большей степени привлекаемый продюсерской деятельностью, чем повседневным руководством студией грамзаписи, Филлипс тем не менее решился основать «Сан Рекордз» — почти что нехотя. Солнце, служившее эмблемой его компании, должно было стать символом надежд измученного тревогой человека, который уже доработался до депрессии: «Для меня солнце олицетворяло собой универсальность мира. Это образ обновления и надежды. Именно поэтому я выбрал такое название, собираясь пуститься в предприятие, внушавшее мне страх».

Этикетка, которую наклеивали в центре пластинок в 78 и 45 оборотов — они еще конкурировали между собой в начале

пятидесятых годов, — прекрасно подходила к желто-золотому полукругу, выбранному Филлипсом в качестве логотипа и изображающему восход солнца. Подстегиваемый тревогой, он прочесывал окрестности Бил-стрит в поиске артистов, способных раскрутить его студию грамзаписи. После неудачной попытки с Уолтером Хортоном, игравшим на губной гармонике, 27 марта 1952 года он остановил свой выбор на саксофонисте Джонни Лондоне, под именем которого и вышел самый первый диск компании «Сан». «Медленная езда» не вошла в анналы как шедевр ритм-энд-блюза, но несомненной заслугой Филлипса было то, что эта пластинка продемонстрировала его изобретательность в стремлении придать специфическое звучание своей продукции. Находясь в вечном поиске технических инноваций, Сэм подвесил над головой саксофониста коробку, которая должна была стать резонансным усилителем во время записи, создав атмосферу дождливой ночи, достойной голливудских детективов того времени.

Филлипсу нужно было совладать со своим страхом перед завтрашним днем, потому что его труд отнюдь не сразу стал приносить свои плоды. Ему пришлось столкнуться с суровой действительностью: он уже подарил свои самые лучшие находки Ар-пи-эм и Чессам, большинство исполнителей ритм-энд-блюза заключили контракты с конкурентами. Сколько он ни устраивал прослушиваний в поиске новой звезды, удача улыбнулась «Сан Рекордз» только весной 1953 года, в тот день, когда один из коллег Би Би Кинга по WDIA, певец и юморист Руфус Томас, увидел свое имя в негритянском хит-параде благодаря песне «Bear Cat» («Дикая кошка»). Успех, к несчастью, создал проблем больше, чем разрешил, потому что спровоцировал тяжбу с фирмой «Пикок» из Хьюстона. «Bear Cat», сильно смахивавшая на «Hound Dog» («Дворняга») — хит сезона, исполняемый певицей Биг Мама Торнтон, — вызвала судебное разбирательство, которое стоило Филлипсу большей части прибыли.

Элвис Пресли, который три года спустя спустит на публику ту же «Дворнягу», вышел на орбиту «Сан» именно в это время. «Мемфис Рекординг Сервис», краеугольный камень нарождающейся империи «Сан», как никогда опирался на побочную деятельность с целью свести концы с концами. На витрине красовалось объявление о том, что здесь можно записать пластинку на заказ: звукозаписывающая версия автоматического фотоаппарата позволяла начинающим артистам спеть две песни и получить пластинку в 78 оборотов за 3 доллара 98 центов (плюс налоги).

Мы уже не узнаем, каким образом Элвис вышел на студию

Филлипса, — может быть, прочитал в местной прессе поучительную историю ансамбля заключенных из тюрьмы Нэшвилла, выпустивших дебютную пластинку под лейблом «Сан»; а может быть, заметил сине-красную неоновую вывеску «Мемфис Рекординг Сервис», когда шел мимо загадочной витрины за вечно опущенными жалюзи.

Зато мы знаем, что он впервые переступил порог этой студии в субботу 18 июля 1953 года. Марион Кейскер оставалась за хозяйку в отсутствие Филлипса, задержавшегося на записи свадьбы; она вспоминала, что ее юный собеседник словно только что вышел с завода, — возможно, так и было, если Элвис в тот день работал на фирме Паркера сверхурочно. Со своей обычной застенчивостью, теребя руками гитару, он попросил записать пластинку, и Марион предложила ему присесть, потому что он тут не один. Когда подошла его очередь, она провела его в крошечную студию, где белая деревянная обшивка контрастировала с зелеными панно звукоизоляции.

Пока ассистентка Филлипса налаживала свой аппарат, Элвис ей объяснил, что хочет подарить пластинку маме на день рождения. Это явно был пристойный предлог, чтобы замаскировать свою робость: Глэдис Пресли родилась в апреле. Завязался разговор, Марион расспросила молодого человека о том, какие музыкальные стили он предпочитает, и улыбнулась про себя, когда он заявил, что создал свой. По ее сигналу Элвис запел «Мое счастье» («My Happiness») — слащавый шлягер, который входил в его репертуар уже тогда, когда он пел для соседей из Кортс; эту песенку ввел в моду в 1948 году малоизвестный дуэт Джон и Сондра Стил, а потом ее пела и Элла Фицджералд.

Эта запись чудесным образом сохранилась до 1988 года. Мы слышим манерный голос шансонье в стиле Дина Мартина, злоупотребляющего мелизмами и умело пользующегося техникой вибрато. Хотя аккомпанемент на гитаре довольно примитивен, владение голосом явно не на уровне дебютанта.

Возможно, Марион ожидала худшего после слегка заносчивых утверждений молодого певца, сделанных несколькими минутами раньше, и теперь была приятно удивлена, найдя в Пресли качества, которых не было у ее обычных клиентов. Впервые с открытия студии она даже сама сделала копию на магнитной ленте, думая, что незнакомец может заинтересовать ее начальника. «Я часто слышала, как Сэм говорил: „Если бы я нашел белого певца, способного петь, как негр, с тем же чувством, я бы стал мультимиллионером“», — вспоминала она, положив таким образом начало двусмысленной легенде.

Тем временем Элвис исчерпал свои положенные две с половиной минуты и с грехом пополам завел песню из репертуара «Инк Спотс», одного из своих любимых вокальных ансамблей. Заботясь о четкости дикции и почти классической утонченности гармонии, эти природные наследники чернокожих квартетов начала XX века сумели преодолеть расовый барьер уже в начале сороковых годов, почуяв любовь широкой американской публики к «экзотике» плантаций, но не отрекаясь при этом от специфики афроамериканского вокального искусства.

Манера Элвиса исполнять «Когда заболело сердце» («That's When Heartaches Begin») выдавала его восхищение Биллом Кенни, солистом группы: он дотошно воспроизводил модуляции его голоса, то пламенные, то ленивые, без претензии на оригинальность. Однако и от этого у Марион Кейскер сохранилось благоприятное впечатление, она даже записала на бумажке координаты молодого человека с пометкой «Хороший исполнитель баллад. Приберечь». И когда Филлипс заглянул в тот день в студию, она дала ему послушать часть записи; не выказав бурного энтузиазма, хозяин «Сан Рекордз» охотно признал достоинства молодого певца, однако тем дело и ограничилось.

Тем временем Элвис ушел, забрав свою пластинку в 78 оборотов, на которую Марион аккуратно приклеила этикетку с его именем. Поскольку у его родителей не было проигрывателя, он отправился в «Блу Шоп» — магазинчик грампластинок, где он часами слушал старые пластинки в 78 оборотов, но никогда не покупал, и гордо попросил Чарли поставить его ацетатный диск, чтобы все могли послушать. Остаток дня он провел у бабушки одного школьного товарища и забыл там пластинку, где она и провалялась тридцать пять лет.

То, что Элвис не счел нужным забрать пластинку домой, показывает, что он не особенно ею дорожил. Прошло почти полгода, прежде чем он вернулся в «Мемфис Рекординг Сервис» в пятницу 4 января 1954 года. Марион тогда не было, его принял сам Филлипс. Элвис напомнил о своем посещении прошлым летом, Сэм со своей обычной учтивостью сказал, что помнит его, и они сделали новую запись. Пресли снова выказал склонность к балладам, выбрав новый хит эстрадной певицы Джони Джеймс — «Я никогда не встану на твоем пути», а еще «Без тебя все будет иначе», позаимствованную у ковбоя Джимми Уэйкпи, которого он видел и слышал в кино в десятках вестернов. Как ни странно, голос Элвиса звучал не так уверенно, как на первой пластинке, а его владение гитарой осталось таким же примитивным, так что Филлипс потерял к нему всякий интерес.

Новый диск (обнаруженный теперь уже в 1993 году) опроверг

теорию, согласно которой Элвис пел только для родственников и друзей, пока не пришел успех. Хронологию событий того периода его жизни, о котором сохранилось мало документальных свидетельств, трудно воссоздать со всей точностью, но некоторые очевидцы, в том числе его тогдашняя подружка Дикси Локк, с которой он познакомился в церкви, указывают, что он не упускал ни одной возможности спеть перед публикой, хотя они и были редки. Однажды вечером Элвиса пригласили спеть в «Хай-Хэт Саппер Клубе» Мемфиса вместе с группой хиллбилли «Эдди Бонд'с Стомперс»; он ездил во Фрейзер, расположенный в нескольких километрах от Мемфиса, и участвовал в любительских конкурсах в «Док'с Роудхауз»; некоторые говорят о местных радиоконкурсах, на которые он записывался, если выдавалось свободное время после работы, другие утверждают, что однажды слышали его пение в студенческом городке Мемфиса: его задачей было привлекать доноров для сдачи крови.

Эти выступления, а также его частые походы на концерты госпела в зале Эллис, присутствие в редких клубах на Бил-стрит, куда допускалась белая публика, а также на записях передачи «Полуденный сбор» в помещении радио WMPS указывают на нарастающую потребность осуществить свое желание петь. Вскоре после своего второго появления в студии «Сан» Элвис даже чуть не вступил в религиозный квартет «Сонгфел-лоуз», в котором состоял племянник «Братьев Блэквуд»; один из певцов объявил о своем выходе из ансамбля, и Элвиса пригласили пройти прослушивание, однако не приняли, заявив, что он не достаточно хорошо поет. Уязвленный Элвис утешился, периодически подпевая Блэквудам во время религиозных собраний в зале Эллис или в других местах. Закрыв глаза, отдавшись музыке, вибрируя в ее ритме, как это часто делали в негритянских церквях, он доказывал, что репутация застенчивого мальчика, прочно приставшая к нему, рассыпается в прах, как только речь заходит о музыке.

В этот переломный момент в жизни Элвиса Пресли мечта и реальность столкнулись в его душе, но он решил поступить на вечерние курсы, чтобы получить диплом электрика и найти более достойную работу. Внешне он жил обычной жизнью юноши своего возраста, проводил вечера в компании ровесников, посещал рестораны для автомобилистов и дешевое кино в своем квартале, куда ходил несколько раз в неделю с подружкой, на которой намеревался жениться. Глэдис нравилась Дикси Локк, она охотно дала бы Элвису свое благословение, если бы не боялась потерять образцового сына, неизменно выдававшего ей каждую пятницу добрую часть своей зарплаты, компенсируя бездеятельность мало

предприимчивого отца. «Он всегда вел себя учтиво, я никогда не видела, чтобы он пил, и я уверена, что он был хорошим мужем, — вспоминает Дикси о Верноне. — У меня сложилось такое впечатление, что он был сам по себе и жил вне группы, образованной Элвисом и миссис Пресли. Я знаю, это может показаться странным, но те настолько любили друг друга, что для него места уже не оставалось. Словно это Элвис был отцом, а мистер Пресли — мальчишкой».

Жизнь шла своим чередом, что не мешало Элвису часто говорить о своем желании петь своему кузену Джину и регулярно наведываться в «Мемфис Рекординг Сервис», где Марион Кейскер уже привыкла к его визитам и не забывала напомнить о существовании своего протеже Сэму Филлипсу, когда тот пытался изменить направление своей деятельности.

Не отказываясь от изысканий в мире афроамериканского ритм-энд-блюза, с осени 1953 года Филлипс решил расширить поле своей продюсерской деятельности за счет белых артистов. Об этом свидетельствуют по меньшей мере пять синглов под маркой «Сан», выпущенных за несколько месяцев до выхода первой пластинки Элвиса. Это были записи певцов старой школы хиллбилли — «Рипли Коттон Чопперс» и Говарда Сератта, а также представителей нового поколения кантри — «Старлайт Ранглерс» Дуга Пойндекстера и Эрла Патерсона, прозванного «поющим ковбоем из Мичигана». Возможно, лучше всех смешение жанров, к которому стремился Филлипс, удавалось Сидни «Хардроку» Гантеру, в музыке которого сливались джаз, блюз и буги-вуги, однако его вокальная техника была ближе к традициям кантри, ему было далеко до «белого блюзмена», которого мечтал откопать глава «Сан Рекордз». Сэм прекрасно сознавал, насколько искусственно слияние, предлагаемое Гантером, и видел в нем простого имитатора певцов ритм-энд-блюза. Он надеялся на совсем другую революцию, однако утопия плохо уживалась с экономическими требованиями его крошечной фирмы, и он продолжал свою продюсерскую деятельность, не задавая лишних вопросов.

В июне 1954 года ему попался диск с незатейливой песенкой под названием «Без тебя». Песенка хорошая, голос привлекательный, но, несмотря на все усилия, Сэм так и не смог выйти на автора пластинки. Он уже решил обратиться к другому исполнителю, и тут Марион Кейскер предложила ему попробовать молодого любителя баллад, о котором она так часто ему говорила. Филлипсу нечего было терять, и он согласился. Марион позвонила по телефону и едва успела повесить трубку, как Элвис уже стоял перед ней. Конечно, в этом есть доля

преувеличения, но эта история передает нетерпение человека, явно дожидавшегося подобного случая несколько месяцев. «Помню одно: я бросил трубку и помчался в студию мистера Филлипса», — подтвердит впоследствии Элвис.

Прослушивание состоялось в субботу 26 июня 1954 года. Исполнение Элвисом «Без тебя» было не идеальным, но Филлипс разглядел в нем некую свежесть и не стал прогонять из студии, решив получше разобраться в его потенциале. Импровизированный сеанс звукозаписи продолжался несколько часов, Элвис пел подряд гимны, которые слышал на церковных собраниях, новые популярные шлягеры, образцы музыки кантри, отдавая явное предпочтение сентиментальному репертуару Дина Мартина, сумасшедшим поклонником которого он являлся. Когда Филлипс наконец отпустил его домой в конце дня, пообещав вскоре с ним связаться, Элвис ушел, полный надежд на будущее. Сэм был не так восторженно настроен, не слишком представляя, куда приткнуть начинающего артиста, оригинальность которого только-только начинала пробиваться. «Надо понимать, что тогда были сложные времена для такого маленького предприятия, как мое, — оправдывается он. — У меня было чувство, что со временем и с терпением я, возможно, чего-то добьюсь, но при всех сложностях, с которыми я столкнулся из-за „Сан Рекордз“, мне тогда было не до Элвиса».

Все решилось на следующей неделе. Для Элвиса она началась в трагическом ключе: он был потрясен кончиной двух членов группы «Братья Блэквуд». Певцы погибли 30 июня в авиакатастрофе, всего через две недели после триумфа их квартета на телевизионном конкурсе с самой большой аудиторией в Америке — «Артур Годфри ищет таланты». Эта новость ошеломила всю общину северных кварталов Мемфиса. В пятницу 2 июля в зале Эллис, где часто выступала эта группа, в память о погибших состоялся концерт, на котором присутствовало пять тысяч человек — по большей части белых, но также и многочисленных чернокожих, которых поместили на отдельной трибуне: в этом мире даже смерть отмечают двумя цветами.

В девятнадцать лет всякое соприкосновение со смертью неизбежно принимает романтический оттенок. Элвис не стал исключением из правила. После траурной церемонии он ушел в городской парк вместе с Дикси и провел там с ней полночи, сидя на скамейке и переживая утрату.

Следующий день тоже был насыщен событиями, но другого рода. После прослушивания Сэм Филлипс нашел время

поговорить об Элвисе со Скотти Муром. Двадцатидвухлетний гитарист разрывался между химчисткой своего брата и музыкальным ансамблем в стиле кантри под руководством Дуга Пойндекстера, который во многом держался на нем. Мур вовсе не собирался всю жизнь чистить одежду и шляпы и намеревался добиться успеха благодаря своему таланту. Посещая студию Сэма Филлипса, он сумел уговорить его записать «Старлайт Ранглерс» Пойндекстера. Их единственный сингл под маркой «Сан» разошелся едва ли в трехстах экземплярах и не произвел фурора, однако Филлипс отметил для себя, как виртуозно владеет инструментом Мур.

Они несколько раз встречались за эту неделю у мисс Тейлор — в кафе по соседству с «Мемфис Рекординг Сервис». Каждый раз Скотти наводил разговор на того певца, о котором говорил ему Сэм, видя в этом способ утвердиться на фирме «Сан». Раздобыв координаты Элвиса, он тут же связался с ним в субботу 3 июля и назначил встречу у себя дома на завтра — День независимости. Обычно Элвис проводил праздники с семьей, но тот факт, что с ним говорили от хозяина «Сан Рекордз», отмел все сомнения.

На первую встречу Мур пригласил Билла Блэка — соседа, игравшего на контрабасе в «Старлайт Ранглерс». Оба музыканта не смогли скрыть удивления, когда Элвис позвонил в дверь и они увидели перед собой длинноволосого подростка в эксцентричном костюме, держащегося натянуто и неловко. «У него был розовый костюм, белые туфли и огромный чуб. Я думал, что моя жена сбежит через заднюю дверь», — вспоминал потом Скотти. Элвис явился с гитарой, и молодые люди сели репетировать втроем, Элвис напевал свои любимые песни. Скотти не удивился, услышав среди них недавние хиты Хэнка Сноу и Эдди Арнольда, двух звезд из мира кантри; зато его удивило, когда Элвис запел «Я прошу прощения», один из самых первых довоенных хитов Бинга Кросби. В 1951 году пластинка с записью этой песни в исполнении чернокожего певца Билли Экстайна разошлась миллионным тиражом. «Меня особенно поразило, какое невероятное количество песен он знает», — вспоминал Мур.

После нескольких минут размышления он предложил сосредоточиться на хите в стиле кантри Леона Пейна — «Я люблю тебя, потому что» («I Love You Bekause»). Элвис вернулся домой, Скотти позвонил Сэму Филлипсу, чтобы отчитаться перед ним о репетиции, и тот предложил ему встретиться в студии ближе к вечеру и поработать. Мур далеко не был убежден в достоинствах Элвиса, который показался ему слишком наивным и неопытным, но главное было не оборвать связи с Филлипсом. Со своей стороны, Сэм привык давать артистам освоиться в студии. «Для

начала быстро прогоняли несколько отрывков, как на тренировке бейсбольной команды, — рассказывает он. — Выходят на поле, разогреваются, бросают мяч перед началом матча. В студии всегда царила очень непринужденная обстановка, что не мешало нам серьезно работать. Я всегда считал, что терпение — главное качество, чтобы раскрыть талант артиста и наилучшим способом использовать его творческое чутье».

Элвис ничем не отличался от певцов ритм-энд-блюза, которые побывали в студии «Сан» до него, и Филлипс в большей степени собирался руководить репетицией, чем записью, приняв, впрочем, меры, чтобы запись была, если вдруг выйдет что-то интересное. После нескольких бесплодных попыток с классикой американской поп-музыки «Огни гавани» Элвис и два аккомпаниатора попытали счастья с «Я люблю тебя, потому что». Одна версия следовала за другой — безрезультатно. В студии воцарилось чувство разочарования, и Филлипс предложил сделать перерыв, а потом продолжить.

В Мемфисе тогда стояла страшная жара, в студии без кондиционера было нечем дышать. Глотнув пару раз кока-колы, Элвис взял гитару и запел. Впоследствии Скотти рассказывал об этом так: «Мы даже не поняли, что происходит. Элвис начал петь, дурачась, Билл взял контрабас и заиграл так, как еще никогда не играл на моей памяти, а я присоединился к ним». Четвертый участник того вечера 5 июля, Сэм Филлипс, бросился к ним и спросил, что они делают. Все остановились, и Элвис объяснил виновато, что просто хотел разрядить атмосферу, передразнивая певца блюза по имени Артур Крудап, запись которого попалась ему в Тьюпело. Ко всеобщему удивлению, Филлипс попросил их начать все сначала и включил магнитофон. Записали несколько версий «That's All Right» («Всё в порядке») — около десятка, пока, наконец, продюсер не получил то, что ему было нужно.

Филлипс никогда не отрицал роли случая в тот памятный вечер: «Я не ожидал, что Элвис знает песни Крудапа. Вы вспомните, он же пришел ко мне как специалист по балладам, и ни в одной из его предыдущих записей не было этого качества, этой энергии в чистом виде, которую я всегда выискивал у своих артистов ритм-энд-блюза. Обнаружить, что Элвис способен петь блюз с такой непосредственностью — это было чудом».

Чудо произошло, но его оказалось не так легко повторить. Филлипс сознавал, что у него есть удачная запись, но ему не хватало второй песни — для оборотной стороны пластинки, на которой он хотел выпустить «Всё в порядке». Когда воодушевление улеглось, все последующие попытки окончились

провалом: атмосферу воссоздать не удалось, и все разошлись, назначив новую встречу на завтра. Через сутки они снова продолжили поиски вслепую, но волшебство испарилось.

Этими бурными сеансами завершается пролог карьеры и легенды Элвиса Пресли, невероятного блюзмена, движущей силы южной культуры с нарастающей притягательной силой.

Сэм Филлипс нутром чувствовал, что песня Пресли достаточно нова, чтобы наделать шуму, но как узнать, примет ли ее публика? Жизнь на Юге была основана на сосуществовании общин, но удачно ли выбран момент, чтобы проповедовать такое наложение культур? 17 мая того же года Верховный суд вынес приговор, который вновь поставил вопрос о сегрегации в школьной среде; дело Брауна против Департамента образования широко обсуждалось в газетах на Юге, возможно, это не самый удачный момент, чтобы начать раскручивать артиста, который поет блюз на музыкальной основе кантри и ставит энергетику негритянской музыки на службу смешанному репертуару. Реакция Скотти Мура на прослушивание «Всё в порядке» вечером 5 июля говорит о том, насколько рискованной была эта запись: «Люди нас линчуют, когда это услышат».

Вернон и Глэдис и не думали линчевать своего сына, а испытали чувство гордости, когда он вернулся со своей пластинкой. Поскольку проигрывателя в доме не было, его одолжили у соседей — Фрухтеров. Сэм Филлипс же несколько дней разрабатывал стратегию. Прежде чем пригласить троицу обратно в студию для записи второй песни, он предусмотрительно сделал два диска для Дьюи Филлипса — друга, соратника и однофамильца, который без лишних вопросов поставил «Всё в порядке» в своей радиопередаче в четверг.

Реакция аудитории последовала незамедлительно. В отличие от прежних поколений, не желавших пересматривать доктрину «разделенные и равные», на которой зиждется южный апартеид со времен Реконструкции Юга, молодые слушатели эксцентричного ведущего, ниспровергателя основ, мало заботились о происхождении музыки, которая им нравилась. Судя по лавине телефонных звонков, «Всё в порядке» сразу полюбилась людям, которые слушали в тот вечер радио. «Странное дело, это был сельский блюз, — напишет годы спустя, оглядываясь назад, Роберт Палмер из журнала „Роллинг стоун“. — Очень похоже на одну из первых записей Мадди (Уотерса), странное сочетание электрогитары, блюзового вокала и ошеломляющего контрабаса».

Если Дьюи особенно нравилась какая-нибудь запись, он ставил ее раз за разом. Так было и теперь. Кроме того, он объявил по радио, что пригласит Элвиса в студию. Пресли в тот вечер

пошел в кино, перенервничав оттого, что его песню будут передавать по радио. Ему не удалось досмотреть фильм до конца, потому что родители пришли сообщить ему, что его ждут в отеле «Чиска», откуда каждый вечер вещает Филлипс. Рассказывает Глэдис Пресли: «Он сказал мне: „Миссис Пресли, бегите скорее за вашим сыном-хлопкоробом и скажите ему, чтобы он мчался ко мне на радио. Я только что поставил его пластинку, и с тех пор эти дурацкие телефоны звонят не переставая“».

Это первое интервью вошло в историю. Элвис, до крайности смущенный, с трудом выдавливал из себя слова. Поставив какую-нибудь пластинку, Дьюи старался растормошить его, расспрашивая, откуда он родом, где учился («Я попросил его назвать мне свою школу, чтобы люди, которые подумали, слушая пластинку, будто он негр, поняли бы, что он белый»), кем работает, какую музыку любит. На эти вопросы Элвис отвечал без запинки, опасаясь того момента, когда ему придется выступать в прямом эфире. Песня еще не отзвучала, а ведущий уже благодарил его за то, что он пришел. «Он сразу спросил меня: „А вы разве не будете брать у меня интервью?“ Когда я ответил, что уже готово: микрофон был включен во все время нашего разговора, он чуть не упал в обморок», — вспоминает Дьюи.

Шутки шутками, но один из вопросов, заданных Филлипсом, создает четкое представление о цели этого первого интервью: заставив Элвиса сказать, что он учился в Хьюмзе, то есть в школе только для белых, ведущий подчеркнул особенность этого певца блюза, деревенское происхождение которого теперь было известно всем. Вместо того чтобы смутить тинейджеров, слушавших передачу, это откровение их распалило: телефон не умолкал до самого конца эфира: 47 звонков и 14 телеграмм — рекорд.

С одной стороны, Сэма Филлипса успокоила такая реакция, с другой стороны, его беспокоило, что у него нет ничего для оборотной стороны пластинки, которую он хотел выпустить как можно скорее. Расхождения в воспоминаниях не позволяют точно установить день, когда была записана вторая песня Элвиса, однако не вызывает сомнений, что это произошло на той же неделе. Вернувшись в студию «Сан», Элвис, Скотти и Билл предприняли несколько неудачных попыток с репертуаром, о котором история умалчивает. И вдруг на них снова снизошла благодать, когда Билл Блэк в перерыве заиграл неистовую версию «Blue Moon of Kentucky» («Голубая луна Кентукки»).

Конечно же Элвис знал этот гимн, написанный в 1946 году Биллом Монро, стиль которого представлял собой смешение всех южных традиций — от блюза до вальса. Но вместо того чтобы

уважительно и педантично воспроизвести эту ностальгическую оду уходящему в прошлое Югу, он заиграл нечто исступленное, почти кощунственное. Разрыв с оригиналом был настолько велик, что впоследствии Элвис счел своим долгом извиниться перед Монро за то, что извратил его произведение, лишив изначальной невинности.

И в этот раз откровение было случайным, подтвердив роль случая в карьере Элвиса. Но Сэм Филлипс тогда не задумывался о причудах судьбы: у него наконец-то были две вожделенные песни. Не дожидаясь выхода пластинки, он разослал ацетатные диски самым популярным радиоведущим Мемфиса, и их реакция, крайне несхожая, не заставила себя ждать. На радио WREC, где когда-то начинал Филлипс, Фред Кук выбросил пластинку в мусор, послушав меньше минуты; зато «Сонный глаз» Джон Лепли поставил «Голубую луну Кентукки» в исполнении Элвиса на WHHM — ведущем радио местной сельской общины. Сам он вовсе не «зафанател» от этого молодого певца, выдающего себя за негра, однако не мог разочаровать самых юных слушателей, которые требовали поставить эту пластинку накануне ее официального выхода.

Прессовка пластинки состоялась 19 июля в Мемфисе, в присутствии Элвиса, который не смог сдержать слез, увидев первые экземпляры сингла «Сан-209» со своим именем, выведенным буквами ржавого цвета на ярко-желтой этикетке. Теперь события начнут развиваться очень быстро благодаря неизменной поддержке Дьюи Филлипса.

В Мемфисе, где он царил почти безраздельно на бурно развивающемся молодежном рынке, его передача была эталоном.

Положительная реакция слушателей, дополненная людской молвой в городе, сохранившем ярко выраженные провинциальные традиции, не укрылась от внимания основных конкурентов. Боб Нил с WMPS начал вставлять в свои передачи «Всё в порядке», хотя в первое время отмел ее в сторону. Негритянские радиостанции KWEM из Западного Мемфиса и WDIA благосклонно приняли молодого представителя новой школы ритм-энд-блюза, даже когда выяснилось, что он белый.

«Самое удивительное, — отмечала Марион Кейскер несколько дней спустя, — что пластинка в равной степени заинтересовала и любителей эстрады, и поклонников фолк-музыки, и негров». Афроамериканская община в самом деле считала его за своего; Рубен Черри, владелец магазина «Дом Блюза» на Бил-стрит, первым закупил сингл Элвиса, когда тот вышел в продажу, а Театр Палас, храм негритянской музыки в Мемфисе, неоднократно приглашал его на любительские

концерты, если верить легенде. «У нас говорят, что тот, кто проявит себя на Бил-стрит, добьется успеха повсюду. А Элвис Пресли проявил себя на Бил-стрит», — заявил профессор Нэт Д. Уильямс.

В конце месяца Сэм Филлипс с гордостью объявил прессе, что пластинка разошлась тиражом более шести тысяч экземпляров и ее успех только растет, судя по присутствию «Всё в порядке» в хит-парадах Мемфиса на протяжении всего лета. Эта первая победа стала плодом беспрецедентного упорства человека, решившего вложить всю свою энергию в артиста, в которого с каждым днем верил все больше и больше. В этот решающий период его студия резко сбавила обороты, «Сан» перестала выпускать новинки, тогда как с начала года их было две-три в месяц: Сэм с головой ушел в единственное предприятие.

Препятствия возникли сразу: на Глубоком Юге малейшая попытка расовой интеграции воспринималась общественностью как «казус белли» (повод к войне), в то время как негры начали поднимать голову, отстаивая свои гражданские права. «Вы представить себе не можете, как меня распекали мои друзья диск-жокеи: одни находили Элвиса деревенщиной, другие — „косящим“ под негра», — рассказывает Сэм.

Другой головной болью для независимой студии типа «Сан Рекордз» было отсутствие дистрибьюторской сети, достойной так называться. В отличие от крупных фирм грамзаписи, располагавших собственным арсеналом, «инди» находились в зависимости от оптовиков, рассеянных по всей стране. У Сэма Филлипса было много связей на Юге, что позволило ему худо-бедно распродавать сингл в Нэшвилле и в Новом Орлеане, где «Всё в порядке» на короткое время затесалась в списки осенних бестселлеров. Один из братьев Сэма объезжал радиостанции по всему штату Миссисипи и Алабама с коробками пластинок в багажнике машины, а в Техасе один диск-жокей из Сан-Антонио первым поставил эту песню в своих передачах.

После радио важнее всего были местные газеты, а также специализированная пресса. В августе заметка в «Биллборд» (ведущем американском журнале о музыкальной индустрии) сообщала об открытии «Сан» «Элвиса Пресли, девятнадцатилетнего певца только что со школьной скамьи». В журнале говорилось, что молодой артист заключил с фирмой грамзаписи двухлетний контракт. Филлипс в самом деле хотел упорядочить положение Элвиса, добившись одобрения его родителей, — оно было необходимо, поскольку по закону он еще не являлся совершеннолетним.

С тех пор как он выступил на радио WHBQ, никто в

окружении певца уже не сомневался в его будущем. 12 июля, за неделю до выхода пластинки, со Скотти Муром даже заключили договор. Согласно этому довольно сумбурному документу гитарист отныне становился кем-то вроде импресарио Элвиса. Он будет получать десять процентов от доходов Элвиса, устраивая его концерты и заключая для него контракты; изначально трио договорилось делить гонорары следующим образом: половина для Элвиса и по четверти для Билла и Скотти. Только Глэдис Пресли предчувствовала, что ждет ее сына. Она испытывала болезненную тревогу, видя, что он отдаляется от нее, и просила Скотти: «Позаботьтесь о моем мальчике».

В статье в «Биллборд» также особо подчеркивалось присутствие Элвиса на концерте музыки кантри, устроенном в Овертон-парке в конце июля, звездой которого был певец хиллбилли Слим Уитмен. Приглашение прислал конферансье Боб Нил, составлявший программу концерта: он предложил Пресли выступить «на разогреве» со своими двумя аккомпаниаторами. Официальное начало карьеры чуть было не провалилось, ибо могущественный профсоюз музыкантов собирался наложить вето под тем предлогом, что Элвис в нем не состоит. Но проблему уладили, и певец поднялся на сцену, пряча страх под маской уверенности: «Я жутко мандражировал. Я еще никогда не выступал перед таким количеством народа. Я запел песню со своей первой пластинки, и все завопили — не знаю, почему. Когда я спустился, мой импресарио мне объяснил, что люди вопили, потому что я дергался во все стороны».

Это нельзя считать боевым крещением трио, потому что Скотти Мур уже приглашал Элвиса исполнить обе песни с пластинки на еженедельном выступлении «Старлайт Ранглерс» в клубе «Бон Эйр» — пристанище «красношеих» на окраине Мемфиса. Публика состояла из сорокалетних рабочих, считавших Хэнка Уильямса воплощением современности, и это было не самое лучшее место для подростковой жестикуляции Элвиса, так что фурора он не произвел. «Люди не реагировали. Спрашивали друг у друга, что это за марсианин», — вспоминает Скотти Мур. Прохладный прием не помешал Элвису возобновлять попытки на протяжении всего лета — в «Бон Эйр» и в «Бель Эйр», другом пристанище «Ранглерс». Эти выступления помогали ему привыкнуть к сцене, а кроме того, мистер и миссис Типлер, на которых он работал, пришли как-то вечером на него посмотреть.

В рабочее время Элвис по-прежнему разъезжал на своем грузовичке по улицам Мемфиса, а в нерабочее вел совсем другую жизнь. Вечерние курсы окончательно отошли в тень, когда

впереди забрезжили мечты о славе и обозначилась перспектива артистической карьеры.

Помимо выступления со «Старлайт Ранглерс», Скотти Мур разыскивал другие ангажементы. На его взгляд, как и по мнению Сэма Филлипса, не следовало упускать ни одной возможности. Мемфис сохранил воспоминание о бродячих шарлатанах, устраивавших целые представления, чтобы привлечь покупателей и всучить им чудесные эликсиры. Традиция таких уличных концертов сохранилась до середины XX века, и когда в Мемфисе 9 сентября открылся торговый центр «Ламар-Эйруэйз», Элвиса пригласили среди прочих выступить на открытии. Облачившись в брюки от смокинга со светлыми лампасами, в черный пиджак, розовую рубашку и двухцветные штиблеты, бывшие в моде на Бил-стрит, он поднялся в кузов грузовика, изображавший сцену, и запел. Успех превзошел все ожидания заказчиков: откуда ни возьмись перед грузовиком образовалась толпа подростков, привлеченных растущей славой исполнителя «Всё в порядке».

И все же излюбленным местом его первых робких сценических поползновений было «Орлиное гнездо» — клуб, где собирались пилоты рейсовых самолетов из близлежащего аэропорта. Несколько человек видели его выступления там уже в 1953 году, что вполне вероятно; но начиная с августа 1954-го «Орлиное гнездо» стало его штаб-квартирой благодаря поддержке диджея Джона Лепли. Клуб открывался с наступлением вечера, и публика танцевала до часу ночи под клубный оркестр под управлением Тайни Диксона. В перерывах его сменяли Элвис со Скотти Муром и Биллом Блэком. Часто три музыканта возвращались в город после концерта и заканчивали вечер с подружками в «Эрлс Хот Бисквитс» — ресторане традиционной южной кухни. Один из его официантов, Вилли Херентон, в 1991 году станет первым чернокожим мэром Мемфиса.

Выступления в «Орлином гнезде» будут продолжаться до конца года — сначала по средам, потом в последнюю пятницу каждого месяца. Обстановка была непринужденной, но публика — не слишком юной, о чем свидетельствует лозунг «Надевайте галстук, только если ваша жена на этом настаивает», так что Элвису приходилось лезть из кожи вон, чтобы привлечь симпатии публики.

Плюсом было то, что он стал держаться увереннее. Для начала обогатил свой репертуар: двух песен с одной-единственной пластинки было уже недостаточно, чтобы выступать. Свидетели этого периода сообщают также ценные сведения об эволюции его поведения на публике: Элвис научился с поразительной легкостью отвечать ожиданиям аудитории.

Между хорошо воспитанным молодым человеком с набриолиненным коком, страшно застенчивым, о котором писала «Мемфис Пресс-Сцимитар» в конце июля, и нарождающимся шоуменом того же периода — потрясающий контраст.

Памятуя о заразительной истерии на церковных службах, на которых он присутствовал несколько месяцев тому назад в баптистской церкви преподобного Брюстера, испытав сильное влияние зажигательных шоу, устраиваемых королями ритм-энд-блюза на Бил-стрит, Элвис порвал со статичным поведением певцов кантри. Его глаза закрывались, по лицу пробегала тень, ноги начинали бешено дрожать, бедра колыхались; он показывал языком тела, что переживает свои песни, а не рассказывает их с отстраненностью, приличествующей в порядочном американском обществе, где чрезмерное проявление чувств воспринималось как дурной вкус.

Как и афроамериканцы из простонародья, ценившие такую экспрессивность на сцене, «белая беднота» вовсе не была шокирована его поведением. Зато взрослое поколение из среднего и высшего класса, привыкшее к традиционной сдержанности северной элиты, не скрывало своего осуждения, видя в жестах Элвиса явное бесстыдство. Смешивая непосредственность и примитивность, сваливая в одну кучу чувственность и вульгарность, они относились к его непристойности тем враждебнее, что их дочери начинали следовать дурному примеру.

Дочери — а иногда и жены. Свидетельство Марион Кейскер, невольно увлеченной святым духом зарождающегося рок-н-ролла на одном из концертов Элвиса в то лето, весьма показательно: «Обычно я веду себя очень сдержанно. По крайней мере на людях. Вдруг я услышала, как кто-то вопит, и поняла, что это я, чопорная мать семейства, визжу, как ненормальная».

Уже с этого времени между значительной частью мира взрослых и певцом, больше всех удивленным вызываемой им реакцией, разверзлась пропасть непонимания. В начале своего пути Элвис, отнюдь не поощряя женскую истерию, наивно удивлялся этому явлению и даже спрашивал у окружающих, почему это девушки принимаются вопить, стоит ему раскрыть рот. «Это они из-за тебя вопят, — отвечали ему. — Продолжай в том же духе». Но надо полагать, что его тревожили неодобрительные слова в его адрес, так что он даже решил посоветоваться с единственным человеком, мнением которого дорожил, — своей матерью. «Мама, это правда, что я веду себя на сцене вульгарно?» — спросил он и услышал сюрреалистичный ответ Глэдис: «Нет, сынок, но если ты будешь так извиваться, до

тридцати не доживешь».

Материнское одобрение успокоило Элвиса, и он мгновенно приобрел поразительную власть над своей аудиторией. Играя на сексапильности, о власти которой раньше даже не подозревал, он забавлялся тем, что провоцировал публику, потворствовал желаниям женской аудитории, обострял ее ожидания до финального взрыва, подталкиваемый партнерами, которые видели в этом гарантию длительного успеха. Театральные деятели Мемфиса быстро сообразили, какую выгоду можно извлечь из притягательности певца для подростков обоего пола. Сменив Скотти Мура, у которого было мало связей в профессиональной среде, радиоведущий Боб Нил осенью организовал гастроли трио Элвиса по множеству школ Теннесси, Миссисипи и Арканзаса. Для пущего успеха Нил давал анонсы концертов в своих передачах и сам их вел, а его жена продавала билеты.

Пока Элвис был занят упрочением своего имиджа подросткового кумира, Сэм Филлипс думал о его будущем. Он прекрасно знал, как работает шоу-бизнес и что экономика успеха — сложное дело. Успех первой пластинки надо подтвердить. Уже в середине августа Филлипс вызвал Элвиса, Скотти и Билла в студию, чтобы записать две новые песни. Несмотря на все их усилия, этот сеанс окончился в глазах Филлипса неудачей: он отказался издать интригующую версию «Голубой луны» — классического произведения американской эстрады, созданного Роджерсом и Хартом, — предложенную Элвисом.

Сэм остался верен своему продюсерскому методу и не препятствовал свободному самовыражению артиста, пока не произойдет «щелчок». Встретившись с Элвисом в студии в начале сентября, он отправил его в свободное плавание. Тот явно не отказался от своих амбиций эстрадного певца и вновь запел одну за другой сентиментальные баллады: начал с «Завтра вечером» (сочинение певца блюза Лонни Джонсона, пользовавшегося большим успехом за шесть лет до того), затем выдал версию в стиле кантри «Я не отпущу тебя» Джимми Уэйкли. Продюсер никакого восторга не выразил, и Элвис, порывшись в своей музыкальной памяти, предложил свой вариант «Мне всё равно, если солнце не светит» — песни из фильма «Напугай меня» с Дином Мартином, которую он слышал в кино годом раньше. По совету Филлипса он ускорил темп, но тот по-прежнему был недоволен и предложил попробовать что-то вроде «Всё в порядке», вдохновляясь стилем ритм-энд-блюза.

На сей раз Элвису на ум пришла песня «Сегодня вечером всё

перевернется» — она стала популярной благодаря блюзмену Винони Харрису, однако ее написал бывший чернокожий боксер из Нового Орлеана Рой Браун. Автор пел блюз с деликатностью, унаследованной от прослушивания Бинга Кросби, первого представителя традиции кантри в Техасе. Исполняя «Сегодня вечером всё перевернется», первый хит Брауна, Элвис лишь подчеркнул взаимопроникновение жанров и культур на американском Юге. Это смешение стилей не ускользнуло от журналиста «Биллборд», написавшего рецензию на пластинку, вышедшую 22 сентября под маркой «Сан 210» с песней «Мне всё равно, если солнце не светит» на другой стороне: «Ее стиль, нечто среднее между кантри и ритм-энд-блюзом, должен понравиться и любителям поп-музыки». Певец, которого порой называли *hillbilli hopper,* чтобы подчеркнуть «черно-белое» наследие, подтвердил свое новаторское видение песни и показал, что «Всё в порядке» — не просто случайность. В Мемфисе новая пластинка вошла в тройку бестселлеров, но, поскольку эффект неожиданности уже не сработал, продавалась не так хорошо, как «Всё в порядке».

Этот регресс, хотя и небольшой, все же заставил Сэма Филлипса усомниться в перспективности певца, на которого он возлагал большие надежды. Элвис пока сумел завоевать симпатии только среди подростков, пора было подумать о том, чтобы упрочить его репутацию по всему Югу. Чернокожая община уже оказывала ему поддержку, оставалось привлечь на свою сторону сельское население.

Самым верным способом было устроить ему экзамен, через который просто обязан пройти любой уважающий себя артист кантри: приглашение на «Grand Ole Opry». Это радиошоу, случайно родившееся одним вечером 1927 года, было настоящей «аристократической прихожей звезд Нэшвилла», как писал один из лучших специалистов в этой области Джерард Херцхафт. Главенство «Opry», утвердившееся в середине тридцатых годов, со временем еще усилилось, а еженедельную передачу транслировали более сотни радиостанций по всем США.

Выступление на «Grand Ole Opry» было палкой о двух концах: передача могла как оборвать начинающуюся карьеру, так и укрепить ее. Лучшим способом в этом убедиться было принять в ней участие, что и сделал Элвис по настоянию Сэма Филлипса в субботу 2 октября. Это было важным экспериментом, поэтому даже Марион Кейскер после рабочего дня приехала на автобусе из Мемфиса и присоединилась к музыкантам и продюсеру в Нэшвилле. Шоу передавали в прямом эфире из Зала Раймана — неприветливого здания, ценного главным образом тем, что вмещало в себя более трех тысяч зрителей, которые порой часами

стояли в очереди, чтобы попасть на передачу.

Во время репетиций к Элвису относились без особой теплоты, тем более что в тот вечер он был заявлен среди дебютантов. Конферансье удивился, увидев его с двумя обычными аккомпаниаторами: он был убежден, что на обеих пластинках Элвис поет в сопровождении более многочисленного оркестра. На том этапе это было распространенным заблуждением, в котором повинна техническая изобретательность Сэма Филлипса. Опережая свое время, он умудрялся придавать записям Элвиса обманчивый объем благодаря одновременному использованию двух магнитофонов (второй создавал искусственное эхо, действовавшее крайне эффективно).

Дневные репетиции позволили сговориться о репертуаре. Элвис хотел исполнить главную песню со своего последнего сингла — «Сегодня вечером всё перевернется», но руководитель шоу предпочитал придерживаться классической музыки кантри, и в конце концов выбрали «Голубую луну Кентукки». Возможно, из-за этого выбора Элвису был оказан весьма сдержанный прием, когда подошла его очередь (около 22.15), в той части концерта, которую спонсировала «Ройял Краун Кола»: публика, приверженная к ортодоксальному кантри, не оценила вольностей молодого бунтаря с непокорным чубом.

Ее сдержанность часто представляли как неприятие, уязвившее Элвиса. Правда, Джим Денни, который вел концерт, тоже не выказал энтузиазма, но он и не сбивал настрой певца, вопреки тому, что часто говорили и писали. И тем не менее Пресли испытал разочарование, так что даже потерял в суете свой чемодан со сценическими костюмами, что не помешало ему тем же вечером ненадолго появиться в передаче «Полуночная вечеринка» певца Эрнеста Табба — раз уж оказался в Нэшвилле.

Но карьера Элвиса быстро развивалась, ему было некогда тревожиться из-за случайных поворотов истории. Не прошло и недели после его неоднозначного выступления в «Grand Ole Opry», как он расширил свою аудиторию, выступив в одном заведении Атланты, а затем спешно помчался обратно в Мемфис, где его ждал новый ангажемент в «Орлином гнезде». Ему приходилось вертеться в сумасшедшем ритме: вечером 15 октября он вновь выступал в своей мемфисской штаб-квартире после рабочего дня, а среди ночи отправился вместе со Скотти и Биллом в Шревепорт, в пятистах километрах от Мемфиса.

Этот речной порт на Ред-Ривер, долгое время живший за счет лесной промышленности, поддерживал музыкальные традиции, восходившие к тому времени, когда бродячие лесорубы

собирались в злачных кварталах города, чтобы спустить за один вечер деньги, заработанные тяжелым трудом за неделю. Тротуары, салуны и бордели Шревепорта привечали трубадуров конца XIX века — *songsters,* архетипом которых был негритянский бард Лид Белли. Вырубка смолистых сосновых лесов и Великая депрессия существенно изменили экономическое положение Шревепорта, выжившего благодаря открытию крупной базы американских ВВС в 1933 году. Два десятилетия спустя культурный подъем этого университетского города со 175 тысячами жителей объяснялся его положением на перекрестке между Глубоким Югом и Новым Югом, олицетворяемым близлежащим Техасом.

Первым музыкальным учреждением Шревепорта была радиостанция KWKH, которая начиная с 1948 года передавала субботними вечерами в прямом эфире музыку кантри, транслируемую по всему Югу через сеть Си-би-эс. «Louisiana Hayride» («Прогулка в Луизиану») с момента своего создания стала главным конкурентом «Grand Ole Opry» из Нэшвилла, которому открыто подражала. Эти концерты передавали из Городского концертного зала Шревепорта, вмешавшего около четырех тысяч зрителей. «Hayride» отличалась от «Opry» более бесшабашной издательской политикой, ее руководителю Горасу Логану достало ума охватить программой шоу и подростковую аудиторию, не утратив симпатий взрослого населения. Передача шла три часа каждую неделю — серьезный козырь для Логана, обладавшего достаточным пространством для маневра, чтобы удовлетворить запросы любой публики.

По мере увеличения популярности «Hayride» между этой передачей и «Grand Ole Opry» началось ожесточенное соперничество, последняя запрещала своим основным артистам выступать в Шревепорте. Эта мера устрашения лишь усилила притягательность луизианского шоу в глазах начинающих артистов, которые могли предложить ведущей программе KWKH нечто гораздо более современное. Эта станция заинтересовала Элвиса после выхода «Всё в порядке»: песня впервые прозвучала в вечерней передаче 16 октября после множества анонсов в эфире.

У Пресли, Мура и Блэка было на всё про всё пять минут в каждом из двух отделений передачи. Задник сцены был украшен девизом спонсора «Лаки Страйк»: «Будь весел, тебе повезет!». О том, чтобы снова провалиться, как две недели назад на «Opry», не могло быть и речи. Они решили втиснуть в это ограниченное время две стороны своей первой пластинки, исполнив их в ускоренном темпе. Элвис, которому не терпелось спеть, по-быстрому ответил на вопросы ведущего, чтобы не терять времени.

У Скотти Мура спутались струны гитары посреди «Всё в порядке», но это было не важно: энергетика трио захватила зрителей, которые устроили ему восторженный прием, — небо и земля по сравнению с прохладной встречей на «Opry».

Организаторы «Louisiana Hayride», увидев в Элвисе первую ласточку помолодевшей школы кантри, не ошиблись с выходом на городскую общину южан, бурно развивающуюся в связи с миграцией из сельских районов. Несколько дней спустя «Мемфис Пресс-Сцимитар» с гордостью объявила, что Пресли и его музыканты подписали годовой контракт с организаторами передачи, что гарантировало им выступления по всем южным штатам. Этим хорошие новости не исчерпывались. Паппи Ковингтон, директор «Hayride», был главным организатором концертов кантри в треугольнике, образованном югом Арканзаса, севером Луизианы и востоком Техаса; пленившись пылким трио Элвиса, он быстро устроил им турне по региону под названием «Блу Мун Бойз», иногда в сопровождении Д. Дж. Фонтаны — штатного ударника «Hayride», который быстро стал «четвертым мушкетером».

Выступления в «Орлином гнезде», концерты в школах, гастроли, устраиваемые Ковингтоном, и еженедельные появления в «Louisiana Hayride» — у Элвиса уже не оставалось времени на работу в «Краун Электрик». Типлеры проявили понимание, регулярно предоставляя ему отгулы, однако от Шревепорта до Мемфиса было шесть часов пути, и первые недели настолько его вымотали, что 12 ноября он решил уйти с работы. Принять это решение оказалось легко, потому что его доходы от музыкальной деятельности быстро возросли, хотя говорить о достатке было пока еще рано. Много денег приходилось тратить на гостиницу и на бензин, за концерты платили нерегулярно, а гонорары, выплачиваемые «Hayride», были чисто символическими. Однако в совокупности все эти доходы существенно перекрывали его зарплату.

У Скотти (его жена оплачивала «шевроле», на котором группа колесила по району) сохранилось от этого времени тяжелое воспоминание: нескончаемые переезды, длящиеся часами, заштатные мотели или ночевки на сиденье машины, усталость, счета за химчистку, которые росли из-за нехватки приличного гардероба, непонимание со стороны деревенской публики, привыкшей к «музыке для села». Это был удел большинства начинающих групп, и хотя гастрольная жизнь нелегка, растущая популярность Элвиса позволила ему пройти через критический период всего за несколько месяцев.

В середине ноября «Биллборд» опубликовал хит-парад по опросам диск-жокеев, имя Элвиса Пресли занимало восьмое место в десятке самых перспективных артистов кантри. Через четыре месяца после выхода первого сингла это был подвиг, и тем более значительный, что сфера распространения пластинок «Сан» ограничивалась Югом. В то же время некоторые признанные звезды Нэшвилла начали эксплуатировать нарождающийся успех Элвиса. Например, Билл Монро, разрываясь между гордостью от того, что его взяли за образец, и чувством, что его предали (вполне понятным, если послушать кощунственное исполнение Пресли), в сентябре стал вновь исполнять «Голубую луну Кентукки»; Марти Роббинс, восходящая звезда в мире кантри, предложил собственное прочтение «Всё в порядке» на студии «Коламбия».

Ожидания Сэма Филлипса подтверждались, и он снова пригласил в студию певца и аккомпаниаторов. Некоторые записи, сделанные на этих сеансах, впоследствии исчезли (возможно, пленка была использована повторно из экономии), полный список песен, записанных на этой стадии, составить невозможно. Судя по дюжине разных версий песни «I'm Left, You're Right, She's Gone»), дело подвигалось так же трудно, как и раньше. Это было сочинение Стэна Кеслера, игравшего на ножной стил-гитаре и постоянно ошивавшегося возле «Сан» в надежде, что его заметят. Элвис, верный своим афроамериканским корням, исполнял его в стиле медленного блюза, что не нравилось Филлипсу.

Атмосфера импровизации, царившая на первых сеансах, во многом способствовала разгулу воображения и новаторского духа. Сэм Филлипс был в большей степени звукоинженером, чем продюсером, и обладал интуицией, во многом превосходящей его способность руководить артистами в студии. Он знал, чего хочет, не зная, как этого достичь. Со своей стороны, Элвис еще только искал свой творческий почерк. Из этого стечения неадекватностей родилась оригинальность пока невнятного стиля, находившегося в поисках, пока не произойдет «щелчок».

«Элвис никогда ничего не готовил заранее, когда приходил на запись, — вспоминает Марион Кейскер. — В отличие от других артистов, которых мы записывали потом, например Джонни Кэша, он никогда не репетировал перед приходом в студию». Не зная того, Сэм и Элвис изобретали технику работы, которая, когда ее осмыслили, нашла свое высшее воплощение в эру рока в нескончаемых экспериментах групп вроде «Битлз» или «Роллинг стоунз», когда их карьера только начиналась.

В последующие недели удалось-таки записать еще две песни, которые попали на третий сингл Элвиса, вышедший 8 января

1955 года, в день его двадцатилетия. В соответствии с уже проверенной техникой «You Are a Heartbreaker» («Сердцеедка») должна была понравиться любителям музыки кантри, а на другой стороне был блюз чистой воды — «Буги-блюз молочной коровы». Эту тему позаимствовал в фольклоре дельты Миссисипи и впервые записал Фредди Спруэлл в 1926 году; четыре года спустя к ней обратился слепой певец и гитарист Слипи Джон Эстес, и окончательно она вошла в историю жанра в 1934 году благодаря Кокомо Арнольду, живость которого оставляла мало сомнений по поводу того, как именно надлежит доить корову. По своему обыкновению Элвис значительно ускорил темп этой классической мелодии, подчеркнув едва прикрытый эротизм игривой темы, которая позабавила детей и шокировала отцов.

Возможно, именно этой заявкой на чувственность можно частично объяснить относительный коммерческий провал пластинки, которую приняли не так восторженно, как предыдущие; вероятнее же всего, формула успеха, изобретенная полгода тому назад с исполнением «Всё в порядке», начинала давать сбой. В то же время репутация Элвиса Пресли, укрепленная еженедельными выступлениями в «Louisiana Hayride», с каждым днем все больше зависела от его буйства на сцене, усиливавшегося по мере ангажементов. Всего через несколько недель гастрольный ритм ускорился, существенно улучшив условия жизни «Блу Мун Бойз», чем в первую очередь пользовался, естественно, Элвис.

Канун Рождества 1954 года особенно показателен в этом отношении: он заменил свою старую гитару великолепной «Мартин-1942», купленной за 175 долларов в магазине О. К. Хоука, самом большом музыкальном магазине Мемфиса. В личном плане перемены были еще значительнее: успех позволил Элвису переехать из квартирки на Алабама-авеню и поселить родителей и бабушку в доме 2414 по Ламар-авеню, в обычном кирпичном доме, однако удобном и относительно просторном. Пресли его снимали, но впервые со своего приезда в Мемфис шесть лет тому назад они могли жить в своем доме и пользоваться финансовой независимостью.

Они отпраздновали Рождество на новом месте с Дикси Локк (ее роман с Пресли-сыном все еще продолжался). Авторские отчисления от первых записей позволили Элвису оплатить переезд, провести телефон, а главное, побаловать мать, которой он подарил кухонный комбайн. Как видно, Пресли превращались в типичную американскую семью эры Эйзенхауэра, символизируя собой модель одноэтажной Америки, основанной на автомобиле и бытовой технике, которая скоро заразит всю планету вирусом

потребления.

Для Глэдис это преуспеяние имело свою цену: отныне она вынуждена смиряться с частым отсутствием обожаемого сына, с которого не спускала глаз с самого его рождения и который не покидал родного крова до девятнадцати лет. Элвис же разрывался между возбуждением от своего стремительного взлета и страданиями матери, которой звонил по несколько раз в день, когда новая профессия заставляла его уезжать из Мемфиса. Гастроли устраивали все чаще, особенно после того, как Скотти Мур передал свою должность импресарио Бобу Нилу.

Нил вел передачи на WMPS каждый день с пяти утра (прайм-тайм для сельской местности), а потом в обед, и пользовался непререкаемым авторитетом у любителей музыки кантри. Как и многие другие диджеи той эпохи, когда основным средством массовой информации все еще было радио, Роберт Нил Хобгуд быстро понял, что может сделать ставку на свою популярность и заработать денег конферансом. На первых порах он воспользовался своими связями, чтобы стать посредником, а потом и организатором концертов, на следующем этапе была намечена карьера импресарио, и в этом ему помогла восходящая звезда — Элвис.

Они знали друг друга уже давно, Элвис с давних пор посещал концертные передачи, которые вел Нил, вместе с «Братьями Блэквуд». Нил презрел «Всё в порядке» после выхода пластинки, но изменил свое мнение, почуяв, куда дует ветер; более того, именно он настоял на том, чтобы Пресли пригласили в Овертон-парк, а потом устроил ему несколько ангажементов в школах в окрестностях Мемфиса. Так что казалось совершенно естественным обратиться к нему, когда карьера «Блу Мун Бойз» пошла в гору.

Договор скрепили контрактом, подписанным 19 декабря Элвисом и его родителями. За отчисления в 15 процентов от доходов певца Нил взял на себя обязанности, которые оказались не по плечу Скотти Муру. Это свидетельствует о том, как высоки были ставки: портфель заказов Пресли увеличивался изо дня в день. Заняв место под вывеской «Элвис Пресли Энтерпрайзиз» с офисом на Юнион-авеню, в самом центре Мемфиса, Боб Нил осознал, сколь велико дарование нового артиста, и старался сделать так, чтобы тот выступал как можно чаще и во все более широком радиусе.

После Мемфиса, Шревепорта и восточной части Техаса, где музыка Элвиса очень быстро встретила положительный отклик, его аудитория постепенно расширилась за счет Миссури, остального Техаса и даже Огайо. Группа впервые выбралась за

границы Юга, приняв участие 26 февраля 1955 года в концерте в стиле вестерн в кинотеатре Кливленда, где показывали новый фильм Николаса Рея «Джонни Гитара». В тот вечер Элвис заработал 150 долларов — в три раза больше, чем он получал еще несколькими месяцами раньше при схожих обстоятельствах. Если добавить к этому резкое ускорение гастрольного ритма — в среднем двадцать концертов в месяц, — становится ясно, что успех обратился в ощутимую реальность, подкрепленную созданием первого фан-клуба.

И все же без неудач не обошлось. Самая значительная произошла в середине марта, когда Элвис впервые побывал в Нью-Йорке. Боб Нил, понимая, как важно телевидение, хотел, чтобы его артист принял участие в передаче «Ищем таланты», которую вел Артур Годфри на Си-би-эс. Элвису эта идея показалась заманчивой, и не только потому, что благодаря ей он смог бы посетить главный город страны. Он вспоминал о триумфе «Братьев Блэквуд» в той же передаче девять месяцев тому назад и знал, какую выгоду сможет извлечь из удачного выступления на любительском конкурсе с самым большим рейтингом в Америке.

Сотрудники Годфри год напролет выискивали более-менее опытных артистов, и хотя Элвису удалось проскочить через отборочный тур благодаря поддержке ведущего диджея Билла Рэндла, с которым он незадолго до того повстречался в Кливленде, Годфри не увидел ничего привлекательного в напомаженном певце, вихляющемся на сцене. После краткого прослушивания Элвиса отправили восвояси с обычной формулировкой: «Мы вам напишем». В виде утешения Боб Нил сообщил певцу, что контракт с продюсерами «Louisiana Hayride», донельзя довольными тем, что с его появлением городской концертный зал Шревепорта набит битком, продлен до весны 1956 года.

В то же время слабым местом Элвиса было отсутствие пластинок. Коммерческий провал третьего диска «Сан», который не передавали по радио из-за едва прикрытых намеков «Буги-блюза молочной коровы», должен был побудить Сэма Филлипса исправить свою ошибку, сразу же выпустив новый сингл. Несмотря на чрезвычайную загруженность, из-за которой он почти не бывал в своем городе, Элвис все-таки сумел посвятить один день записи в «Мемфис Рекординг Сервис», где-то в январе — феврале, а потом еще один, месяц спустя. Придерживаясь метода проб и ошибок, он попытал счастья с песней «У меня есть женщина» — новым хитом молодого слепого чернокожего по имени Рей Чарлз, а потом попал в точку благодаря очень чувственному прочтению «Baby Let's Play House» («Малышка,

давай поиграем в семью») — менее известного шедевра артиста ритм-энд-блюза Артура Гунтера, выступавшего на сцене в Нэшвилле. Для стороны «B» Филлипс предложил трио Элвиса обратиться за помощью к ударнику и снова попробовать записать песню «Я лев, ты права, она ушла», которая не далась им в конце 1954 года. Экспериментируя с темпом, квартет нашел свое звучание, и Филлипс наконец-то получил то, что ему нужно, хотя и сохранил при себе прежние записи.

Как и многие «инди», неожиданно познавшие успех, «Сан Рекордз» оказалась на грани разорения. Это положение не столь парадоксально, как кажется на первый взгляд: студии грамзаписи были обязаны платить за всё сразу и в полном объеме — процентные отчисления, плату за прессовку и печать, профсоюзные взносы, рекламные материалы, — а дистрибьюторы имели право оплачивать счета в течение девяноста дней. Если студия не имела достаточного «золотого запаса», как в случае «Сан», один-два злостных должника могли нарушить это хрупкое равновесие.

Филлипс должен был возместить ссуду в тысячу долларов своему брату Джаду, и ему пришлось ждать его благословения, прежде чем 25 апреля выпустить четвертый сингл Элвиса Пресли под маркой «Сан-215». К счастью для него, успех «Baby Let's Play House» — пожалуй, самой совершенной записи Элвиса, сделанной до сих пор, — дал ему финансовую передышку. Пластинка сначала привлекла к себе внимание в главных агломерациях Юга, а затем поднялась на гораздо более высокую ступень, попав 16 июля в хит-парад «Биллборд» в стиле кантри-энд-вестерн. Впервые заполучив в свой актив национальный бестселлер, Пресли и Филлипс вышли на новый рубеж, хотя им и тогда было ясно как день, что крошечная фирма из Мемфиса не сможет повести своего певца к далеким вершинам.

Глава четвертая. ЛОЖЬ ПОЛКОВНИКА. 1955

В послевоенное время пластинка была лучшим залогом успеха для артиста, особенно с тех пор, как они зазвучали не только в музыкальных автоматах, но и по радио. Иногда на помощь приходило кино в плане картинки: Голливуд неизменно представлял американских звезд в виде обольстительных блеющих певцов, если они были белыми, или безупречно танцующих забавников, если они были черными.

Начиная свой взлет, Элвис Пресли порвал с этой неизбежной моделью. Никто не станет отрицать, что уже первая пластинка фирмы «Сан» выявила его отличие, но в отсутствие адекватной системы сбыта его первые записи расходились ограниченным тиражом. За год, прошедший с выхода «Всё в порядке» до попадания «Baby Let's Play House» в общенациональный хит-парад журнала «Биллборд», под его именем было продано менее полумиллиона пластинок в 78 и 45 оборотов. И то еще география их распространения была точечной, поскольку пластинки расходились только в южных и юго-западных штатах.

Еженедельные выступления Пресли в «Louisiana Hayride», бесспорно, увеличили его аудиторию, поскольку у радио KWKH был мощный передатчик. Однако эту передачу транслировали лишь частично на волнах южных филиалов сети Си-би-эс и только в третью субботу каждого месяца, так что присутствие певца в эфире вовсе не было повсеместным. Единственное правдоподобное объяснение внезапного взлета его карьеры — общественное мнение, подкрепленное небольшими радиостанциями, которые передавали записи с его пластинок и анонсировали его концерты. Именно выступления на сцене довольно быстро обеспечили ему известность. Начав с двух десятков концертов в одном лишь Мемфисе летом 1954 года, в последнем квартале года Элвис удвоил их число, все чаще выбираясь в Техас, где его принимали особенно тепло.

Но ритм гастролей еще ускорился с наступлением 1955 года. Тот факт, что Боб Нил взял управление на себя, всего не объясняет; конечно, связи и знакомства нового импресарио Элвиса сыграли свою роль, но этого было недостаточно для роста популярности «Блу Мун Бойз». Если проследить за их поездками по карте, видно, что они расширили свою аудиторию в Техасе и забрались в более отдаленные штаты — Огайо, Нью-Мексико, Виргинию, Северную Каролину, Флориду, получая все больше

приглашений выступить в концертных залах больших городов, после того как месяцами «окучивали» клубы и ресторанные залы в поселках городского типа. После Хелены в Арканзасе, Сайкстона в Миссури и Коринфа в Миссисипи настал черед подростков Нового Орлеана, Литл-Рока, Кливленда, Далласа и Орландо прорываться на концерты Элвиса.

Пластинки позволяли открыть для себя певца, интригующего своими неоднозначными культурными запросами, но каким бы непривычным ни был оттенок записей «Сан», им недоставало изображения: его яркая одежда, подведенные черным глаза, неприкрыто эротичные позы, ласкающая мощь голоса, ранимость… Какой разительный контраст с китчевым простодушием певцов кантри, деревенским мачизмом и статичным поведением на сцене, которое можно было наблюдать в тех же краях в то время, когда юмор был единственной разрешенной формой дерзости. Приобщая публику к чувственности негритянской музыки, светской и религиозной, Элвис нарушил двойное табу расовой и сексуальной благопристойности.

Чтобы эта формула заработала в полную силу, облик и музыку Элвиса Пресли нужно было явить всей Америке, а на такое чудо не были способны ни «Сан Рекордз», ни самая широкая молва. Именно на этом этапе на сцену вышел второй после Сэма Филлипса режиссер профессионального успеха Пресли — полковник Паркер.

Если Филлипс символизирует собой его творческий дебют, Паркер олицетворяет собой расцвет его карьеры: он сумел свести воедино изображение и звук, опираясь на телевидение, кино и пластинки. В то же время Паркер старался создать настоящего кумира публики, проворачивая невероятные коммерческие предприятия, основанные на манипулировании и плутнях, выходящих за рамки понимания. Но прежде чем создать миф Элвиса Пресли, этот мастер обмана выдумал самого себя, поскольку полковник Том Паркер никогда не был ни полковником, ни Томом, ни даже Паркером.

Скончавшись в 1997 году, Паркер замкнул круг жизни, парадоксальным образом бывшей одновременно тайной и публичной, начатой в бедности и закончившейся в горечи, после долгого славного периода, когда этот циничный, грубый и расчетливый человек сам превратился в звезду шоу-бизнеса. Полковник — превосходный пример того, какая ничтожная судьба ждала всех, с кем соприкасался Элвис, он стал Мидасом, погибшим от нелепости собственных махинаций. В разгар своих разборок с наследниками Пресли, чтобы вывернуться из лап

правосудия путем последнего фокуса, превратившего его в апатрида, недоступного для Фемиды, Паркер был вынужден отречься от мнимых южных корней и признаться в своем гораздо более далеком происхождении.

Это захотел доказать голландский журналист Дирк Велленга, проследив его жизненный путь вплоть до Бреды на севере Брабанта, где Паркер появился на свет 26 июня 1909 года под именем Андреаса ван Кейка. Пятый ребенок из одиннадцати, из которых двое умерли в младенчестве, он был сыном бывшего военного, ставшего конюхом в городской извозчицкой конторе. Неспокойный ребенок, подверженный, как и Элвис, острым приступам сомнамбулизма, Паркер ван Кейк унаследовал от предков по материнской линии, торговавших вразнос безделушками на ярмарках и рынках Фландрии, страсть к бродяжничеству, усиленную всепоглощающей страстью к миру ярмарочных балаганов и бродячих цирков. Эта двойная склонность к коммерции и зрелищам проявилась очень рано, его родные сохранили воспоминание о том дне, когда, воспользовавшись отсутствием отца, он устроил в отцовской конюшне демонстрацию выездки, собирая плату с окрестных мальчишек.

Любовь к манежу сочеталась с нескрываемым равнодушием к школе, к большой досаде госпожи ван Кейк, которая, стремясь обеспечить своим детям положение в обществе, поместила их в католический пансион. Привыкнув прогуливать уроки, будущий импресарио Элвиса пускался во все тяжкие и старался всеми способами раздобыть карманные деньги исключительно из удовольствия обирать себе подобных. Вступив в мир труда уже в четырнадцать лет, он и там проявил себя не с лучшей стороны и так и не смог добиться более-менее прочного положения. Его шестнадцатый день рождения почти совпал с кончиной его отца. Андреас осуществил давнюю мечту и сбежал в Роттердам, где вскоре объявился у одного из братьев своей матери. Но это был лишь промежуточный этап, и хотя юноша проявил необычное для себя усердие в среде докеров, это делалось лишь для того, чтобы лучше продумать план побега.

В 1926 году, когда Андреасу было семнадцать лет, он пробрался «зайцем» на грузовое судно, которое шло в Хобокен. Этот порт вблизи Нью-Йорка на реке Гудзон напротив Манхэттена обязан своим названием предместью Антверпена. В Хобокене жила крупная фламандская диаспора, и ван Кейк сумел набиться в постояльцы в одну семью. Он ничего не мог поделать со своим хроническим непостоянством и через полтора года вернулся в Бреду, пока не подвернулась новая возможность сесть на корабль.

Судно, увозившее его весной 1929 года в Новый Свет, на сей раз высадило его на Кюрасао, самом большом острове Антильского архипелага, принадлежащего Нидерландам, напротив Венесуэлы. В США вовсю действовал «сухой закон», и каботажников, занимавшихся контрабандой рома, было пруд пруди, что позволило Андреасу переселиться в Северную Америку, в Мобайл — порт в Алабаме на берегах Мексиканского залива. Нелегальный мигрант выбрал не самое лучшее время: название «безумные годы» как нельзя лучше подходило концу третьего десятилетия, экономика погрузилась в глубокий кризис вслед за крахом Уолл-стрит. Спасением для ван Кейка стало вступление в американскую армию — в те времена там особо не интересовались происхождением новобранцев.

А новобранец встретил тем более радушный прием со стороны военного начальства, что без разговоров согласился отправиться служить на Гавайи — архипелаг в Полинезии, защищавший Америку со стороны Тихого океана и присоединенный к США в конце XIX века. Добровольцы, выражавшие желание отправиться так далеко, были редки, но расставание с семьей вовсе не составляло проблемы для молодого голландца, который отныне назывался Андре. Он очутился под Пёрл-Харбором в составе 64-й бригады береговой артиллерии.

Только благодаря американской армии госпожа ван Кейк получала редкие весточки от своего блудного сына в начале тридцатых годов. Чтобы угодить военному начальству, трепетно относившемуся к семейным ценностям, Андре строил из себя примерного сына и каждый месяц переводил матери пять долларов. Одновременно с ним на Гавайях служил капитан по имени Томас Паркер; то ли из привязанности, то ли, напротив, в насмешку, но именно под этим именем ван Кейк вернулся на гражданку, демобилизовавшись в 1932 году в Пенсаколе во Флориде, на границе со штатом Алабама.

Флорида была традиционным зимним пристанищем бродяг всякого рода, бежавших от сурового климата северных штатов. К ним относились бродячие группы блюза, госпела и кантри, владельцы ярмарочных балаганов и циркачи, чинившие свои шапито или фургончики и репетировавшие новые номера под солнцем Флориды. В этом мире отщепенцев, среди бородатых женщин, карликов, людей-аквариумов, метателей ножей, заклинателей змей и сиамских близнецов, прекрасно показанном Тодом Браунингом в фильме «Уродцы» в том же 1932 году, новоиспеченный Том Паркер нашел свое место, соответствующее его особенностям.

Главным ярмарочным аттракционом в стране были «Ройал Американ Шоуз». Повинуясь указаниям директора Карла Дж. Седлмейра, эти развлечения опирались на достижения технического прогресса, завлекая публику зрелищными аттракционами, жемчужиной которых было «чертово колесо», а также зенитными прожекторами, приобретенными у военных, благодаря которым луна-парк заявлял о своем существовании на десятки километров. Систематическая модернизация — один из главнейших уроков, который Паркер извлечет из своего пребывания в мире балаганов. Продавая яблоки в карамели, он изучал изнанку профессии, построенной на сомнительных коммерческих приемах.

Его развитое воображение пришлось как нельзя кстати. Не довольствуясь ролью сводника, обещающего благосклонность исполнительниц танца живота доверчивым зевакам, он разработал куда более тонкие «номера». Например, грандиозные свадьбы на верху «чертова колеса», разыгранные вместе с партнершей и пособником, наряженным пастором и с фальшивой библией в руках; растроганная публика не задумываясь раскошеливалась в пользу мнимых новобрачных, которые возобновляли эту операцию на каждом этапе своих странствий.

Паркер стал также бессовестным изобретателем номера «танцующие курицы»: несчастных птиц помещали в клетку, пол которой, прикрытый соломой, на самом деле был электроплиткой; когда вступала музыка, Паркер включал плитку, и куры, кудахтая, задирали ноги. Еще одна уловка: двадцатипятицентовик, припаянный к кольцу, которое он носил на безымянном пальце: давая сдачу потенциальному «лоху», будущий полковник раскрывал ладонь и показывал четвертак посреди мелочи, обманывая доверчивого клиента, который ссыпал мелочь в карман, не подозревая, что самая крупная монета осталась на кольце.

Этим его изобретательность не исчерпывалась. Во время представлений в шапито всегда был антракт, и Паркер этим пользовался, тайком собирая программки, которыми зрители помечали свои места, чтобы продать их перед следующим сеансом. Наименее наивные пытались жаловаться, но ярмарочная публика умело приобретала симпатии властей, бесплатно катая их на аттракционах.

Такого же взаимопонимания удавалось достигнуть с прессой, развившей бурную деятельность в сельской Америке времен Великой депрессии. Наряду с афишами и пестрыми рекламными листовками, раздаваемыми прохожим, поддержка журналистов и местных радиоведущих была гарантом успеха любого зрелищного

предприятия, и Паркер не позабудет этот урок, когда придется выставлять в лучшем свете самый удачный аттракцион в его карьере — Элвиса Пресли.

Дожидаясь своего звездного часа, Том жил в ритме «Ройал Американ Шоуз». Сезон неизменно заканчивался в Шревепорте, и тогда он отправлялся в Тампу во Флориде, где устроил свои зимние квартиры. Предоставленный самому себе в «мертвый сезон», он разрабатывал новые изобретения (пара безработных, выставленных в витрине магазина постельного белья, человек, похороненный заживо, на которого можно посмотреть в глазок за несколько центов) и придумал себе безупречное прикрытие, женившись.

По мнению всех, кто имел с ним дело, Паркер не испытывал никакого влечения к противоположному полу; его даже охотно подозревали в гомосексуализме, навлекшем на него безоговорочное осуждение тогдашнего пуританского общества. Лучшим способом пресечь эти слухи было найти себе жену, что он и сделал в 1935 году на выставке-ярмарке в Тампе. Мари Мотт была там распорядительницей на стенде сигар «Гав-А-Тампа»; она была на год старше Паркера, уже успела дважды побывать замужем и родить сына, что делало ее легкой добычей для торговца карамельками. Он стал жить вместе с ней, позабыв, судя по всему, оформить их отношения по закону — вероятно, чтобы не раскрылось его нелегальное положение.

Сделавшись опорой семьи, Том Паркер покинул в 1938 году «Ройал Американ» и стал вести оседлый образ жизни. В ожидании лучшего он приторговывал полуэротическими фотографиями привлекательных девушек. Встреча с певцом Джином Остином открыла перед ним новые перспективы. Уроженец Техаса, Остин еще подростком вступил в американскую армию и участвовал вместе с ней в походах против Панчо Вилья, потом в Первой мировой войне, а после прошел творческую школу в мюзик-холлах и стал суперзвездой пластинок во второй половине двадцатых годов. «Голос Юга» добился славы, выпустив внушительную серию хитов: «Да, сэр! Это моя девушка», «Сегодня ты принадлежишь мне», а также «Рамону», облетевшую весь мир, и «Синее небо», которое вместе с «Белым Рождеством» оставалось самой продаваемой пластинкой в истории грамзаписи вплоть до появления Пресли.

При всем своем блеске карьера Остина рухнула под ударами кризиса, и накануне войны певец колесил по американской глубинке, давая концерты в шапито. Паркер был лишь колесиком в механизме этих выступлений, но он воспользовался

подвернувшимся случаем, чтобы применить на практике все рекламные приемы, усвоенные в мире ярмарочных балаганов. Результаты впечатлили, и через несколько месяцев Остин предложил Паркеру взять на себя раскрутку своего шоу. Это значило уехать из Флориды в Нэшвилл, нарождающуюся столицу королевства хиллбилли, и Паркер отказался — по непонятным причинам.

Он тогда получил место менеджера по развитию в «Гуманном обществе Тампы». Это ответвление общества по защите животных развернуло бурную деятельность в городе, где все зажиточные пенсионеры имели четвероногих друзей. Зарплату Паркер получал не бог весть какую, но помимо служебной квартиры, расположенной над офисом, пользовался талонами на бензин для служебных поездок — существенная льгота в то время, когда Америка вступила в войну.

Краснобайство будущего полковника оказывалось особенно полезно, когда нужно было заставить расщедриться местных буржуа. Он собирал для своих подопечных банки с собачьей и кошачьей едой, которые потом частично обменивал на консервы и кормил ими свою семью, снабжая также полезных ему людей начиная с представителей местной прессы.

Самой замечательной инициативой Паркера стало создание кладбища домашних животных, устроенного задешево на бывшем пустыре: он предлагал передавать участки в вечное владение, а также дополнительные услуги, например надгробные памятники и украшение захоронений цветами — по большей части увядшими букетами, которые выклянчивал у цветочниц в конце дня. Как раз в те времена проявились первые признаки извращенного юмора Паркера. Со злобным наслаждением он дарил щенков добермана богатым вдовам, желающим завести маленькую собачку, — завуалированный способ выразить свою ненависть к высшим классам.

Паркер обратился к своим собственным мечтам о богатстве, вновь начав оказывать услуги в мире хиллбилли. Параллельно с работой в обществе по защите животных он занимался рекламой концертов в окрестностях Тампы и брался за одно коммерческое предприятие за другим, объединив усилия со своими союзниками из газет и с радио. Однако война нависала дамокловым мечом над головой Паркера, вовсе не желавшего сражаться в Европе или в Тихом океане. Демобилизовавшись под тем предлогом, что он единственный кормилец семьи, он в конце концов сумел «откосить» путем разных хитрых приемов и теперь был волен сделать карьеру в шоу-бизнесе, когда сложит с себя обязанности в «Гуманном обществе».

Гастроли певцов хиллбилли тогда набирали обороты. После успеха «Grand Ole Opry» все большее число певцов кантри разъезжали в выходные по южным штатам, выступая в ресторанах и на случайных сценах. Обычно в таких концертах участвовали несколько артистов, а сами они напоминали «водевиль» — мюзик-холл в шапито былых времен. Эта атмосфера покорила Паркера, и он сблизился с несколькими столпами нэшвиллской сцены — Роем Акуффом, Эрнестом Таббом, а также с молодым гитаристом и певцом Эдди Арнольдом, который прошел через военные годы вместе с «Кэмел Караван» — передвижным шоу, спонсируемым знаменитой маркой сигарет. Арнольд собирался уйти из «Голден Вест Ковбойз» Ламберта и начать сольную карьеру, он обратился к Паркеру с предложением разрекламировать его новый спектакль. Будущий полковник проявил себя с самой лучшей стороны и очень скоро пробился в импресарио Арнольда.

Теперь, по прошествии времени, трудно определить, какую именно роль сыграл Паркер в нарождающемся успехе своего артиста. Судя по хит-парадам, популярность записей Арнольда совпадает с приходом его импресарио в 1945 году — тогда певец записал свой первый национальный бестселлер «Каждая минута кажется миллионом лет». Два следующих сезона отмечены полудюжиной достойных хитов, но лишь в 1947 году Арнольд стал общенациональной звездой, продав больше миллиона экземпляров «Я сохраню тебя в моем сердце», «В любое время» и «Букет роз».

Конечно, большое влияние оказала поддержка гиганта грамзаписи Ар-си-эй, но умение и коммерческая изобретательность Томаса Паркера тоже не чужды масштабному успеху, благодаря которому певец и его агент получили признание в мире кантри. На первых порах Паркер возил Арнольда и его музыкантов на гастроли в фургончике, на котором наспех было выведено их имя, но всего за несколько месяцев дошел до стадии частного самолета, а вместо наскоро оборудованных сараев наступил черед больших концертных залов.

Едва поселившись в Нэшвилле с женой и пасынком, Паркер продемонстрировал свою житейскую сметку, проведя от имени своего артиста переговоры о съемках двух фильмов в Голливуде и получив приглашение выступить в Лас-Вегасе: как мы видим, Паркер обкатывал приемы, которые обеспечат славу Элвису.

В конце сороковых годов крупнейшие мафиозные структуры Америки уже обосновались в Лас-Вегасе с твердым намерением

превратить его в игорно-зрелищный рай, и, похоже, у Паркера были кое-какие полезные связи в этой среде. Они восходили к временам его поездок в Луизиану вместе с «Ройал Американ Шоуз», а в этом штате торговля, воровской мир и политика всегда прекрасно уживались. Кстати, тесные связи Паркера с Луизианой подтвердились в 1948 году, когда губернатор Джимми Дэвис (сомнительный политик, прославившийся балладой «Ты мое солнце», когда он был певцом хиллбилли) нарек его полковником — почетный титул, высоко ценимый на юге.

В начале следующего десятилетия Паркер разработал еще более рискованные рекламные трюки. Не довольствуясь тем, что он растиражировал Эдди Арнольда благодаря новейшему средству массовой информации — телевидению, он стал публиковать в специальных журналах вкладыши, в которых сообщалось, что график выступлений его артиста расписан на полтора года вперед, что, разумеется, было неправдой. Естественно, посыпались звонки от организаторов концертов, желавших воспользоваться ближайшей отменой запланированного выступления, если это возможно, и Паркер ринулся продавать своего певца чересчур доверчивым продюсерам на вес золота.

Похоже, что спорная коммерческая политика полковника в конце концов настроила певца против него. Допустимое предположение, но гораздо вероятнее, что Арнольд был оскорблен, когда узнал, что его импресарио работает за его спиной на других артистов. В 1953 году произошел их разрыв, но Паркер не оказался на мели. За десять лет его доходы выросли по мере его социального взлета: вместо скромного представителя Общества по охране животных теперь появился один из самых видных агентов в мире кантри.

Через Арнольда он познакомился со Стивом Шоулсом, звукорежиссером с Ар-си-эй. Он также завязал отношения с Жаном и Джулианом Абербахами — австрийскими евреями-эмигрантами, уехавшими из Берлина перед самой войной и поселившимися в Нью-Йорке. Там они заложили основы настоящей империи, создав музыкальное издательство «Хилл энд Рейндж» с целью популяризации музыки кантри: «Хилл» — от хиллбилли и «Рейндж» — от «оупен рейндж» (открытое пространство), символа пространства свободы, связанного с мифом о Диком Западе. Наконец, Паркер пользовался доверием и уважением руководителей агентства Уильяма Морриса — главного концертного агентства в США.

Такие знакомства были крупным козырем полковника, и все

же ему потребовалось несколько месяцев, чтобы найти нового артиста масштаба Арнольда. Для начала в 1953 году он попробовал себя в политике, обеспечив переизбрание губернатора Теннесси Франку Клементу. Воодушевившись этим успехом, он рассчитывал заручиться поддержкой в Луизиане и попытался взять под свой контроль радиопередачу «Louisiana Hayride», но безуспешно. Не получилось у него и прибрать к рукам музыкантов Джо Франка, бонзы нэшвиллских агентов (тот недавно скончался). С отчаяния он создал «Вечеринку аттракционов» в гараже при своем доме в пригороде Нэшвилла и принялся набирать артистов. За несколько месяцев Паркер оказался во главе агентства, располагающего «беспроигрышными вариантами» из мира кантри, — среди них были певица Минни Пёрл, Уайти Форд (известный в кругу профессионалов под прозвищем Герцог Падуки) и совсем юный Томми Сендс. И всё же среди охотничьих трофеев полковника не хватало звезды масштаба Эдди Арнольда, которую он в конце концов нашел в лице Хэнка Сноу.

Похоже, что Сноу сам пришел к полковнику, а не наоборот. Это важное уточнение, потому что оно свидетельствует о хитрости импресарио, выставляющего себя спасителем, чтобы крепче вцепиться в свою добычу. Кларенс Юджин Хэнк Сноу, бесспорно, был тогда самой крупной рыбой на рынке музыки кантри, и неудачи, прежде следовавшие одна за другой, придавали еще больший вес этому подвигу. Уроженец Канады, на другом краю света по сравнению с Югом, невысокий и уже разменявший пятый десяток, тогда как высокий рост и молодость были большим достоинством, этот почитатель Джимми Роджерса, с одинаковой ловкостью обращавшийся с гитарой и с конем, потратил почти двадцать лет и сделал более сотни записей, прежде чем Нэшвилл заинтересовался его судьбой. Успех на «Grand Ole Opry» стал залогом его карьеры, и Сноу, за раскрутку которого с 1949 года взялась Ар-си-эй, вступил в новое десятилетие с солидным запасом хитов: «Я иду вперед» возглавляла хит-парады журнала «Биллборд» почти полгода, и на данный момент представлял собой самое надежное вложение капитала.

Хорошо знакомый с реалиями своей профессии, Сноу убедился в эффективности методов полковника. И когда весной 1954 года песня «Я уже безвреден» стала крупнейшим бестселлером в его карьере, он счел момент подходящим для поиска агента, который заставил бы плодоносить дерево успеха. Поющий ковбой возглавлял собственную компанию — «Хэнк Сноу Энтерпрайзиз», но рядом с ним не было деятеля, способного

открыть ему дорогу на телевидение, уже тогда оказывавшего большое воздействие на массы. К несчастью для себя, Сноу позабыл справиться о том, по каким причинам Эдди Арнольд расстался со своим кипучим импресарио, — это ему дорого обойдется.

Летом 1954 года он прозондировал почву и позволил полковнику выманить у него первый взнос в две с половиной тысячи долларов, якобы для изучения условий ассоциации. По сценарию, разработанному Паркером в следующие месяцы, «Вечеринка аттракционов» и «Хэнк Сноу Энтерпрайзиз» должны были слиться за счет Сноу — тот был готов заплатить любую цену за благорасположение великого человека. В творческом плане этот маневр был выгоден прежде всего полковнику, который сразу включил Сноу первым номером в свои гастроли, что немедленно принесло успех его собственному предприятию. Сноу еще не знал, что его приход сыграл на руку Паркеру, уже некоторое время мечтавшему о том, чтобы заарканить восходящую звезду мира кантри — Элвиса Пресли.

По окончании эры Арнольда Том Паркер эпизодически сотрудничал с Оскаром Дэвисом, бывшим агентом Хэнка Уильямса. Внезапная смерть этого певца 1 января 1953 года от передозировки спиртного и таблеток ввергла его агента в пучину трудностей. «Барон» (так его прозвали в музыкальных кругах) прилепился к полковнику и выполнял для него кое-какие поручения во время гастролей; именно он первым приметил Пресли на концерте «Блу Мун Бойз» в одном из клубов Мемфиса осенью 1954 года. Барон был поражен магнетической властью Элвиса над женской аудиторией вне зависимости от возраста. Он провел подходные маневры, намереваясь в первое время приберечь свое открытие для себя самого. Полковник, бывший начеку, пронюхал об этом и рванул наперерез своему коллеге.

Уже на первой встрече с Элвисом полковник осмеял «Сан Рекордз» в присутствии брата Сэма Филлипса, Джада. Эта грубая выходка была продуманным шагом: Паркер прекрасно прочувствовал уязвимость Пресли. Намеренно вбивая клин между ним и студией грамзаписи, выказывая превосходство человека с опытом, внушающее доверие, он был уверен, что привлечет к себе этого еще наивного паренька, с восторгом взирающего на крупного профессионала, снизошедшего до того, чтобы давать ему советы. Пройдя ярмарочную школу, Паркер развил в себе шестое чувство, у него был нюх на легкую добычу. Сознавая творческий потенциал Элвиса, он в большей степени ценил его покорность, его привычку не подвергать сомнению слова старших, говорить «да, сэр», вежливо наклоняя голову, как учили

его родители. Увидев, куда его завел союз с Эдди Арнольдом, полковник искал прежде всего певца, готового беспрекословно выполнять его волю. Пресли со своим искренним энтузиазмом и нескрываемым простодушием был готовой жертвой для такого расчетливого человека, как Паркер.

Убежденный в том, что нашел курицу, несущую золотые яйца, он всеми способами старался обвести Элвиса вокруг пальца, стараясь при этом не попадаться ему на пути, чтобы у того не сложилось впечатление, будто им интересуются. Попутно он уболтал Боба Нила, которого знал как одного из популярнейших радиоведущих Мемфиса. Ничего не пообещав конкретно, он намекнул на славное будущее, если только найдет возможность уделить частицу своего времени Пресли. Притворяясь, будто поддается на уговоры, Паркер согласился помогать Нилу, когда тот сменил Скотти Мура и стал искать новые контракты для «Блу Мун Бойз».

Первые гастроли вместе с «Вечеринкой аттракционов» состоялись в начале 1955 года. Вечером в воскресенье 13 февраля памятный концерт, на котором Элвис и два его аккомпаниатора разделили сцену с еще совсем молодым Бадди Холли, положил начало недельному турне с Хэнком Сноу, его сыном Джимми Роджерсом Сноу, Герцогом Падуки, мамой Мэйбл и сестрами Картер — членами одного из самых уважаемых кланов кантри. Опыт, ограниченный во времени, прошел успешно. Паркер постарался не сопровождать лично гастрольный коллектив, чтобы не уронить своего величия, но Джимми Роджерс Сноу держал его в курсе всех достижений певца, который уже тогда потряс музыкальный мир Юга своей дикой энергией и обостренной чувственностью — наследием негритянского госпела и блюза. Утвердившись в своем мнении, полковник мог продолжать плести свои сети, следя за развитием карьеры Пресли и при этом оставаясь в тени.

Весной подвернулся случай для второго эксперимента. На сей раз «Блу Мун Бойз» заняли почетное второе место на афише «Вечеринки со звездами» Хэнка Сноу, сразу после него самого и перед сестрами Картер, братьями Уилберн, Джимми Роджерсом Сноу и Фароном Янгом, карьера которого пошла на взлет после триумфа в «Grand Ole Opry». Уже 1 мая, во время двойного концерта в городском концертном зале Нового Орлеана, Элвиса встретило шумное море подростков, не оставлявших никаких сомнений по поводу того, на кого именно они пришли посмотреть. «Это было невероятно, — рассказывал потом Фелтон Джарвис, будущий продюсер Пресли, открывший его для себя именно в то время. — Элвис затмил их всех. Люди вопили и

топали ногами. Они не отпускали его, и когда на сцену вышел Хэнк Сноу, его освистали».

В последующие недели, против всех правил, Хэнк Сноу скрепя сердце отказался от почетного места и стал выступать перед «Блу Мун Бойз». Это не было жестом великодушия: Сноу не хотел ставить себя в нелепое положение, настаивая на том, чтобы петь после Пресли.

Буйство Элвиса на сцене не оставляло выбора его коллегам: приходилось уступать. Возможно, внимание публики привлекал не столько певец, сколько шоумен, умевший ее завести. До сих пор только звезды негритянской общины приучили свою аудиторию к столь зрелищным выступлениям: Луи Армстронг устраивал клоунаду со своей трубой, Ти-Бон Уолкер играл на гитаре, держа ее за головой и сидя на шпагате, Луис Джордан вращал глазами и строил рожи, Джей Мак-Нили переползал через сцену на спине, дудя при этом в свой саксофон, покрытый флюоресцирующей краской, — всё это были удачные примеры сочетания музыки и зрелища. И хотя публика была знакома с кое-какими из этих трюков благодаря кино, белые американские артисты всегда считали делом чести не опускаться до подобного шутовства. Но не Пресли, который сам возбуждался во время церковных служб и разнузданных концертов в гетто Мемфиса, не испытывая по этому поводу никаких комплексов.

На сцене его бурная жестикуляция перекликалась с яркими пассажами на гитаре Скотти Мура и тем более с выходками Билла Блэка, который вертел свой огромный контрабас, скакал на нем верхом, а потом валился наземь. Каждый вечер зал превращался в сущий вертеп, и пресса, разрываясь между восторгом и осуждением, отмечала, что Америка не знала такого феномена со времен бушующих *bobby soxers* — фанаток в белых носочках, таявших десятью годами раньше от воркования молодого Фрэнка Синатры.

Но если бывший солист оркестра Томми Дорсея делал ставку в основном на свой голос и жгучие взгляды, которые он бросал на девочек, падавших к его ногам, Элвис попирал все табу своего времени, совершая весьма откровенные движения. Жертвой его неукротимой энергии становилась гитара: каждый раз, когда он уходил со сцены, обливаясь потом, на ней не хватало двух-трех струн. В отличие от Хэнка Сноу, для которого гитара была средством продемонстрировать свою виртуозность, Элвис относился к своему «Мартину» как к резонатору, которым он задавал ритм своим крикам, обрывая струны на синкопах, как к аксессуару, позволяющему подчеркнуть чувственность его

импровизированного танца.

Его непосредственность не подвергалась сомнению, и вечером 13 мая 1955 года он вызвал первую в своей карьере бурю. Второй день подряд он выступал на бейсбольном стадионе Джексонвиля во Флориде, четырнадцать тысяч зрителей пришли на сногсшибательное шоу, которое уже потрясло весь город накануне. Уходя со сцены, опьяненный приемом, оказанным ему морем истеричных девчонок, Элвис неосторожно крикнул: «Жду вас в своей гримерке!» Брякнул просто так и пришел в ужас, увидев, что часть зрительниц поняла его буквально. Охрану смели, на певца в буквальном смысле навалилась целая свора поклонниц, которые рвали на нем одежду, царапали, кусали и целовали одновременно. Полиции пришлось вмешаться, чтобы освободить его и вывезти на патрульной машине: его «кадиллак» стал непригоден к использованию, потому что поклонницы наполовину разобрали его на части, а остальное покрыли признаниями в любви и номерами телефонов.

Этот эпизод не ускользнул от внимания Тома Паркера, который по опыту знал, что Флорида — не самый молодежный и не самый динамичный из сорока восьми американских штатов. Кроме того, он почти ежедневно читал в прессе отзывы журналистов, дивившихся нарождающемуся феномену Пресли: продажи розовых «кадиллаков» возросли, а в школах резко увеличилось количество коков, тщательно уложенных при помощи геля. Полковник понял, что пора переходить в наступление, если он не хочет, чтобы Элвиса увели у него из-под носа, тем более что Боб Нил, не поспевавший за событиями, расшаркивался и перед другими профессионалами.

1 июля с Нилом был заключен предварительный договор, согласно которому «Вечеринка аттракционов» становилась эксклюзивным представителем «Блу Мун Бойз» в отношении концертной деятельности, прерогативы импресарио временно сохранялись за Нилом. По крайней мере внешне, поскольку полковник вовсе не собирался этим ограничиваться.

Оставалось самое сложное. Ему было необходимо привлечь на свою сторону родителей Пресли, ответственных по закону за своего сына до 8 января следующего года, когда ему исполнится двадцать один. Встреча состоялась в начале лета в Мемфисе, в доме 1414 по Гетвелл-роуд (улица Выздоровления), обязанной своим названием больнице для ветеранов войн, куда только что переехали Пресли, — всего через полгода после того, как поселились в домике на Ламар-авеню. Элвис бывал там редко, потому что гастролировал, но его стремление к социальному

возвышению проявилось в выборе этого квартала, где жил Сэм Филлипс: всего за год артист поднялся до уровня владельца студии грамзаписи.

Разыгрывая добряка, Том Паркер подкрепил эффект располагающей к себе внешности неодобрительным отзывом о том, как управляют карьерой Элвиса. Вернона он поманил деньгами, дававшими возможность не работать, и гарантировал будущее, обеспеченное его сыном, но самый трудный разговор предстоял с Глэдис. Полковник знал от Элвиса, что его мать тревожится из-за буйств, которые он вызывает против воли; он убедился, что она места себе не находит, когда ее единственный сын каждый день рискует жизнью в дороге. Совсем недавно она упала в обморок, узнав, что новенький розовый «кадиллак» Элвиса загорелся, поскольку тот ехал, забыв снять его с ручного тормоза.

Полковник попытался успокоить Глэдис, пообещав ей очень быстро замедлить темп концертов, а потом предложить Элвису поехать в отпуск к нему в Мэдисон, где он сможет спокойно отдохнуть. Паркер подчеркивал собственное скромное южное происхождение, выдумав себе для такого случая мелодраматичную биографию. Послушать его, так он появился на свет совершенно случайно в Хантингтоне, городке на границе между Западной Виргинией и Кентукки, где его родители были на ярмарке. В десять лет осиротел, его подобрал дядюшка и взял к себе в свой «Большой конный цирк Паркера», а потом уж он сам пробился, поставив номер с шимпанзе и собачками.

Никакая ложь не казалась Паркеру чрезмерной, и он даже добавил к этим зверюшкам ученого слона, но не приобрел симпатии Глэдис, очень сдержанно отнесшейся к этому человеку, который казался ей слишком любезным, чтобы быть до конца честным. Кстати, ей удалось его подловить. Когда полковник, стремясь выставить себя добрым христианином, заговорил о своей религиозности, Глэдис тотчас спросила, к какой церкви он принадлежит, и Паркер запнулся. Миссис Пресли не могла понять, зачем сыну новый агент, когда и Боб Нил прекрасно со всем справляется. Элвис и Вернон были другого мнения, их ослепила пыль, которую Паркер напустил им в глаза.

В последующие недели полковник намеренно держался скромнее, продолжая при этом подходные маневры. Самым ловким из них было использовать Герцога Падуки, чтобы привлечь на свою сторону Глэдис. Однажды вечером, в начале августа, когда она зашла к сыну в гримерку, Элвис представил ее Герцогу, юмористические выступления которого она уже много лет слушала по радио в передаче «Grand Ole Opry». Тот

постарался преодолеть ее предубеждение, расхваливая ей достоинства полковника, и Глэдис в конце концов уступила, устав бороться.

Следующим препятствием был Скотти Мур. Паркеру был не по душе гитарист, чьи зрелость и опытность, подкрепленные службой во флоте (он побывал в Корее в начале десятилетия холодной войны), контрастировали с простодушием Элвиса. Скотти ничего не говорил, но молча наблюдал за тем, как полковник пытается всех охмурить. У него даже имелся секрет (законно предположить, что для владельца «Вечеринки аттракционов» он был как кость в горле): когда Мур еще состоял официальным импресарио Пресли, он отправил экземпляр их первой пластинки «Сан» Тому Дискину, правой руке Паркера, который взамен прислал ему письмо с отказом. Этот первый отказ был камешком в огород полковника, который пуще всего ненавидел тайны, если не был их единственным поверенным. «С первого дня стало понятно, что мы с Биллом полковнику не нужны, — рассказывает Мур. — Со временем это становилось все очевиднее. Элвис привык слушать меня, что совершенно не нравилось полковнику, и он сделал все, чтобы разлучить нас».

Верный своей доктрине — разделяй и властвуй, — Паркер подступился к Элвису через посредство Боба Нила, побуждая его расширить круг аккомпаниаторов. 7 августа ознаменовалось официальным вступлением в гастрольный ансамбль ударника Доминика Джозефа Фонтаны, пианиста Флойда Крамера и Джимми Дея, игравшего на стил-гитаре. Все трое уже не раз выступали с «Блу Мун Бойз», в особенности Фонтана: его сотрудничество с Элвисом восходит к первому появлению певца в программе «Louisiana Hayride» осенью 1954 года. Д. Дж. Фонтана, штатный барабанщик этой передачи, обычно работал за занавесом, чтобы не шокировать пуристов стиля кантри, известных своим враждебным отношением к инструменту, тесно связанному с негритянской народной музыкой. Наплевав на эти условности, Элвис, Скотти и Билл потом всегда просили, чтобы Фонтана выходил на сцену с открытым забралом, укрепляя связи между музыкантами, и так играющими чрезвычайно слаженно.

Окончательное вступление в ансамбль трех новых музыкантов подписало смертный приговор «Блу Мун Бойз»: их сценический образ совершенно стушевался, выставив вперед одного Пресли. Прекрасный предлог, чтобы оттеснить на обочину Скотти и Билла, сразу утративших статус напарников, несмотря на свой важный вклад в формирование музыки Элвиса. Раньше каждый из них получал четверть доходов группы, теперь же было решено выплачивать им фиксированный гонорар с каждого

концерта. Официально это решение приняли Элвис и Боб Нил, но за их спиной маячила тень Паркера, и хотя эта пилюля была горька, двум товарищам пришлось ее проглотить, потому что так повелевала железная логика.

Боб Нил утратил всякую власть, став простым винтиком в машине, построенной полковником. По условиям второго контракта, от 15 августа, Паркер официально становился личным советником Элвиса — продвижение вперед с целью еще дальше отстранить певца от его официального агента. Из этого нового соглашения видно, как полковник упрочил свой образ спасителя. Вместо того чтобы перечислять его обязанности, контракт указывает его права: Элвис обязуется уплатить ему за услуги 2500 долларов, а он соглашается на 200 долларов за каждое из ста ближайших выступлений, тогда как полковник вел переговоры о вознаграждении в два, а то и в три раза большем. Мы приходим к выводу, что полковник, прекрасно сознавая, что заработает миллионы благодаря таланту Элвиса Пресли, с самого начала принимал его за «лопуха», по словам Дирка Велленги, проследившего за неоднозначными отношениями между артистом и его агентом.

Можно только удивляться простодушию Элвиса, если не понимать, что Паркер, поднаторевший в технике ведения переговоров, представил этот протокол как временную компенсацию. Эти драконовские условия — входной билет, необходимая плата за то, чтобы такой видный деятель, как полковник, согласился заняться судьбой Пресли. Взамен Паркер пообещал молодому певцу громкое будущее, если только у него не будут связаны руки, и тотчас вступил в предметные переговоры с несколькими крупными фирмами грамзаписи.

В середине июля «Baby Let's Play House» — сторона «А» с четвертой пластинки Пресли под маркой «Сан» — ворвалась в хит-парад песен в стиле кантри, наиболее часто передаваемых по радио. Это пришлось как нельзя кстати. В начале августа песня вошла в десятку хитов по версии журнала «Биллборд», и Паркер получил в свое распоряжение веский аргумент, чтобы устроить для своего артиста наилучший контракт: раз уж Пресли сумел пробиться в общенациональные хит-парады с пластинкой, записанной какой-то крошечной фирмой, ему суждено великое будущее.

Со своей стороны, Сэм Филлипс понимал, что не сможет повести своего певца к более заманчивым вершинам из-за нехватки средств на раскрутку и сбыт пластинок. И все же Филлипсу было тяжело ставить крест на Пресли, которого

отнимала у него судьба, хотя прежде избрала его, Сэма, чтобы раскрыть его потенциал. Он сделал все, что мог, чтобы отсрочить уход артиста: распустил слух, что готов расстаться с ним за 35 тысяч долларов — неслыханная сумма по тем временам: это значило сознательно надеяться на то, что ни одна другая компания никогда не примет такие условия.

Тем не менее глава «Сан Рекордз» искал «новеньких». Сосредоточив почти все свои усилия на карьере Элвиса осенью 1954-го и весной 1955 года, он уже несколько недель старался раскрутить двух новых артистов, вышедших из «белого отребья», — Джонни Кэша и Карла Перкинса. С точки зрения Филлипса, лучшим способом вывести двух новых питомцев на более высокий уровень было заломить как можно более высокую цену за контракт с Элвисом, даже если придется повышать ставки, записав новый хит.

Воспользовавшись передышкой в несколько дней, которую Боб Нил и полковник дали «Блу Мун Бойз» в середине июля, Филлипс пригласил их в «Мемфис Рекординг Сервис», где были записаны три новые песни. Две из них вышли уже 1 августа на пластинке «Сан» под номером 223: «I Forgot to Remember to Forget» («Я забыл не забыть забыть», сочинение Стэна Кеслера, который написал «Я лев, ты права, она ушла») и «Mystery Train» («Таинственный поезд»), введенный в репертуар ритм-энд-блюза за полтора года до того бывшим артистом «Сан» Джуниором Паркером, игравшим на губной гармонике.

В это же время Том Паркер прислушивался к сплетням в профессиональном кругу, подыскивая своему певцу достойного в финансовом и коммерческом плане партнера. Братья Чесс из Чикаго проявили интерес к этому вопросу наряду с Ахметом Эртеганом и Джерри Векслером — их студия «Атлантик» активно занималась модернизацией ритм-энд-блюза, продюсируя таких артистов, как Клайд Мак-Фаттер, Ла Варн Бейкер и Рей Чарлз. «Нас очень впечатлили пластинки, выпушенные Сэмом Филлипсом под своей маркой „Сан“, — рассказывает Эртеган. — Помню, как я прослушал первые записи Пресли и подумал, что у этого парня большой талант, он действительно понимает негритянскую музыку. Мне захотелось заключить с ним контракт. Я предложил Паркеру 25 тысяч долларов — почти все наши сбережения. В то время это была внушительная сумма, особенно если вспомнить, что я основал свою фирму грамзаписи, располагая одиннадцатью тысячами. Полковник Паркер запросил 45 тысяч, это было нам не по средствам».

Настоящую причину отказа следует искать в другом. Паркер вовсе не имел намерения вырваться из гетто, которое представлял

собой мир музыки кантри, чтобы запереть себя в гетто негритянских песен. Далеки еще те времена, когда «Атлантик» превратится в международного медиамагната благодаря «Роллинг стоунз» и «Лед Зеппелин», но и этого первого контакта хватило, чтобы имя Элвиса Пресли было подхвачено в профессиональном кругу.

В кратком списке воротил американской эстрады были и другие заинтересованные фирмы. «Декка», «MGM», «Меркьюри» и «Капитал» заявили о себе, но самое серьезное предложение поступило от «Коламбии». Самым влиятельным лицом в компании был Митч Миллер, художественный руководитель и дирижер оркестра, чья слащавая и безликая музыка отстояла на тысячу верст от музыки Элвиса. Хотя Миллер и принадлежал к старой школе, это был опытный профессионал, который прекрасно понимал, в какую борьбу старая школа вступила с новой волной. Показательно, что последняя на то время запись оркестра Митча Миллера — «Желтая роза Техаса» — встречается во всех списках лидеров продаж лета 1955 года, борясь за первое место в хит-парадах поп-музыки с «(We're Gonna) Rock Around The Clock» — гимном нарождающегося рок-н-ролла в исполнении Билла Хейли, ставшего популярным благодаря фильму «Джунгли за школьной доской».

Миллер направил двух своих представителей в Нэшвилл, где полковник принял их с большой помпой в самом красивом отеле города, но при этом обходился с ними с неприкрытым высокомерием, когда они предложили ему 40 тысяч долларов в обмен на контракт с Элвисом. Казалось бы, странная реакция, принимая во внимание внушительность предложенной суммы, но Паркер мог себе позволить капризы, потому что его выбор был к тому времени уже сделан, а переговоры с «Коламбией» должны были только повысить давление в котле шоу-бизнеса, где слухи распространяются молниеносно.

Несмотря на свое кочевое прошлое, Том Паркер был по натуре домосед, и это побуждало его цепляться за насиженное место; впоследствии он продемонстрирует это несколько раз — в ущерб Элвису. Убежденный в том, что, раз поставив на счастливый номер, лучше ничего не менять, он собирался хранить верность компании Ар-си-эй, узнав всю ее тайную кухню, пока работал с Эдди Арнольдом, а потом с Хэнком Сноу. Паркер был хорошо знаком со Стивом Шоулсом, составлявшим для Ар-си-эй дискографию кантри и ритм-энд-блюза, и с самого начала лета беспрестанно расхваливал ему Пресли. Шоулс им заинтересовался и воспользовался всем своим влиянием в компании, чтобы добиться от ее руководства контракта на 25

тысяч долларов. До предложения Миллера из «Коламбии» было ох как далеко, но у полковника был припрятан в рукаве последний козырь: он знал, что продажа пластинок — не единственный источник прибыли для артиста. Он также знал, что авторские права на песню делят поровну между авторами и композиторами с одной стороны и издателем — с другой. Если договориться с издательской фирмой, Паркер мог на этом хорошо нажиться. Воспользовавшись тесными связями с Джулианом и Жаном Абербахами из фирмы «Хилл энд Рейндж», он попросил у них 15 тысяч долларов в обмен на эксклюзивное использование их каталога для всех будущих записей Элвиса Пресли. Он также потребовал часть отчислений с этих записей от имени певца; уверенный в том, что вскоре будет единственным законным представителем интересов Элвиса, полковник, естественно, урвет себе свою часть пирога.

Последние формальности были улажены через адвокатов, оставалось только подписать документы на церемонии, соответствующей масштабу игры. Ее назначили на понедельник 21 ноября 1955 года. Полтора десятка человек собрались за обедом в отеле «Пибоди», самом шикарном заведении Мемфиса. Помимо Элвиса и его родителей, на фотографиях, сделанных в тот день, можно узнать полковника, его партнера Хэнка Сноу, Боба Нила, Стива Шоулса и нескольких представителей Ар-си-эй и «Хилл энд Рейндж». Не менее важный участник этого события Сэм Филлипс получил чек на 35 тысяч долларов в обмен на контракт с Элвисом, тот же получил 5 тысяч в виде компенсации за отчисления, которые должна была ему выплатить «Сан Рекордз».

Филлипс не скрывал огорчения, видя, как выпестованный им артист ускользает от него всего за год до официального заключения их соглашения, но он понимал, что совершил превосходную сделку в финансовом отношении. В те времена, когда грамзапись вовсе не была процветающим сектором индустрии зрелищ, он получал кругленькую сумму, чтобы раскрутить новых артистов. Он не стал с этим затягивать, и Карл Перкинс и Джонни Кэш быстро заявили о своем таланте, выпустив в компании «Сан» хиты «Синие замшевые туфли» («Blue Suede Shoes», второе место в хит-парадах поп-музыки весной следующего года) и «Я стараюсь быть безупречным» («I Walk the Line»), а также много других. Филлипс рассчитывал на эти деньги и чтобы финансировать WHER — новую, полностью женскую радиостанцию, которую только что создал; остальное он вложил в новое предприятие в Мемфисе — сеть «Холидей Инн», которое

быстро превратит его в мультимиллионера.

Для Боба Нила будущее вырисовывалось не в таком розовом свете. Проныра-полковник обскакал его: Боб сумел сохранить за собой звание импресарио Элвиса только до 15 марта 1956 года. Когда срок его полномочий истек, певец получил полное право официально доверить свое будущее Тому Паркеру за 25 процентов от всех своих доходов. В промежутке Паркер умудрился преодолеть последнее препятствие, которое могло ему помешать, открыв своему компаньону Хэнку Сноу, что договор, подписанный с Элвисом, заключен на стороне, а не от имени их совместного предприятия. Это был тяжелый удар для Сноу, который ничтоже сумняшеся собирался извлечь выгоду из операции, провернутой вместе с Паркером. Когда они расстались, полковник смог добавить еще один трофей в свою коллекцию облапошенных.

Глава пятая. КОРОЛЬ РОК-Н-РОЛЛА

Как мы помним, Элвис Пресли вызвал самую первую в своей карьере бурю среди поклонниц 13 мая 1955 года после концерта на стадионе в Джексонвиле. Такое впечатление, что подростковая аудитория крупнейшего мегаполиса Флориды была особенно подвержена приступам коллективной истерии, поскольку то же самое повторилось в том же городе 29 июля следующего года в разгар больших маневров, развернутых полковником Паркером. «С молодого певца сорвали галстук, платок, пояс, а также большую часть рубашки и пиджака, прежде чем его удалось спасти», — сообщал две недели спустя журнал «Кэшбокс». Это еще не вошло в систему, но и тогда уже было ясно, что речь не об отдельном инциденте, не о стечении обстоятельств или случайном помутнении ума у нескольких десятков перевозбудившихся девиц.

Не только Пресли доводилось сталкиваться с такими бурными проявлениями восторга. В четверг 20 октября он выступал вместе с Пэтом Буном в школе Бруклина, в пригороде Кливленда. Бун, еще одно открытие сезона 1955 года, обожаемый юными американцами за свою обработку песни «Ain't That a Shame» («Разве не жаль») Фэтса Домино, пользовался тогда куда большей популярностью, чем Элвис. Директор бруклинской школы предусмотрел возможную реакцию учеников и отправил учителя физкультуры внушительного телосложения охранять вход в раздевалку во избежание беспорядков. К несчастью, подобная предусмотрительность не была проявлена в тот вечер, когда Бун и Элвис выступали в зале Святого Михаила в Кливленде. Никакой службы безопасности, имеющей право так называться, там не было, фанаты набросились на Элвиса и сорвали с него одежду, через несколько минут та же участь постигла Буна, и организаторам концерта пришлось вызвать полицию.

Провоцирующая молодость артистов новой волны как будто еще больше распаляла подростковую публику. В особенности девушки, возбужденные чувственной энергией своих кумиров, души не чаяли в певцах, пренебрегавших правилами приличия, которые внушали им старшие. Молодая Америка слишком долго обуздывала свои порывы и теперь, глядя на исполнителей-ровесников, ударилась в крайности. Контраст между юношей Пресли и Биллом Хейли, который был старше его на десять лет, был разителен. А ведь Хейли считался поборником нарождающегося рок-н-ролла! Оба строили свой репертуар на

музыке ритм-энд-блюз, но сдержанность второго записала его в «старики» в глазах тинейджеров.

В оправдание своим детям Америка приписала это исступление воздействию музыки, вульгарность и сомнительное происхождение которой принялись осуждать добропорядочные общества, — политически корректный способ подчеркнуть связь новых ритмов с негритянской музыкой в тот момент, когда афроамериканская община решила встать с колен. В США давно привыкли находить козлов отпущения, сталкиваясь с собственными мерзостями. Вместо того чтобы взглянуть со стороны на взрывное развитие подросткового общества потребления, они предпочитали копаться в происхождении скандального рок-н-ролла, с легкостью приписывая его отцовство негритянской общине, привыкшей к тому, что на нее вешают всех собак. Похожее явление наблюдалось в период между двумя мировыми войнами с джазом, за тем лишь исключением, что искусственное возбуждение «безумных лет» умерило пыл цензоров. Теперь, в эпоху холодной войны, подобная сдержанность была уже неуместна, все средства казались хороши, чтобы разом воздвигнуть преграду на пути красной, желтой и черной опасности.

Имеет смысл остановиться на происхождении слова «рок-н-ролл». Обычно его создание приписывают Алану Фриду — эксцентричному диск-жокею, который в начале пятидесятых приобщал к негритянской музыке подростков из Кливленда. А потом поселился в Нью-Йорке, где поощрял стремление своих юных слушателей к свободе. Своей сомнительной репутацией это обобщающее слово обязано сопоставлению двух заимствований из негритянского жаргона. Так же, как слово «джаз» является синонимом совокупления, «рок-н-ролл» — «колебание и раскачивание» — является почти неприкрытым обозначением возвратно-поступательных движений во время полового акта.

По негритянским песням можно прекрасно проследить за эволюцией слов «рок» и «ролл» в лексиконе гетто. Уже в 1922 году звезда блюза Трикси Смит делала довольно прямолинейные намеки в песне «My Daddy Rocks Me With One Steady Roll» («Он баюкает меня, сильно покачивая»). Впоследствии барды чернокожей Америки постоянно ссылались на движения бедрами: «Rock That Thing» Лила Джонсона; «Rock Me Mamma» Артура Крудапа, автора «Всё в порядке»; «Rockin' My Blues Away» в репертуаре Уошборда Сэма или «Rocking and Rolling» Боба Робинсона.

Повторение ситуации в конце концов сделало безобидными

эти термины, значение которых постепенно сместилось в сторону свинга джаз-бандов. Постепенное смягчение смысла прекрасно иллюстрирует трио сестер Босуэлл — белых певиц из новоорлеанской буржуазии, которые невинно говорили о танце, когда пели «Rock and Roll» в полицейском мюзикле «Transatlantic Merry-Go-Round» в 1934 году; как раз в том году Глэдис Пресли носила под сердцем своих близнецов, и, по слухам, этот шлягер был одной из ее любимых песенок. Четыре года спустя Элла Фицджералд без всякой задней мысли спела «Rock It For Me», а фирма «Капитол» явно не имела в виду ничего дурного, расхваливая во время войны «royal rocking' rythm» («королевский рок-ритм») своей звезды Ната Кинга Коула.

Еще до того как журнал «Биллборд» стал помещать свои негритянские хит-парады под заголовком «ритм-энд-блюз» вместо слова «расовый», казавшегося унизительным для афроамериканцев, главное меньшинство страны уже привыкло ассоциировать слова «рок» и «ролл» с народной музыкой. Особенно после того, как песня «Good Rockin' Tonight» возглавила список негритянских бестселлеров летом 1948 года. Устремившись в эту нишу, Джо Латчер и «His Society Cats» закрепили успех осенью, выпустив «Rockin' Boogie». По тому же пути последовали Джимми Престон с «Rock the Joint» в следующем сезоне, «Пиано Ред» («Rockin' with Red») и Джонни Отис («Rockin' Blues») в 1951 году.

По мере того как утверждалась новая школа ритм-энд-блюза, уклон стал делаться в сторону более фривольных оттенков смысла. В том же 1951 году Айк Тернер и Джеки Бренстон играли на двусмысленностях, расхваливая новою модель «олдсмобиля» «Rocket-88», а Рейвены открыто вернулись к изначальному смыслу слова «rock», спев в 1952 году «Rock Me All Night Long» («Качай меня всю ночь»).

С распространением грамзаписи на радио и взлетом популярности первых негритянских радиостанций юные поколения усвоили вольный тон, присущий негритянской музыке. Некоторые диджеи очень быстро увлеклись раскрепощением нравов, передавая записи ритм-энд-блюза для подростков. Это было свойственно Дьюи Филлипсу в Мемфисе и Алану Фриду в Кливленде — именно он окончательно ввел в употребление выражение «рок-н-ролл», озаглавив свою передачу «Moondog Rock'n'Roll Party». С переездом в Нью-Йорк в конце лета 1954 года он смог расширить это движение и даже присвоить себе эту формулировку, которую официально запатентовал.

В очередной раз шоу-бизнес воспользовался плодами негритянского творчества. Хотя Фрид и предпочитал чернокожих

певцов белым имитаторам, которых робко начинали выдвигать некоторые студии грамзаписи, он первым понял, что, несмотря на свой непристойный подтекст, термин «рок-н-ролл» подразумевает определенную расовую нейтральность, позволяющую любому примкнуть к ритм-энд-блюзу. Как и многие коллеги, Фрид подрабатывал, устраивая концерты, на которые приглашал чернокожих артистов из числа тех, чьи записи ставил на радио. На протяжении всего сезона 1955 года эти концерты рекламировались в нью-йоркских газетах под названием «Бал рок-н-ролла» и привлекали смешанную в расовом отношении публику.

Считая себя творцом этой революции, Алан Фрид не колеблясь провозгласил себя «королем рок-н-ролла». Его правление окажется недолгим, ибо, прибыв в Ар-си-эй, Элвис естественным образом унаследовал корону, которая была точь-в-точь по нему, судя по энергии, которую он выплескивал на сцене. В очередной раз судьба склонила чашу весов в пользу Пресли, который вышел на мировую сцену в самый подходящий момент, когда музыкальное течение, к которому он примкнул, обрело наконец свое лицо.

С самого начала его карьеры профессионалы не знали, какой ярлык навесить на белого певца блюза; до сих пор его ради удобства относили к миру кантри под тем предлогом, что он вышел из среды «белого отребья», однако это были чересчур узкие рамки, потому что его аудитория включала не только любителей хиллбилли. В Техасе, где он сразу снискал себе солидную репутацию, его часто называли «Western Bopper» — ловкий способ объединить его сельское происхождение с негритянским влиянием, связав определение, относящееся к белым, с существительным, связываемым с новым поколением творцов джаза, воплощением которого были Диззи Гиллеспи и Чарли Паркер. Распространение термина «рок-н-ролл» подоспело очень вовремя, дав всей Америке некое общее название для направления, знаменосцем которого стал Элвис.

Хотя у этого стиля появились последователи и под него до сих пор подпадает зажигательная послевоенная музыка, оригинальный рок-н-ролл прожил очень недолго. Этот период почти в точности совпадает с периодом славы Элвиса, на котором и будет выстроен его успех, выдумана легенда. За 28 месяцев между его громким появлением в Ар-си-эй в ноябре 1955 года и уходом в армию в марте 1958-го его имя вышло из безвестности и вошло в повседневный лексикон Америки, быстро сделавшись нарицательным, типа «кока-колы» или «памперса». Прежде чем на экран ворвался актер, певец одержал беспрецедентный

информационный и коммерческий триумф: его записи занимали высшие строчки хит-парадов, завораживали слушателей и далеко от Америки, занимали эфир, вызвав в буквальном смысле взрыв на рынке пластинок.

Для описания феномена Пресли в сезоны 1956 и 1957 годов невозможно найти слова, которое стало бы преувеличением. В общей сложности он выпустил тогда три десятка синглов, которые разошлись миллионными тиражами в эпоху, когда пластинка в 45 оборотов еще не исчерпала свой потенциал. Все его песни нашли место в списках бестселлеров, а десять из них занимали первую строчку в чартах на протяжении 56 недель. Одновременно восемь альбомов, вышедших под именем Элвиса (в среднем по одному в квартал), побили все рекорды. Чтобы в полной мере оценить это изобилие, надо отметить, что ни один другой артист в истории грамзаписи не смог потом повторить его достижений; на взлете популярности «Битлз» десять лет спустя ливерпульская четверка лишь подражала успеху Пресли, и только Майкл Джексон может похвастаться подобным результатом, к которому приблизился его сборник «Триллер».

Самое поразительное в этом коллективном, почти патологическом исступлении — его размах. В американских гетто Элвис был единственным белым артистом, долгое время соперничавшим с негритянскими звездами того времени, так что публика, славящаяся своей требовательностью, даже признала его за своего. В пору расцвета рок-н-ролла множество плагиаторов старались присвоить себе наследие ритм-энд-блюза, но Элвис был единственным представителем этой школы, которого чернокожие не обвиняли в воровстве. Афроамериканцы даже считали его законным певцом блюза, что подтверждает его внушительное присутствие в хит-парадах ритм-энд-блюза и постоянное — в эфире негритянских радиостанций.

Задолго до разговоров о глобализации популярность Пресли в международном масштабе стала еще одним небывалым аспектом его успеха, миф о нем распространился по всем континентам от Ирана до Австралии. В Европе его музыка находила отклик не только в Англии, традиционно поддерживавшей особые отношения со своими бывшими колониями в Новом Свете; в Германии это можно было бы объяснить тем, что торжествующая Америка стремилась навязать там свои ценности перед лицом коммунистической угрозы, но то же самое было в Голландии, в Скандинавских странах, в Италии, в Испании и даже во Франции, вовсе не намеревавшейся безропотно подчиняться американскому империализму.

Это головокружительное восхождение на вершину не

обошлось без проблем личного плана. Охваченный возбуждением, которое приходит вместе с успехом и богатством, Элвис был рад и упивался славой, своей незаурядной судьбой, в то время как его отец наслаждался новыми возможностями, открывшимися с тех пор, как Фортуна повернулась к ним лицом. Иначе было с Глэдис Пресли, которой было все труднее примириться с положением вещей. Первые месяцы карьеры Элвиса дались ему с большим трудом, но это был пустяк по сравнению с тем, что ждало его в последующие два года. Для матери-домоседки, мечтавшей о том, чтобы Элвис женился на Дикси Локк, и она тогда будет вести простую семейную жизнь, озаренную присутствием двух-трех внуков, принести сына в жертву на долларовый алтарь во имя американской мечты эры Эйзенхауэра было настоящей драмой.

Уже тогда проявились предвестники грядущей беды, но Элвис, слишком занятый своей карьерой, не замечал, что его обожаемую мать снедает тревога, что она чахнет в разлуке. Нечувствительный к личным драмам, шоу-бизнес предъявлял свои права и давал Элвису понять: за то, чтобы стать символом целого поколения, придется заплатить.

Для всех, кто зависел от успеха Пресли, ставки были высоки, ни один из персонажей этой трагикомедии не имел права на ошибку — ни полковник, побуждаемый инстинктом игрока поставить все деньги на одну карту после разрыва с Хэнком Сноу, ни компания Ар-си-эй, для которой 25 тысяч долларов, вложенные в контракт с Элвисом, были безумным пари. В прошлом только «Коламбия» выложила похожую сумму, заполучив певца Фрэнки Лейна, однако Лейн, когда его перевели из «Меркьюри» в «конюшню» «Коламбии», уже был «призовой лошадью» на рынке поп-музыки. Элвис же был только залогом ненадежного успеха, хотя профессиональная пресса во главе с «Кэшбокс» и «Биллбордом» расписывала его в конце 1955 года как самое перспективное юное дарование в стиле кантри.

Это весьма почетно, если вспомнить, что всего годом раньше Элвис занимал восьмую строчку в тех же хит-парадах. Однако его привязка к кантри была для Ар-си-эй палкой о двух концах: опираясь только на южную аудиторию, вложенных денег быстро не вернуть.

Главным заинтересованным лицом был весельчак Стив Шоулс, художественный руководитель Ар-си-эй, ответственный за подбор артистов ритм-энд-блюза и кантри-энд-вестерн *(country&western)*. Шоулс был не новичок в этом деле, поскольку составлял картотеки еще с середины 1930-х годов, хотя начинал простым представителем фирмы с собачкой на эмблеме. Влюбленный в джаз, он отличился во время войны, выпуская V-

пластинки (от слова *victory* — «победа») для солдат, сражавшихся в Европе и на Тихом океане, но самое главное — он сумел предвидеть взлет популярности музыки кантри, благодаря чему и продвинулся по карьерной лестнице в Ар-си-эй. Начиная с 1945 года он заключал контракты с артистами хиллбилли — «Сыновьями пионеров», Четом Аткинсом, Эдди Арнольдом, Хэнком Сноу и Кингом, которые упрочили репутацию этой студии в стиле, которому отдавал предпочтение пролетариат растущих южных городов.

Шоулс одним из первых разглядел, какие перспективы открываются перед индустрией грамзаписи в Нэшвилле, нарождающейся столице кантри, после взлета популярности «Grand Ole Opry». Руководство Ар-си-эй не сочло целесообразным открывать офис так далеко от Нью-Йорка, и Шоулсу поначалу пришлось записывать артистов в пресвитерианской церкви Нэшвилла. Договоренности пришел конец, когда пастор обнаружил под одной из скамей спрятанную бутылку водки и прогнал Шоулса, объявив его агентом коммунистов. Шоулс тогда открыл студию звукозаписи в полуразрушенном здании методистского канала телерадиовещания, официально положив начало процветающей индустрии, которая потом принесла целое состояние столице Теннесси.

Ответственность за заключение контракта с Элвисом полностью легла на плечи Шоулса, начальство Ар-си-эй не скрывало, что на карте — его будущее. «Меня вызвали в дирекцию, которая хотела получить гарантии того, что все расходы окупятся уже в первый год. Я сглотнул слюну и сказал, что, по-моему, это возможно, но откуда мне знать?» — вспоминал Шоулс в 1967 году, за год до своей смерти. Единственная надежда на быструю окупаемость капиталовложений компании была в том, чтобы выйти за рамки стиля кантри, привлечь более широкие круги любителей поп-музыки, о чем и говорилось в статье, помещенной в «Биллборд» сразу после заключения исторического контракта: «Хотя „Сан“ раскручивала Пресли в основном среди любителей кантри-энд-вестерна, Ар-си-эй рассчитывает взять все призы, бросив своего нового артиста сразу на все фронты: поп, ритм-энд-блюз и кантри-энд-вестерн. Великий маниту „сорокапяток“ Стив Шоулс тем не менее намеревается записывать Пресли под такой же аккомпанемент, как у „Сан“: электрогитара, контрабас и ударные, дав в руки самому Пресли бас-гитару».

Не дожидаясь сеансов, назначенных на январь 1956 года, Ар-си-эй решила прозондировать почву в начале декабря, выпустив под своей маркой последний сингл Элвиса, вышедший в фирме

«Сан», — «Я забыл не забыть забыть» и «Таинственный поезд». Средства, которыми располагала нью-йоркская фирма, было не сравнить с возможностями Сэма Филлипса; в то время как он объезжал дистрибьюторов и радиоведущих со стопками пластинок в багажнике своей машины, Ар-си-эй покупала целые рекламные страницы в специализированной прессе и рассылала по четыре тысячи опытных образцов главным лицам в профессии — диск-жокеям, журналистам, телепродюсерам… Этот метод доказал свою окупаемость в плане продаж, и компания решила выпустить все остальные записи «Сан» на четырех синглах до Рождества, чтобы поддержать напряжение в ожидании первых «сорокапяток» Ар-си-эй.

Этот успех в полутонах, которого было недостаточно, чтобы стимулировать продажи на национальном уровне, все-таки позволил приободриться, и Стив Шоулс вызвал Элвиса 10–11 января 1956 года в Нэшвилл на один из сеансов, которые имели решающее значение для карьеры их обоих. За эти два дня были записаны пять песен, в том числе «I Got a Woman» («У меня есть женщина») Рея Чарлза и «Money Honey» — хит трехлетней давности, открывший негритянскую группу Дрифтерсов, а также новая композиция под названием «Heartbreak Hotel» («Отель, где разбиваются сердца»).

Эту песню Элвису предложила за несколько недель до того Мэй Борен Акстон — учительница, с которой он познакомился во Флориде через полковника Паркера. Акстон подрабатывала сочинением статей для разных журналов и в результате стала составлять пресс-досье по просьбе полковника, когда его артисты выступали в окрестностях Джексонвиля. Побывав на зажигательных концертах Элвиса во Флориде весной и летом 1955 года, она вместе с другом написала для него балладу, сильно отличавшуюся своей мрачной окраской от сентиментальных шлягеров той поры.

Элвис первым был поражен болезненным романтизмом «отеля разбитых сердец», где невозможная любовь приводит к трагическому финалу. В те времена Голливуд взял моду играть на чувствительности подростков, выводя на сцену запутавшихся молодых героев в таких фильмах, как «В порту» или «Бунтарь без причины». «Отель, где разбиваются сердца» сразу понравился Пресли. Глухая меланхолия мучительного исполнения, подчеркиваемая нереальной атмосферой, созданной Шоулсом во время записи, нашла отклик у американских тинейджеров с самого выхода пластинки 27 января 1956 года.

Ар-си-эй тотчас повела мощный огонь. Растиражированный на радио, разрекламированный первыми появлениями Элвиса на

телевидении, «Отель» ворвался в хит-парады «Биллборда» в начале марта и быстро занял верхние строчки во всех чартах кантри, ритм-энд-блюза и поп-музыки: с первого же сингла под маркой Ар-си-эй Элвис начинал выполнять свои обещания.

Это был и успех Стива Шоулса, которому достало мудрости развить звучание первых записей Пресли в студии «Сан», не порывая с весьма специфической атмосферой его музыки. К крепкому ядру обычных аккомпаниаторов — Скотти Муру, Флойду Крамеру, Биллу Блэку, Д. Дж. Фонтане — он добавил капельку утонченности, которой до сих пор не было в записях Сэма Филлипса, пригласив Чета Аткинса, гитариста от Бога, а также Гордона Стокера и еще двух человек на подпевку.

Элвис был фанатом группы Стокера. «Джорданерс» долго выступали вместе с Эдди Арнольдом и уже давно способствовали семейной репутации передачи «Grand Ole Opry». Гордон Стокер был опорой нэшвиллских студий звукозаписи. Его сотрудничество с Элвисом продлится пятнадцать лет, но в тот день он не сознавал, что с его помощью пишется новая страница в истории: «В конце сеанса Элвис нам сказал, что если вдруг его песни будут неплохо расходиться, то он хотел бы, чтобы мы поработали с ним и над следующими. По правде говоря, мы в это вовсе не верили. Хорошо, если я запомнил его имя, для меня это была такая же работа, как другая, не более того».

Чет Аткинс отреагировал совсем иначе. Потрясенный талантом этого еще мало известного певца, он кинулся звонить жене, чтобы та приехала в студию: «Я сказал ей, что она должна увидеть нечто необыкновенное, мне хотелось, чтобы она разделила мой восторг». Ветеран хиллбилли не ошибся. «Отель, где разбиваются сердца» стал водоразделом в репертуаре Пресли, которого Шоулс намеренно подталкивал к более привычной балладе. И все же о том, чтобы отказаться от смеси блюза и кантри, составлявшей его «изюминку» в глазах Ар-си-эй, не могло быть и речи. Пока триумф первых «сорокапяток» не успокоил руководство студии, оно сильно волновалось и требовало от Шоулса как можно большей осторожности в обращении с артистом.

Когда Пресли вернулся в студию в конце января, на сей раз в Нью-Йорке, его потянуло на ритм-энд-блюз: он записал еще две песни Артура Крудапа (автора «Всё в порядке»), переделал на свой лад «Shake, Rattle and Roll» блюзмена Джо Тернера, позаимствовал кое-что у нового кумира негритянской молодежи, неистового Литтла Ричарда и дал свое прочтение последнему хиту фирмы «Сан» — «Синие замшевые туфли» Карла Перкинса.

Все эти песни оказались на пластинке в 33 оборота под

названием «Элвис Пресли», выпущенной в марте, когда только-только обозначился успех «Отеля, где разбиваются сердца». На обложке красовалась фотография певца крупным планом, с выставленной вперед гитарой, с непослушным чубом, закрытыми глазами и широко раскрытым ртом. Этот первый альбом резко отличался от обычного благопристойного оформления обложек. Юные владельцы проигрывателей быстро поняли ему цену: он выгодно выделялся на безликом фоне большинства тогдашней продукции. Впервые в истории грамзаписи тинейджеры доказали, что представляют собой доходный рынок, массово скупая альбом, который целых десять недель будет возглавлять списки лидеров продаж и разойдется в полумиллионе экземпляров, — эта пластинка в 33 оборота стала самой хорошо продаваемой за всю историю Ар-си-эй.

Продуманный коктейль из кантри, ритм-энд-блюза и баллады, удачное сочетание непосредственности музыкантов Элвиса и профессионализма завсегдатаев студий звукозаписи вроде «Джорданерс», — рецепт Стива Шоулса попал в точку, затронув чувствительные струны подростковой аудитории, особенно женской ее части. Вслед за успехом «Отеля, где разбиваются сердца» и альбома «Элвис Пресли» Ар-си-эй познает триумф, намного превосходивший самые дерзкие надежды ее руководства. С весны 1956 года имя Элвиса постоянно присутствует во всех хит-парадах. После относительно скромных результатов «Синих замшевых туфель» и «Money Honey», Пресли вновь занимает почетные места в чартах поп-музыки с песней «I Want You, I Need You, I Love You» («Я хочу тебя, ты нужна мне, я люблю тебя»), а летом торжествует благодаря дублю «Don't Be Cruel» («Не будь жестокой») и «Hound Dog» («Дворняга»), который останется самой продаваемой «сорока-пяткой» в его карьере. Но это был не предел: успех неизменно повторялся на протяжении длинной серии синглов, многие из которых легко перемахнули за миллион распроданных экземпляров: осенью — «Love Me Tender» («Люби меня нежно»), в начале 1957-го — «Too Much» («Слишком много»), весной того же года — «All Shook Up» («Я потрясен»), летом — «(Let Me Be) Your Teddy Bear» («Позволь мне быть твоим плюшевым мишкой»), осенью — «Jailhouse Rock» («Тюремный рок»)…

Столкнувшись с маниакальным исступлением фанатов, превратившихся в истинных идолопоклонников, Ар-си-эй выпускала пластинки одну за другой, но ей так и не удавалось наполнить ненасытный рынок. С изобретением долгоиграющих пластинок диск в 78 оборотов окончательно отошел в прошлое,

ему на смену с неожиданным напором пришли «сорокапятки». Если до конца 1940-х годов главным рынком сбыта синглов были кафе с музыкальными автоматами, резкое увеличение покупательной способности подростков (9 миллиардов долларов в 1957 году, по исследованиям журнала «Ньюсуик») превратило пластинку в массовый продукт индивидуального потребления благодаря проигрывателю, необходимому атрибуту для юного потребителя эры Эйзенхауэра наряду с транзисторным приемником. К «сорокапяткам» из двух песен теперь добавились долгоиграющий альбом и пластинка нового формата, названного EP (Extended Play), — из четырех песен, предназначенная для тех, кого еще отпугивала высокая цена пластинок в 33 оборота.

Ар-си-эй с потрясающей легкостью использовала все доступные способы: каждая запись Элвиса выходила одновременно в трех форматах, чтобы вытрясти побольше долларов из миллионов его поклонников. За один сезон 1956 года было выпущено одиннадцать «сорокапяток» (из них семь — в августе), девять пластинок на четыре песни и два альбома; на следующий год ритм почти не замедлился: четыре сингла, семь EP и две пластинки в 33 оборота. Вопреки всем ожиданиям эта избыточная продукция не залеживалась — такой невиданный размах принял феномен Пресли. Чтобы в этом убедиться, достаточно одного примера: Ар-си-эй пришлось срочно штамповать «Люби меня нежно», чтобы выполнить 856 327 предварительных заказов, сделанных продавцами пластинок; сингл Ар-си-эй 6604 был распродан в двух миллионах экземпляров благодаря успеху на радио одной его стороны — «Не будь жестокой», а затем столько же поклонников нашлось у другой стороны — «Дворняга», так что всего было продано четыре миллиона экземпляров.

Имея в своем активе пять из пятнадцати величайших хитов 1956 года, Пресли стал просто подарком судьбы для второй по величине студии грамзаписи в Америке. Ар-си-эй-Виктор всегда выдерживала конкуренцию со стороны «Коламбии» в области классической музыки, но в плане эстрады дело обстояло иначе, поскольку там обычно тон задавал филиал телерадиосети Си-би-эс. С приходом Элвиса фирма с собачкой вошла вслед за «Коламбией» в первую тройку высших авторитетов на рынке поп-музыки. Цифры говорят сами за себя: в среднем за день продавалось 30 тысяч «сорокапяток» и 8 тысяч EP и пластинок в 33 оборота, так что в 1956 году Элвис Пресли приносил своей фирме доход в каких-то 75 тысяч долларов в день, повысив ее оборот на 20 процентов по сравнению с предыдущим годом.

Эта манна небесная напитала и зарубежные отделения Ар-си-

эй, начиная с канадского: восемь из десяти бестселлеров принадлежали Элвису. По ту сторону Рио-Гранде, несмотря на языковой барьер, пластинки Пресли расхватывали с такой быстротой, что конкурирующие фирмы с отчаяния даже стали распускать самые нелепые слухи о нем. Играя на чувствительной сексуальной струне, они намекнули, что Элвис якобы предпочитает «поцеловать трех негритянок, чем одну мексиканку» — достаточно весомый довод, чтобы на краткое время запретить продажу его пластинок в начале 1957 года.

Страсти по Пресли развернулись и в Европе, где Ар-си-эй опиралась на свой филиал в Великобритании, проникнув в хит-парады Старого Света. Только в Англии в 1956 году восемь песен Элвиса попали в десятку лучших, а в день создания его лондонского фан-клуба туда сразу записались пятьсот человек. Параллельно из главных европейских столиц и из Австралии, где Элвис сразу завоевал свою аудиторию, стали поступать первые предложения о гастролях.

Эти исключительные результаты быстро заставили Ар-си-эй забыть о прежних страхах и постараться укрепить связи со своим артистом. Уже в октябре 1956 года был составлен новый контракт в подкрепление прошлогоднего: нельзя было допустить, чтобы Элвиса переманила какая-нибудь конкурирующая фирма. Том Паркер воспользовался этим, чтобы поднять ставки; изначальный протокол, рассчитанный на два года, был заменен договором на пять лет, возобновляемым трижды. Таким образом, сотрудничество между артистом и компанией заключалось на двадцать лет — совершенно неслыханное дело в такой быстро меняющейся области, как песня. Полковник с полным на то основанием мог потирать руки, поскольку он первым, наряду с Элвисом, извлекал выгоду от всплеска продаж продукции Ар-си-эй; менее чем за год отчисления певца уже составили 430 тысяч долларов, из которых Паркер получал свои 25 процентов.

В то время, когда средний индивидуальный доход в США составлял 1800 долларов в год, эти цифры могут показаться невероятными, но серьезность, с какой Элвис относился к своей карьере, соответствовала его популярности. С самого дебюта в «Мемфис Рекординг Сервис» сеансы записи в студии всегда были долгим и утомительным процессом, но после перехода в Ар-си-эй изначальное отсутствие уверенности и подростковая наивность, понятные в его возрасте, превратились в маниакальную дотошность и тщательность. Страстно увлеченный музыкой, осведомленный обо всех новинках благодаря безудержному собиранию пластинок, Элвис приходил в студию прекрасно подготовленным и во время записи добивался только

совершенства. Эту требовательность он предъявлял и к себе, и к своим аккомпаниаторам, заставляя их превосходить самих себя и делая запись за записью, пока результат не будет соответствовать его ожиданиям.

Обычно редко бывало, чтобы песня вызревала менее чем за два десятка дублей, при этом огонь, горевший в Элвисе, не угасал. Кстати, его энергия заставляла Стива Шоулса решать задачи технического порядка: ему было крайне трудно добиться равновесия в звучании между голосом певца и его гитарой. В пылу увлечения Элвис рвал струны своего инструмента, часто резал ими пальцы. «Когда сталкиваешься с таким артистом, как Элвис, способным постоянно анализировать свою работу и трудиться с такой неукротимой энергией, лучше понимаешь, чем вызван его успех», — утверждает Шоулс.

Время шло, талант Пресли утверждался, а положение его продюсера становилось шатким. На волне успеха Элвис мог, наконец, применить на практике совет Сэма Филлипса, который тот дал ему перед переходом в Ар-си-эй. «Прежде чем отпустить его, я сказал, чтобы он никому не позволял покушаться на его оригинальность, — вспоминает Филлипс. — Пусть он новичок, Ар-си-эй выложила слишком много денег, чтобы позволить себе диктовать ему, как себя вести».

Сложнее было иметь дело с полковником, который постоянно вмешивался в отношения между артистом и компанией. Шоулс с громадным трудом выторговывал у Паркера периоды звукозаписи: тот предпочитал выступления на сцене. «Я прекрасно знаю о насыщенном графике Элвиса, — писал Шоулс полковнику в 1956 году, — но говорю вам снова: ему просто необходимо вернуться в студию как можно скорее». Кроме того, Паркер настаивал на том, чтобы самому подбирать репертуар своему певцу вместе с Фредди Бинстоком и братьями Абербах, его официальными издателями. Полковнику не было дела до творческих доводов Шоулса, его интересовала только сиюминутная выгода.

На том этапе карьеры Элвиса равновесие было восстановлено благодаря его страсти к музыке — гаранта его творческой цельности. Такой же профессионализм он проявлял и на сцене, где высокий накал выступлений поддерживался присутствием публики. С конца 1955 года основной заботой полковника было найти общий язык с главным концертным агентством страны — нью-йоркским агентством Уильяма Морриса, с которым он долго сотрудничал, когда представлял интересы Эдди Арнольда. Приглашения поступали одно за другим, судя по графику выступлений Элвиса. В первой половине 1956 года он каждый

месяц выступал в среднем в двух десятках разных городов и нередко давал по два, а то и по три концерта подряд, как, например, 26 февраля в Пенсаколе во Флориде, когда он пел на сцене городского концертного зала с двух часов дня до десяти вечера практически без перерыва.

Это «мелькание» должно было упрочить его популярность, однако успех оказался не таким оглушительным, как можно было ожидать в первое время. Хотя сцены буйства поклонниц случались все чаще, Пресли редко выступал перед полным залом. В Де-Муан, столице штата Айова, Концертный зал памяти ветеранов 22 мая был наполовину пуст; два дня спустя в зале «Арена» Канзас-Сити, рассчитанном на двенадцать тысяч зрителей, присутствовало всего две с половиной тысячи фанатов. Только когда Пресли прочно закрепился в хит-парадах, на его концерты повалила публика, заразившись воодушевлением от радиоведущих. В Реддинге (Калифорния) один диджей крутил не переставая «Дворнягу» несколько дней, пока не вмешалась полиция, уверенная в том, что ведущего хватил удар в прямом эфире.

Подобные казусы, подробно расписанные в прессе, расширили аудиторию Пресли, однако его слава подпитывалась именно концертами. Обладая врожденным чувством сцены, он, следуя примеру певцов ритм-энд-блюза с Бил-стрит, не мог петь просто так, без всякой зрелищности. Однако это была не тщательно продуманная стратегия, а просто невозможность петь неподвижно, если верить Стиву Шоулсу: «Даже во время прослушивания песни, которую мы только что записали в студии, он не мог удержаться, чтобы не пританцовывать и не дергаться во все стороны, в точности как на сцене». Его музыканты тоже говорят о его непосредственности: он никогда не исполнял одну и ту же песню одинаково, ломая традицию, по которой каждый концерт тщательно продумывался, а каждое движение выверялось.

Непосредственность была одним из главных преимуществ Элвиса в глазах юной публики, наэлектризованной чувственностью его жестов. «Меня словно током бьет, — признавался он Джун Джуанико, одной из своих девушек. — Это почти как заниматься любовью, но еще сильнее. <…> Иногда у меня такое чувство, будто сердце сейчас разорвется». Истерия, разыгравшаяся за несколько месяцев до того в Джексонвиле, скоро стала обычным делом. Девушки не скрывали сексуальной природы своего обожания певца, намеренно надевавшего облегающие брюки и беззастенчиво поглаживавшего себя между ног во время песни, — и на этот лукавый жест отзывались

пронзительными воплями. Вместо обычных автографов фанатки Элвиса давали ему подписать свои трусики, старались поцеловать его, оцарапать, укусить.

Организаторы концертов очень скоро поняли, какую выгоду можно извлечь из такой реакции. Они даже намеренно ее поддерживали, выпуская в начале программы несколько певцов «для разогрева». С весны 1956 года буйства стали частью спектакля, так что Элвису редко удавалось добраться до конца программы. В большинстве случаев *Atomic Powedered Singer* («певец с ядерной энергией»), как прозвал его полковник, старающийся быть современным, был вынужден бежать через двадцать минут, после полудюжины песен, в то время как его поклонниц, рвавшихся на сцену, оттаскивала служба безопасности.

В первое время Элвиса забавляло это родео, которое он сам провоцировал своими шутками — он мог даже крикнуть в разгар концерта «Fuck you very much!», уверенный в том, что его ляпсус покроют вопли девчонок. «Спорим, что я рыгну на сцене, а они всё равно будут вопить?» — заявил он однажды Гордону Стокеру и перешел от слов к делу.

Однако это обожание приняло такой размах, что вскоре стало уже не смешно. Певцу и его аккомпаниаторам даже пришлось подчиняться драконовским мерам безопасности. Вместо концертов в раскрепощенной обстановке, за которыми издали наблюдала горстка «секьюрити», начались выступления за полицейским кордоном. С течением времени полковнику даже пришлось предусматривать всё более изощренные отвлекающие маневры. В зависимости от обстоятельств он настаивал на присутствии телохранителей, а то и нанимал двойника, который увлекал поклонниц к главному входу, тогда как Элвис ускользал в гримерку через другую дверь; в иных случаях он размешал всех музыкантов из оркестра в разных отелях, надеясь запутать следы и сбить с толку неистовых девчонок, или же нанимал грузчиков, которые как ни в чем не бывало несли диван, а на нем, под брезентом, лежал Элвис. Этими уловками Паркер потом поделится с агентом «Битлз» — во время первых гастролей в США английской четверки.

Том Паркер упивался бурлескной атмосферой этого эстрадного цирка, словно вновь попал в балаган своей юности, когда он выдумывал самые несусветные уловки, чтобы облапошить зевак. Курьезы, рассказы о которых он ловко вворачивал в интервью журналистам, поддерживали интерес со стороны прессы, старательно делавшей из Пресли публичного человека. Вершиной медиакомпании стало его появление весной 1956 года в комиксах о приключениях Чарли Брауна и Снупи,

вышедших из-под пера Чарлза Шульца.

Во славу новой звезды сочиняли песни: Питер де Бри и группа «Уондерерс» пели «Hey, Mr. Presley», Билли Бойл — «My Baby's Crazy 'Bout Elvis» («Моя девушка без ума от Элвиса»), Дженис Мартин — «My Boy Elvis» («Мой сын Элвис»), Литтл Лэмдайз Пенн — «I Wanna Spend X-mas with Elvis» («Хочу провести Рождество с Элвисом»), а Холли Твинс — «I Want Elvis for Christmas» («Хочу Элвиса на Рождество»); Одри исполнял «Dear Elvis» («Дорогой Элвис»); Рой Холл — «You Ruined My Blue Suede Shoes» («Ты растоптал мои синие замшевые туфли»), Отто Баш — «The Elvis Blues» («Блюз Элвиса»), Вирджиния Лоу — «I'm in Love with Elvis Presley» («Я люблю Элвиса Пресли»), Рид Харпер с группой «Три ноты» — «Oh Elvis», а Лу Монте пел «Elvis Presley for President» («Элвиса Пресли в президенты») в разгар предвыборной кампании, когда Дуайт Эйзенхауэр выставил свою кандидатуру на второй срок.

Певцы не всегда относились к нему с такой же доброжелательностью, как певицы: сатирическая версия «Отеля, где разбиваются сердца», предложенная комиком Стэном Фрибергом, и «Вокруг света с Элвудом Претцелем» Ли Тулли тому доказательство. Но Элвис взирал на это бушующее море с веселым удивлением. Для послушного мальчика, каким он всегда был, воспитанного матерью в уважении к семейным ценностям общины пятидесятников из числа «белой бедноты», поклонение фанатов было чем-то вроде осуществления детской мечты. Ему всю жизнь твердили, что секс — измышление дьявола, и вот теперь он внезапно заброшен в Эдем, где полно запретных плодов, — только срывай, вечер за вечером. Чтобы не потерять сына, Глэдис закрывала глаза на слухи, тиражируемые прессой, и терпела «звездочек», танцовщиц и прочих мимолетных подружек, без которых Элвис теперь уже не мог обойтись. Зато эти романы, раздуваемые газетами, были по душе полковнику, сознававшему, что серьезная любовная связь могла бы существенно подорвать потенциал его певца: того и гляди номера телефонов, которые каждый день писали помадой на «кадиллаках» Элвиса, превратятся в проклятия.

В связи между поклонницами и машинами нет ничего безобидного. В обществе потребления, обретшем свои контуры в период расцвета «американской мечты», роль, отводимая девушкам, настолько же невелика и поверхностна, как и роль хромированных монстров, которые Элвис покупал, использовал и выбрасывал с беззаботностью, ставшей следствием его одержимости автомобилями, еще с тех пор, как он был беден. В

период взлета своей карьеры Пресли стал счастливым обладателем лимузина, «Харлей-Дэвидсона», забавной машинки «мессершмитт» на трех колесах и нескольких кабриолетов ярко-желтого, розового или голубого цвета — тот же цвет он выбрал для автомобиля «линкольн-континенталь», который выменял, повинуясь минутной прихоти, на один из своих «кадиллаков», но на следующий же день забрал старую машину обратно, потому что уже по ней соскучился.

Одержимость внешними признаками богатства побудила его подарить машину своей матери, хотя та не умела водить. При этом Элвис способствовал превращению автомобиля в универсальный символ преуспеяния и современности. Его невообразимая популярность породила феномен подражания, жертвами которого стали подростки. Задолго до того, как в школьных дворах начнут похваляться друг перед другом «фирмой», копируя рэперов, Элвис незаметно для себя спровоцировал похожий процесс, подталкивая современников следовать его пристрастиям в одежде или еде.

В американских школах (и не только) забили тревогу, поскольку все больше учеников начали отпускать баки и отращивать коки; в 1957 году ежегодный съезд директоров школ даже принял рекомендацию о запрете джинсов, набриолиненных коков и пластинок Элвиса в стенах учебных заведений. Параллельно торговцы сэндвичами предлагали «Элвис-бургеры» и «Хаунд-доги», поскольку популярный певец был поклонником новой моды на фастфуд.

Еще в большей степени его влияние проявилось в области торговли гитарами: в несколько месяцев продажи резко возросли. За исключением блюза и кантри, которые и так уже уделяли этому инструменту важное место, гитара в основном оставалась второстепенным средством аккомпанемента в мире эстрады, пока «Мартин» Элвиса, превращенный в секс-символ, не стал воплощением гламура, предметом, с которым можно обращаться то ласково, то грубо, в зависимости от настроения. Для гитары начался полувековой период безраздельного царствования: по данным Американской музыкальной конференции, с 1956 по 1966 год количество гитаристов в США увеличилось вчетверо — с 2,5 до 10 миллионов.

Однако Пресли был не первой суперзвездой, навязавшей свой имидж миру американской эстрады. В период между двумя войнами домохозяйки сохли по Бингу Кросби, а Фрэнк Синатра первым сыграл на эмоциональности девочек-подростков, вызывая у них такую же истерическую реакцию в начале сороковых годов. Но в отличие от своих предшественников и даже чинного Пэта

Буна, остававшегося его главным соперником в середине пятидесятых, Элвис строил свою репутацию на двусмысленности и провокации, став рупором поколения, стремящегося перетряхнуть схемы поведения, которые навязывало ему общество.

Этот неосознанный бунт («Когда я пою рок-н-ролл, я закрываю глаза и дергаю ногами, не чувствуя этого, но в этом нет ничего плохого», — заявил он одному журналисту) вызвал яростную реакцию, и не только среди закоснелых консерваторов. За редким исключением, родители с большим недоверием относились к этому певцу, вчерашнему подростку, который попирал спасительные ценности трудолюбия и денег своим вызывающим богатством и предполагаемым нахальством.

Американское общество потребления запуталось: появление и поощрение покупательной способности подростков, двигатель экономического прогресса в эру Эйзенхауэра, как оказалось, сопровождались возрастающей автономией и сексуальным раскрепощением новых поколений. Как и положено в стране, где секс тем больше занимает умы, чем меньше о нем принято говорить, нарочитая беззастенчивость Пресли в плане всего, что связано с отношениями между мальчиками и девочками, рассматривалась как недопустимая агрессия. Не стремясь к этому, Элвис принял на себя роль секс-звезды, как будто подтверждая теории о подавляемой юношеской сексуальности, высказываемые Вильгельмом Райхом, причем как раз в тот момент, когда Америка, уязвленная речами психоаналитика, вознамерилась обуздать его и заключила в федеральную тюрьму, откуда он уже не выйдет.

Элвис был неудобен тем, что сочетал в себе раскрепощенность и процветание, и его хулители считали хорошим тоном обличать его вульгарность и безнравственность. Его странное имя было удобной мишенью для каламбуров, и те, чей взор оскорбляли его красноречивые движения бедрами, быстро подхватили выражение «Elvis the Pelvis[5]», выдуманное одним журналистом из Джексона, штат Миссисипи, которое ужасно не нравилось самому Пресли. «Мне не нравится, когда меня называют *Elvis the Pelvis*. Мне это кажется ребячеством со стороны взрослых», — заявил он в одном интервью, непосредственно причисляя себя к подросткам. Такая позиция только усилила его влияние на самых юных, усугубив нарастающий антагонизм между родителями и детьми. Нападая на Элвиса, самые узколобые метили в эмансипацию молодежи.

Из-за своего южнопролетарского происхождения Пресли был в глазах американских консерваторов воплощением деградации.

Интеллектуальный Север традиционно посматривал на Юг свысока, а тем более на его низшие классы, тогда как элита бывших конфедератов видела в «белом отребье» главную причину своего упадка; ничего удивительного, что внезапное превращение «белого бедняка» в звезду заставило ощетиниться от злобы всех, кто еще смотрел на послевоенную Америку сквозь призму прошлого. Зато нарождающаяся провинциальная мелкая буржуазия радовалась успеху артиста, видя в нем своего: феномен Пресли стал в ее глазах осуществлением двухсотлетних чаяний, когда основатели республики гарантировали самым ничтожным те же шансы на успех, что и элите.

К этому ключевому конфликту, в котором Юг вернул себе часть наследственных прав, погребенных под обломками Гражданской войны, добавилась расовая проблема, поскольку вопрос об отношениях между общинами вступил в решающую стадию. После постепенной отмены расовой сегрегации в вооруженных силах, вырванной с боем во время войны в Корее, афроамериканцы одержали важную победу в 1954 году, когда все различия по расовому признаку в государственных школах были объявлены противоречащими конституции. Этот важный прорыв положил начало долгой борьбе за окончательную отмену на Юге «законов Джима Кроу»[6]. Борьба за гражданские права негров приняла конкретные формы, когда одна рабочая девушка из Монтгомери, штат Алабама, отказалась уступить свое место в автобусе белому пассажиру. В 1956 году появление феномена Пресли, символизировавшего собой толерантный Юг, устремленный в будущее, совпало с забастовкой общественного транспорта в Монтгомери по призыву харизматического молодого пастора — Мартина Лютера Кинга-младшего.

Не стоит удивляться, что устаревающая система, почувствовав угрозу от слияния молодежи обеих общин на почве общих музыкальных пристрастий, отреагировала крайне резко. «Помогите нам спасти молодую Америку: НЕ ПОКУПАЙТЕ НЕГРИТЯНСКИЕ ПЛАСТИНКИ! (Если вы отказываетесь обслуживать негров в вашем заведении, не помещайте негритянские пластинки в ваш музыкальный аппарат.) Вопли, дурацкие слова и дикие ритмы с этих пластинок подрывают нравственность белой американской молодежи. <…> Не позволяйте вашим детям покупать и слушать негритянскую музыку» — значилось водной из листовок той эпохи, весьма показательных в плане вскрывшихся антагонизмов.

В это же время в журнале «Лук» поместили статью, в которой Элвиса изобразили законченным идиотом с Юга, одержимым своим либидо. «На сцене он извивается, вытирает себе нос и

улыбается вульгарнейшим образом, — пишет журналист и приводит слова Элвиса, напирая на его южный акцент: — „Без моей левой ноги я бы гроша ломаного не стоил“». Еще в большей степени, чем слова его песен, недвусмысленные покачивания Элвиса на сцене вызывали возмущение родителей, которые видели в этом приверженность к мнимой вульгарности негритянской музыки. «У белых подростков была странная манера танцевать, не двигая тазом. Танцевать, не шевеля бедрами, не имеет смысла», — объяснял певец ритм-энд-блюза Хэнк Баллард, создатель твиста, подчеркивая культурные различия в самой сердцевине черно-белой Америки.

Обличать непристойность Пресли, возмущаться его манерой утверждать свою сексуальность стало своего рода актом сопротивления среди сторонников южного апартеида, чье неприятие расового смешения в любой форме основывалось на сексуальных домыслах, возникших в одно время с нетерпимостью; объединяя в одно целое музыкальный стиль и чувственность, выставляя Элвиса «дервишем, крутящим своим половым органом» (по выражению одного нью-йоркского пастора), сравнивая его музыку с «чудовищным извращением наихудших танцев оплодотворения, какие исполняют в Африке под тамтамы», цензоры уподобляли молодого певца расистскому стереотипу похотливого негра, который уже давно укоренился в Америке.

Вовсе не стараясь отмежеваться от негритянской общины, которую он знал изнутри, Пресли, вопреки всему, претендовал на наследие ритм-энд-блюза. «Рок-н-ролл существует уже давно, просто его называли „ритм-энд-блюз“», — заявил он и пошел еще дальше, неоднократно появляясь рядом с такими звездами, как Би Би Кинг, Бобби Блэнд, Рей Чарлз, Лоуэлл Фалсон или Айвори Джо Хантер, которого он принимал у себя дома. Незадолго до Рождества 1956 года, а потом в декабре 1957-го он побывал на благотворительных концертах, организованных негритянской радиостанцией WDIA, наблюдая за ними из кулис концертного зала Эллис в Мемфисе, и сорвал овацию публики. Мало того, весной 1956 года он отправился на ежегодную ярмарку в Мемфисе в день, отведенный для негритянских посетителей, презрев все табу, и навлек на себя громы и молнии сторонников сегрегации.

Слухи, главные помощники реакционных сил, все же пытались подорвать особые отношения, которые Пресли поддерживал с «черной» Америкой, приписывая ему расистские заявления типа «негры хороши для того, чтобы покупать мои пластинки и чистить мои ботинки». Стремясь положить конец этой кампании, оскорблявшей его лучшие чувства, Элвис задался

целью восстановить истину и обратился в популярный негритянский еженедельник «Джет», который летом 1957 года опубликовал статью под заглавием «Pelvis рассказал нам о расистских сплетнях, распространяемых на его счет». Контрмеры подействовали, судя по постоянному присутствию творчества Элвиса в афроамериканских хит-парадах в последующие месяцы, но эта полемика не прошла бесследно для гетто, где и сегодня кое-кто еще бичует мнимый расизм певца. «Совсем недавно две чернокожие дамы, африканка и американка, подошли ко мне после концерта, во время которого я почтил память Элвиса, и сказали, что вспоминать о нем перед афроамериканской аудиторией „не политкорректно“», — рассказывал Жан Жак Мильто весной 2004 года.

Близкие отношения Элвиса с негритянской общиной обнажили некоторые трения в мире кантри, расколовшемся на два противоборствующих лагеря. С одной стороны, новое поколение видело в возвышении Элвиса до ранга звезды надежду выбраться из культурного гетто, в которое загнали его музыку, с другой — вчерашние звезды хиллбилли находили, что триумф Элвиса подрывает их собственный успех, и видели в его заигрываниях с ритм-энд-блюзом признак вырождения их искусства.

Как бы ни складывалась ситуация, какие бы ставки ни были на кону — кантри против ритм-энд-блюза, Север против Юга, белые против черных, богатые против бедных, старики против молодежи, — раскол затронул всю Америку, разделенную феноменом Пресли. Реакция могла принимать самые разнообразные формы, от создания фан-клуба во славу Бетховена двумя студентами престижного Йельского университета до акции оскорбленных матрон, раздававших антиэлвисовские петиции родителям учеников в своем квартале, включая публичное сожжение в Нэшвилле чучела Элвиса и забрасывание певца тухлыми яйцами на некоторых концертах. В Джексонвиле, штат Флорида (решительно, в этом городе реакция на Пресли была самой экстравагантной), дело приняло уже не столь комичный оборот, когда одна женщина, судья по делам несовершеннолетних, официально присутствовала на выступлении Элвиса летом 1956 года. Получив тревожный сигнал от «гражданского комитета», судья Гудинг решила посмотреть, является ли поведение певца предосудительным; в конце концерта она вынесла полковнику предупреждение, чтобы тот унял пыл своего артиста под страхом тюремного заключения.

Американские католики вышли на передний край борьбы с

рок-н-роллом. Отец Джон П. Кэрролл, обращаясь без лишних слов к будущим преподавателям католических школ Бостонской епархии, коварно подчеркнул негритянское происхождение этого стиля: «Рок-н-ролл возбуждает юношество точно так же, как тамтамы поднимают боевой дух в воинах джунглей <…>. Судебные инстанции просто обязаны дать надлежащую оценку словам с рок-н-ролльных пластинок». Хотя большинство населения США было протестантским, изобилие протестантских сект (более двухсот) сыграло на руку Римской католической церкви, насчитывавшей 32 миллиона верующих из 90 миллионов христиан. Статус деятельного меньшинства стимулировал католическую общину, заявлявшую о своих опасениях через свои главные печатные органы. «Католик Сан» открыла военные действия, опубликовав язвительный шарж на Элвиса и его провоцирующее поведение, сестры из частной школы Конвента Богоматери в Оттаве отчислили восемь учениц, уличенных в посещении концерта Пресли, а учениц старших классов католической школы Святого Людовика заставляли молиться за спасение души всех девочек, которых этот демонический певец подчинил своей воле.

Тем временем его самого такое остервенение ставило в тупик, поскольку он считал себя благословленным Богом, в чем и признавался прессе: «Поначалу мне было очень больно от такой реакции. <…> Я читаю Библию и верю, что всё, происходящее с нами, — от Бога. <…> Я не стал бы петь, если бы того не пожелал Господь, мой голос — дар Божий». Элвис по-своему излагал доктрину, заставлявшую биться сердце американской нации с самого ее создания, уверяя всех и каждого, что верит в традиционные семейные ценности: «В газетах пишут, что рок-н-ролл провоцирует подростковую преступность, но это смешно. Неужели вы правда думаете, что эта музыка может подтолкнуть молодежь к бунту против родителей? На меня списывают все проблемы в нашей стране. Например, подростковую преступность. <…> Говорят, что я вульгарен. Мне никогда бы и в голову не пришло вульгарно вести себя при посторонних, особенно при детях. Родители меня иначе воспитывали».

Самые нетерпимые не могли удовлетвориться такими оправданиями. В открытом письме директору ФБР Эдгару Гуверу главный редактор «Кросс Реджистер», официальной газеты епархии Висконсина, обличал «угрозу, которую Элвис представляет для безопасности Соединенных Штатов», добавляя: «Судя по словам свидетелей, побывавших на концертах Пресли, я подозреваю, что он наркоман и половой извращенец. Во всяком случае, мне кажется необходимым отслеживать его деятельность,

в особенности в связи с ростом подростковой преступности по всей стране».

Гувер, пламенный борец за самую консервативную нравственность во имя отпора коммунизму, сам склонный к расистским выступлениям на почве половой неудовлетворенности, не ждал этого призыва, чтобы проявить интерес к новому кумиру молодежи. Официально он завел дело на Элвиса, все слова и поступки которого тщательно изучались ФБР до самой его смерти, в ответ на заявление анонимного бизнесмена из Мемфиса. Буйства, которыми сопровождались многие концерты Пресли, дали федеральной полиции предлог для того, чтобы взять его действия под контроль, однако ситуация круто изменилась в тот день, когда певцу впервые стали угрожать физической расправой. Из подозреваемого Элвис превратился в жертву, и парадоксальным образом ведомство Гувера взяло его под свою защиту.

Как и ФБР, пресса и СМИ часто оказывались в двусмысленном положении, разрываясь между желанием раздуть скандал и необходимостью предоставлять информацию. Радио оказалось в центре противоречивой полемики, поскольку малейшая попытка цензуры немедленно вызывала возмущение со стороны слушателей. Когда радиостанция WMKH из Детройта объявила о том, что больше не будет передавать записи Элвиса, уже на следующий день в ее почте оказалось более пятисот писем протеста от возмущенных слушателей. Один диджей из Нэшвилла снискал известность тем, что устроил сожжение «сорокапяток» Пресли, а в Элизабеттауне, штат Кентукки, несколько сотен подростков осадили здание радио WIEL, после того как один ведущий разбил пластинку Пресли в прямом эфире. Реакция руководства этой радиостанции красноречиво говорит о том, какой разброд и шатание царили тогда среди профессионалов: чтобы выйти из положения, были запланированы две передачи: одна — полностью посвященная записям Пресли, другая — предоставлявшая слово его оппонентам.

Эта позиция «и нашим и вашим» не ускользнула от полковника Паркера. Небольшая шумиха пошла бы на пользу карьере его подопечного, но один-единственный неверный шаг мог оказаться роковым. Нужно было срочно успокоить умы, и 26 сентября 1956 года полковник объявил об участии Элвиса в общегосударственной кампании против подростковой преступности. Ловкий ход, поскольку Элвис сразу перешел в лагерь рассудительности и порядка, не утратив при этом поддержки подростков, да еще выбил почву из-под ног у всех, кто обвинял его в том, будто он подталкивает американскую

молодежь к бунту.

В тот же день состоялось торжественное возвращение Элвиса на малую родину. Ежегодная ярмарка в Тьюпело (та самая, на которой одиннадцать лет назад он дебютировал на сцене с «Old Shep») стала прекрасным поводом вернуться к истокам — под строгим надзором. На городском стадионе прошли два концерта подряд, перед десятью тысячами зрителей, в присутствии сотни полицейских и подразделения службы безопасности. Во время второго концерта Элвису пришлось остановиться посреди выступления. Он попросил зрителей умерить свой пыл, и всё пришло в порядок — к великому облегчению городских властей и губернатора Миссисипи, ультрарасиста, которые с большой торжественностью вручили артисту несколько почетных наград в присутствии всех членов кланов Пресли и Смит. Отвернувшись от Элвиса в начале его карьеры, Тьюпело и Миссисипи, прежде яростно обличавшие его подверженность демонам негритянской культуры, отныне превозносили его как героя: известности и денег оказалось достаточно для искупления вины блудного сына.

Такая перемена в отношении характерна для смены взглядов американского истеблишмента уже в последние месяцы 1956 года. Полковник приложил к этому руку, сделав все возможное, чтобы исправить имидж своего певца, которого прежде превратил в ярмарочный аттракцион. Воспользовавшись страстью Элвиса к госпелу, музыке его детства, он побудил Ар-си-эй выпустить весной 1957 года мини-сборник под заглавием «Мир в долине», в котором Пресли с большим чувством исполняет два главных гимна афроамериканской церковной музыки — «Take My Hand, Precious Lord» («Возьми меня за руку, Господи») и заглавную композицию. Всё было просчитано: эти сочинения преподобного Томаса Дорси, отца негритянского госпела, присутствовали в каталоге музыкального издательства Элвиса «Хилл энд Рейндж».

Выход этой пластинки ознаменовал собой коренной поворот в карьере Элвиса: постепенно его репертуар отдалился от бунтарской атмосферы дебюта, устремившись по менее скользкому пути беззаботной и стерильной эстрады. Шлягер «Позволь мне быть твоим плюшевым мишкой», семь недель удерживавший первую строчку в списке лучших продаж и разошедшийся более чем в миллионе экземпляров в 1957 году, отстоит очень далеко от непокорности, внушаемой песней вроде «Дворняги» всего годом раньше. Символичный переход от несговорчивого уличного пса к покладистому плюшевому медвежонку свидетельствует о стремлении полковника пригладить имидж Элвиса, который на Рождество подарил целый воз игрушек Обществу парализованных детей.

Для певца началась длинная серия благотворительных акций, которые должны были заслужить ему отпущение грехов у поколения отцов, равно как и «Рождественский альбом Элвиса» и долгоиграющая пластинка «Элвис поет рождественские песни», вышедшие одновременно в ноябре 1957 года. Этим удалось провести не всех; кое-кто, вслед за диджеем Диком Уиттингхиллом из Лос-Анджелеса, обличал чисто коммерческую операцию по возмещению убытков. Но Америке было на это плевать, в тот год альбом занял свое место под елочкой более чем у трех миллионов американских семей.

Такая издательская политика не могла не сказаться на дискографической продукции Пресли. Метод, разработанный Томом Паркером совместно с братьями Абербах и их кузеном Фредди Бинстоком, набирал обороты. Благодаря прекрасно отлаженной системе репертуар певца проходил через контору «Хилл энд Рейндж», которая каждую неделю получала сотни писем от авторов, желавших сорвать джек-пот. К этим предложениям следует добавить сочинения авторов, состоящих при компании, — Отиса Блэквелла, Арона Шредера, Бена Вайсмана, Абнера Сильвера, Фреда Уайза, Сида Теппера, Роя Беннета. Роясь в этом избыточном предложении, Бинсток и Абербахи делали свой выбор с благословения полковника. Потом делали макеты, которые Элвис обнаруживал по большей части уже в студии, в момент записи.

Его превосходная память сослужила ему добрую службу; Элвис знал наизусть длиннейшие монологи, будь то знаменитая речь Линкольна в Геттисберге, которой он не позабыл со школьных лет, или прощальное выступление генерала Макартура — земляка-южанина, победителя Японии в 1945 году, который чуть не вверг планету в третью мировую войну во время конфликта в Корее, — оно произвело на него сильное впечатление. Еще в отроческие годы он легко запоминал песни, услышанные по радио или в магазинах грампластинок Мемфиса. С тех пор он почти мгновенно запоминал мелодии и слова, с первого же прослушивания, — дар, которым восхищался его продюсер Стив Шоулс: «Он запоминал песню с первого раза — мелодию, аккорды, почти все слова. Со второго прослушивания он знал ее наизусть. Бывало, я говорил ему после дубля: „Мне кажется, ты ошибся в таком-то куплете“. Он отвечал: „Не думаю, мистер Шоулс“. Я слушал заново, проверяя слова по бумажке, и он оказывался прав. У него была почти фотографическая память».

И тем не менее работа в студии по конвейерному методу, с его систематической повторяемостью, в конце концов уничтожила претензии на оригинальность со стороны артиста, который до сих

пор считал делом чести выкладываться до конца. Аккомпаниаторы остались те же, но сам Элвис уже не мог позволить себе работать с прежней требовательностью: чересчур плотный график не оставлял на это времени.

Ситуация еще более осложнилась, когда в рабочие планы пришлось втискивать первые киносъемки. Еще занимаясь делами Эдди Арнольда, полковник понял, насколько удачно зрительный ряд дополняет звуковой. На родине Голливуда седьмая муза заговорила, чтобы запеть, о чем красноречиво свидетельствовала роль Эла Джонсона в первом звуковом фильме в истории кино — «Певец джаза». Паркер также сознавал, что вторжение телевидения в повседневную жизнь американцев изменило расстановку сил, создав дополнительный фильтр на пути между пластинкой и Голливудом. Прежде чем планировать появление певца на большом экране, нужно, чтобы его лицо и его музыка примелькались на «голубом».

Боб Нил уже вел переговоры с каналами Си-би-эс и Эн-би-си еще до того, как Том Паркер взял руководство карьерой Элвиса в свои руки. По своему обыкновению Паркер пожал плоды чужих трудов и с декабря 1955 года со свойственным ему краснобайством стал растравлять соперничество между крупнейшими американскими сетями, едва успев сосватать Пресли Ар-си-эй.

Для телевизионной индустрии, которая в пятидесятые годы была еще молода, королевским временем был вечер субботы и воскресенья: именно тогда и передавали эстрадные программы. На Эн-би-си шоу вел певец Перри Комо — один из самых популярных голосов в Америке середины века; в то же время на Си-би-эс шла передача Джимми и Томми Дорси. Два брата, саксофонист и трубач, прославились в разгар эры свинга, дирижируя двумя самыми популярными тогда оркестрами. Наряду с Бенни Гудманом, Арти Шоу и Гленном Миллером братья Дорси ввели репертуар джазовых биг-бендов в каждый американский дом, попутно выпустив внушительное количество пластинок. Раскрутивший Фрэнка Синатру Томми Дорси, кстати, был самым крупным дистрибьютором фирмы Ар-си-эй-Виктор до вторжения Элвиса в американскую музыкальную среду.

Опираясь на свою репутацию, братья Дорси каждую субботу в восемь вечера начинали передачу «Stage Show». Однако она потихоньку выдыхалась, и продюсер Джеки Глисон искал нечто, что привлекло бы аудиторию и перевесило чашу весов, начинавших склоняться в пользу конкурента Перри Комо. Со времен громкого появления Элвиса в Ар-си-эй о молодом певце с

Юга, по которому сходят с ума девчонки, было много толков, и Глисон решил рискнуть, поставив Пресли в передачу четыре субботы подряд.

Первая передача состоялась 28 января 1956 года, сразу после выхода самой первой «сорокапятки» Пресли под маркой Ар-си-эй — «Отель, где разбиваются сердца». Запись проходила в Нью-Йорке, в студии Си-би-эс на Бродвее, в присутствии ведущего Билла Рэндла, служившего посредником между телеканалом и полковником. В той же передаче должна была петь джазовая певица Сара Вогэн. Для своего дебюта на «голубом экране» Пресли исполнил попурри из песен блюзмена Джо Тернера, а также свою версию песни «У меня есть женщина» («I Got a Woman») Рея Чарлза. Рейтинг программы был удовлетворительным, однако «Stage Show» не удалось заткнуть за пояс Комо.

Три следующие передачи разворачивались по тому же сценарию, с некоторыми отличиями, однако первый всплеск продаж «Отеля, где разбиваются сердца» подтолкнул телеканал сделать ход конем, предложив певцу выступить еще два раза — 17 и 24 марта. На сей раз Элвис исполнил свою новую песню, и рейтинг поднялся на два процента выше, чем у программы Комо. Интуиция не подвела Джеки Глисона: он разглядел в Элвисе «Марлона Брандо с гитарой».

Появление «Отеля…» в списке бестселлеров, поступающие отовсюду приглашения на гастроли и возрастающий интерес к Элвису со стороны телеканалов — всё говорило полковнику о том, что он выбрал самый удачный аттракцион. Оставалось только покончить с еженедельными выступлениями певца в «Louisiana Hayride». С тех пор как гастрольные поездки Пресли стали выходить далеко за рамки южных штатов в окрестностях Мемфиса, Шревепорт уже утратил значение порта приписки; первые появления на телевидении показали, что лучше приберечь субботний вечер для более прибыльной деятельности, к тому же позволявшей быть на виду. С дирекцией KWKH удалось договориться: та действовала с позиции силы, запросив 10 тысяч долларов, чтобы освободить Элвиса от обязательств по контракту на полгода вперед; полковник скрипнул зубами и выложил половину этой суммы из кармана своего артиста, убедив Эйба Ластфогеля от Уильяма Морриса профинансировать сделку.

Агентство Элвиса удалось уговорить, потому что на горизонте возникли гораздо более заманчивые предложения. Сразу после своего последнего выступления в «Hayride», в конце марта 1956 года, Элвис открыл для себя Голливуд, где его вместе с импресарио ждал продюсер Хэл Уоллис. Он заприметил певца в

передаче братьев Дорси и уже несколько недель мечтал о встрече. Ее подробности были обговорены Ластфогелем и его заместителем Гарри Калчеймом, которые делали ставку на сплав пластинки и кино, чтобы лучше раскрутить артиста: его первая «сорокапятка» была распродана уже почти в миллионе экземпляров.

С тех пор как кинематограф заговорил, Голливуд стал горнилом мысли в США, зеркалом моды и светских тенденций. Кстати, именно с киноэкрана рок-н-ролл ворвался в американскую жизнь, когда фильм «Джунгли за школьной доской» ввел «Rock Around the Clock» Билла Хейли в замкнутый мирок эстрады. Намеренно позабыв о теме подростковой преступности, продюсер Сэм Кацман не скрывал, что стремится к личной выгоде, начиная работать на студии «Коламбия» над музыкальным полнометражным фильмом, посвященным «новой волне», — он вышел на экраны под названием «Rock Around the Clock» в апреле 1956 года, как раз в тот момент, когда Хэл Уоллис начал обхаживать Элвиса Пресли.

Полковник поспособствовал внезапному возникновению интереса к молодому певцу со стороны голливудской машины. Хитроумный Паркер уже несколько месяцев устраивал Элвису выступления в кинотеатрах сети «Парамаунт» в перерывах между сеансами. Одновременно он подбил первые фан-клубы Элвиса написать в Голливуд, и кинокомпании получали тысячи писем с требованием снять Пресли в кино. Благодаря этому методу «Парамаунт» осознал, насколько велико влияние Элвиса на подростковую аудиторию, и в калифорнийских студиях все чаще слетало с языка имя «героя-любовника», которого сравнивали с Марлоном Брандо, Ричардом Видмарком, Робертом Митчумом, не говоря уже о Джеймсе Дине, который оставил после себя пустоту, разбившись на своем «порше» полгода тому назад.

В свои 56 лет Хэл Брент Уоллис был легендой Голливуда. Этот человек, «сделавший себя сам», поднимался ступенька за ступенькой по профессиональной лестнице в среде, где конкуренция не знает никаких законов, и в конце концов стал одним из главных лиц на киностудии Братьев Уорнер, для которой он снял легендарные фильмы — «Приключения Робина Гуда», «Мальтийский сокол» и «Касабланка». С конца войны Уоллис, благодаря своим обширным связям, смог стать независимым консультантом кинокомпании «Парамаунт». Его встреча с Элвисом привела к решающим последствиям, когда он пригласил певца на кинопробы. Уже в конце дня пленку проявили, и Уоллис высказался вполне одобрительно, хотя и воздержался от окончательного ответа.

Тем временем Элвиса и полковника ждали в Сан-Диего, на юге Калифорнии, где должна была состояться запись новой телепередачи, которую на сей раз вел комик Мильтон Берль. Поначалу он не испытал большого воодушевления, но Эйб Ластфогель из агентства Уильяма Морриса, представлявший интересы Элвиса и свои собственные, его убедил. В отличие от немного старомодной программы братьев Дорси «Шоу Мильтона Берля» привлекало аудиторию помоложе. Телезрители выказали такой энтузиазм, что Элвиса снова пригласили на передачу в начале июня. Подзуживаемый ведущим, который кривлялся рядом с ним, Элвис позабыл о наставлениях своего импресарио и извивался под бесстрастным взором телекамер, шокировав тысячи взрослых, оторопевших от такого зрелища.

В первый раз, с тех пор как о феномене Пресли заговорили в газетах, американцы получили возможность составить личное представление о певце, «для которого нет ничего святого» и который своими непотребными жестами выражал неудовлетворенность всего общества. Преподобный отец Дринан выразил мнение консерваторов, посвятив певцу яростную статью в католической газете «Америка» под заголовком «Осторожно: Элвис Пресли». Одновременно ведущий телевизионный критик Джон Кросби обличал «молодого артиста, невероятно вульгарного и совершенно лишенного таланта»; Джек Гуд, журналист, ведущий телеобзор в «Нью-Йорк таймс», сначала раскритиковал художественные просчеты и вокальные недостатки Элвиса, а затем нанес последний удар: «Глядя на мистера Пресли, не возникает никаких сомнений, что его достоинства заключены в другом (не в голосе). На самом деле он демонстрирует рок-н-ролльный вариант танца живота, в котором он явный виртуоз. Вихляние бедрами никогда не относилось к качествам, необходимым для успеха певца, и вряд ли когда-нибудь им станет».

Можно только улыбнуться такому отсутствию прозорливости, но тогда эта статья подогрела полемику, которая в последующие месяцы, по мере появления Элвиса на телеэкране, набирала обороты. Пусть пресса единодушно осуждала недвусмысленные движения певца, телеканалы убедились в эффекте его выступлений: впервые в истории шоу Берля обошло конкурентов вечером 5 июня. Сразу после этого Эн-би-си пригласила Элвиса выступить 1 июля в программе Стива Аллена, главная задача которого состояла в том, чтобы соперничать с королем эстрады Эдом Салливаном, каждое воскресенье появлявшимся вечером на Си-би-эс.

На фоне дешевых декораций «под Юг» Пресли должен был

разыгрывать деревенщину: его нарядили ковбоем и заставили петь пародию на «Синие замшевые туфли», названную «Синие замшевые сапоги», а потом впервые исполнить с экрана песню, которая превратится в один из его главных хитов — «Дворняга». Аллен не сделал ничего, чтобы облегчить ему задачу, настояв на том, чтобы он нацепил фрак и обращался как бы к собаке. Послушный Элвис не возражал, притворяясь, будто находит это забавным. «Наверное, Стиву Аллену это казалось смешным. Мне нет, но у меня не было выбора», — скажет он потом.

Полковник разрешил Элвису выступить в этой передаче, только чтобы надавить на Эда Салливана, который отказывался опуститься до того, чтобы принимать у себя в студии такого вульгарного певца, — если верить его заявлениям в прессе. Салливан дорожил своей репутацией «совести» широкой публики, но мог и признать свою ошибку, если она дорого ему обходилась: в вечер появления Пресли на Эн-би-си рейтинг Аллена был на десять пунктов выше, чем у него.

Эти показатели произвели эффект землетрясения в американском телевизионном микрокосме, и, когда Салливан несколько дней спустя вел телефонные переговоры с полковником о трех выступлениях Элвиса в его передаче за немыслимый гонорар в 50 тысяч долларов, голос у него был самый сладкий. Салливан и Си-би-эс об этом не пожалели, потому что 9 сентября рейтинг передачи с участием Элвиса побил все рекорды со времен изобретения телевидения: более 54 миллионов американцев — 82 процента телезрителей — включили в то воскресенье телевизоры. Впоследствии Салливан попал в ДТП и угодил в больницу, его заменил актер Чарлз Лоутон, который со своей обычной надменностью строил из себя церемониймейстера. Он следил за тем, чтобы Элвиса как можно чаще показывали крупным планом, дабы скрыть движения его ног, но телезрителей провести не удалось: все судорожные движения Пресли читались на его лице, к тому же были прекрасно слышны истерические вопли девчонок, находившихся в студии.

Сколько бы Джен Гуд ни бичевал Пресли на страницах «Нью-Йорк таймс», руководство Си-би-эс слишком поднаторело в шоу-бизнесе, чтобы упустить случай закрепить успех 9 сентября: встречу назначили на последнее воскресенье октября. На сей раз передачу вел сам Эд Салливан, и Элвис исполнил четыре песни перед шестьюдесятью миллионами телезрителей — этот рекорд удалось повторить только «Битлз», выступившим в той же передаче семь лет спустя.

Когда Элвис в третий и последний раз появился в программе Салливана и спел семь песен подряд (рекорд!) в первое воскресенье января 1957 года, он был уже несомненной суперзвездой. Менее чем через год после того, как Элвис Пресли ворвался на американскую сцену, имя его прочно вошло в лексикон. В то время как кое-кто упорно пытался выставить его пугалом в глазах подрастающего поколения, подавляющее большинство его гонителей в конце концов сложили оружие перед явлением, выходившим за рамки их понимания. Лучшим примером тому стал сам Салливан, который расточал Элвису похвалы, давая интервью журналистам. Если поначалу его считали южным забиякой с непомерным либидо, то с тех пор, как он превратился в актера, ему перестали отказывать в таланте певца.

Политика полковника Паркера приносила свои плоды: Хэл Уоллис вернулся к нему с конкретным предложением всего через несколько дней после того, как оценил киногеничность Элвиса. Паркер очень ловко отмел предложение в 15 тысяч долларов за фильм, которое сделал ему Уоллис, чем сбил с толку собеседника, привыкшего к непростым переговорам. «Когда я позвонил Паркеру в Нью-Йорк (сразу после выступления Элвиса в передаче братьев Дорси. — С. Д.) и сообщил о своей заинтересованности, полковник сразу мне сказал, что знает, кто я такой, и вежливо меня выслушал. Понимая, что за нашим разговором стоят большие деньги, он сказал, что Элвис, „вероятно“, согласится со мной встретиться, если ему доведется быть в Голливуде. Впоследствии мне пришлось донимать полковника телеграммами и телефонными звонками, чтобы он наконец назначил встречу в Голливуде».

Спокойная уверенность полковника говорит о его задатках ловкого игрока. Он обращается с одним из магнатов Голливуда со снисходительным добродушием, чтобы, когда настанет час, выторговать как можно больший гонорар для своего артиста. Такая наглость напоминает блеф в покере. Паркер вовсе не получил других предложений, на что, казалось бы, намекала его неуступчивость, и явился на решающие переговоры с Уоллисом с совершенно пустыми руками. Его уловку можно было оценить по достоинству, когда 6 апреля он гордо объявил о подписании контракта между Уоллисом и Элвисом на условиях, превосходящих воображение.

Уже за первую роль в полнометражном фильме гонорар Элвиса составил 100 тысяч долларов, к третьему фильму он удвоился — совершенно необычные условия для новичка на экране. Более того, в договоре, заключенном с Уоллисом, не было

никаких исключительных условий вопреки пожеланиям продюсера, которому пришлось удовольствоваться гарантией съемок в трех фильмах. Пресли же получил возможность раз в год изменять компании «Парамаунт». Это не было простым капризом со стороны Паркера: он под сурдинку вел переговоры с Дэвидом Вейсбартом со студии «XX век Фокс» о роли для Элвиса в фильме под названием «Братья Рино». Со своей стороны, Уоллис тянул время, ведя переговоры от имени начинающего актера об участии в одном проекте с Бертом Ланкастером и Кэтрин Хепбёрн; это ни к чему не приведет, и фильм, в конце концов, снимут без Элвиса под названием «Благодетель» («The Rainmaker»).

23 августа, с началом съемок «Братьев Рино», в историю Элвиса Пресли была вписана новая страница. В то время как в последние два года его жизнь строилась в соответствии с гастрольным графиком, концерты резко прекратились до самой осени. И даже когда он потом снова отправился в дорогу, график стал гораздо гибче: в октябре 1956 года — всего пять концертов, в ноябре — четыре, в декабре — только один. Судя по этим цифрам, которые подтвердят показатели следующего сезона, не возникает сомнений в том, что полковник отныне собирался делать ставку на кино и пластинки, а сцену исключить. Хотя буйства поклонниц и принесли Элвису известность, теперь они вредили его имиджу, которому Паркер хотел придать более благопристойный вид.

Полковник никогда не проявлял ни малейшего интереса к рок-н-роллу, считая его в лучшем случае мимолетным увлечением. Его отношение к кинематографической карьере Элвиса ограничивалось финансовыми критериями. Отказываясь видеть в своем артисте настоящего актера, он сразу потребовал, чтобы в сценарий «Братьев Рино» включили несколько песен, и проследил затем, чтобы «Хилл энд Рейндж» снабдили Элвиса как можно более безобидными песнями, которые не вызвали бы нареканий у цензоров.

Продюсер фильма Дэвид Вейсбарт видел будущее Пресли совершенно в ином свете: ему он представлялся новым Джеймсом Дином, только менее мрачным и более сговорчивым. Вейсбарт знал, о чем говорил, поскольку именно он продюсировал фильм «Бунтарь без причины». Он собирался создать биографический фильм о Дине и охотно отдал бы Элвису роль мятежного актера. Том Паркер сразу отмел все художественные соображения, противоречащие намеченной им цели: продать миллионы пластинок при поддержке кинематографа. Не довольствуясь тем, что по сюжету своего первого фильма Элвис должен был

исполнять четыре песни, Паркер даже добился, чтобы оригинальное название заменили на «Люби меня нежно» — название последнего хита певца, который он исполнил в прямом эфире во время второго выступления в «Шоу Эда Салливана».

Пока его импресарио разворачивал большие маневры, Элвис старался освоить новое для себя ремесло. С рассвета появляясь на съемочной площадке, он знал наизусть все диалоги в фильме, чем удивил и позабавил режиссера Роберта Вебба. Он сразу повел себя как неоперившийся юнец, настойчиво ухаживая за своей партнершей Деброй Пейджет: не знал, что юная актриса — одна из многочисленных «побед» эксцентричного миллиардера Говарда Хьюза. Чтобы избежать чувства разочарования у своей новой звезды, Дэвид Вейсбарт быстренько познакомил его с Натали Вуд, которая обладала в глазах Элвиса тем преимуществом, что сыграла вместе с Джеймсом Дином в «Бунтаре без причины».

Добросовестность и мягкий характер Пресли привлекли к нему симпатии других актеров, что избавило его от обычной для новичков «дедовщины». Съемки шли даже быстрее намеченного — по настоянию полковника, которому не хотелось слишком долго испытывать терпение фанатов Элвиса. В начале октября, как только закончились съемки, Паркер на короткое время возобновил гастроли Элвиса в ожидании официального выхода на экраны «Люби меня нежно» — 15 ноября.

Кассовый успех превзошел все ожидания и Паркера, и «Фокс». В Нью-Йорке дирекции кинотеатра «Парамаунт» пришлось обратиться за помощью к полиции, чтобы сдержать натиск тысяч подростков, явившихся на премьеру; повсюду в США рекорды посещаемости побивались один за другим. По всей стране разлетелось около шестисот копий фильма (вдвое больше нормы), уже за первую неделю проката он собрал четыре миллиона долларов, вчетверо больше своего бюджета, — неслыханное достижение в истории американского кино.

Как и следовало ожидать, пресса ощетинилась злобными комментариями, журналисты изощрялись в остроумии, чтобы выставить в наихудшем свете качества актера, которому они уже отказали в статусе певца. Всех превзошел анонимный критик из «Нью-Йорк таймс», написавший: «Это сосиска? Похоже, судя по мягкой влажной кожице, но где вы видели сосиску ростом 1 м 80 см и весом 80 кг? Может, это рыба, нарисованная Уолтом Диснеем? Очень вероятно, судя по красивым большим глазам с длинными ресницами. Но где вы видели золотую рыбку с бакенбардами? Тогда, может быть, это труп? И это можно себе представить, глядя на неподвижное бледное лицо с опущенным книзу ртом, напоминающее восковое лицо лорда Байрона».

Не важно, из какого сосуда пить: полковник был опьянен безусловной славой благодаря артисту, которого старался сбить с его истинного пути. Споры чудесным образом пошли на пользу Элвису, сделав его известным на всю Америку и даже за ее пределами; пришло время закрепить успех, привлекая симпатии большинства. Старый рецепт, перед войной позволивший безвестному голландскому эмигранту сделать себе имя в ярмарочном мире, пригодился и в общенациональном масштабе в пятидесятые годы: когда фраер клюнул на наживку — подсекай.

После исключительного успеха «Люби меня нежно» все вершители карьеры Элвиса загорелись желанием взяться за второй фильм. Пока снимали первый, Хэл Уоллис успел заказать сценарий для своей новой звезды, и все последние приготовления закончили на Рождество. Через два дня после третьего и последнего выступления в «Шоу Эда Салливана» Элвис отпраздновал свой 22-й день рождения в Мемфисе, в обществе родителей, а потом сел на поезд в Голливуд: съемки должны были начаться 21 января 1957 года.

График Элвиса наглядно говорит о приоритетах импресарио, для которого кино было всего лишь средством стимулировать карьеру певца. На сей раз уже не приходилось сражаться за то, чтобы вставить в фильм несколько песен: репертуар Элвиса был определен задолго до начала съемок, и Паркер даже записал семь песен из будущего фильма — «Любить тебя» — сразу по прибытии Элвиса в Голливуд, прежде чем режиссер Хэл Кантер впервые скомандует «Мотор!». «Полковник Паркер был самым прожженным прохвостом со времен Барнума, — вспоминал Кантер. — До сценария ему не было никакого дела, его интересовало только количество песен, которые удастся вывести на экран».

Наладился конвейер, эффективность которого подтверждали каждые новые съемки. Едва сценарий попадал в руки полковнику, как он раздавал его как можно большему количеству поэтов и композиторов-песенников, работавших на «Хилл энд Рейндж». У них было несколько недель, чтобы написать песни, которые Паркер потом отбирал по своим собственным критериям. Эта система шла вразрез с обычаями Голливуда, где над мюзиклами работали «подручные» на жалованье, а их произведения принимались или отвергались продюсерами. Устроив соревнование между авторами «Хилл энд Рейндж», издатель Фредди Бинсток и Том Паркер значительно ограничили расходы и получили гораздо более объемистый материал по сравнению с текущей голливудской продукцией. Авторы только отобранных

песен получали плату за труды, но перспектива получить авторские отчисления от фильмов и пластинок Пресли заставляла откликнуться на зов лучшие «перья» в мире американской эстрады.

Джерри Лейбер и Майк Столлер, два молодых белых автора-композитора, принадлежали к ареопагу, учрежденному Бинстоком. Ровесники Элвиса, они разделяли его пристрастие к афроамериканской музыке, которую открыли для себя, прохаживаясь по главной улице лос-анджелесского гетто — Центральной авеню. Если Элвис по своему происхождению мог на законном основании считаться светлокожим певцом блюза, тандем Лейбера и Столлера дополнял его в плане сочинительства: ритм-энд-блюз они познали изнутри, а не на расстоянии. Лейберу и Столлеру было всего семнадцать в 1950 году, когда чернокожий певец Чарлз Браун дал им путевку в жизнь, записав одну из их песен, — «Трудные времена». Они пошли дальше при поддержке Джимми Визерспуна и Флойда Диксона, а два их сочинения — «Канзас-Сити» и «Дворняга» — подарили известность Вилли Литтлфилду и «Биг Маме» Торнтон в 1952 и 1953 годах.

Мир ритм-энд-блюза — узкий мирок. Репутация Лейбера и Столлера быстро выплеснулась за рамки Калифорнии, и в середине десятилетия они решили поселиться в Нью-Йорке, примкнув к лучшим авторам популярной музыки на Бродвее. Их портфель заказов не пустел, а близкое знакомство с популярной негритянской музыкой превратило их в идеальных авторов для такого артиста, как Элвис, в особенности после того, как его версия «Дворняги» заняла первую строчку сразу в трех хит-парадах — ритм-энд-блюз, кантри-энд-вестерн и поп — осенью 1956-го. Очень современный стиль этих авторов, «обручивших рок-н-ролл с поп-музыкой», по выражению музыкального критика Грега Шоу, укрепил равновесие между блюзом, кантри и эстрадой.

К ним и обратились за песнями для фильма «Любить тебя». Лейбер и Столлер предложили «Хилл энд Рейндж» несколько композиций, две из которых приглянулись полковнику: это была заглавная песня и «Hot Dog», казавшийся по названию продолжением «Hound Dog». «Авторы думали, что если хоть какое-то из их сочинений примут, все труды окупятся за счет авторских отчислений, и так и было», — поясняет Майк Столлер, говоря о том, почему он принял условия работы, навязанные машиной Пресли. «Соразмерно количеству песен в фильме автор, получавший жалованье от Голливуда, заработал бы от полутора до двух тысяч долларов за песню, а если песню записывал

Пресли, она могла принести гораздо больше».

Ненасытный полковник все же не мог удовлетвориться системой, которая стоила ему очень мало, а приносила крайне много. На прибыли от первых хитов Элвиса он приобрел в Нэшвилле каталоги некоторых издателей, законодателей мод в мире кантри. Но этими совершенно легальными капиталовложениями Том Паркер не утолил свою алчность. Действуя с позиции силы, он заставлял авторов песен для Элвиса отказываться от прав на издание (то есть от половины доходов от песни) в пользу «Хилл энд Рейндж» и ее филиалов — «Элвис Пресли Мьюзик» и «Глэдис Мьюзик», а то и передавать часть авторских прав певцу и его продюсеру, которые за всю свою жизнь не написали ни одного куплета.

Стремясь еще больше укрепить свою власть, Паркер нашел способ сделаться техническим советником по фильмам, в которых снимался Элвис, — почетная должность, позволявшая ему постоянно находиться на съемочной площадке, кривляться с делано добродушным видом, напяливая на свое пузо костюмы, отрытые в запасниках студии, а заодно получать внушительный гонорар помимо 25 процентов от вознаграждения артиста: по контракту, подписанному с Хэлом Уоллисом, Элвис получил за «Любить тебя» «всего» 100 тысяч долларов, и полковнику пришлось наверстывать упущенное, пока не доведется пересмотреть в сторону увеличения тарифы на новые фильмы.

Съемки «Любить тебя» облегчались сюжетом фильма: Элвис играл в нем молодого певца кантри, уехавшего со своей фермы в Техасе в погоне за славой. Очутившись в своей стихии, Пресли мог уже не стараться сделаться актером и вел себя тем естественнее, что рядом с ним были Скотти Мур, Билл Блэк и Д. Дж. Фонтана. В одной из сцен фильма можно даже разглядеть миссис Пресли, сидящую среди зрителей, аплодирующих герою: Элвис хотел таким образом выказать уважение к своей матери; после смерти Глэдис на показ фильма «Любить тебя» при ее сыне было наложено табу — именно по этой причине.

Работа над фильмом еще не была закончена, а полковник уже разослал сообщение в информационные агентства, объявив им 27 февраля 1957 года название следующего фильма Элвиса — «The Rock». Паркер воспользовался пунктом о неисключительных правах, вырванным у Хэла Уоллиса, и на сей раз подписал контракт с «Метро-Голдвин-Майер», который гарантировал ему гонорар в 250 тысяч долларов для Элвиса и половину доходов от фильма с вычетами. Это были неслыханные условия для актера, бывшего практически дебютантом, хотя уже не осталось

сомнений в том, что Элвис немедленно обращает в доллары всё, к чему прикасается. В поисках наличности для удовлетворения своей всепоглощающей страсти к игре полковник хотел обеспечить себе надежный тыл, сознавая, что популярность Элвиса может рухнуть в любой момент. Исследование Гилбертовского института молодежи из Нью-Йорка даже предсказывало снижение привлекательности Пресли, но Паркер поспешил опровергнуть это утверждение, взявшись за дело с удвоенной энергией.

За те полтора года, что певец находился в его руках, полковник не допустил ни одного промаха. В отличие от пластинок других звезд рок-н-ролла пластинки Элвиса продавались без обычных ухищрений, связанных с этим смутным временем в истории грамзаписи. Взятки самым влиятельным диджеям Америки, чтобы заручиться их поддержкой, тогда были обычным делом, но полковник никому не давал «на лапу», наоборот.

Сразу после воцарения Элвиса в Голливуде Паркер даже счел нужным сократить количество публичных выступлений своего певца под тем предлогом, что концерты вредят его кинокарьере. Задетый за живое «карканьем», предвещающим скорый закат его звезды, Паркер перешел в контратаку, заявив, что получил больше полутора тысяч предложений выступить с концертом в 1957 году, и на краткое время возобновил гастрольную деятельность Элвиса в начале весны.

Это турне из десятка выступлений довольно быстро оборвалось, потому что 1 мая в студии «Метро-Голдвин-Майер» в Калвер-Сити начались съемки фильма «Тюремный рок» (в итоге остановились на этом названии). Одновременно новая «сорокапятка» Пресли «All Shook Up» («Я потрясен») выбилась в лидеры популярной музыки, и гонителям Элвиса пришлось смириться с нарастанием его оглушительного успеха. Вместо того чтобы буксовать, его карьера набирала обороты. В США «золотые диски» шли один за другим, в Европе тоже: молодые англичане подали пример, поставив «Я потрясен» на первое место в хит-парадах.

Это был первый из семнадцати суперхитов Элвиса в Великобритании, где рок-н-ролл благодаря ему занял свое место на музыкальном Олимпе. В пробитую им брешь устремились главные представители жанра — группа «Крикетс» Бадди Холли, Джерри Ли Льюис, «Братья Эверли» и Бобби Дарин, в последующие месяцы их имена регулярно стояли рядом с именем Элвиса в английских хит-парадах. Новая волна так прочно утвердилась на британской земле, что начиная с 1958 года рок-н-

ролльные турне шли одно за другим. Зимой того года Бадди Холли выступал от Лондона до Ливерпуля, и по его триумфу можно судить о том, какой прием ждал бы Элвиса в Англии, если бы полковник не создавал искусственных проблем, чтобы помешать певцу отплыть в Европу, куда он сам отправиться не мог за неимением паспорта.

В отсутствие гастролей за упрочение мировой славы Пресли взялось кино. После выхода летом на экраны «Любить тебя» со шлягером «Позволь мне быть твоим плюшевым мишкой» фильм «Тюремный рок» и его заглавная песня, сочиненная тандемом Лейбер — Столлер, окончательно закрепили за Элвисом репутацию поющего актера, поставив его, через поколение, в один ряд с Джином Отри, Бингом Кросби и Фрэнком Синатрой.

Кассовые сборы от фильма «Любить тебя» хоть и не сравнялись с результатом «Люби меня нежно», все же были достаточно солидными, поскольку фильм занял лидирующее место в прокате. Возможно, некоторые и подумали, что образ Пресли начинает меркнуть, однако «Тюремный рок» послужил форменным опровержением. Этот фильм, вышедший осенью 1957 года, стал самым доходным за весь сезон, к тому же соответствующая «сорокапятка» разошлась в двух миллионах экземпляров. В конечном счете он принес студии «Метро-Голдвин-Майер» и тандему Пресли — Паркер кругленькую сумму в 14 миллионов долларов — хороший результат для фильма, на который было затрачено в пятнадцать раз меньше.

Посреди этой эйфории судьба напомнила Элвису о том, что слава имеет свою цену: через несколько дней после завершения съемок «Тюремного рока» Джуди Тайлер, игравшая в нем главную женскую роль, разбилась на машине вместе с мужем, и этот фильм, как и «Любить тебя», окончательно попал в «черный список» артиста, еще очень незрелого в своем отношении к смерти.

Простодушие проявлялось и в его склонности тратить свое состояние на всякие пустяки. Известность была для Элвиса еще совсем новой игрушкой. Пока не воцарились скука и одиночество, деньги доставляли ему иллюзию веселья, бесконечно продлевая его отрочество. Потребность в беззаботности проявлялась в повседневной жизни в виде шалостей, не вписывавшихся в обычные представления о зазнавшейся звезде. Уже после первого своего появления в нью-йоркском офисе Ар-си-эй в начале 1956 года Элвис отметился, пожав руку президенту компании со спрятанным в ладони «рукотрясом»: руководство студии просто опешило от его склонности к розыгрышам. И в Голливуде Пресли позволял себе подобные мальчишеские выходки. Когда ему было

нечем заняться между съемками, он обожал кататься на машине с друзьями; на светофорах он опускал стекло и махал рукой хорошеньким девушкам, безмятежно прогуливавшимся по бульвару Санта-Моника, и смеялся до слез, когда они начинали истерически вопить, узнав его.

Вместо того чтобы вкладывать свои колоссальные доходы в дело в перспективе неясного будущего, Элвис коллекционировал девушек и автомобили, как будто это игрушки, составил себе внушительный гардероб в дурном вкусе, роясь в китчевых коллекциях братьев Лански на Бил-стрит, десятками покупал бриллиантовые перстни, браслеты с инкрустацией и звенящие цепочки у ювелира Гарри Левича — все эти внешние признаки богатства выдавали его плебейское происхождение и мечты детства, проведенного в крайней бедности.

Однако Элвису хватало вкуса компенсировать эту демонстрацию роскоши искренней щедростью и неизменной преданностью мечтам юности. Он был постоянным клиентом Гарри Левича и братьев Лански в память об отеческом покровительстве, которое эти торговцы из простонародных кварталов Мемфиса оказывали ему совсем недавно. Элвис не мог забыть, что Левич частично оплатил учебу его школьного товарища Рыжего Уэста, а Гай и Бернард Лански позволяли ему примерять костюмы броских цветов в те времена, когда он был без гроша в кармане. Что же до Дьюи Филлипса, ведущего передачи «Red, Hot and Blue», который раскрутил его первую пластинку фирмы «Сан», Элвис выразил ему признательность вполне конкретно, оплатив лечение у своего дантиста, — роскошь в стране, мало знакомой с социальным страхованием.

Бывая в Мемфисе, Элвис обходил всех своих друзей и знакомых. Он редко забывал наведаться к бывшим учителям из школы Хьюмза, по вечерам ходил в клубы на Бил-стрит, чтобы встретиться со своими любимыми певцами ритм-энд-блюза, заглядывал в рестораны и открытые кинотеатры, где когда-то был завсегдатаем, неизменно посещал магазин пластинок «Дом блюза» Рубена Черри на Бил-стрит. «Однажды я зашел к Рубену с журналистом Стенли Бутом, — рассказывает один завсегдатай. — У Рубена под прилавком была резиновая гремучая змея, на случай нападения. Похоже — не отличить. Стенли спросил его: „Где же твоя резиновая змея, Рубен?“ И Рубен ответил ему совершенно естественно, без всякого фанфаронства: „Да этот сукин сын Элвис Пресли свистнул ее у меня на днях, чтобы шататься по Бил-стрит и совать ее под нос прохожим“. Самое смешное, что он в самом деле был страшно зол на Элвиса. Он знал его всю жизнь, Элвис покупал у него пластинки как обычный

клиент».

Во вторник 4 декабря 1956 года Элвис вместе с одной танцовщицей, которую привез из Лас-Вегаса, заскочил в «Мемфис Рекординг Сервис» и застал там Сэма Филлипса в разгар работы с Карлом Перкинсом и Джерри Ли Льюисом, деньги на раскрутку которых поступили от продажи его контракта в Ар-си-эй. Сознавая, какой рекламный ход можно сделать из этой неожиданной встречи, Филлипс тайком позвал одного журналиста и фотографа из «Мемфис Пресс-Сцимитар» и попросил новую звезду «Сан Рекордз» Джонни Кэша приехать к ним в студию. Это был фантастический день: Перкинс играл на гитаре, Пресли или Льюис — на пианино, и четыре певца устроили для своего продюсера импровизированный концерт, в котором умело смешались песнопения госпел, баллады и рок-н-ролльные шлягеры. Филлипсу хватило ума записать из него длинные отрывки, и концерт вошел в историю под названием «Квартет на миллион долларов».

Однако главным образом щедрость Элвиса проливалась на его мать. Он сохранил воспоминание о том дне, когда заехал за ней на машине в больницу Святого Иосифа рядом с Лодердейл-корт, где она работала, и она пришла в восторг от розового «кадиллака»; Глэдис не умела водить, но это не помешало сыну подарить ей машину ее мечты, как только у него появилась такая возможность.

После перехода в Ар-си-эй, а тем более с появлением в Голливуде автомобиль стал для Элвиса простым аксессуаром. О финансовом процветании Пресли пресса теперь судила по переездам его семьи. Сменив несколько адресов, Вернон и Глэдис оставили Скотти Муру дом на Гетвелл-роуд и в мае 1956 года поселились в симпатичном домике в пять комнат под номером 1034 по Одюбон-драйв. Впервые в жизни Пресли не были квартиросъемщиками: Элвис уплатил бывшему владельцу 40 тысяч долларов из отчислений от «Отеля, где разбиваются сердца».

Их появление в престижном квартале не пришлось по вкусу соседям, которым было неприятно, что перед садовой калиткой постоянно толпятся фанаты. Элвис целыми днями стоял за садовой решеткой, обсуждая свою карьеру и раздавая автографы, а то, бывало, развлекался тем, что десятками взрывал бутылки с газировкой, стреляя по ним из пневматического ружья. Еще большие неудобства создавала привычка Глэдис Пресли развешивать белье у всех на виду и разводить в саду цыплят. Эти деревенские привычки шокировали добропорядочных буржуа, и их неприкрытая враждебность была сопоставима с их завистью: в

то время как большинство местных жителей еще не выплатили взносы за свои дома, это «белое отребье», только что вырвавшееся из спальных районов, уплатило за домик наличными благодаря щедротам своего выскочки-сына.

Положив конец интригам ассоциации соседей, предлагавшей выкупить дом, Элвис попросил родителей подыскать какое-нибудь домовладение на отшибе. Весной 1957 года Вернон и Глэдис обнаружили настоящую жемчужину в Уайтхэвене — полудеревенском пригороде Мемфиса на южном выезде из города, неподалеку от границы с Миссисипи. Большой белокаменный дом с колоннами, построенный в 1939 году с ностальгией по плантаторским усадьбам, архетипом которых оставалось колониальное жилище Скарлет О'Хара в фильме «Унесенные ветром», назвали Грейсленд в память о двоюродной бабушке бывших владельцев по имени Грейс.

Двадцать комнат, земельный участок в шесть гектаров — это уединенное поместье было идеальным пристанищем для Элвиса, который проживет там последние двадцать лет своей жизни. Усадьба временно служила храмом для религиозной общины, пока бывшая владелица, разведенная жена врача, подыщет покупателя. По совету своего риелтора она взвинтила цену до ста тысяч долларов, когда узнала, что у Элвиса есть виды на этот дом. Полковник, который был гораздо сговорчивее, когда речь шла о чужих финансовых интересах, взял на себя устроить эту сделку, и 19 марта 1957 года Грейсленд сменил хозяина.

В первое время там жил один из братьев Глэдис. Пока усадьбу не окружили забором, он сторожил ее и присматривал за ремонтом. Помимо строительства бассейна, курятника и хлева, где можно было бы держать свиней, которых Глэдис собиралась разводить, Элвис велел обновить ванные, оборудовать частный кинозал, перекрасить большинство общих комнат в лиловый и золотой цвета и заказал для потолка в прихожей небесно-голубую фреску, которая превращалась вечером в звездную ночь благодаря десяткам лампочек. Еще он настоял на том, чтобы в гостиной поставили автомат с газировкой и мороженым. На втором этаже он выбрал самую красивую спальню для своей матери, а себе взял комнату по соседству и повесил там огромное зеркало во всю стену. Бабушке Пресли выделили отдельные апартаменты на первом этаже.

По возвращении из Голливуда, где только что закончились съемки «Тюремного рока», Элвис официально вступил во владение имением, достойным его славы. Фотографы и журналисты тотчас ввели Грейсленд в мир народной Америки, к

вящему удовлетворению полковника, который поощрял пристрастие Элвиса к китчу. Сам он заказал портному Нуди Коэну в Голливуде костюм, сотканный из золотых нитей. В тот день, когда Коэн предъявил ему счет на две с половиной тысячи долларов, Паркер счел более осторожным подогнать костюм по мерке Элвиса, который стал, помимо воли, счастливым обладателем этой нелепой и неудобной одежды. Певец терпеть не мог эти десяти килограммовые оковы, которые стесняли его движения на сцене; в редких случаях он надевал на концерт только пиджак, и в конце концов полковник убрал костюм в шкаф.

Том Паркер считал, что ему все дозволено, когда собирался утвердить мысль о том, что Пресли — современный царь Мидас. Опираясь на опыт, приобретенный со странствующими цирками, он затевал нелепые и сомнительные рекламные кампании. В конце октября 1956 года, во время второго выступления Элвиса в телешоу Эда Салливана, Паркер велел установить гигантский силуэт Элвиса на фасаде кинотеатра «Парамаунт» в самом центре Манхэттена; для большего эффекта он нанял фанатов, которые часами ходили перед кинотеатром с плакатами «Элвиса в президенты» за неделю до выборов, позволивших Дуайту Эйзенхауэру задержаться в Белом доме еще на четыре года. Паркер на этом не остановился и однажды устроил в Голливуде парад карликов, представленный как «Лилипутский фан-клуб Элвиса Пресли».

Самое большое наслаждение Паркеру доставлял даже не разбухающий счет в банке, а удовольствие помыкать своим ближним. Он дошел до того, что унижал прессу, вынуждая журналистов платить за билеты на концерты Элвиса. Все средства были хороши, чтобы увеличить известность его артиста, а тем более чтобы загребать деньги, — абсолютное выражение власти. С ростом количества фан-клубов пришлось открыть в пригороде Нэшвилла офис на двадцать человек, чья работа состояла в том, чтобы распечатывать письма, которые каждый день приносили мешками, и подсчитывать долларовые купюры, которые присылали желающие получить фотографию с автографом.

Благодаря невероятной популярности Элвиса полковник был способен вымогать у организаторов концертов гонорары, становившиеся в буквальном смысле слова астрономическими по мере сокращения гастролей. Если Дин Мартин и Джерри Льюис запрашивали по 10 тысяч долларов за вечер, полковник требовал 25 тысяч, чтобы подчеркнуть свое превосходство, как объясняет его бывший компаньон Оскар Дэвис. «Ни разу не случалось, чтобы организатор получил больше денег, чем полковник. Он всегда

просчитывал всё так, чтобы организатор получил меньше всех».

С видом искушенного балаганного зазывалы Том Паркер объяснял всякому встречному и поперечному, что несоразмерность и контраст — два источника успеха. Соединив эту теорию со своими экономическими познаниями, он следил за тем, чтобы артисты, выступавшие перед Элвисом — жонглеры, акробаты, певцы кантри третьего разряда, — не оправдывали законных ожиданий публики; помимо того что такая политика сокращала его расходы, он мог быть уверен, что нервное возбуждение тинейджеров достигнет своего предела к моменту выхода на сцену Пресли, и реклама обеспечена.

В глазах полковника, долгое время торговавшего леденцами среди аттракционов, нервом войны всё же была торговля сувенирами, которую он забрал в свои руки. Едва завязав отношения с Ар-си-эй-Виктор, он настоял на том, чтобы за ним сохранили права на имидж Элвиса. В этой области он был непревзойденным мастером. Начать хоть с продажи фотографий с автографами: очень скоро он отнял ее у Билла Блэка, для которого она была прибавкой к зарплате, намеренно удерживаемой Паркером на самом низком уровне. На гребне успеха, когда пластинки Элвиса распродавались миллионами, а подростки толпами ходили на его фильмы, полковник не устоял перед соблазном лично встать в дверях во время нескольких концертов, которые он еще наметил, предлагая портреты Пресли на глянцевой бумаге по 50 центов штука.

Это стало лишь самым анекдотичным проявлением технологии, разработанной Томом Паркером. Кино и телевидение взялись навязать обществу потребления старые рецепты, истрепанные с прошлого века миром цирка, экономика которого частично основывалась на продаже побочных продуктов. Подхватив идею сувениров, рассчитанных на детскую аудиторию и изображавших героев мультфильмов или комиксов, Паркер создал летом 1956 года компанию, помогавшую ему обращать в деньги имидж Элвиса с помощью фирмы «Саперстейн и компаньоны» — крупного производителя рекламных объектов.

Впервые подобная операция была направлена на тинейджеров, но развитие покупательной способности подростков гарантировало ей немедленный успех: к концу 1957 года от операции рассчитывали получить прибыль в 50 миллионов долларов. Как и следовало ожидать, полковник и его артист получали от пяти до десяти процентов от этих доходов, в зависимости от предмета. От носков до пижам, от браслетов-талисманов до гитар, от черных джинсов до двухцветных мокасин, от губной помады «Heartbreak Pink» и «Hound Dog

Orange» до туалетной воды «Элвис» — лицо и имя Пресли очень быстро вышли за музыкальные рамки и наводнили повседневную жизнь через универмаги и каталоги с доставкой товаров по почте. Поскольку единственной религией Паркера был цинизм, он дошел до того, что запустил в продажу значки «Ненавижу Элвиса» для заклятых врагов его певца, которые, не зная того, пополняли его доходы.

Эта новаторская концепция коммерческой эксплуатации популярного певца, какой бы прибыльной она ни была, не всем пришлась по нраву. В частности Элвису. Равнодушный к деньгам, он не мог стерпеть, что его искусство обращают в дешевый товар. Адский ритм работы, навязанный ему агентом в первой половине 1956 года, даже вызвал короткий бунт. Но полковник быстро его подавил; сознавая, насколько Элвис подвластен главным фигурам из своего окружения, он симулировал сердечный приступ и на несколько дней заперся в своей комнате под присмотром врача, пока Элвис, страдая от чувства вины при мысли о том, что мог свести в могилу человека, бывшего ему как отец, не покаялся.

Однако полковнику надо было изобрести способ присматривать за своим артистом, если он хочет надолго удержать его в своих руках. Он убедился в том, что Элвису необходимо иметь кружок друзей и наперсников, присутствие которых его успокаивало. Со своей обычной ловкостью Паркер воспользовался собственным влиянием и финансовой властью и отсеял из этого кружка независимые умы, которых лучше было держать на расстоянии, оставив тех, кем он мог помыкать по своей воле. Битси Мотт (шурин полковника), друзья детства Элвиса: двоюродный брат Джин Смит, сосед по Лодердейл-корт Баззи Форбесс, однокашники Джордж Клейн и Рыжий Уэст; радиоведущий Клифф Гливз и его друг Ламар Файк, забавлявший всю компанию, разыгрывая толстого увальня, спортивно сложенный Алан Фортас составили ближний круг певца — впоследствии его назовут «мемфисской мафией». В Голливуде Том Паркер приобрел себе союзника в лице Ника Адамса, молодого актера, чье имя встречается в титрах «Бунтаря без причины», который нашел в Элвисе замену Джеймсу Дину после его смерти. Через его посредство полковник был в курсе настроений своего артиста и мог быть уверен, что никто не пытается открыть ему глаза на хищничество его менеджера.

Наименее надежными, с точки зрения Паркера, из близких к Элвису людей были Майк Столлер (написавший в соавторстве с Джерри Лейбером несколько хитов для Пресли), которого полковник считал слишком ушлым, а главное — Скотти Мур и Билл Блэк, вина которых заключалась в том, что они были рядом

с певцом на всех этапах его восхождения и еще имели на него кое-какое влияние. Паркер терпеть не мог Скотти за его независимый ум, а Билла упрекал за то, что тот дурачится на сцене, рискуя отвлечь внимание публики от звезды. С того дня как полковник низвел их до уровня простого наемного персонала, он вставлял палки в колеса верным спутникам Элвиса: сначала отказался за них от выгодных рекламных контрактов, предложенных Ар-си-эй и «Крайслером», потом устроил так, чтобы во время записей песен в Голливуде их подменяли в студии калифорнийские музыканты.

Скотти и Билл были поставлены на службу Элвису, и только ему, за сто долларов в неделю в период бездействия и за двойную оплату во время гастролей. Резкое сокращение концертов с лета 1956 года, притом что они должны были оплачивать все дорожные расходы, а также запрещение участвовать в других творческих проектах в конце концов истощили терпение музыкантов, которые с отчаяния обратились прямо к Элвису в конце лета 1957 года. Певец был слишком подвластен своему импресарио, чтобы дать согласие на требуемую прибавку, и после этого недоразумения Скотти и Билл уволились с должности аккомпаниаторов на жалованье.

Одновременно полковник ухитрился поссорить певца с диск-жокеем Дьюи Филлипсом, преданнее которого было не сыскать, под тем предлогом, что тот имел наглость передать по радио пробную запись «Teddy Bear» до официального выхода пластинки. В конце концов Элвис помирился с Дьюи и попросил Скотти и Билла изредка участвовать в выступлениях его группы, но важная страница его истории — дебютная — уже была перевернута. И бесповоротно: между Марион Кейскер и Сэмом Филлипсом вспыхнула бурная ссора, после которой молодая женщина ушла из «Сан Рекордз» и поступила в Би-би-си.

Эти эпизоды говорят о нарастающих трудностях Элвиса, связанных со статусом звезды. Его успех был бесспорным, но он не всем пришелся по нраву, и этот пышный период был омрачен рядом инцидентов. В Мемфисе он сцепился с заправщиком, раздраженным толпой, которая собралась возле его машины. Оба пустили в ход кулаки, и дело закончилось в суде. Таков же был финал конфликта между певцом и неким рабочим-металлистом, который ударил Элвиса из-за того, что его подружка носила фото звезды в своем бумажнике. Чаще всего стычки такого рода улаживали полюбовно через адвокатов, обычно в ущерб Пресли, которому приходилось удовлетворять финансовые требования противной стороны. Вот один пример: ему пришлось выложить пять тысяч долларов, чтобы избежать судебного преследования со

стороны девушки, оказавшейся рядом с ним на фотографии в одном из журналов.

К нередким перипетиям такого рода следует добавить многочисленные ДТП во время гастролей, авиаперелет, который чуть не закончился трагически, так что весной 1956 года даже поползли слухи о смерти Элвиса, усталость, которая довела его до больничной койки в тот же период… Оказываясь в Мемфисе, певец пытался обрести призрачный покой, снимая на ночь кинозал или каток, чтобы повеселиться несколько часов со своим многочисленным окружением.

Глэдис Пресли еще тяжелее, чем сын, переносила нарастающую изоляцию, в которой оказалась вся семья, и вторжение фанатов, звонивших в дверь в любое время дня и ночи. Естественная гордость, которую она испытывала вначале, сменилась тоской: размах шумихи в прессе выходил за рамки ее понимания. Несмотря на все усилия, ей было не по себе в Грейсленде, который казался ей слишком большим и безликим. Элвис и Вернон постарались устроить для нее настоящий скотный двор с курами, гусями, поросятами и даже ослом — подарком полковника. С появлением кур связан один забавный эпизод: птицы обгадили заднее сиденье «кадиллака», на котором их везли Элвис с отцом; машину тотчас обменяли на новую у дилера. Узнав об этом, Глэдис, которая уже много недель не улыбалась, хохотала до слез, но передышка была слишком короткой. «Однажды Глэдис мне сказала: „Если бы только Элвис мог всё бросить сегодня, жениться и завести ребенка. Тогда я была бы счастлива. Он заработал достаточно денег на своих пластинках, чтобы уйти на покой“», — рассказывает ее подруга.

К несчастью, было слишком поздно давать задний ход, потому что Элвис себе уже не принадлежал, и до такой степени, что со съемок фильма «Любить тебя» он вернулся с новым лицом. С тех времен, когда он не пропускал ни одного фильма с Тони Кёртисом в ближайшем кинотеатре, он всегда мечтал иметь черные волосы — из-за этой навязчивой идеи он и злоупотреблял брильянтином. Однако родные не ожидали, что он вернется из Голливуда с волосами как вороново крыло, а тем более с носом, подправленным пластическим хирургом, и кожей, очищенной от следов прыщей.

Глэдис тяжело переживала это обстоятельство, еще больше отдалившее ее от сына. Когда полковник начинал ее обхаживать летом 1955 года, то пообещал ей замедлить гастрольный ритм, но сдержал слово через год, только чтобы заставить Элвиса сниматься в фильмах, ради которых он на много недель уезжал на другой конец страны. Больше всего ее огорчали проблемы в

отношениях со Скотти и Биллом. Кто теперь присмотрит за ее мальчиком? При каждом отъезде в Голливуд она неустанно давала те же наставления Джорджу Клейну. «Она говорила мне: „Джордж, у Элвиса есть плохие привычки, и я рассчитываю на тебя, присмотри за моим малышом. Проверяй, чтобы он выгребал деньги из карманов, когда отдает вещи в стирку, и следи за ним по ночам: он лунатик“».

На фотографиях Глэдис на всем протяжении этих двух безумных лет изображена женщина с грустным взглядом, постоянно толстеющая — наверное, под воздействием пива и стресса. Она жаловалась на проблемы с сердцем, ноги ее страшно распухли, и она искала спасения от навалившейся депрессии в алкоголе и лекарствах. К январю 1957 года Глэдис дошла до такого нервного истощения, что ее пришлось положить на две недели в больницу, хотя врачи и не нашли никаких отклонений.

Элвис пытался подбодрить мать, звонил ей каждый вечер перед сном, если был не дома, но как будто не понимал, какие перемены произошли в женщине, которая не спускала с него глаз до девятнадцати лет и по-прежнему любовно готовила его любимые бутерброды с бананом и арахисовым маслом, когда он бывал в Грейсленде.

Элвису было сложно возить с собой родителей на гастроли, зато во время съемок он мог приглашать их в Голливуд. На пике славы, прекрасно сознавая, каким взглядом студийный истеблишмент окидывает южный плебс, Элвис не испытывал никакого стыда, охотно представляя Вернона и Глэдис звездам экрана, которых встречал на студии. Он слышал, как острословы пересмеивались за его спиной, когда супруги Пресли представляли своих друзей, приехавших вместе с ними на съемки «Любить тебя», как «декораторов», тогда как мистер Николс был маляром, но ему было на это плевать. Его успех был успехом отверженных с Юга, и он этим гордился.

Под конец 1957 год доставил Глэдис дополнительные заботы. Вместо того чтобы замедлиться, ритм работы Элвиса внезапно ускорился с приближением срока, которого она особенно боялась: ее сына призывали в армию.

Глава шестая. ДЖИ-АЙ БЛЮЗ. 1958–1960

Четкое осознание реальности военной службы пришло к Элвису Пресли 19 декабря 1957 года, когда он получил из рук председателя призывной комиссии Мемфиса приказ явиться по месту службы 20 января следующего года.

Нельзя сказать, что это стало неожиданностью, поскольку ряд предвестников беды уже настроил его на мысль о неминуемом. В 1953 году Элвис встал на воинский учет, как и все восемнадцатилетние юноши, однако учеба в школе Хьюмза принесла ему желанную отсрочку, в то время как многие молодые американцы отправились воевать в Корею. Генерал Эйзенхауэр попал в Белый дом частично благодаря своему обещанию положить конец войне, унесшей жизни 24 тысяч американцев, в большинстве своем призывников. Можно себе представить, какое облегчение испытала Глэдис Пресли, когда в июле 1953 года новый президент подписал наконец мирный договор; после этого военное руководство столкнулось с проблемой переизбытка личного состава, и количество призывников резко сократили.

В последующие годы Элвис был слишком занят своей карьерой, чтобы интересоваться своим воинским статусом. Когда один журналист спросил его летом 1956 года, собирается ли он служить в армии, он ответил, что охотно бы без этого обошелся. После трехлетнего затишья армия, однако, напомнила о себе в октябре того же года, когда Элвису прислали первую анкету. Машина завертелась: 4 января 1957 года Пресли вызвали в Госпиталь для ветеранов имени Кеннеди в Мемфисе на медкомиссию. Осмотр проходил при неописуемой давке журналистов, которых больше всего интересовало, какая судьба уготована неуставным бачкам Элвиса; надо полагать, этот вопрос волновал всю подростковую Америку, судя по выходу в то же время песни Стива Шикеля под названием «Leave My Sideburns Be» («Не трогай мои бачки»).

8 января 1957 года, в двадцать второй день рождения Элвиса, начальник мемфисского призывного пункта устроил пресс-конференцию и официально объявил, что гражданин Пресли признан годным к военной службе. Отказавшись уточнить его айкью, капитан Роуэн ограничился замечанием о том, что тот вполне на уровне.

Вопреки бульварной прессе и фанатовским изданиям, приходившим в возбуждение от мысли увидеть Элвиса в военной форме, сам он в последующие месяцы почти не затрагивал эту тему, разве что заявил прессе, что не собирается уклоняться от

исполнения своего гражданского долга. В частном кругу речи велись гораздо менее патриотические: похоже, певец был совершенно уверен, что его импресарио сделает все необходимое, чтобы избавить его от двух лет ада, которые могли серьезно повредить его карьере. Вокруг него все твердили, что «дядя Сэм» никогда не рискнет забрить лоб человеку, ежегодно выплачивающему несколько миллионов долларов налогов.

После окончания войны в Корее военные власти делали значительные поблажки призывникам. Призывные комиссии, состоявшие из видных членов гражданского общества, назначаемых по рекомендации депутатов местных законодательных органов, испытывали давление со стороны руководящих лиц, чем объясняется крайне малое количество призывников из обеспеченных кругов. На Юге за эту политику расплачивались негры и сыновья «белого отребья». Известность Элвиса заставила забыть о его происхождении, и его окружение, как и пресса, было убеждено, что самый популярный певец в Америке никогда не наденет форму или будет проходить службу в привилегированных условиях.

Уже в конце октября 1956 года на первой полосе журнала «Биллборд» была опубликована статья о призыве Пресли: похоже, полковник обсудил этот вопрос с компетентными органами. Ссылаясь на «высокопоставленные источники» в военных кругах, пожелавшие остаться неизвестными, журнал сообщал, что Элвис будет пользоваться режимом особого благоприятствования в спецслужбах и даже сможет продолжить свою кинокарьеру с особого разрешения. На самом деле вербовщики из сухопутных войск и ВМФ вступили в братоубийственную войну в надежде заполучить солдата Пресли, делая полковнику все более заманчивые предложения.

В январе агентство «Ассошиэйтед Пресс» вернулось к этой теме в сообщении «Успокойтесь, девочки»: в нем уточнялось, что Элвис даже сможет сохранить свой кок и бачки, если согласится петь в форме для солдат, как до него делали многие артисты и кинозвезды. Эти слухи вызвали бурю негодования со стороны ветеранов, которые потребовали отчета у Пентагона. Устав отвечать на жалобы, армейские чины заявили, что солдат Пресли не получит никаких преимуществ, — тем дело и завершилось до конца 1957 года.

Возможно, рекламная шумиха вокруг военной обязанности Элвиса обернулась против него, но это не объясняет, почему от мысли отправить его в спецслужбы в конечном счете отказались. Пусть даже ему пришлось бы пожертвовать прической — почему

не добиваться всеми силами привилегированного положения? За ответом в очередной раз следует обратиться к полковнику, которого не прельщала мысль позволить своему артисту бесплатно выступать на военных базах. Кроме того, перспектива превращения Элвиса в образцового рядового выглядела не так уж скверно, в то время как он старался подправить имидж своего певца в глазах широкой публики после того, как добился для него известности через скандал. Настойчивость, с какой Паркер заставлял фотографировать Элвиса в обществе губернатора Миссисипи Дж. П. Коулмана (одного из ярых поборников расовой сегрегации на Юге) во время его яркого возвращения в Тьюпело осенью 1956 года, а также выпуск долгоиграющей пластинки музыки госпел и альбома с рождественскими песнями в следующем году выражают намеренное желание сбить с толку тех, кто осуждал подрывной характер творчества Пресли. Стрижка под ежик, военная форма и служба без всяких поблажек лишь подчеркнут превращение гадкого утенка эстрады в прекрасного лебедя патриотизма.

Однако Том Паркер был озабочен не только этим смещением акцентов: в тот же период у него возникли трудности личного порядка. У полковника уже давно развилась болезненная страсть к игре во всех ее проявлениях. Все, кто знал его после перехода в шоу-бизнес, были поражены его тягой ко всякого рода тотализаторам, карточным играм и лотереям. Сохранилось несколько фотографий середины пятидесятых: он играет в покер за кулисами Голливуда, пока Элвис работает на съемочной площадке, — вероятно, это входило в обязанности «художественного консультанта», принимаемые на себя Паркером во время съемок.

Кстати, один из редких «проколов» той эпохи связан как раз с игорным наваждением. Весной 1956 года, когда Элвис только-только начал набирать популярность среди подростков благодаря успеху «Отеля, где разбиваются сердца», полковник воспользовался своими связями в сомнительных кругах мира казино, устроив своему певцу ангажемент на две недели в отеле «Нью Фронтьер» в Лас-Вегасе — по два концерта в день. И все же гигантской фигуры Элвиса из фанеры, выставленной по просьбе менеджера у входа в отель, взрывной репутации артиста, которого представили «певцом с ядерной энергией», оказалось недостаточно, чтобы заполнить пропасть, отделяющую южный рок-н-ролл от добропорядочной клиентуры казино. «Пресли дебютировал в кабаре и выглядел там так же неуместно, как бутылка дешевого коньяка на приеме с шампанским», — подвел итог корреспондент «Ньюсуик» в своем отчете о концерте.

Уже на второй вечер имя Элвиса перестали помещать на афишах крупными буквами, а его выступление сократилось до четверти часа. «Это было ужасно. Мне не удавалось расшевелить публику», — вспоминал Пресли несколько лет спустя. Он утешался тем, что коллекционировал танцовщиц. Полковник усвоил урок и на время оставил эту затею, однако он тоже «оттянулся» во время гастролей, подолгу просиживая за столами, покрытыми зеленым сукном, на которые и перекочевала его доля от 17 тысяч долларов наличными, затребованных у руководства отеля за концерты Элвиса.

Как большинство запойных игроков, полковник, проигрывая, продолжал делать ставки в безумной надежде отыграться. Можно предположить, что чуда почти никогда не происходило, его проигрыши росли как снежный ком, так что в 1957 году «Нэшвилл Баннер» даже посвятила его мании целую статью. Полковник собирался подать в суд, но отказался от этой мысли, чтобы правосудие не сунуло нос в его дела и не выяснило, что его пребывание в стране незаконно. С тех пор как Паркер якшался с крупными преступными группировками Флориды и Луизианы через посредство ярмарочных аферистов, он пользовался определенным кредитом в американских казино, однако дружба мафиозных кланов весьма ненадежна, как только речь заходит о деньгах. Чтобы расплатиться по долгам с кредиторами, которые вполне оценили товарную стоимость Пресли, ему непременно нужно было пристроить своего молодого артиста в надежное место, прежде чем ему придется «уступить» контракт Элвиса. В глазах полковника, армия была самой надежной защитой, и он не сделал ровным счетом ничего, чтобы оградить певца от призыва. Нужно было выиграть время, а Паркер мог рассчитывать на поступления от фильмов и продажи пластинок, чтобы поправить свои финансовые дела и избавиться от долгов.

Это было опасно. Служба в армии длилась два года, и никто не взялся бы утверждать, что после столь длительного перерыва Элвис не станет жертвой непостоянства своих фанатов; кроме того, в предсказателях близкого конца рок-н-ролла недостатка не было. И все же фаталист Паркер старался разглядеть положительные стороны в этой ситуации. Не обращая внимания на страхи Глэдис Пресли, для которой уход сына на военную службу был сущим кошмаром, полковник уже мечтал о выгоде, которую сможет извлечь из патриотического крестового похода, если повести дело с умом.

Уход Элвиса в армию также позволял Паркеру окончательно забрать власть над Ар-си-эй. До сих пор ему удалось только оттеснить на обочину Стива Шоулса, чья роль в студии теперь

была сведена к минимуму, поскольку репертуаром Элвиса заправлял полковник сообща с Фредди Бинстоком, не обращая большого внимания на художественную ценность записей. Несмотря на это, когда «Я потрясен» стала лидером продаж 1957 года, индустрия грамзаписи подтвердила господство Элвиса в своей области: три четверти «сорокапяток» Ар-си-эй, разошедшихся в том году более чем миллионным тиражом, были записаны Пресли. Полковник уже знал, что призыв Элвиса стал бы замечательным рычагом давления на руководство компании, которое теперь пойдет на любые компромиссы, лишь бы он помог ей удержать у себя курицу, несущую золотые яйца.

Со стороны Голливуда ситуация выглядела не так оптимистично. «XX век Фокс» наметила на 1958 год съемки фильма, который должен был принести Элвису и полковнику 200 тысяч долларов, а «Метро-Голдвин-Майер» поговаривала о том, чтобы снять в том же году байопик (фильм-биография) о певце кантри Хэнке Уильямсе. После успеха «Любить тебя» Хэл Уоллис, со своей стороны, уже начал работу над новым фильмом; новость о том, что Пресли забирают в солдаты, для компании «Парамаунт» раздалась как гром среди ясного неба, в то время как она уже вложила треть миллиона долларов в подготовку съемок «Короля Креола» — экранизации романа Харолда Роббинса «Камень для Дэнни Фишера».

За несколько дней до Рождества, когда Элвис уехал в Нэшвилл за рулем грузовика, в кузове которого была малышка «Изетта» — очень модный трехколесный мини-автомобильчик марки «БМВ», — собираясь положить ее полковнику «под елочку», глава студии «Парамаунт» официально подал в военные инстанции просьбу об отсрочке. Ответ из призывной комиссии поступил незамедлительно: чтобы эта просьба была принята к рассмотрению, ее должно подать само заинтересованное лицо. Что Элвис и поспешил сделать. Ответ пришел 27 декабря: ко всеобщему облегчению, актеру предоставили отсрочку до 20 марта 1958 года — времени для завершения работы над четвертым фильмом было в обрез.

13 января Элвис с большой помпой отбыл с вокзала Мемфиса в сопровождении привычного круга родных и друзей. Он без приключений доехал до Лос-Анджелеса, если не считать, что в каждом из городов на его пути тысячи фанатов подстерегали своего кумира, задерживая отправление состава (полковник тайком предупредил прессу о расписании поезда). Скотти Мур, Билл Блэк, Д. Дж. Фонтана и «Джорданерс» уже ждали Элвиса в голливудской студии звукозаписи. Полковник пошел вразнос и

затребовал для «Короля Креола» не менее одиннадцати песен — почти вдвое больше, чем в предыдущем фильме «Тюремный рок».

Нужно было извлечь из этих съемок максимальную прибыль, и на фирме Ар-си-эй-Виктор никто и не думал жаловаться. В запасниках студии грамзаписи было достаточно песен на несколько «сорокапяток», но надо ведь думать о будущем, раз Элвис собирается на два года выпасть из гражданской жизни. Ар-си-эй даже заранее приняла меры в перспективе падения продаж, подняв на десять процентов розничные цены на «сорокапятки», — это красноречиво говорит о том, в какой тревоге пребывал тогда гигант музыкальной индустрии.

Сеансы звукозаписи «Короля Креола», которые худо-бедно удавалось вставлять между съемочными днями в течение месяца, проходили не так удачно, как надеялся Элвис. А ведь он настоял на том, чтобы художественное руководство этими записями доверили его любимым авторам — Джерри Лейберу и Майку Столлеру. Трое любителей ритм-энд-блюза, принадлежавшие к одному поколению, прекрасно понимали друг друга — даже слишком, на взгляд полковника, который боялся, что Лейбер или Столлер откроют Элвису глаза на финансовую алчность и авторитарные методы руководства его импресарио.

На беду, Джерри и Майк были независимыми умами, и успех хитов, которые они уже написали для Элвиса, побудил их предложить ему напрямую, в обход Паркера, свои последние новинки. Тот пришел в ярость от такой непочтительности и ждал только предлога, чтобы от них отделаться. Случай подвернулся, когда Лейбер и Столлер предложили братьям Абербахам, издателям Элвиса, задействовать его в экранизации романа Нельсона Альгрена. Этот видный представитель американской контркультуры, бывший одно время любовником Симоны де Бовуар[7], являлся одним из главных антиконформистов своего поколения. Его имя вышло на передний план благодаря фильму Отто Премингера «Человек с золотой рукой» (1956) с Фрэнком Синатрой в главной роли; в том же году Альгрен опубликовал роман «Прогулка по беспутному кварталу».

Герой этого литературного блюза, мрачная атмосфера которого в дальнейшем послужит источником вдохновения для нью-йоркского рокера Лу Рида, — неудачник с Юга. Элвис прекрасно изобразит его на экране, уверял Джерри Лейбер, который даже предложил пригласить в качестве режиссера Элиа Казана. Полковник был взбешен таким недопустимым вмешательством в его дела: только он вправе решать, что подойдет его «мальчику». Вторжение в сомнительный мир левацких американских интеллигентов не вписывается в план

карьеры, который он наметил для Элвиса. Паркер сразу дал понять ведущим авторам «Хилл энд Рейндж», что их задача — писать, что заказано, не более того.

Сеансы в студии в январе 1958 года предоставили Паркеру долгожданный случай избавиться от Лейбера и Столлера. Вскоре после возвращения в Нью-Йорк после первых записей песен к «Королю Креолу» Лейбер попал в больницу с тяжелой формой пневмонии и уже не мог руководить процессом вместе со Столлером. Полковник немедленно заявил обоим, что их отсутствие недопустимо, а чтобы покончить со строптивыми сочинителями, прислал им по почте контракт нового типа.

«В конверте был лист бумаги с запиской: „Контракт прилагается. Поставьте Вашу подпись перед отсылкой“, — рассказывает Лейбер. — Я взглянул на контракт: это был чистый лист бумаги с подписью Паркера и строчкой, отведенной для моей подписи. Я тотчас позвонил Паркеру и сказал: „Том, тут какая-то ошибка. Мне прислали чистый лист с моим именем“. Он ответил, ничуть не смутившись: „Да нет, малыш, никакой ошибки нет. Просто подпиши и отошли мне обратно“. Я не уступал: „Но на этом листе ничего не написано“, а он ответил: „Не беспокойся, все детали потом“». Маневр удался: Лейбер и Столлер немедленно прекратили сотрудничество с Паркером, и Элвис остался без самых профессиональных авторов. Однако тандем все же успел написать четыре оригинальные песни для «Короля Креола», три из которых войдут в фильм.

Невзирая на все эти перипетии, съемки продолжались ускоренными темпами, чтобы успеть все закончить до рокового дня 20 марта. Элвис вновь встретился на съемочной площадке с Долорес Харт, с которой уже снимался в «Любить тебя», — ее постоянно приглашали в фильмы Уоллиса. В начале следующего десятилетия племянница певца Марио Ланца завершит свою карьеру в кино, приняв решение уйти в монастырь, но пока она вела с Элвисом долгие разговоры на мистические темы, которые произвели на него сильное впечатление.

Певец очень серьезно отнесся к своей работе над четвертым фильмом; помимо Харт его партнером был Уолтер Маттау, а руководил съемками Майкл Кёртис, один из его любимых режиссеров. Венгр по происхождению, этот ветеран Голливуда, прославившийся длинной чередой шедевров, самые известные из которых, пожалуй, «Одиссея капитана Блада», «Приключения Робина Гуда» и «Касабланка», относился к кумиру подростков с нескрываемым недоверием. В первое время он даже старался принизить Элвиса, заставляя его похудеть и сбрить бачки. Однако поведение Кёртиса в корне изменилось, когда он понял, что Элви,

как он его называл со своим выраженным акцентом, вовсе не тот заносчивый герой-любовник, которого он ожидал увидеть. Элвис со своей привычной учтивостью безропотно выполнял все просьбы режиссера, перед которым благоговел, и это сказывалось на его актерской игре. «Чудесный мальчик, из него выйдет великий актер», — заявил Кёртис под конец съемок.

И все же он недооценил феномен Пресли. Поскольку действие фильма разворачивалось в Новом Орлеане, Кёртис хотел снять несколько сцен в реальных условиях, чтобы передать атмосферу старых кварталов. Сколько полковник ни возражал, что фанаты могут сорвать съемки, Хэл Уоллис настоял на своем, будучи уверен, что удержит ситуацию под контролем: ему уже доводилось проводить натурные съемки с двумя величайшими звездами начала десятилетия — Дином Мартином и Джерри Льюисом. Уоллис, похоже, позабыл, что поклонниками певца и комика были взрослые, тогда как Пресли привлекал к себе тинейджеров, которых не пугали никакие преграды. Съемки в начале марта во Французском квартале не стали исключением из правил. Городские власти неосторожно отменили занятия в школах, провозгласив 1 марта Днем Элвиса Пресли. В этот день чудом удалось избежать побоища, и продюсеры в срочном порядке принимали усиленные меры безопасности.

Для Элвиса это были самые памятные съемки за всю его карьеру: здесь он смог показать весь свой актерский потенциал, и рецензии на фильм, вышедший на экраны три месяца спустя, это подтвердили. «„Король Креол“ доказал, что звезда — хороший актер», — заявил журнал «Варайети», а вслед за ним «Лос-Анджелес Экзаминер», который, впрочем, задавался вопросом: «успеют ли фанаты Элвиса заметить его рост как актера, настолько много в фильме музыки». Самой большой неожиданностью стала рецензия в «Нью-Йорк таймс», обычно шедшей вразрез с основным мнением, но и ее автор восклицал: «Сюрприз! Элвис — хороший актер! Наконец-то его попросили сыграть, и он с этим справился».

Небольшой крюк через Голливуд — и Пресли вернулся в Мемфис 14 марта, за неделю до ухода в армию. На сборный пункт ему надо было явиться 24-го, в понедельник, времени оставалось в обрез, и он все дни проводил в Грейсленде, утешая мать. Каждый вечер Элвис с компанией отправлялся кататься на роликах на роллердром «Рейнбоу», который снимал после закрытия, — только так можно было избежать встречи с фанатами, от которых не было житья. Веселье было деланым, Элвис словно хотел казаться беззаботным перед испытанием, которое его пугало. Та же мнимо непринужденная атмосфера

царила на официальной церемонии присуждения шуточной награды «Pops-Rite Popstar Award» — ее вручали актеру, на демонстрации фильмов которого было продано больше всего попкорна, или на вручении ключей от новенького «форда» Аните Вуд, которая на тот момент была подружкой Элвиса.

Ночь на 24 марта походила на боевой дозор. Отдав последнюю дань культу автомобиля и посмотрев фильм в кинотеатре для автомобилистов в Мемфисе, Пресли с друзьями продолжил вечер в Грейсленде, завершившийся бурной бессонной ночью. Они так шумели, что один из соседей позвонил в полицию, однако гомон прекратился только в полседьмого утра, когда Элвис отправился на призывной пункт. Вместе с Анитой Вуд он возглавил внушительный автомобильный кортеж, в котором ехали его родители, родственники и вся компания друзей, не говоря о полковнике, приготовившемся разыгрывать добропорядочного гражданина, возбуждая любопытство десятков журналистов, среди которых были и представители британской прессы.

Холодная дождливая погода была под стать настроению Элвиса, который до последней минуты надеялся на чудо. Его тоска составляла разительный контраст с воодушевлением и непринужденностью Тома Паркера. Тот гордо зачитал ободряющую телеграмму от губернатора штата Теннесси и руководил всей церемонией как заправский цирковой конферансье, так что Элвиса под конец стало раздражать, что его показывают толпе точно медведя на ярмарке. Его боязнь одиночества в армии была настолько ощутимой, что один из его приятелей, Ламар Файк, даже попросил, чтобы его тоже взяли в армию. Военные его просьбу отвергли: зачем им рекрут весом в 140 кило, и солдат срочной службы Пресли сел в автобус вместе с другими призывниками и отправился в Госпиталь для ветеранов имени Кеннеди, где 14 месяцев назад проходил медкомиссию.

Там его дожидались больше пятисот фанатов, но армейское начальство заблаговременно приняло меры для обеспечения порядка. Только нескольким фотографам из прессы разрешили присутствовать при взвешивании героя, которому в связи с этим в виде исключения разрешили остаться в трусах. На кукольном личике Элвиса явно читался страх перед неизвестностью, он не имел ничего общего с похотливым повесой, которого предавала анафеме Америка «отцов». После медосмотра, широко освещавшегося прессой, король рок-н-ролла окончательно стал рядовым, и полковник Паркер мог потирать руки, увидев через несколько дней такой портрет своего артиста в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «В какой другой стране столь богатый и

знаменитый гражданин пошел бы служить вместе с безвестными призывниками, не пытаясь откупиться от исполнения своего гражданского долга? Это и есть американская демократия в самом благородном своем проявлении».

Остаток дня прошел в суматохе. Элвис принес присягу вместе со своими товарищами, получил номер 53 310 761 и наконец сел в военный автобус, который отвез его вместе с другими призывниками в Форт Чаффи — военную базу на окраине города Форт Смит, на границе Арканзаса и Оклахомы, в нескольких сотнях километров к западу от Мемфиса.

Там он попал в руки цирюльника, который постриг его по уставу. Впервые за много месяцев к Элвису вернулся естественный цвет волос, и белокурый рядовой натянул униформу цвета хаки. Стрижка закончилась потасовкой, когда полсотни присутствовавших при ней журналистов набросились на крашеные локоны, сильно позабавив полковника. Несколько дней спустя прядь волос Элвиса даже выступила в качестве приза в одной радиовикторине. «Я был знаком с одним парнем с базы в Эль-Пасо, который подобрал клок волос Элвиса, — рассказывает ведущий Чак Блор. — С этой прядью я получил больший рейтинг, чем с призом в 10 тысяч долларов, который разыгрывался двумя месяцами раньше». Пикантности этой истории добавляет тот факт, что на самом деле эти волосы не могли принадлежать Пресли, потому что его стригли в нескольких сотнях километров от Эль-Пасо.

Форт Чаффи — лишь первый этап большого пути, и четыре дня спустя Элвиса перевели в Форт Гуд в самом центре Техаса, где ему предстояло два месяца «учебки». Водворение Элвиса в славную 2-ю танковую дивизию, связанную с именем генерала Паттона, стало последним номером цирковой программы, тщательно спланированной Томом Паркером для журналистов. Серьезный журнал «Лайф» увековечил это событие, посвятив фоторепортаж «дебюту рядового Пресли» — отпущение грехов, предоставленное Америкой хулигану от рок-н-ролла: теперь-то все, или почти все, знали, что это скорее ягненок, чем волк.

Изменение американского общественного мнения отразилось на отношении к Пресли индустрии грамзаписи, о котором можно судить по выпущенным в этот период «сорокапяткам». Билл Парсонс выразил общее чувство, расхвалив достоинства «All American Boy» («Истинный сын Америки»), которого «Грейтс» представили в виде «Марширующего Элвиса», тогда как Джини Харрис пела со слезами в голосе «До свиданья, Элвис». Со своей стороны, Мо Клейн подбадривал его песней «Alright Private» («Вперед, солдат»), «Боболинкс» пели про «Сержанта Элвиса

Пресли», а Фелтон Джарвис призывал «Не обижайте Элвиса».

В 1958 году Корея перешла в разряд дурных воспоминаний, и поколение рок-н-ролла состояло по большей части из хулиганистых и шовинистически настроенных молодых граждан, чей патриотизм сильно отличался от критического взгляда, каким будущие «дети цветов» будут смотреть на войну во Вьетнаме десять лет спустя. Пока до студенческих волнений конца шестидесятых было еще далеко. Чернокожий активист и основатель «Черных пантер» Элдридж Кливер напишет о них: «Отличительные черты молодых белых бунтарей, которые больше всего пугали старшее поколение, — длинные волосы, новые танцы, любовь к негритянской музыке, курение марихуаны, мистическое отношение к сексу, — стали орудиями их бунта». Как мы видим, поколение Вудстока довело до крайности культурные особенности рок-н-ролла. И хотя Элвис неосознанно приоткрыл ящик Пандоры, он поспешил захлопнуть его, послушно отправившись служить, в связи с чем Джон Леннон скажет: «Элвис умер в тот день, когда ушел в армию».

После отъезда журналистов и полковника жизнь в казармах Форта Гуд быстро вошла в свою колею, хотя в первую неделю на базу поступило несколько сотен телефонных звонков и две тысячи писем от фанатов. Официально к рядовому Пресли относились так же, как к остальным; в действительности все было несколько иначе: Анита Вуд получила разрешение навещать человека, которого пресса часто представляла ее женихом. Она виделась с ним каждый вечер после учений и по выходным, даже поселилась у сержанта Элвиса Билла Норвуда. За этим исключением Пресли был образцовым новобранцем: рано вставал, повиновался старшим по званию и шел впереди своего взвода во время марш-броска, которым закончилась двухмесячная «школа молодого бойца».

Застигнув новобранца оплакивающим свою карьеру, которую он считал окончательно порушенной, сержант Норвуд понял, насколько велико отчаяние Элвиса, и старался всеми силами вдохнуть в него мужество и призвать к выполнению солдатского долга. Только примерное поведение позволит ему выносить грубые шутки других призывников, постоянно смеявшихся над его пластинками, фильмами и обожанием девчонок, которые мгновенно сбегались, стоило ему высунуть нос на улицу.

По традиции после двух месяцев «учебки» Элвис получил двухнедельный отпуск и съездил к родным в Мемфис. Несмотря на ежедневные звонки в Грейсленд, он не был морально готов найти мать в состоянии нервного истощения: Глэдис узнала, что

Элвису предстоят еще четыре месяца учебы в Форте Гуд, а затем отправка в Германию. Для миссис Пресли жизнь развивалась по наихудшему сценарию, и Элвису стоило величайшего труда ее успокоить, пообещав вызвать ее в Форт Гуд при первой возможности. Тем временем он возобновил ночные вылазки в «Рейнбоу», жалея о том, что не сможет провести больше времени с Анитой, которая уехала на несколько дней в Нью-Йорк, чтобы записать свою первую пластинку. Вечером 4 июня он вместе с Глэдис и Верноном побывал на предпремьерном показе «Короля Креола», представленного на афише как «фильм, сердце которого бьется в ритме современной молодежи».

Во время этой краткой передышки певец не мог располагать собой так свободно, как ему хотелось бы. Руководство Ар-си-эй дало понять полковнику, что запасы быстро истощаются; переиздав в марте главные хиты Пресли в альбоме «Золотые записи Элвиса» и распродав в апреле больше миллиона экземпляров «Wear My Ring Around Your Neck» («Носи мое кольцо на шее»), компания готовилась выпустить песни из «Короля Креола» на двух долгоиграющих пластинках, один альбом и одну «сорокапятку». Это была уловка, чтобы держать фанатов в напряжении, рискуя поселить в них некоторое разочарование. Ар-си-эй предложила полковнику обустроить в Грейсленде частную студию звукозаписи, чтобы Элвис мог записывать новые песни во время отпусков, но это предложение осталось на бумаге.

Зато Том Паркер нехотя согласился отправить Элвиса в Нэшвилл вечером 10 июня на единственный сеанс. Стив Шоулс воспротивился участию Скотти Мура и Билла Блэка, которым отказывал в способностях, и Пресли встретился в студии с патриархом кантри гитаристом Шетом Эткинсом, пианистом Флойдом Кремером, ударником Д. Дж. Фонтаной и группой «Джорданерс». В тот вечер удалось записать не менее пяти новых песен — настоящий рекорд для артиста, привыкшего делать записи не торопясь; Шоулс сам наращивал темп, зная, что у Пресли больше не будет возможности вернуться в студию до самой демобилизации весной 1960 года.

Время пролетело быстро, и 14 июня Элвис отправился обратно в Форт Гуд за рулем новенького красного кабриолета, который только что купил. Глэдис и Вернон приехали к нему через несколько дней, как было условлено. Сначала супруги Пресли поселились в передвижном вагончике, а потом сняли домик в соседнем городке Киллин, когда от фанатов совсем не стало житья. Согласно военному уставу новобранцы имели право проживать вместе с родственниками, которые находятся на их иждивении (а это был тот самый случай, так как благодаря успеху

сына Вернон мог уже больше не работать), и Элвис воспользовался этим, чтобы приезжать к родителям по вечерам и на выходные, избегая таким образом неудобств жизни в казарме и издевательств со стороны других призывников.

Пока Элвис продолжал учиться военному делу в своей танковой дивизии, его карьера продолжалась заочно — через пластинки и главным образом благодаря фильму «Король Креол», официальная премьера которого была намечена на 2 июля. Фильм сразу побил все рекорды кассовости и продержался на вершине весь месяц, предоставив необходимый материал бульварной прессе, которой не хватало пикантных подробностей. Элвиса один раз арестовали за превышение скорости во время увольнительной, но в целом его жизнь была слишком однообразна, на взгляд фанатов, привыкших к обилию приключений.

Трагические события августа восстановили баланс. Глэдис Пресли уже давно жаловалась на боли в животе, еще в Мемфисе она вызывала доктора Кларка. Семейный врач первым делом спросил, избегает ли она тяжелой пищи, как он ей рекомендовал; Глэдис возразила, что для болей нет никакой причины, поскольку она питается почти исключительно пепси-колой и арбузами, и доктор Кларк успокоился. Но с тех пор миссис Пресли не становилось лучше, и теперь ей пришлось вернуться поездом в Мемфис, где ее положили в методистскую больницу.

Сразу после поступления, 9 августа, у нее обнаружили кровоизлияние в области печени и поставили диагноз: гепатит. Крайне встревоженный доктор Кларк вызвал Элвиса к больничному одру матери, которая звала его беспрестанно. Начальник воинской части, где служил Пресли, сначала отверг его просьбу о внеочередном отпуске, боясь обвинений в фаворитизме. Элвис заявил, что уйдет в самоволку, и потребовалась вся сила убеждения доктора Кларка, чтобы офицер уступил: ему пригрозили посвятить в эту историю журналистов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Получив отпуск на семь дней, Пресли прибыл в Мемфис вечером 12 августа. Глэдис как будто испытала облегчение, увидев сына, ее состояние стабилизировалось. На следующий день Элвис снова пришел в больницу, они с Верноном весь день сменяли друг друга у постели больной, та выглядела безмятежной и восторгалась пресловутым розовым «кадиллаком», который Элвис велел припарковать перед больницей, чтобы мать могла его видеть с постели. День прошел спокойно, была уже полночь, когда Элвис отправился спать, оставив отца рядом с

задремавшей матерью. Три часа спустя убитый горем Вернон позвонил в Грейсленд и сообщил, что Глэдис только что скончалась от сердечного приступа. Ей было 46 лет.

Миссис Пресли так и не смогла приспособиться к резкому изменению ритма жизни в связи с бурно развивающейся карьерой своего сына. Бессонные ночи, проведенные в ожидании звонков Элвиса, разнузданное буйство фанатов, более или менее серьезные происшествия, без которых не обходились ни одни гастроли, в конце концов подорвали ее физическое и психическое здоровье. «Элвис мне как-то рассказал, что во время гастролей его машина загорелась и он чуть не сгорел вместе с ней, — вспоминала Присцилла, будущая супруга Пресли. — В тот же момент, в сотнях километров от того места, Глэдис внезапно проснулась и выкрикнула его имя. Между ними существовала очень сильная синкретическая связь».

Объявление об отъезде Элвиса в Германию усугубило тревогу Глэдис Пресли. В ее представлении Европа все еще была связана с ужасами совсем недавней войны, и, сколько бы сын ни обещал взять ее с собой, она представляла себе худшее, следуя мрачной логике, как объясняет Ламар Файк, часто бывавший в Грейсленде в тот период: «Она твердила: „Надеюсь, я умру до того, как с Элвисом что-нибудь случится. Я не вынесу, если он умрет прежде меня“».

Глэдис никогда не интересовали деньги. В отличие от своего мужа, видевшего в успехе сына лишь способ оторваться от плебейских корней, она всегда мечтала о простой спокойной жизни вдали от газетной шумихи, которая выводила ее из равновесия. Не порывая со своими приятельницами из Тьюпело после переезда в Грейсленд, она даже испытывала потребность вернуться к корням. Имение было слишком красивым и слишком большим, в доме постоянно торчала толпа паразитов, неотступно окружавших Элвиса, и Глэдис погрузилась в депрессию. Большая любительница пива, она теперь перешла на водку и к тому же набрала вес. Она, так долго гордившаяся своей стройной фигурой и тонкими чертами лица, винила себя за то, что растолстела; она была зла на себя, что у Элвиса такая непривлекательная мать, и пыталась решить проблему, набрасываясь на всякого рода сомнительные таблетки для похудания, которых в Америке пятидесятых было пруд пруди. За несколько месяцев адская смесь из алкоголя и таблеток, которые она глотала горстями, доконали ее сердце. Через девятнадцать лет Элвис отправится в могилу по тому же сценарию.

14 августа в Мемфисе стояла страшная жара, и

бальзамировщики с раннего утра унесли тело миссис Пресли, а закончив работу, перевезли его в Грейсленд. К дому выстроилась длинная череда друзей и родственников, некоторые приехали издалека, чтобы проститься с покойной. Журналисты, облепившие решетку забора, узнали полковника Паркера, который спешно прибыл из Нэшвилла, как только узнал эту новость, Ника Адамса, прилетевшего из Лос-Анджелеса, и даже Джесса Пресли, отца Вернона, который жил в Луисвилле, в штате Кентукки, и первым же автобусом приехал в Мемфис. Наконец, узнали Дьюи Филлипса и Сэма Филлипса, друзей первой волны, которым в последнее время редко доводилось бывать в Грейсленде.

Человек более тонкой душевной организации, чем компания приятелей и родственников, заливавших горе спиртным, Сэм Филлипс старался разговорить Элвиса, выудить из него воспоминания, чтобы изгнать боль, убедить в неизбежном течении жизни. «В жизни не забуду опавших листьев, плававших в бассейне», — вспоминал потом Сэм. Певец превратился в собственную тень. Почти весь день он провел в комнате, где лежала Глэдис, говорил с ней, целовал, обнимал, рыдая так, что служащие похоронного бюро в конце концов накрыли гроб стеклянной крышкой, чтобы хоть как-то остановить его..

Прощание состоялось на следующий день, ближе к вечеру, в присутствии толпы из нескольких сотен тщательно отобранных гостей, среди которых была Анита Вуд, спешно примчавшаяся из Нью-Йорка, где только что участвовала в телешоу Энди Уильямса. Перед помещением, где проходила гражданская панихида, столпились тысячи фанатов, журналистов и съемочных групп с телевидения, приехавших со всех Соединенных Штатов. Они молча ждали под внимательными взглядами отделения городской полиции, которая была приведена в состояние повышенной готовности.

Элвис зафрахтовал целый самолет для «Братьев Блэквуд», которые должны были выступать в те выходные в Южной Каролине. Любимая группа Глэдис исполнила в ее честь пронзительные гимны «Бесценные воспоминания» и «Колесо времен», но Элвис не мог решиться остановить Блэквудов, и те спели еще дюжину гимнов, словно их пение могло восстановить связь, оборванную смертью.

Преподобный Гамилл произнес проповедь на тему надежды; пастор Собрания Божьей Церкви проследил жизненный путь семейства Пресли с момента их приезда в Мемфис десять лет тому назад, и его звенящий голос, речь, полная аллегорий, отвечали чаяниям семьи, привыкшей к выразительному

богослужению. Здесь было далеко до традиционной сдержанности северных пуритан; отчаяние Элвиса в особенности поразило всех присутствующих. Он несколько раз чуть не потерял сознание, потом подошел к матери, поцеловал ее в лоб и пообещал отказаться от денег и карьеры, лишь бы она ожила. Затем он бросился в объятия Джеймса Блэквуда, напомнив ему трогательную церемонию прощания четыре года тому назад, в зале Эллис, после трагической гибели двух членов квартета.

Служба закончилась, и плотная толпа проследовала к кладбищу Форест Хилл, расположенному в нескольких километрах от Грейсленда, где у могилы уже ждали несколько сотен зевак. Элвис сказал матери последнее «прости», уверял, что всегда жил только ради нее и благодаря ей. Впоследствии он установит на ее могиле огромную мраморную статую Иисуса Христа с воздетыми к небу руками и выгравированными на пьедестале искренними, хотя и несколько напыщенными словами: «Любимая супруга Вернона Пресли и мать Элвиса Пресли. Она была лучом света в нашем доме».

В тот же вечер Элвис пожелал остаться один и пустил в Грейсленд только свою бывшую подружку Дикси Локк, которая была и на похоронах братьев Блэквуд. Они вместе несколько часов перебирали воспоминания, а Элвис пел грустные песни под пианино. Дикси спросила, почему он не откажется от своей карьеры, раз уже познал славу; Пресли ответил, что теперь от его успеха зависят слишком много людей, чтобы он мог позволить себе роскошь пойти на попятный.

На следующий день Элвис вернулся в ритуальный зал, где на сей раз проходило прощание с отцом его однокашника Рыжего Уэста. Потом он велел отвезти себя на могилу Глэдис и вернулся в Грейсленд весь в жару, так что врач прописал ему успокоительное.

В армии ему продлили отпуск на несколько дней, и он провел неделю в Мемфисе, где его компания всячески пыталась его развлечь: Элвис ходил в кино, проводил ночи в «Рейнбоу», брал уроки карате — он открыл для себя этот вид спорта в армии. Бригада дорожной полиции Теннесси даже взяла его с собой прокатиться на вертолете, чтобы развеяться, — ничего не помогало. Из юношеского романтизма он обвинял себя в смерти Глэдис. Почему Бог призвал ее первой? В чем он согрешил, что его подвергли такому испытанию? Не цена ли это за незаслуженный успех? Неизменно его мысли возвращались к матери, и, прежде чем уехать обратно в Техас, он купил фургончик, на котором отвез нескольких родственников залечивать раны в Тьюпело, в штат своего детства — Миссисипи.

25 августа вместе с отцом, бабушкой и несколькими близкими людьми Элвис вернулся в Форт Гуд: завершение учебы не дало ему погрязнуть в мрачных мыслях, когда со всех концов страны прибывали сотни телеграмм и сто тысяч писем с соболезнованиями. Отъезд в Европу был назначен на середину сентября, но только 11-го Элвису объявили, что он приписан к 3-й танковой дивизии, расквартированной в ФРГ, под Франкфуртом-на-Майне. Новость тотчас просочилась в прессу, и певец объявил на расспросы журналистов, что отец и бабушка поедут с ним, как он и обещал матери на ее смертном одре.

Последний вечер в Киллин напоминал канун призыва в армию полгода тому назад: бессонная ночь самых горьких размышлений в обществе Аниты Вуд, родственников, верных друзей и горстки председателей фан-клубов, которых пригласили разделить с их кумиром его горе. Вечером 19 сентября, в пятницу, Элвис занял место в военном поезде, который должен был увезти его в Бруклин, на сборный пункт. Анита провожала его и, стоя на перроне, на глазах у журналистов, надеялась, что он объявит о своем намерении вызвать ее в Германию, однако Элвис этого не сделал. Зато отцу, бабушке, Ламару Файку и Рыжему Уэсту была назначена встреча через два дня в нью-йоркском порту.

Нескончаемый переезд через Америку оживлялся воодушевлением фанатов, которые встречали его на всех вокзалах по пути следования воинского эшелона. По воле случая поезд сделал остановку в Мемфисе, и на вокзале возникла невообразимая давка: сотни плачущих девчонок тянулись руками и губами к Элвису, который изо всех сил цеплялся за окно своего купе. На следующий день мемфисские газеты раззвонили о долгом поцелуе с девушкой из штата Миссисипи по имени Джейни, у которой Элвис взял номер телефона. Начались комментарии по поводу того, что ждет Аниту Вуд: судя по всему, сердце рядового Пресли по-прежнему свободно, и бульварная пресса могла этому только радоваться.

Приезд в Бруклин утром 22 сентября прошел так же бурно. Стив Шоулс и руководство Ар-си-эй покинули офис на Манхэттене, чтобы встретить звездного певца, явились и братья Абербах из «Хилл энд Рейндж» вместе со своим племянником Фредди Бинстоком. Полковник Паркер со своей вечной сигарой во рту растягивал губы в улыбке довольного менеджера, однако испытывал сложные чувства. Задуманный им план укрыть певца от домогательств его кредиторов удался прекрасно, даже слишком, поскольку Элвис ускользал и от его собственного контроля. Конечно, почта в Европу уходит регулярно, а в крайнем

случае можно воспользоваться телефоном, однако расстояние не позволит постоянно присматривать за Элвисом, который теперь, после кончины матери, стал еще более подвержен чужому влиянию.

В плане выпуска пластинок время тоже предстояло непростое. Раньше Паркер систематически сдерживал пыл Ар-си-эй, чтобы утвердить свою власть, и теперь именно он оказался виноват в том, что резервы компании оказались практически исчерпаны и ей предстояло растянуть на полтора года малую толику новых записей, которыми она располагала. Во время призыва Элвиса полковник мелодраматично раструбил в прессе, что считает поддержание доходов Пресли на самом высоком уровне своим долгом патриота. В 1958 году полковнику, пожалуй, удалось бы сдержать свое обещание благодаря доходам от «Короля Креола», но в отсутствие других фильмов и при замедленном темпе выхода пластинок Пресли ему придется переключиться на торговлю побочным продуктом, если он хочет добиться своей цели.

Следовательно, нужно было всеми средствами удерживать внимание фанатов. Изобретательности полковнику было не занимать, и он разработал одну из рекламных акций, на которые был мастер, при поддержке Стива Шоулса, готового на всё, лишь бы пополнять каталог Ар-си-эй. В момент отплытия предстояло записать прощальное послание Элвиса своим поклонникам, которое выйдет к Рождеству на долгоиграющей пластинке под названием «Elvis Sails» («Элвис отплывает за океан»). В дополнение к этому на пластинке будет эксклюзивное интервью, а также отрывки из пресс-конференции, устроенной 22 сентября армейскими властями под руководством высокопоставленного чиновника, присланного министерством обороны из Вашингтона.

Встреча с прессой прошла в обстановке, одновременно наэлектризованной и непринужденной. Вспышки засверкали сразу после появления Элвиса под руку с молодой контрактницей из Женской вспомогательной службы сухопутных войск, любезно одолженной военным руководством. Как только братские объятия срочника и его коллеги засняли на пленку под ироничным взглядом полковника, из зала посыпались вопросы. Элвис давно привык к бессодержательным вопросам журналистов о его вкусах, желаниях и планах и отвечал на них со своим протяжным южным выговором без запинки. Тем, кто считал, что его карьера, едва начавшись, уже пошла на спад, он напомнил о пятнадцати тысячах писем от фанатов в неделю, которые вот уже целый месяц получает начальство Форта Гуд. Затем он открестился от поощрения подростковой преступности, заявив о своей

приверженности к традиционным семейным ценностям, признался, что ему не хватает сцены, заявив при этом, что верит в славную армию своей страны.

В этот обмен политически корректными вопросами и ответами встряли несколько намеков на смерть Глэдис, хотя журналистов и просили избегать этой болезненной темы. Полковник напрягся: нельзя было допустить, чтобы Элвис поломал свой имидж мужественного солдата, раскиснув перед кинокамерами. Этого не произошло, хотя Элвис, явно взволнованный, отдал долг памяти своей матери словами послушного маленького мальчика, каким и был всегда. Он даже простодушно заявил, что лучшим советом Глэдис было удержаться от брака. Одному журналисту, который хотел узнать, каких девушек он предпочитает, Элвис ответил со свойственным ему остроумием, всегда позволявшим уходить от самых нелепых вопросов: «Тех, кто относится к женскому полу». Зал расхохотался, полковник перевел дух.

Но время шло, пора было садиться на корабль. К трапу пропустили только фотографов. Элвис в военной форме нес вещмешок, который ему одолжил однополчанин, и восемь раз подряд поднялся с набережной по трапу военного корабля «Генерал Рэндалл» с мнимой непосредственностью, какой славилась хроника того времени. Оказавшись, наконец, на борту, он записал свое послание фанатам и ответил на вопросы интервьюера, выбранного пресс-службой Ар-си-эй. Стив Шоулс мог спать спокойно: материала для пластинки было достаточно. Но больше всего от этой операции выиграл полковник: он добился для себя права на отчисления как минимум со ста тысяч экземпляров, даже если продано будет меньше.

Последние представители прессы ушли, и Элвис мог наконец спокойно попрощаться с отцом. С журналистами он общался с расслабленным и спокойным лицом, теперь же плохо скрывал свою тоску, когда полковник давал ему последние наставления: никогда не соглашаться петь бесплатно для армии и ни за что не влюбляться, чтобы не растратить свой капитал соблазна в глазах девчонок.

Этот капитал мог здорово пригодиться Элвису после возвращения, поскольку его позиции в хит-парадах были уже не столь блестящими. Впервые со времен «Отеля, где разбиваются сердца» его имя на короткое время исчезло из октябрьских чартов поп-музыки журнала «Биллборд», одновременно журнал «Муви Лайф» поместил на обложке двойной портрет — Элвиса и его соперника Рикки Нельсона, кумира нарождающегося поколения чинных и чистеньких рок-н-роллщиков.

Том Паркер уверенно смотрел в будущее. В конце концов, именно его стараниями, пустив в ход все свое обаяние, бунтарь превратился в патриота: Америка любит искупительные метаморфозы. Лучшее доказательство успеха этой масштабной операции по реабилитации полковник получил, когда духовой оркестр, провожавший в дальний путь «Генерала Рэндалла», заиграл ему вслед хрипловатую оркестровку «Дворняги», «Я потрясен» и «Не будь жестокой». Паркер мог гордиться собой: он ввел рок-н-ролл в репертуар военного оркестра.

После недели однообразного пути, отмеченного концертом самодеятельности, на котором Элвис только играл на гитаре и на пианино, следуя инструкциям своего импресарио, 1 октября «Генерал Рэндалл» причалил в порту Бремерхафена. Высадка новобранцев должна была проходить вдали от нескромных глаз, и Элвис сильно удивился, увидев целую армию фотографов и несколько сотен немецких фанатов, явившихся его встречать. Он уже получал множество предложений о гастролях в Европе и знал, что его слава вышла за пределы Соединенных Штатов, но не ожидал встретить на немецкой земле почти такое же поклонение, как у себя дома.

Несмотря на языковой барьер, ФРГ представляла собой особый случай на Европейском континенте. Проводя усиленную демократизацию и американизацию страны, бывшей оплотом свободы на границе коммунистического блока, Америка не ограничилась размещением военного контингента и насаждением жвачки и кока-колы в противовес советской доктрине. Через десять лет после свинга джаз-бандов и неистового бибопа Чарли Паркера рок-н-ролл стал новой музыкальной витриной Америки, и Элвис Пресли сыграл в этом процессе центральную роль.

Его фан-клубы открывались по всей ФРГ, его автографы и фотографии продавались по внушительной цене, его пластинки часто ставили на радио, и король рок-н-ролла даже получил последователей, самым рьяным из которых был Петер Краус. Что же до его фильмов, то они собирали полные залы и ввели в Германии моду на джинсы — просто невероятно, если знать, до какой степени Элвис, облачавшийся на экране в «Levi's», ненавидел эту одежду, бывшую для него символом социальной деградации.

В одной статье, опубликованной несколькими месяцами раньше в журнале «Нью-Йорк таймс», рок-н-ролл даже называли главной сплачивающей силой немецкой молодежи: «Несомненно, рок-н-ролл цементирует берлинскую молодежь. В Германии, как и в США, эта музыка обладает поистине дионисийской мощью».

Однако этот перенос происходил не очень гладко и порой встречал в Германии враждебную реакцию, как и по ту сторону Атлантики; некоторые музыкальные критики приводили те же аргументы, что и их американские коллеги.

Судите же об эффективности медиаполитики полковника, раз Элвис, вместо того чтобы воплощать крушение моральных ценностей, олицетворял собой молодую, свободную и победоносную Америку. Такому повороту он был обязан неприкрытой враждебности к нему со стороны руководства ГДР, форпоста социалистического блока в центре Европы. Власти Восточного Берлина не прекращали нападки на Элвиса, называя его прислужником НАТО. Его выставляли знаменосцем американского капитализма, отупляющим и вербующим молодежь, обуздывая ее социальные устремления. «Имя Пресли на устах у глашатаев атомной войны, которые прекрасно знают, как легко будет послать на бойню молодежь, оболваненную Пресли», — писала одна восточнонемецкая газета.

Эта систематическая порочащая кампания только подстегивала любопытство молодых восточных немцев, которые проникались к Элвису тем большим интересом, чем больше власти высмеивали его, запрещали его фильмы и музыку. Пластинки, которые распространяли из-под полы, стали символом сопротивления и свободы, а по всей ГДР стали носить коки, бачки и облегающие брюки. Силы правопорядка Лейпцига объявили о разгоне группы подростков, именовавших себя «Hound Dogs» («Дворняги»), а официальная пресса прославляла осуждение на тюремное заключение демонстрантов, выкрикивавших лозунги во славу Пресли. Почти двадцать лет спустя в ГДР появились собратья французских стиляг, бросавших вызов нацистам в оккупированной Франции.

Вирус Пресли поразил не только Восточную Германию, он проник даже в Советский Союз. В Москве были в ходу пластинки «на костях», то есть на рентгеновских снимках, с его песнями; их распространителей обвиняли в моральном разложении и считали чуть ли не преступниками. Газета «Правда» призывала молодежь к бдительности, напирая на примеры правонарушителей, у которых находили портреты Элвиса. В противовес такому промыванию мозгов руководство американского военного контингента в Германии, напротив, формировало имидж Пресли — носителя ценностей демократии и свободы. К его импресарио обратились с просьбой использовать певца в целях пропаганды, но полковник, не имея возможности лично руководить операцией, никак не отреагировал на призывы военных.

Роль символа торжествующей Америки поставила Элвиса в привилегированное положение, как ему стало ясно сразу по прибытии в Германию. Из Бремерхафена он отправился поездом во Фридберг, в сорока километрах к северу от Франкфурта, и в первые выходные октября начальство 3-й танковой дивизии открыло двери казармы для прессы.

Элвис, кстати, не жил там, ему позволили поселиться вне расположения части. А главное, он воспользовался предоставленным ему отпуском, чтобы съездить во Франкфурт и встретить в аэропорту отца, бабушку, Ламара Файка и Рыжего Уэста. Клан Пресли обосновался в отеле «Грюневальд» в Бад-Наухайме, курортном городке рядом с Фридбергом, и жизнь понемногу стала налаживаться, тем более что Элвиса произвели в ефрейторы.

Во время больших маневров на границе с Чехословакией, устроенных вскоре после его приезда, он научился читать штабные карты и служил проводником для танков своего взвода. Ночи напролет вместе с сержантом он за рулем джипа прокладывал дорогу в снегу. Солдаты из его взвода, уверенные в том, что он «блатной», были приятно удивлены простотой и естественным поведением солдата, которому очень хотелось всем понравиться: южное обаяние Элвиса, уже опробованное на голливудских съемочных площадках и за кулисами телепередач, принесло ему теперь уважение братьев по оружию.

За исключением периодов учений, которые устраивали и по ночам, его военная служба проходила в обычное рабочее время, так что вечера и выходные дни были полностью в его распоряжении. По большей части Элвис тратил свой досуг на походы в кино с юными поклонницами, но ему случалось бывать и на спектаклях, например на ледовом шоу, гастролировавшем во Франкфурте. Дважды он засвидетельствовал свое почтение Биллу Хейли, совершавшему европейское турне.

Во время таких выходов в свет Ламар Файк и Рыжий Уэст играли роль его телохранителей, но в остальное время они безнадежно скучали, и драчливого Уэста неоднократно забирала военная полиция после стычек в барах Бад-Наухайма. А тучный Файк пользовался тесными отношениями со звездой, чтобы соблазнять не слишком привередливых фанаток.

Не один Ламар хотел вырваться из когтей одиночества. После смерти жены Вернон Пресли то впадал в депрессию, которую заливал спиртным, то поддавался искушению найти себе пару. Элвиса удивляло, что отец наряжается в броские костюмы и носит усики а-ля Кларк Гейбл; он не сразу понял причину этой метаморфозы, потому что не хотел понимать, но Вернон вскоре

обзавелся подругой. Давада Стэнли — супруга бывшего телохранителя генерала Паттона, сержанта с военной базы Фридберга, мать троих мальчиков-малолеток, тридцатилетняя блондинка, которую все называли просто Ди, — скучала от казарменной жизни и с появлением Элвиса начала подходные маневры. Певец всегда отдавал явное предпочтение очень молоденьким девушкам, но труды Ди Стэнли не пропали даром, поскольку ей удалось привлечь внимание Вернона: от нее не укрылась его тоска.

Неоднозначность отношений между отцом и сыном вышла на свет божий в тот день, когда Вернон попросил у Элвиса разрешения жениться, как только Ди получит развод. Певец был слишком хорошо воспитан, чтобы критиковать решение старших, а потому сквозь зубы дал свое благословение, хотя и считал эту связь предательством по отношению к матери. Элвис знал, что смерть Глэдис подкосила отца, однако сомневался в чистоте намерений Ди, которая целыми днями писала Вернону любовные записочки и почти ежедневно встречалась с ним в ресторанах в окрестностях Бад-Наухайма, за спиной у мужа.

Эти перемены произошли как раз в тот момент, когда Пресли подыскивали себе новое пристанище: дирекция отеля «Грюневальд» дала понять, что не удерживает их у себя. Элвис и компания поздно ложились, к ним постоянно приходили гости, и добропорядочные клиенты респектабельной гостиницы жаловались на пирушки, которые устраивают у них над головой в неположенное время. С большими трудами Вернон подыскал дом 14 по Гёте-штрассе. Отец Элвиса не в первый раз сталкивался с осложнениями, связанными с жизнью звезд, легко становившимися жертвами алчности, зависти и непорядочности: плата в 800 долларов в месяц была непомерно велика для унылого дома в восемь комнат, тем более что его владелица, фрау Пипер, настояла на том, чтобы жить там же и присматривать за жильцами.

Из-за этого сосуществования опорой дома стала бабушка Пресли, Минни Мэй. Внук в свое время прозвал ее «Юрок», после того как запустил ей в детстве прямо в лицо бейсбольный мяч, а она увернулась, нагнув голову. В доме на Гёте-штрассе Юрок вела хозяйство и сохраняла семейную гармонию — этим она занималась с тех самых пор, как переехала к семейству Пресли в Мемфис, расставшись с мужем. Старая крестьянка из Миссисипи, никогда не выходившая из дому без нюхательного табака, не только растила внука: в его отроческие годы она служила противовесом суровости Глэдис, проявляя чуткость и дипломатичность.

В Бад-Наухайме Юрок должна была всех накормить — непростая задача, с учетом прожорливости Элвиса и двух его телохранителей, требовавших сэндвичи в любое время дня и ночи. Как настоящий южанин, Элвис совсем не интересовался немецкой кухней, и Юрок следила за тем, чтобы холодильник был набит гамбургерами, беконом и бананами, не говоря уж о картофельном пюре, которое Элвис поглощал с соусом и кукурузным хлебом домашнего приготовления.

Одна из фотографий того времени прекрасно отражает отношения, царившие в троице Пресли: Элвис в военной форме и Вернон развалились за столом перед тарелкой с жареной курицей и пакетом молока, а Юрок, стоя, посматривает на них, готовясь подавать десерт. Худая старуха, точно сошедшая с фотографии Уолкера Эванса[8], держит в левой руке тарелку с бисквитами — булочками, будящими ностальгию по старому Югу. Нужно было воссоздать атмосферу Мемфиса в немецком изгнании, когда молоко, перец, пакет крекеров, лежащий на буфете на заднем плане, поступали из магазина военной базы.

Стоило перешагнуть через порог, и американская атмосфера улетучивалась. Заборчик вдоль тротуара Гёте-штрассе был очень слабой защитой от ежедневных набегов фанатов, без колебаний звонивших в дверь и даже бросавших камешки в окна, когда Элвиса не было дома или если он не спешил выходить к своим поклонницам. Пришлось поставить перед домом табличку, сообщавшую фанатам, что раздача автографов происходит ежедневно, но только с 19.30 до 20.00. Обилие писем тоже превратилось в проблему, хотя тысячи посланий, приходивших каждую неделю ефрейтору Пресли, в большинстве своем поступали на базу в Фридберге, которая затем пересылала их полковнику Паркеру в Нэшвилл.

Это постоянное давление усугубляло чувство изоляции, которое уже несколько лет было знакомо Элвису и от которого он надеялся избавиться в Германии. И без того тяжелая атмосфера стала еще тягостнее, когда руководство Ар-си-эй в Нью-Йорке получило письмо с угрозами, в котором говорилось о намерении восточногерманских спецслужб устранить Элвиса. В отличие от Тома Паркера, который не придал этому значения, фирма грамзаписи связалась с ФБР, и ее всемогущий директор Дж. Эдгар Гувер распорядился, чтобы военное начальство 7-й армии приняло необходимые меры.

Каждый раз, чтобы пойти в кино, Элвису приходилось перелезать через забор сада в тихий переулок, где его ждал Ламар Файк на БМВ. В результате он взял привычку сидеть дома, где брал уроки карате и принимал товарищей по армии, в том

числе Джо Эспозито, который по возвращении в США станет одним из самых верных его помощников.

В окружении Элвиса произошли перемены: в начале марта ему дали увольнение на несколько дней, и вскоре после того Рыжего Уэста отправили обратно в Мемфис. Певец воспользовался отпуском, чтобы ответить на приглашение актрисы Веры Чеховой, и поехал к ней вместе с Уэстом и Ламаром Файком. Актриса приняла всех троих в доме своих родителей в Мюнхене, сводила их в городское кабаре и на киностудию Гайзельгастайга. Поскольку Уэст в той первой поездке в Баварию отличился грубостью и неотесанностью, в июне Элвис взял с собой Файка и двух однополчан, когда снова поехал в Мюнхен: одна из стриптизерш в его любимом кабаре исполняла свой номер, прикрываясь только одной из «сорокапяток» Пресли. На сей раз Элвису предоставили две недели отпуска, и он продолжил путь, сев на парижский поезд; в отеле «Принц Уэльский» к компании присоединились Жан Абербах и Фредди Бинсток.

Элвису всегда хотелось посетить город Брижит Бардо, которой он всегда открыто восхищался, но актрису больше интересовал Саша Дистель[9], чем король рок-н-ролла, и встреча, которую так ждала пресса, не состоялась. Пребывание в Париже не отличалось обширной культурной программой: любознательность Элвиса ограничилась частыми посещениями «Лидо», «Фоли-Бержер» и «Мулен Руж», танцовщицы этих кабаре оспаривали между собой его благосклонность.

Вернувшись в Мюнхен и Париж семь месяцев спустя, Пресли доказал, что он человек привычки. На сей раз самое яркое воспоминание было связано с вечером, проведенным в гримерке Лины Рено в «Казино де Пари». Певица пригласила для своего спектакля «Парижские удовольствия» квартет «Golden Gate» («Золотые ворота») — пионеров американского негритянского госпела. Элвис целую ночь пел вместе с ними под гитару церковные гимны.

1959 год ознаменовался менее приятным происшествием: в начале весны Вернон попал в аварию на своем «мерседесе». Извещенный жандармерией, Элвис примчался в больницу и там с облегчением узнал, что отец отделался легкими ушибами. Как обычно бывает, поползли мрачные слухи, несколько газет даже сообщили о кончине Элвиса, который, чтобы успокоить умы, часто появлялся на публике, в частности на благотворительных мероприятиях, широко освещавшихся в прессе.

Встречи с пишущей братией были неважным развлечением: Элвис считал дни до возвращения на родину и пытался развеять

скуку частыми звонками Аните Вуд в Мемфис. Его повседневная жизнь протекала между военной частью, в которой он служил, и домашним мирком. За исключением периодов учений, день начинался около пяти утра: Ламар Файк отвозил Элвиса на базу, где потом он сам возил на джипе сержанта, командовавшего его взводом. Вернувшись к концу дня на Гёте-штрассе, он для начала раздавал автографы, а потом проводил вечер в компании мимолетных друзей, своей услужливостью напоминавших ему мемфисских.

После кончины матери его зависимость от женщин удесятерилась, так что его любимым времяпрепровождением было принимать у себя девушек и молоденьких женщин, встреченных где попало, если только их не привозили его подручные. Судя по бульварной прессе, освещавшей его пребывание в ФРГ, сначала он заинтересовался шестнадцатилетней немкой по имени Маргит, потом пятнадцатилетней брюнеточкой Зигрид, а еще Джейни Уилбенкс — той самой девочкой, которой он подарил долгий поцелуй перед фотокамерами, когда военный эшелон сделал остановку на вокзале Мемфиса накануне отправки в Германию. Джейни напоминала ему о родном городе, и, когда она приехала к родственникам в Германию, они несколько раз встречались.

Его связь с Элизабет Стефаняк была иного рода. Эта девятнадцатилетняя немка, воспитанная сержантом американской армии, за которого ее мать вышла замуж в конце войны, ворвалась в жизнь Пресли однажды вечером, когда набралась храбрости попросить у него автограф. После нескольких походов в кино на вечерний сеанс солдат Пресли попросил у родителей девушки позволения нанять ее в секретарши, и все время, что ему оставалось пробыть в Германии, она провела в тени певца.

И все же самой примечательной встречей во время пребывания в Германии было знакомство с Присциллой Болье. Будущей миссис Пресли (она станет ею в 1967 году) тогда было четырнадцать лет. Ее отец, летчик морской авиации, погиб осенью 1945 года, когда ей было всего полгода. Мать снова вышла замуж, и Присциллу воспитал капитан Болье: он официально удочерил ее и подарил ей несколько братьев и сестер. В ее семье умели хранить тайны, и Присцилла узнала правду о своем отце совершенно случайно, найдя его фотографию в ящике комода.

Не изменив кардинальным образом ее отношений с родителями, эта находка заставила ее по-иному взглянуть на жизнь и сразу повзрослеть. Раннему созреванию способствовали и

новые веяния эпохи, побуждавшей тинейджеров как можно раньше расставаться с детством, подражая поведению взрослых. В 1959 году американские девочки-подростки, поощряемые обществом, которое основывалось в своем развитии на моде, потреблении и рекламе, одевались и красились, как женщины, по образу и подобию куклы Барби, которая появилась в том же году. В то время как другие дети в мире не спешили расстаться с детством, прижимая к груди тряпичных кукол, Барби, придуманная Рут Хандлер, позволила маленьким американкам раньше времени примерить на себя роль взрослой женщины.

В эпоху набоковской «Лолиты» Присцилла Пресли нашла замену отцу с первых же встреч с Элвисом. Знакомство состоялось через посредство американской военной колонии, расселившейся по всем окрестностям Франкфурта: капитан Болье был прикомандирован туда с июля. В Висбадене, появляясь в клубе «Орел» — баре-закусочной, где собирались семьи американских солдат, Присцилла привлекла внимание массовика-затейника, родственника шансонье Тони Беннетта по имени Карри Грант, который предложил представить ее Элвису. Тот с первой же встречи поддался обаянию девочки, выросшей в Техасе и пробудившей в нем ностальгию по родному Югу. «Он сказал мне: „Ты мне очень нравишься, Присцилла. Мне бесконечно по душе твоя свежесть, так приятно поговорить с кем-нибудь оттуда. Если бы ты знала, как мне здесь одиноко“», — рассказывает Присцилла в книге воспоминаний.

Элвиса неодолимо тянуло к этой девочке-женщине, о чем говорят их регулярные встречи. Целых полгода, несмотря на расстояние в 60 километров между Висбаденом и Бад-Наухаймом, Ламар Файк несколько раз в неделю забирал Присциллу из родительского дома и отвозил на Гёте-штрассе, где она проводила вечера наедине с Элвисом, однако их отношения не выходили за рамки подросткового флирта.

В этот период близкой дружбы с самой знаменитой мировой звездой Присцилла жила, как во сне. Капитан Болье взял слово с сержанта Пресли (его повысили в звании в самом начале 1960 года), что тот не злоупотребит неопытностью его дочери, и их платонические отношения продолжались до начала марта, когда Элвис уехал из Германии. Не утратив девственности, Присцилла тем не менее открыла для себя реальность взрослого мира. Элвис, например, приобщил ее к возбуждающим средствам, чтобы преодолевать усталость, и визиты на Гёте-штрассе пагубно сказались на успеваемости старшеклассницы, которая возвращалась домой среди ночи, а рано утром отправлялась в школу. Элвис сталкивался с похожей проблемой, потому что и

ему приходилось отправляться на базу с рассветом; не будучи способен порвать со своими привычками полуночника и приспособиться к ритму военной жизни, он подсел на декседрин с подачи одного унтер-офицера, который часто рекомендовал это средство солдатам, назначенным в ночной караул.

За несколько месяцев Элвис попал в настоящую зависимость от этого лекарства, сходного с амфетамином, с действием которого боролся, принимая снотворное перед сном. С тех пор как он перестал спать в одной постели с матерью, он впадал в тоску при мысли о том, чтобы лечь в кровать одному. Одержимый страхом бессонницы, он боялся и приступов лунатизма, которыми сопровождалось его взросление. Коктейль из амфетаминов и барбитуратов положил начало трагической спирали.

Самолечение было лишь одним из многих признаков психической ранимости человека, ошарашенного судьбой и выбитого из колеи после смерти матери. Вернон никогда не был в глазах Элвиса примером для подражания, а его роман с Ди только все испортил. Не оправившись после смерти Глэдис, вдали от полковника, который думал за него с тех пор, как в его жизнь ворвался неописуемый успех, тоскуя по сладкой жизни на Юге, которой ему так не хватало в суровую немецкую зиму, Элвис стал легкой добычей для разного рода рвачей и шарлатанов.

Замечательным их образчиком был доктор Лауренц Йоханнес Ландау, дерматолог из Йоханнесбурга. Он опубликовал в американской прессе той поры рекламные объявления, расхваливающие чудотворное лечение кожи по разработанному им методу. Несмотря на пластические операции, сделанные в Голливуде, Элвис по-прежнему страшно комплексовал из-за следов прыщей на лице. Элизабет, молодая секретарша, проживавшая на Гёте-штрассе, связалась по его просьбе с доктором Ландау. Тот почуял поживу и неожиданно явился в Бад-Наухайм, где тотчас взялся за свое омолаживающее лечение на растительной основе. Один лишь Элвис замечал улучшения в своей внешности, но Ландау с ловкостью уличного разносчика расхваливал ему достоинства своего метода вплоть до того дня, когда Элвис с ужасом узнал о наклонностях доброго доктора, начавшего делать ему авансы.

Для сына южного «белого отребья» гомосексуализм был непреодолимым табу, и подручные Элвиса бесцеремонно выпроводили Ландау в гостиницу, посоветовав ему первым же самолетом вылететь обратно в Южную Африку. Тем бы дело и кончилось, если бы шарлатан не пригрозил рассказать прессе о сомнительных отношениях между Элвисом и несовершеннолетней девочкой. В обстановке всеобщего смятения

Вернон позвонил полковнику Паркеру, который взял дело в свои руки и обратился непосредственно в министерство обороны в Вашингтоне. Задействовали ФБР, которое начало расследование. Когда было установлено, что Ландау занимается врачебной практикой, не имея диплома, ему намекнули, что его дело швах, и шарлатан тут же бесследно исчез.

Это происшествие дало понять Тому Паркеру, что пора заканчивать военный период в жизни его артиста. Полковник тщательно поддерживал свое влияние на Элвиса: писал ему несколько раз в неделю, регулярно звонил, но этот властный человек, стремящийся помыкать другими, невыразимо томился в разлуке. Косвенным образом он рассчитывал на Рыжего Уэста, чтобы тот держал его в курсе повседневной жизни Пресли, но, когда чересчур буйного приспешника отправили домой весной 1959 года, он лишился своего главного информатора. Впоследствии Паркер хотел воспользоваться первой поездкой Элвиса в Париж и отправил к нему Жана Абербаха, чтобы прозондировать настроения певца; когда издатель спросил, почему бы ему самому не слетать во Францию, полковник сказал, что не говорит по-французски да и времени выкроить не удастся. В очередной раз ложь Тома Паркера осталась нераскрытой.

Надо сказать, что после отъезда Элвиса в Германию полковник не сидел сложа руки; в частности, он по-прежнему держал под контролем ситуацию на фронте грамзаписи. Благодаря урожаю, собранному в июне 1958 года в Нэшвилле, Ар-си-эй сумела выдать нетерпеливым фанатам три «сорокапятки»; к этим новым записям следует прибавить мини-альбом «Элвис отплывает за океан» с посланием Пресли к фанатам, записанным в день отъезда, а также полдюжины пластинок в 33 оборота и EP с ремиксами старых записей, выпущенных под завлекательными заглавиями типа «Свидание с Элвисом» (мечта миллионов девушек), «Рождество с Элвисом», «For LP Fans Only» («Только для поклонников долгоиграющих пластинок») и «A Touch of Gold» («Прикосновение золота»).

Эта политика себя исчерпала, когда имя Элвиса внезапно исчезло изо всех хит-парадов журнала «Биллборд» осенью 1959 года, после почти трех лет безраздельного господства. Несмотря на совместные усилия полковника и рекламщиков Ар-си-эй, уснащавших альбомы Элвиса фотографиями и коллекционными сувенирами (например, к пластинке «Свидание с Элвисом» прилагался календарь, на котором можно было подсчитать дни, остающиеся до демобилизации певца), снаряды были на исходе, единственным выходом оставалось в энный раз выпустить

сборник песнопений к Рождеству 1959 года.

Чтобы стимулировать коммерческие таланты розничных торговцев, Ар-си-эй даже продавала им пластинки на безвозвратной основе, вопреки всем правилам, действовавшим тогда в этой среде, согласно которым нераспроданные экземпляры возвращали поставщикам; только исключительный статус Элвиса побудил компанию навязать такой диктат, но и этого оказалось недостаточно: розничные торговцы стали сокращать заказы, боясь не продать весь товар. Раньше «сорокапятки» Пресли разлетались в двух-трех миллионах экземпляров, теперь продажи резко сократились.

Расчетливая скупость полковника, намеренно ограничившего количество сеансов звукозаписи в месяцы перед отъездом Элвиса в Европу, оказалась опасной: в конечном счете утверждение им своей власти обернулось против артиста, ибо Ар-си-эй уже давала понять, что собирается выпустить на поле запасных игроков. Хотя среди профессионалов говорили, что шансов найти певца масштаба Элвиса крайне мало, вторая по величине фирма грамзаписи в Америке не собиралась наблюдать со стороны за расцветом более чинного и благопристойного рок-н-ролла: был заключен контракт с Сэмом Куком и вокальным трио Браунов. Полковник попытался перейти в наступление, побуждая Элвиса самому записывать песни в доме на Гете-штрассе, что он и делал несколько раз, судя по записям, опубликованным много позже. Но качество звучания оставляло желать лучшего, и от этих планов пришлось отказаться.

Нехватка пластинок побудила Тома Паркера разработать другие стратегические приемы, чтобы оставаться на виду. С осени 1958 года пресс-конференции в его офисе в Мэдисоне, под Нэшвиллом, шли одна за другой. Внезапный интерес журналистов к его персоне импонировал импресарио, который никогда не упускал возможности сфотографироваться рядом со своим артистом. У полковника просто крылья вырастали при мысли о том, что какое-то время он будет находиться в лучах софитов, и он сыпал громкими заявлениями.

Первое из них было позаимствовано из мира спорта. С изобретением системы телевидения замкнутого контура устроители боксерских матчей получили возможность транслировать поединки одновременно в нескольких залах по всей Америке. Вдохновляясь этим принципом, Паркер рассчитывал организовать сразу по возвращении Элвиса в Штаты шоу, которое передавали бы в прямом эфире в сотне концертных залов. Развивая мысль в том же направлении, он сообщил прессе

о подписании договора с каналом Эй-би-си о серии ежегодных передач, каждая из которых принесет «каких-то» 100 тысяч долларов. На самом деле это были просто рекламные трюки, но пресса так изголодалась по информации о своей любимой звезде, что Паркер был уверен: журналисты с радостью напечатают все эти новости, даже не проверив.

Выбраться из моря слухов, окружавших имя Пресли весь этот период, порой очень сложно. Похоже, что полковник отказался вместо артиста от главной роли в «Вестсайдской истории» с Натали Вуд, не получив в свое распоряжение песенный репертуар; это вполне правдоподобно, и если Паркеру действительно сделали такое предложение, можно понять, почему он никогда не похвалялся тем, что упустил такую возможность. Когда в сентябре 1959 года в США приехал Никита Хрущев, за которым пресса ходила табуном, возникла идея показать ему Грейсленд, но в отсутствие хозяина дома от этих планов пришлось отказаться.

Ловко лавируя между правдивой информацией и «утками», полковник научился мастерски извращать реальность. Он похвалялся, что заработал в 1958 году больше двух миллионов долларов от имени Пресли, хотя тот был в армии, и пообещал еще более впечатляющие результаты в следующем сезоне. Однако судя по налоговой декларации Элвиса, его доходы были в два раза меньше, причем треть из них забрало государство, но ведь главное — чтобы имя артиста упоминали в новостях, не так ли?

Когда не надо было манипулировать прессой, полковник чаще всего ограничивался обычными вещами: рассылал на Новый год праздничные открытки, на которых он стоит рядом с Элвисом в костюме Санта-Клауса; планировал интервью по телефону с тщательно отобранными журналистами, в особенности Диком Кларком: его передача «American Bandstand» была поставщиком пристойного рок-н-ролла «для семейного просмотра»; публиковал в бульварной прессе фоторепортажи из Бад-Наухайма; устраивал конкурс для немецких тинейджеров, победители которого могли встретиться со своим кумиром…

Самым удачным ходом было заставить «Парамаунт» снова выпустить на экраны «Любить тебя» и «Короля Креола» в одной программе — благодаря этой операции удалось стимулировать продажи одноименных альбомов. Полковник собирался выстроить империю Пресли не столько на пластинках, сколько на кино, и с Хэлом Уоллисом уже начались переговоры по поводу нового фильма. Если бы не боязнь подпортить патриотический имидж артиста, Паркер умолял бы военное начальство досрочно вернуть Элвиса в Мемфис, тем более что тот беспрестанно твердил ему по телефону, как ему скучно в армии. Это было решение на крайний

случай; Паркер предпочел ему «Джи-ай блюз» — новый полнометражный фильм с крайне оригинальным сюжетом: любовные и музыкальные приключения американского сержанта, отправленного служить в танковую часть в Германии.

Чтобы выиграть время, Хэл Уоллис отправился в Европу для проведения натурных съемок в окрестностях Франкфурта с разрешения американского командования. Зато Том Паркер и слышать не хотел, чтобы Элвис участвовал в этом проекте в его отсутствие, и вынуждал Уоллиса использовать дублера для всех кадров, на которых появляется герой фильма. Болезненное собственническое чувство полковника возрастало пропорционально расстоянию, отделявшему его от певца.

В отношении собственной неверности Паркер был менее щепетилен. Он не боялся «перебдеть» и после долгих лет разлуки внезапно восстановил отношения с Эдди Арнольдом, подготовив себе «запасной аэродром» на случай, если карьера Элвиса рухнет после его возвращения с военной службы. Параллельно он предоставил свой опыт в области пиара в распоряжение старого друга Джимми Дэвиса — человека, который произвел его в полковники десятью годами раньше. Побывав преподавателем университета, певцом и шефом полиции Шревепорта, Дэвис был столь же пылким демагогом, сколь и сам Паркер; годы, проведенные на посту губернатора Луизианы (1944–1948), привили ему любовь к политиканству, и при поддержке Тома Паркера он начал новую предвыборную кампанию в преддверии 1960 года, построив свою программу на возвращении к расовой сегрегации.

Этот эпизод позволил полковнику придать себе вес в глазах южного криминалитета, протянувшего свои щупальца до Лас-Вегаса. Водя дружбу с кем попало, он в то же время сумел сойтись с Линдоном Джонсоном, сенатором-демократом из Техаса, о котором заговорят осенью 1960 года, когда он станет вице-президентом при Джоне Ф. Кеннеди.

По ту сторону Атлантики Элвис всерьез задумывался о будущем, по мере того как приближался день его возвращения на гражданку. Перед тем как собрать чемоданы, он принял участие в операции «Зимний щит» — серии учений НАТО, организованных вдоль границы с Чехословакией, — это был символ «железного занавеса», разделившего Европу. Во время учений, когда некоторые части изображали «условного противника», Элвис оказался в центре внимания, которого охотно бы избежал, поскольку командование назначило цену за его голову: тому, кто сможет взять его в плен, пообещали награду в 50 долларов и

тридцатидневный отпуск, но сержант Пресли с честью вышел из положения, завершив маневры целым и невредимым.

После этой формальности Элвис собирался съехать из дома на Гёте-штрассе, где прожил больше года. День отъезда назначили на среду, 2 марта. Накануне на базе Фридберга прошла традиционная пресс-конференция, на которую пригласили около сотни журналистов. Элвиса превозносили за «присутствие духа, энергичность и задатки лидера», как с военной точностью сообщается в характеристике, выданной ему бригадным генералом. Это были одни из самых счастливых моментов его пребывания в армии, поскольку он узнал среди присутствующих капитана Макиннесс — это имя носила теперь Марион Кейскер. Бывшую помощницу Сэма Филлипса перевели в Германию, где она работала на военном радиоузле. К изумлению присутствующих офицеров, певец упал в объятия этой женщины, которой был обязан своей карьерой, и спросил, может ли он ее поцеловать или должен отдать ей честь. Для Элвиса это уже была встреча с Мемфисом.

Остаток дня прошел в суматохе, длинной череде прощаний со всеми, кого он повстречал, пока жил здесь. Все это время бабушка Пресли упаковывала последние вещи вместе с Элизабет Стефаняк, которая уезжала в США за кланом Пресли, забрав флаконы со стимулирующими средствами, которые Элвис не захотел оставить себе. Для семьи и телохранителей певца зафрахтовали самолет, куда предстояло погрузить два десятка чемоданов с одеждой и коллекцию пластинок, которую он возил с собой.

Последний вечер на Гёте-штрассе прошел в унылой атмосфере, особенно для Присциллы, не скрывавшей своего горя оттого, что ее знакомство с Элвисом подошло к концу. Но поскольку правило, установленное капитаном Болье, нарушить было нельзя, поздно ночью она уехала в Висбаден и с рассветом вернулась обратно в день отъезда. Несмотря на дождь, около тысячи фанатов дожидались перед домом последних автографов, которые Элвис старательно раздал и отправился в аэропорт Франкфурта, где встретился с сотней других джи-ай.

На сей раз он собирался пересечь Атлантику по воздуху на военно-транспортном самолете, который с гомоном окружили несколько сотен поклонников, фотографов и журналистов. В качестве прощального подарка, потребовав взамен обещания оставаться «нетронутой», Элвис подарил Присцилле свой китель и сержантские нашивки — и военная полиция оттеснила девочку в безликую толпу. Элвис быстро взбежал по трапу с небольшим вещмешком в руке и с «личным делом» под мышкой и, помахав

рукой, вошел в самолет С-118Б.

Он видел Европу в последний раз.

Глава седьмая. ОБЪЯВЛЕННАЯ СМЕРТЬ РОК-Н-РОЛЛА. 1960

Возвращение Элвиса Пресли в США в целом стало римейком его отъезда, широко освещавшегося в прессе. Только декорации поменялись: вместо военного порта в Бруклине — база ВВС Мак-Гайр в Нью-Джерси, равноудаленная от Нью-Йорка и Филадельфии. Когда 3 марта в половине седьмого утра самолет с блудным сыном рок-н-ролла приземлился, перед ангарами, несмотря на метель, толпились журналисты. Встречая снег и ветер лучезарной улыбкой, довольный, что наконец-то ступил на родную землю, Элвис спустился по трапу и подчинился ритуалу официального фотографирования, после чего направился в зал, где военное руководство устроило пресс-конференцию.

И через полтора года после Бруклинского карнавала вопросов о его личной жизни и прическе избежать не удалось. Элвис отвечал на них с тем же протяжным выговором и свойственным ему спокойным юмором, уточнил, что не уверен, отпустит ли снова бакенбарды, — важнейшая информация, вызвавшая шумную реакцию представителей прессы, усмотревших в этом признании признак резкого поворота в карьере. В это же время несколько сотен свежезамороженных поклонников прыгали на снегу, пытаясь согреться.

Однако нетерпеливее всех были не фанаты, а разные деятели, принимавшие участие в профессиональной судьбе Элвиса, которые явились встречать его с большой помпой. Среди них, разумеется, были полковник со своей вечной сигарой во рту, Жан Абербах и Фредди Бинсток из «Хилл энд Рейндж», а также представители руководства Ар-си-эй-Виктор во главе со Стивом Шоулсом. Фирма грамзаписи многим рисковала в случае коммерческого краха артиста, уже четыре года несшего на своих плечах процветание компании.

Полковник, всегда готовый нажиться на чужой беде, два дня тому назад воспользовался ситуацией, чтобы пересмотреть контракт Элвиса в свою пользу. В конечном итоге он получил разрешение выпускать песни из фильмов на двух альбомах и восьми «сорокапятках», которые певец должен был ежегодно поставлять Ар-си-эй, — эта мера должна была существенно упростить планирование карьеры Пресли, поскольку Паркер намеревался продвигать свою голливудскую политику. Помимо увеличения авторских отчислений артисту, который отныне уже не должен был оплачивать расходы на звукозапись, полковник

также потребовал права отсматривать рекламу пластинок Элвиса, а также 27 тысяч долларов в год за предоставление фотографий для обложек. Взамен он согласился на то, чтобы в течение полутора месяцев рядом с Элвисом находился пресс-атташе Ар-си-эй для наилучшего освещения возвращения певца.

Эта мера многое говорит об обеспокоенности гиганта грамзаписи: ни один профессионал не мог с уверенностью сказать, выдержала ли популярность Элвиса испытание расстоянием. Неуступчивость Тома Паркера не позволила компании запастись резервными студийными записями, и из-за отсутствия новых пластинок имя Пресли исчезло из американских хитпарадов еще осенью, только альбом «Золотые записи Элвиса-2», с самыми последними синглами, позволил с честью выйти из положения, заняв скромное место в чартах долгоиграющих пластинок журнала «Биллборд» зимой 1960 года.

Уйдя в армию, Элвис постоянно терзался тревогой, что зритель покинет его. В кошмарном сне, который снился ему с самого призыва, он видел себя одиноким, бедным, всеми забытым. Эти страхи возникли уже давно. Он даже намекал на них в интервью, записанном Ар-си-эй в день его отъезда в Европу и позже вышедшем на пластинке «Элвис отплывает за океан»: «Я знаю, что уезжаю и какое-то время буду вдали от моих поклонников, но я надеюсь, что они меня не забудут, мне не терпится вернуться и снова выйти на сцену, как раньше». Это чувство тревоги только возрастало в те месяцы, что он находился в Германии, несмотря на все старания полковника его успокоить. Каким бы заразительным ни был его оптимизм, у Элвиса, в отличие от журналистов, не было причин верить в громкие словеса своего импресарио о «громадье планов»: он знал по опыту, что у Паркера слова расходятся с делом.

Король рок-н-ролла не лишился престола во время своего отсутствия, однако не был уверен, что получит свое королевство таким, каким его оставил. Множество тревожных признаков говорило о том, что мода, вызвавшая столько споров, идет на спад. 3 февраля 1959 года Америка узнала о гибели в авиакатастрофе Бадди Холли, одного из выдающихся представителей новой волны. Элвис поспешил выразить свои соболезнования родственникам артиста, с которым был лично знаком, поскольку встречался с ним в Техасе в 1955 году, когда оба только начинали свою карьеру; он сам несколько раз бывал на волосок от смерти во время гастролей и знал, как опасна жизнь бродячего артиста. Но помимо трагедии, унесшей жизни еще двух кумиров того времени — Ричи Валенса, подарившего

популярность песенке «La Bamba», и техасского рокера по прозвищу Биг Боппер, — в этом происшествии можно увидеть символ глубокого кризиса, который переживал рок-н-ролл.

За несколько месяцев Литтл Ричард в приступе мистицизма сменил пиджак с блестками на стихарь пастора, а Джерри Ли Льюис оказался отвергнут обществом после свадьбы со своей тринадцатилетней кузиной; Чака Берри, открыто поправшего сексуальные табу, покарал закон, а Эдди Кокран вскоре разбился на машине в Лондоне. Параллельно нападки на новую музыку подростков не ослабевали; ее противники не складывали оружия, а проявляли стойкую ненависть — частично из страха перед обозначившейся на горизонте черно-белой Америкой, наконец-то примирившейся сама с собой. В то время как ку-клукс-клан растравлял южные фобии, расклеивая плакаты, на которых держались за руки молодые представители обеих общин, журнал «Виспер» задавал тон продолжавшейся «охоте на ведьм», доказывая безнравственность рок-н-ролла на печальном примере шестнадцатилетней девушки, ставшей жертвой своих разнузданных сверстников: «Обследование показало, что она заражена венерическими болезнями <…>. Неделей раньше она отправилась на рок-н-ролльную вечеринку в „клуб“. Мальчики напоили ее, после чего сорок один из них вступил с ней в сексуальную связь».

Представители шоу-бизнеса не чурались критических выпадов. Так, Фрэнк Синатра, страдая от недостатка внимания со стороны журналистов, заявил прессе в 1957 году: «Рок-н-ролл — фальшивая музыка, которую поет и играет горстка кретинов. Из-за дурацких слов и явного бесстыдства она стала излюбленным жанром всех закоренелых преступников на земле».

На этом крестовый поход представителей американского музыкального истеблишмента не закончился. Основывая Национальную академию искусства и науки звукозаписи, учредившей премию «Грэмми», профессионалы индустрии грамзаписи хотели не просто создать нечто вроде «Оскара» в кино: главной целью было сформировать настоящую клику, исключив из нее величайших артистов рок-н-ролла.

В этом смысле список лауреатов двух первых премий «Грэмми» — за 1958 и 1959 годы — говорит сам за себя: в них есть имя голливудского композитора Генри Манчини (в будущем он создаст знаменитую тему из «Розовой пантеры») и дирижера Нельсона Риддла, эстрадных певцов Перри Комо, Фрэнка Синатры, Луиса Прима и Нета Кинга Коула. Джаз, облагороженный своей долгой историей, тоже оказался в чести у

академического жюри, отметившего наградами Эллу Фицджералд, Каунта Бейси и Дюка Эллингтона, зато все потуги представителей новой школы систематически отвергались. Только в 1962 году была официально создана номинация «лучшая рок-н-ролльная запись».

Еще более показателен коррупционный скандал, разразившийся в 1959 году. В далеком 1916 году журнал «Варайети» ввел в обиход неологизм *payola* — «механическая взятка», или плата, по аналогии с механическим пианино — пианолой. В начале XX века эта форма коррупции поразила издательские круги, выплачивавшие внушительные комиссионные звездам того времени, чтобы они исполняли и популяризировали их продукцию. Эта практика заполонила мир грамзаписи, с тех пор как по экономическим соображениям по радио стали передавать записи с пластинок вместо собственного живого оркестра, обходившегося радиостанциям в кругленькую сумму. Каждый знал, что фирмы грамзаписи имели обыкновение «благодарить» диджеев за поддержку подарками. В большинстве случаев это было приглашение на обед или банкнота, вложенная в обложку «сорокапятки». С бурным развитием подросткового рынка в середине пятидесятых, появлением музыкальных передач на телевидении и ростом влияния популярных ведущих *payola* стала принимать утрированные формы: «дарили» отпуск на Гавайях, «кадиллак», бассейн…

В стране свободного предпринимательства никто сначала не возражал против практики, ушедшей, в общем, не так уж далеко от лоббирования, давно укоренившегося в политике. Однако скандал, разразившийся в 1959 году в еще юном мире телевидения, вызвал гораздо более широкую полемику.

В погоне за рейтингом крупные телеканалы были готовы на все, лишь бы сохранить зрительскую аудиторию. Телевикторины привлекали все большее число американцев, и Эн-би-си далеко опередила соперников, запустив передачу «Двадцать один». В 1957 году публика несколько недель подряд затаив дыхание следила за выдающимся участником Чарлзом Ван Дореном, отвечавшим на самые сложные вопросы общекультурного плана и опередившим всех своих соперников. После безупречного выступления, принесшего ему 129 тысяч долларов, этот преподаватель престижного Колумбийского университета стал настоящим национальным героем, его фотографию поместили на обложке журнала «Тайм».

Тем головокружительнее было падение в 1959 году, когда Ван Дорен признался, что все было подстроено, продюсеры передачи заранее сообщали ему вопросы. Правда раскрылась

благодаря наследникам сенатора-ультраконсерватора Джозефа Маккарти: они потребовали парламентского расследования, которое поручили подкомитету по надзору за законодательством. Эта инстанция появилась на свет в начале десятилетия. Официально ее целью было «следить за нравственностью радио- и телепередач», но на самом деле это был самый надежный способ преследовать коммунистов в средствах массовой информации. По завершении проверки комиссия смогла доказать, что все телевикторины — инсценировка, однако закон это не запрещает. За несколько месяцев до президентских выборов 1960 года ни одна политическая партия не могла снести такого бесчестья, срочно требовалось найти козла отпущения.

Именно в этот период к ответу призвали и радиоведущих: в мае 1959 года второй ежегодный съезд диск-жокеев в Майами-Бич был омрачен скандалом, который местная пресса преподнесла под броским заголовком «Алкоголь, девочки и взятки»: профессионалы радиоэфира бессовестно продавались студиям грамзаписи, поставлявшим им бурбон, доллары и проституток.

Тем бы дело и кончилось, если бы одно из двух американских агентств по авторским правам не решило воспользоваться моментом, чтобы свести счеты со своим конкурентом. Соперничество этих агентств восходило к 1939 году, когда деятели радио, возмущенные финансовыми запросами достопочтенного Американского общества композиторов, авторов и издателей (ASCAP), как только речь заходила о распространении произведений его членов, решили основать собственное авторско-правовое общество *Broadcast Music Incorporated* (Би-эм-ай). К экономическим побуждениям прибавились соображения социологического порядка, поскольку с самого момента своего создания BMI встало на защиту интересов исполнителей блюза и музыки кантри, тогда как ASCAP было традиционной вотчиной респектабельных композиторов с Бродвея и из Голливуда. Полемика вокруг *payola* дала руководству ASCAP долгожданный предлог: обличение взяточничества могло нанести суровый удар по экономике ритм-энд-блюза и рок-н-ролла, творцы которых состояли в основном в Би-эм-ай.

И вот в такой гнилой атмосфере началось расследование, порученное Орену Гаррису — парламентарию с Юга, выступавшему против отмены расовой сегрегации в любой форме. Он намеревался перейти от общего к частному, нападая главным образом на чернокожих диск-жокеев, бывших больше всего на виду в больших городах типа Нью-Йорка и Кливленда. Заклятый враг музыки, пропагандирующей смешение культур, Гаррис искал

искупительную жертву типа Чарлза Ван Дорена. Его выбор пал на двух выдающихся представителей рок-н-ролла — Алана Фрида и Дика Кларка.

Когда их вызвали в комиссию для дачи объяснений, они заняли прямо противоположные позиции. Сговорчивый и очень фотогеничный Кларк охотно признал, что приглашал в свою телепередачу «American Bandstand» артистов, заключивших контракты с фирмами, которые принадлежали ему, чтобы исполнять песни, издательские права на которые тоже принадлежали ему, и поклялся, положив руку на сердце, что больше так не будет. Гаррис легко отпустил ему прошлые грехи, тем более что Кларк был апологетом выхолощенного рок-н-ролла, отмытого от «черноты». Напротив, во Фриде взыграл бунтарский дух, благодаря которому он и приобщил самым первым белую молодежь к афроамериканскому ритм-энд-блюзу. Он стал яростно обличать лицемеров. «Возможно, *payola* — это возмутительно, но это реальность, существовавшая и до меня. Во всяком случае, я знаю многих членов ASCAP, которые будут рады, если меня уберут из эфира!» — воскликнул он, когда его отстранили от радио- и телепередач.

Фрид, посмевший высказать вслух то, что многие думали про себя, ошельмованный консервативной Америкой после того, как в его телепередаче молодой чернокожий артист станцевал вместе с белой девочкой, был вычеркнут из рядов и выдан налоговым службам за то, что не декларировал доходы «натурой», полученные от студий грамзаписи. Дик Кларк же продолжил свою телекарьеру без всяких проблем.

Но главной жертвой этой «охоты на ведьм» стали даже не диск-жокеи, а сам рок-н-ролл. Неспособные сопротивляться такому давлению, продюсеры оказались в сложном положении и отныне старались сгладить самые острые черты слишком «неудобной» музыки.

На протяжении этого трудного периода «акулы» музыкальной индустрии прибирали к рукам мир эстрады, опасаясь, что новая волна, опираясь на новорожденные маленькие фирмы, потрясет основы их экономики. Еще до того, как коррупционный скандал похоронил первоначальный рок-н-ролл, заправилам бизнеса удалось восстановить равновесие, всегда позволявшее фирмам грамзаписи и музыкальным издательствам распределять между собой доходы от популярной музыки.

По прошествии времени тревоги крупных компаний становятся понятны: вот уже полвека как сила этой индустрии заключалась в распределении ролей между продюсерами и

авторами-композиторами. До сих пор исполнители довольствовались подневольной ролью, способствуя продажам пластинок и популярности продукции «улицы дребезжащих жестянок» — всемогущего круга нью-йоркских музыкальных издательств, сосредоточенных на 28-й улице. С появлением на рынке независимых личностей вроде Бадди Холли, Литтла Ричарда и Джерри Ли Льюиса, которые выступали с собственным репертуаром в обход этого учреждения, образ артиста подвергся резкой метаморфозе: он тоже стал творцом.

Элвис Пресли стал классическим примером торжества экономической логики: сотрудничая с «Сан Рекордз», он заявил о своей творческой оригинальности; рост его успеха в Ар-си-эй сопровождался «причесыванием» его репертуара, по мере того как полковник с помощью издательства «Хилл энд Рейндж» старался перекроить его имидж в глазах широкой публики. Официально благоразумная Америка приветствовала возвращение к пуританским ценностям, но на самом деле шоу-бизнес довольно потирал руки, радуясь, что смог удержать пошатнувшуюся экономическую систему от падения в пропасть.

Отныне было ясно, что будущее крупных фирм грамзаписи — в сотрудничестве с артистами податливыми, как пластилин. Уход Элвиса в армию и резкий спад продаж его «сорока-пяток» окрылили продюсеров, желавших подыскать ему замену на первых строчках хит-парадов. О продвижении чересчур независимых артистов не могло быть и речи, проще всего было создать новых кумиров молодежи по привычной схеме. Самым надежным способом для этого было телевидение. Оттеснив радио на обочину, телевидение тщательно следило за тем, чтобы никого не шокировать. Кроме викторин, у которых начались трудности после скандала с Ван Дореном, телеканалы вставляли в сетку передач сериалы, проходные кинофильмы, отдавая предпочтение эстраде в стиле Синатры, Перри Комо и Дина Мартина.

Считаясь с резким взлетом покупательной способности подростков, телеканалы всё же уделяли местечко и новым тенденциям в музыке. Рок-н-ролл допустили на «голубой экран», но с условием вести себя прилично. Лучше всего сочетать притягательную силу рок-н-ролла с добродушным настроением, необходимым для общественного покоя, удавалось Дику Кларку. Он сам признавался, что, когда впервые появился в передаче «American Bandstand» в 1956 году, совсем ничего не смыслил в музыке, но быстро понял, что успех зависит от его способности отличаться от других музыкальных программ, не шокируя при этом семейную аудиторию.

Каждый день любимый ведущий американских подростков

преподносил из своей студии в Филадельфии хитроумный коктейль из уже известных артистов и перспективных незнакомцев, исполнявших под фонограмму песни со своих новых пластинок перед танцплощадкой, заполненной молодежью безупречного вида: наглухо застегнутые блузки и юбки ниже колена — для девушек, пиджак и галстук — для юношей. Редких афроамериканских танцоров просили соблюдать приличия, а смешанные пары на экран не попадали.

Тинейджеры, составлявшие целевую аудиторию «American Bandstand», сами подали идею фирмам грамзаписи поискать новых звезд среди самих подростков. После эры буйных, чувственных и неуемных старших братьев наступила эра певцов *bubblegum*: этот термин прекрасно передает бесцветность стиля со вкусом жвачки, подходящего для школьных романов.

Большинство из этих подростковых кумиров выбирали больше по внешним данным, чем по артистическим способностям. В особенности это относится к Фабиану — сущей карикатуре на подростковую Америку пятидесятых, карьера которого пресеклась с его вступлением во взрослую жизнь, но также к Бобби Райделлу, Данни и «Джуниорам», Фрэнки Авалону — итало-американцу из Филадельфии, который, пользуясь исчезновением Элвиса, занял в 1959 году первую строчку хит-парадов с двумя шлягерами, канадцу Полу Анка, торжествовавшему в том же году с песней «Одинокий мальчик», или Нилу Седака: его песню «Лестница на небо» крутили по всем радиостанциям в момент возвращения Элвиса на гражданку.

По всем школам США выискивали юных певцов, способных очистить рок-н-ролл от расовой и сексуальной мерзости. В Мемфисе Джонни Бернетт без труда приспособился к новым заботам своих продюсеров; в Дакоте Бобби Ви пришел на смену Бадди Холли, но в своей манере, а в Нэшвилле «Крещендо» и Бренда Ли втиснули мир музыки кантри в прокрустово ложе единой музыкальной идеи.

Голливуд стал главным поставщиком сфабрикованных талантов. Помимо Рикки Нельсона, сделавшего блестящую карьеру и в аудио-, и в видеоформате, Аннетт Фуничелло добавила женственности моде на подростковых кумиров: она прошла школу на телевидении в качестве ведущей передачи «Клуб Микки-Мауса». Большой консерватор Уолт Дисней одним из первых осудил деградирующие свойства рок-н-ролла, однако для приумножения его капитала все средства были хороши, и Аннетт первой исполнила «Disney rock».

Но не это обилие конкурентов было самым грозным вызовом для Пресли. Даже с затушеванным репертуаром, навязанным ему

полковником с самого знакомства с Голливудом, его талант и опыт представляли собой крупный козырь в сравнении с наивностью новых «звездочек». Но претенденты на его титул были вовсе не безобидны: Бобби Дарин, только что прославившийся своим вдохновенным исполнением песни Мэкки-Ножа из «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта и Курта Вейля, был серьезным соперником, как и Сэм Кук.

Последний в январе 1960 года перешел в Ар-си-эй-Виктор, что было особенно тревожно. Как и Рей Чарлз, Кук принадлежал к элите негритянского ритм-энд-блюза, сумевшей освободиться от расовых условностей и утвердившейся в хит-парадах поп-музыки общего направления. После неожиданного коммерческого успеха песни «You Send Me» в 1957 году сын пастора из Чикаго сумел сделать невероятное — обаять широкую американскую публику, сохранив при этом в своем репертуаре негритянскую специфику, в отличие от Нета Кинга Коула, который старался заставить забыть о своем происхождении, когда начинал петь. Ар-си-эй запустила свою коммерческую машину, и Кук был на пути к тому, чтобы стать вторым лидером продаж, так что Элвису следовало быть начеку, если он хотел сохранить преимущество.

Во время пресс-конференции по случаю возвращения сержанта Пресли полковник Паркер не скрывал своих намерений. С его точки зрения, объявленная смерть рок-н-ролла — побочный симптом, ничем не грозящий карьере артиста, дебют которого был практически ошибкой молодости. Наилучшее доказательство этой метаморфозы будет предъявлено в конце месяца, поскольку Элвис как приглашенная звезда должен участвовать в телешоу Фрэнка Синатры. Слухи об этом ходили в прессе еще с прошлого лета, уже не в первый раз полковник принимал желаемое за действительное, но на сей раз информация подтвердилась. Журналисты отнеслись к ней с тем большим интересом, что Нэнси Синатра, дочь певца, лично приехала, чтобы поцеловать Элвиса, сошедшего с трапа самолета, и подарить ему от имени отца две кружевные рубашки.

Представители прессы, отважившиеся выйти из дома в метель, не пожалели об этом, ибо заявления полковника этим не ограничились. Одному репортеру, спросившему его о жалованье сержанта Пресли, Паркер ответил, что понятия о нем не имеет, поскольку не получает свою долю отчислений. Однако он заявил, что сдержал свое обещание: Элвис по-прежнему платит самые высокие налоги, и уточнил, что в налоговой декларации певца за 1959 год заявлен доход в два миллиона долларов.

После двух часов игры в вопросы и ответы Элвис наконец

смог немного отдохнуть. В прессе его возвращение прошло как нельзя лучше, но вот реакция фанатов оставалась непредсказуемой. Следующий день посвятили последним формальностям, связанным с демобилизацией, и только утром 5 марта он официально стал гражданским человеком. Это была суббота, Том Паркер заехал за ним на базу Мак-Гайр в лимузине, который покатил под снегом в Трендон. Там они сели на первый же поезд в Вашингтон — последний этап перед возвращением в Мемфис.

Глава восьмая. ГОЛЛИВУДСКАЯ ЖВАЧКА. 1960–1967

Поезд, увозивший Элвиса и его импресарио утром 6 марта, оправдывал свое название: «Теннессиец», собственность Южной железнодорожной компании. Он добирался из Вашингтона в Мемфис за двадцать четыре часа долгого пути через Мэриленд, Виргинию и Теннесси, пересекая этот штат вдоль от Ноксвилла до столицы Среднего Юга. Элвис, давший матери обещание сократить до минимума авиаперелеты и только что пересекший Атлантику на четырехмоторном самолете, решил вернуться домой по железной дороге.

Через двадцать лет после создания этой ветки в условиях нарастающей конкуренции со стороны авиакомпаний Южная железная дорога уже не могла поддерживать в должном состоянии ветшающие пульмановские вагоны из хромированной стали, и полковник по такому случаю забронировал личный вагон директора компании. Трансконтинентальный поезд доживал свои последние часы в американской истории. Уже давно население сельских регионов, через которые пролегала ветка, не приходило в восторг от «восьмерки», неустанно выписываемой в ночи прожектором локомотива, однако присутствие Элвиса в числе пассажиров на короткое время повысило акции «Теннессийца».

Возвращение на родину самого знаменитого уроженца Юга приветствовали на всем протяжении пути с ободряющим воодушевлением. По мере продвижения поезда толпы, поджидавшие Элвиса на каждой остановке, становились все многочисленнее, а их поведение все более буйным. В Виргинии сотни школьниц заполонили вокзал Роанока с самого рассвета; в Мэрионе фанатов было уже несколько тысяч, а прибытие в Ноксвилл вызвало настоящее столпотворение. Как можно было ожидать, страсти накалились до предела, когда «Теннессиец» добрался до пункта назначения. Несмотря на снег и ледяной холод, Элвиса в парадной форме встречала на вокзале Мемфиса плотная толпа, и только благодаря полицейскому эскорту ему наконец удалось добраться до Грейсленда, где он еще около часа раздавал автографы у решетки.

Триумфальное возвращение было не единственным признаком того, что певец не утратил своей популярности. Несколькими днями раньше журнал «Биллборд» поместил на первой полосе статью, в которой напоминал о глобальности его влияния на поп-культуру. «Влияние Элвиса на мир музыки и на

музыку мира не имеет себе равных за последние двадцать лет. Он в одиночку смог изменить направление американской и европейской поп-музыки, породив стиль, распространившийся по всему миру», — говорилось в колонке редактора. В подборке, посвященной Пресли, вспоминали о его восемнадцати платиновых «сорокапятках», миллионах EP и альбомов, а также о пятидесяти миллионах долларов, которые заработала благодаря ему Ар-си-эй…

Журналист Алан Леви посвятил службе Пресли в армии небольшую книжку под названием «Операция „Элвис“», а «Метро-Голдвин-Майер» решила снова выпустить на экраны «Тюремный рок»; дифирамбы королю рок-н-ролла пели на все лады. Джимми Филдс и дуэт Билли и Эдди упредили события, уже в 1959 году записав соответственно «Я вернулся» и «Король возвращается», их примеру вскоре последовала группа «Софистикейтед», переделавшая знаменитую песенку времен Гражданской войны в «When Elvis Comes Marching Home Again» («Когда Элвис марширует домой»); тем временем Билл Парсонс «Повесил ружье на гвоздь» («I'm Hanging Up My Rifle»), а Лим Форд по-своему переделал «Историю Элвиса Пресли».

Эти выражения поклонения должны были поддержать легенду, но они были неспособны стимулировать карьеру Элвиса, которому любой ценой нужно было вернуться в хит-парады и на экран, если он хотел найти себе достойное место в Америке начала шестидесятых. Первым выразила свое нетерпение его «родная» фирма грамзаписи: Стив Шоулс выступил со страниц профессионального журнала радиоведущих «Диджей дайджест»: «Я пишу эти строки после Великого дня возвращения Элвиса в Соединенные Штаты. <…> Он сказал нам, что первым делом хочет отдохнуть. Мы его прекрасно понимаем, но вторым делом для него станет запись новых песен, и мы очень скоро организуем сеанс звукозаписи неподалеку от его дома. Мы будем держать вас в курсе».

Шоулс планировал этот сеанс с тем большим рвением, что Ар-си-эй уже получила около миллиона заявок на новую «сорокапятку», содержания которой еще не знал никто. Ближайшие к Мемфису студии звукозаписи находились в Нэшвилле, сеансы наметили на 20 марта и 3 апреля, удалось даже достичь компромиссного решения об аккомпаниаторах Элвиса. Стив Шоулс не скрывал предпочтения к завсегдатаям студий, и рядом с Пресли появились гитарист Хэнк Гарланд и «Джорданерс», к которым добавили самого известного саксофониста из столицы кантри — Бутса Рэндолфа. Элвис же настоял на том, чтобы пригласили Скотти Мура, Д. Дж. Фонтану

и Флойда Крамера; из прошлой команды не было только контрабасиста, который как раз в эти месяцы сколотил группу «Билл Блэк Комбо» и гастролировал вместе с ней с двумя самыми на тот момент популярными инструментальными хитами — «Smokie-Part 2» и «White Silver Sands» («Белые серебряные пески»).

Последним неизвестным оставался подбор репертуара. После ухода со сцены Джерри Лейбера и Майка Столлера, которые теперь отказывались писать для Элвиса и лишь изредка подкидывали ему песни, Фредди Бинсток сделал ставку на новый тандем. Дебютировав после войны в качестве блюзмена, Док Помус перешел на сочинительство, после того как несколько лет перебивался с хлеба на воду; вместе со своим пианистом Мортом Шуманом он зарабатывал деньги, сочиняя песенки для нового поколения поп-звезд, чтобы затем предаваться своей страсти к ритм-энд-блюзу.

Элвис нелегко расставался со своими привычками. Он не мог забыть своего взаимопонимания с Лейбером и Столлером, а потому скривился, когда Бинсток прислал ему в Германию сочинение Помуса и Шумана под названием «Turn Me Loose». Он понял свою ошибку в один прекрасный весенний день 1959 года, когда юный подражатель Фабиан ворвался с этой песней в горячую десятку. На первых после своего возвращения сеансах звукозаписи, год спустя, он согласился исполнить песню Помуса и Шумана «A Mess of Blues» — так началось сотрудничество, продолжавшееся до середины десятилетия и породившее такие шлягеры, как «Surrender», «His Latest Flame», «Little Sister», «Kiss Me Quick», «Viva Las Vegas»…

На двух сеансах, в марте и в апреле, удалось записать в общей сложности 18 дорожек — хватило на три «сорокапятки» и на альбом «Элвис вернулся!». По этому изобилию можно судить, как страстно Пресли вновь окунулся в музыку, к великому облегчению Стива Шоулса, который не знал, чего от него ждать. «Напряжение в студии было почти материальным, — рассказывает инженер звукозаписи Билл Портер. — Рядом со мной стояли полковник Паркер, вице-президент Ар-си-эй и Стив Шоулс. Когда Элвис запел первую песню, они не произнесли ни слова, но когда все прошло хорошо, все разом заговорили. Они явно были в большом напряжении».

Те, кто опасался, что чуда не произойдет, могли успокоиться, поскольку к Элвису вернулись энергетика и свежесть, поблекшие накануне его ухода в армию. Фанаты это почувствовали, и вскоре после выхода пластинки, записанной 23 марта, песня «Stuck On You» («Запал на тебя») взлетела на первую строчку хит-парадов. Ар-си-эй понадобилось всего три дня, чтобы отпечатать около

полутора миллионов экземпляров этого диска; чтобы выиграть время, обложки изготовили еще до записи, без указания заглавия, на них только значилось: «Новая запись Элвиса для 50 миллионов его поклонников».

С той же поспешностью выпустили в свет альбом «Элвис вернулся!» от 8 апреля, но на сей раз результаты оказались ниже ожиданий Паркера и Шоулса, надеявшихся перевалить за полмиллиона распроданных экземпляров. А ведь это был самый связный и самый совершенный сборник Элвиса с самого начала его карьеры как по подбору репертуара, так и по качеству исполнения. Певец вновь обратился к блюзу, исполнив свою версию «Reconsider Baby» негритянского гитариста Лоуэлла Фулсона и «Fever» Литтла Вилли Джона.

Не говоря уж о коммерческом провале, полковник был разочарован и приписал отсутствие воодушевления со стороны публики возвращению к качественной работе, которая его никогда не вдохновляла. Ему плевать было на мнение критики, а тем более истории. Паркер всегда отличался неспособностью заглянуть в будущее, и опыт с «Элвис вернулся!» утвердил его во мнении, что пошлость — лучшая гарантия успеха у масс. С его точки зрения, эпоха рок-н-ролла закончилась, негритянская музыка, столкнувшись с миром поп-культуры, утратила свои самые спорные атрибуты, так что пора окончательно ввести Элвиса в бесцветный мир безобидной эстрады.

Этот вывод немедленно сказался на издательской политике, которую Паркер полностью забрал в свои руки после пересмотра контракта Пресли с Ар-си-эй. Об этом можно судить по выходу двух следующих «сорокапяток» в начале лета и осенью: «It's Now or Never» («Теперь или никогда») — всего лишь адаптация классической неаполитанской песни «O Sole mio», а «Are You Lonesome Tonight?» («Одиноко ли тебе сегодня вечером?») — шлягер «безумных лет», исполнявшийся на радио певицей Вогэн Делит, патронессой американской эстрады. Обе эти песни распродавались еще лучше, чем «Stuck On You», без труда занимая почетные места в чартах журнала «Билл-борд». Утвердившись в своем мнении, полковник рассматривал теперь карьеру Элвиса вне всякого определенного музыкального стиля, а следовательно, далеко от рок-н-ролла.

От всего того, что составляло оригинальность Элвиса Пресли, окончательно отказались 12 мая, когда по телеканалу Эй-би-си показали передачу, записанную вместе с Фрэнком Синатрой полтора месяца назад. В отличие от других грандиозных планов, о которых полковник разглагольствовал, пока певец находился в Германии, эта встреча на высшем уровне с ведущим

представителем взрослой и конформистской эстрады была похожа на серьезный проект. Всю вторую половину пятидесятых годов Синатра высмеивал новую волну, а теперь вдруг развернулся на 180 градусов, пригласив Элвиса в свое шоу.

Смена курса не была такой внезапной, как кажется: хотя Синатра и сменил гнев на милость по совету своей дочери Нэнси, архетипа разбитной куклы Барби на рубеже десятилетий, большую часть пути проделал сам Пресли. Он отрекся от своего новаторского подхода к песне и свободы движений, которая лежала в основе его сценической репутации.

Запись передачи проходила в Майами, после поездки на поезде через весь Юг, напомнившей Тому Паркеру об искусственном возбуждении времен его ярмарочной юности. Сидя на втором этаже вагона, нанятого специально для него, Элвис всю дорогу приветствовал толпы, стоявшие вдоль путей, на манер главы государства, а по прибытии во Флориду его встречали сотни фанатов. Пока полковник впаривал им свои последние рекламные заморочки, певец отправился на репетицию в бальный зал отеля «Фонтенбло» — резиденции Синатры в Майами-Бич.

Если у Элвиса еще и оставались сомнения по поводу смерти своей рок-н-ролльной карьеры, увидев в импровизированной студии оркестр из сорока двух музыкантов под управлением Нельсона Риддла, он утратил последние иллюзии. Король рок-н-ролла униженно явился в новую Каноссу[10], чтобы склониться перед патриархом старой школы, и даже надел на себя смокинг — новую версию рубища. Удивительная способность приспосабливаться к обстоятельствам подтвердилась на финальной записи шоу. Элвис с неожиданной зрелостью и естественной элегантностью исполнил обе песни со своей новой «сорокапятки», а затем спел дуэтом с Синатрой — это была мнимая импровизация, фирменный почерк американского телевидения. Сменяя друг друга у микрофона, обе звезды спели хиты друг друга: Элвис — «Колдовство» («Witchcraft»), Синатра — «Люби меня нежно»: с помощью этой уловки широкой публике хотели показать, что два их мира отныне сливаются в экстазе.

По ходу дела Пресли заработал 125 тысяч долларов за выступление, которое продолжалось всего шесть минут. Казалось бы, астрономическая сумма, и переговоры с полковником шли нелегко, но никто из окружения Синатры или его спонсора, производителя часов «Таймекс», и не думал жаловаться, узнав впоследствии, что передачу посмотрели 40 процентов американских телезрителей: несмотря на острую критику со стороны нью-йоркской прессы, полковник не только выставил своего певца на всеобщее обозрение, но еще и сорвал большой

куш.

Этот успех стал хорошим знаком для артиста и его импресарио, которые наверстывали упущенное, строя один план за другим. Отдохнув несколько дней в Грейсленде, Элвис вновь сел на поезд и поехал в Голливуд, где его ждали для съемок пятого фильма. Хэл Уоллис уже завершил все натурные съемки для «Джи-ай блюз» прошлым летом в Европе, оставалось снять главные сцены фильма и записать одиннадцать песен для него — задача, на которую у Пресли ушло около двух месяцев.

С небольшими отличиями все 26 последующих выпусков голливудской «жвачки» стряпали по тому же сценарию почти до конца десятилетия и в постоянно нарастающем темпе: от двух фильмов в год постепенно перешли к трем, а то и четырем в 1968 году, поставив рекорд в этой области. Возвращение в кино стало для Элвиса началом новой эры: по указанию своего агента он быстро отказался от сцены и пошел по очень прибыльному, но творчески бесплодному пути. На протяжении восьми лет, начиная со съемок «Джи-ай блюз», фанаты могли увидеть Элвиса лишь в двухмерном изображении — на киноэкране, и это решение лишило его творчество всякой индивидуальности.

Даже телевидение отныне было для него под запретом. После ожесточенных баталий с окружением Фрэнка Синатры по поводу гонорара Элвиса полковник понял, что ему больше не повторить такой подвиг, и поспешил сообщить прессе, что продюсерам, желающим пригласить певца в телепередачу, придется теперь выложить за это 150 тысяч долларов. Сделать такое заявление значило просто-напросто похоронить телекарьеру Элвиса в тот самый момент, когда «голубой экран» вытеснял седьмую музу из повседневной жизни Америки, но Паркеру было на это плевать. «Я не хочу, чтобы Элвис составил конкуренцию собственным фильмам» — так он объяснил свое решение на съемочной площадке «Джи-ай блюза».

Паркер мастерски умел отказываться от привлекательных предложений: известность его артиста позволяла такую роскошь. Ничто не доставляло этому порочному двуличному человеку такого наслаждения, как унизить собеседника, готового снять с себя последнюю рубашку в надежде пригласить Элвиса на телепередачу или на гастроли; точно так же он получал несказанное удовольствие, заказывая себе жареную свинину в присутствии Абе Ластфогеля из концертного агентства Уильяма Морриса, хотя прекрасно знал, что тот еврей.

Возможно, с экономической точки зрения такая политика была не слишком разумной, однако благодаря ей полковник

сумел выйти из положения, когда предложение о гастролях поступило из-за рубежа, а его статус в глазах иммиграционных властей не позволял ему покинуть Штаты. Страх Элвиса перед авиаперелетами и так уже был доводом против дальних поездок, но подстраховаться было не лишним, и Том Паркер, получая неудобное предложение, каждый раз действовал по одному сценарию. «Сколько у вас денег?» — спрашивал он неизменно, а потом отвечал человеку, выложившему на стол кругленькую сумму: «Для меня этого достаточно, а что вы предложите Элвису?»

Наряду с телевидением полковник видел в сценической карьере Пресли ненужную конкуренцию его кинотворчеству, а потому запрещал ему давать концерты. В виде прощания со сценой он все же позволил певцу принять участие в благотворительных мероприятиях в первом квартале 1961 года. Первые два из трех гала-концертов состоялись в субботу 25 февраля, официально объявленную мэром Мемфиса «Днем Элвиса Пресли». День начался с обеда по 100 долларов с носа в отеле «Кларидж», где собрались все отцы города, бизнесмены, главные политики штата Теннесси, а также Жан Абербах, Абе Ластфогель и кое-кто из руководства Ар-си-эй, чтобы отпраздновать продажу 75 миллионов пластинок Элвиса Пресли. Он же вышел на знакомую сцену зала Эллис и дал два концерта подряд перед пестрой публикой из верных фанатов, журналистов, страдающих от мелкотемья, и жителей Мемфиса, которым было любопытно увидеть во плоти певца, о котором все говорят и пишут.

За его спиной стояли Скотти Мур, Д. Дж. Фонтана, Флойд Крамер, Бутс Рэндолф и «Джорданерс». Это окрылило Элвиса, и он исполнил новый шлягер «Surrender», переделку неаполитанской песни «Вернись в Сорренто», а также полтора десятка своих хитов, завершив выступление — по привычке, унаследованной от уже далекой эпохи, когда он беспрестанно гастролировал, — взрывной «Дворнягой», неизбежно приводящей публику в экстаз.

И все же успех не был гарантирован. Его последнее появление на публике состоялось в момент записи передачи Фрэнка Синатры, одиннадцать месяцев тому назад, и, прежде чем выйти на сцену, Элвис поделился своими опасениями с репортером из «Мемфис Пресс-Сцимитар»: «Понимаете, я уже три года не давал концертов. Я даже забыл слова одной из моих песен». Когда журналист спросил, почему же он позабыл дорогу на сцену, Элвис вдруг смешался и не нашелся что сказать: «Спросите лучше у полковника Паркера».

Пока певец задумывался о будущем, Паркер превращал «День Элвиса Пресли» в свою минуту славы. Он пожимал руки, занимался собственным пиаром перед сливками штата Теннесси, разыгрывал скромника, раздавая разным благотворительным организациям 50 тысяч долларов, собранных в этот день, и попытался сохранить лицо, когда Элвис объявил ему, что губернатор штата пригласил его выступить через десять дней в Законодательном собрании Теннесси. Как мы знаем, полковник не любил делиться.

8 марта Элвис, в костюме и при галстуке, отправился в Нэшвилл за рулем своего новенького «роллс-ройса». Местные законодатели и их многочисленные гостьи устроили ему беспрецедентную встречу, когда он вошел в большой зал под руку с дочерью губернатора Эллингтона. Он поднялся на трибуну и продемонстрировал свойственный ему юмор, поблагодарив всех девочек, прогулявших в этот день школу, а затем заявил, что крайне взволнован выпавшей ему честью. Самым неожиданным моментом, возможно, был тот, когда губернатор произвел его в ранг почетного полковника по прочно укоренившейся на Юге традиции, которой уже воспользовался Том Паркер. Последнему это назначение не понравилось, и он только что-то буркнул недовольно, когда певец под конец церемонии дружески пихнул его локтем и назвал «коллегой». Паркер не любил конкурентов, кто бы они ни были.

Инцидент был позабыт уже 25-го числа того же месяца, когда артист и его импресарио вылетели в Гонолулу, на новый гала-концерт. На сей раз нужно было сыграть на патриотической струне, собрав необходимые средства для сооружения памятника погибшим морякам военного корабля «Аризона», потопленного двадцать лет назад во время японского налета на Пёрл-Харбор. Концерт проходил в зале на четыре тысячи мест в присутствии высшего командования американских вооруженных сил и Тихоокеанского флота. Паркер с коварным наслаждением всячески их унижал, выказывая подобострастие, которое сильно сбивало с толку его собеседников. Прельстив блестящий партер из генералов и адмиралов обещанием сувениров для родственников, полковник королевским жестом одарил их фотографиями Элвиса форматом с почтовую открытку, а несколько минут спустя демонстративно раздавал фанатам большие цветные постеры.

Действуя в том же духе, он отказался провести кого-либо с собой, подчеркнув, что Элвис заплатил за свой билет (что было чистой правдой). Это не помешало ему подарить бесплатный билет приставленному к нему чернокожему шоферу и проследить

за тем, чтобы того посадили в первом ряду, рядом с генералитетом. Полковник был слишком подвластен сторонникам сегрегации из числа политиков с Юга, чтобы в этом поступке можно было разглядеть нечто иное, кроме желания солдата Андреаса ван Кейка отомстить за то время, когда он, проходя службу на Гавайях, должен был прогибаться под офицерами 64-й бригады береговой артиллерии.

Побудительные мотивы Паркера часто были неясны; даже его непредсказуемый характер не позволяет понять, что толкнуло его заставить Элвиса петь бесплатно. Мало того что концерты в Мемфисе и Пёрл-Харборе не принесли никаких денег, они еще были сопряжены с расходами, которые, естественно, взвалили на одного Элвиса. В то время когда певец пытался подластиться к своему импресарио, чтобы тот позволил ему вновь начать гастролировать, Паркер, вероятно, видел в этих концертах, позволявших Элвису в последний раз вкусить запретный плод, средство утвердить свою власть. Ибо это действительно было прощание со сценой; вернувшись за кулисы концертного зала в Пёрл-Харборе после потрясающего выступления, подтвердившего, что на сцене он — гений, Пресли сошел с нее и не возвращался обратно до конца десятилетия. Его удивительная энергетика, никак не проявлявшаяся в фильмах, в которых он снимался по возвращении из Европы, должна была бы заставить полковника задуматься, прав ли он, удаляя Элвиса от мира, из которого он пришел. Как скажет впоследствии Жан Абербах, «он всегда все знал лучше всех, но никогда ничего не продумывал наперед».

А пока график Элвиса подчинен актерской работе. Кстати, поездка в пятидесятый американский штат была продиктована не столько выступлением в Пёрл-Харборе, сколько съемками нового фильма — «Голубые Гавайи». Это был первый фильм сезона 1961 года и третий после «Джи-ай блюза», «Пламенеющей звезды» и «Дикаря» (первоначально в этом фильме должна была играть Симона Синьоре). Кинокарьера Элвиса набрала крейсерскую скорость, полковник внедрил безукоризненную систему, обеспечивавшую доходы его артисту, а значит, и ему самому.

Правила были просты. Еще до того, как определиться с сюжетом, следовало убедиться, что фильм выйдет на экраны к началу школьных каникул, в соответствии с обычным расписанием творений Уолта Диснея: в канун Рождества, к Пасхе или в начале лета — в эти периоды школьники заполняли залы ежедневно, а не только по выходным.

На следующем этапе надлежало задействовать фан-клубы, сообщив им о планах нового фильма. Штат полковника каждый

месяц рассылал около трехсот тысяч писем в пять тысяч клубов, рассеянных по всему земному шару: это была невероятно плотная сеть, обеспечивающая заполняемость кинозалов постоянными зрителями. Вернее, порабощенными: по оценкам полковника, 250 тысяч фанатов ходили как минимум трижды на каждый новый фильм Элвиса, а это уже почти миллион купленных билетов.

Том Паркер всячески обхаживал президентов фан-клубов, засыпал их подарками и побуждал к миссионерской деятельности, устраивая собрания для жителей микрорайонов. Если добавить к этому одновременный выход, сопровождающийся беспримерной рекламной шумихой, альбомов и «сорокапяток» с песнями из нового фильма, радиопередачи по договору в обмен на бесплатные пластинки и пресс-досье, раздаваемые печатным агентствам и профессиональным журналистам, можно себе представить весь размах этого предприятия, четко отлаженного и очень прибыльного.

Благодаря этой эффективной системе Элвис очень скоро превратился в самого высокооплачиваемого актера в Голливуде. Регулярно повышая ставки, Паркер к середине десятилетия достиг цели, которую наметил себе, когда только ворвался в мир кино: миллион долларов за фильм. В то же время агенты кумиров кинозрителей, например Лиз Тейлор или Кэри Гранта, выговаривали для своих актеров похожие гонорары, однако репутация этих звезд побуждала их тщательно отбирать делаемые им предложения, Паркеру же было на это плевать. «Фильмы нужны, чтобы делать деньги», — охотно признавал он. Кроме того, кассовый успех первых фильмов с участием Элвиса позволил его импресарио вытребовать дополнительно половину чистой прибыли от каждой кинокартины. Благодаря этой уловке доходы певца-актера к середине шестидесятых преодолели планку в пять миллионов долларов, причем только четверть из этой суммы поступала от продажи пластинок.

Воцарившись в Голливуде, Том Паркер всегда отказывался подписывать контракты на исключительных условиях. Эта предосторожность оказалась очень полезной уже в самом начале кинокарьеры Элвиса, поскольку благодаря ей он смог сняться в «Люби меня нежно» еще до того, как Хэл Уоллис запустил в производство «Любить тебя». Эта система полностью оправдала себя после демобилизации Элвиса, когда ему надо было каждый год подыскивать как минимум три кинопроекта. Переговоры о «Дикаре» и «Пламенеющей звезде» начали с «Фокс» уже в 1960 году, причем последние — при посредстве Дэвида Вейсбарта, благодаря которому состоялся фильм «Люби меня нежно».

Затем Вейсбарт увлек полковника и Элвиса в кинокомпанию

«Юнайтед Артисте», которая в конечном счете выпустила четыре фильма: «Следуй мечте» и «Малыш Галахад» в 1962-м, «Фрэнки и Джонни» в 1966-м и «Пикник у моря» в 1977 году. Наконец, «Пощекочи меня» вышел в 1965-м под маркой «Аллайд Артистс» — кинокомпании с весьма неустойчивым финансовым положением, которую этот посредственный фильм временно спас от банкротства.

Несмотря на такое разнообразие, Хэл Уоллис и кинокомпания «Парамаунт» представляли собой фундамент стабильности, на котором зиждилась голливудская политика Тома Паркера. Работа над «Джи-ай блюзом» была закончена в конце весны 1960-го, и в рамках нового контракта с Уоллисом были сняты «Голубые Гавайи», «Девушки! Девушки! Девушки!», «Вечеринка в Акапулько», «Рабочий по найму», «Райские Гавайи», гонорары за которые составили от 150 тысяч до 200 тысяч долларов. Контракт был долгосрочным, из-за чего полковник лишился вознаграждения, о котором параллельно вел переговоры с другими киностудиями; это вызвало трения с Уоллисом. Хотя полковник похвалялся, что Уоллис ест у него с ладони, он не привык к неудачам и в присутствии продюсера сыпал сомнительными шутками и инфантильными «подковырками».

В отместку за этот личный «афронт» он не нашел ничего лучшего, как завязать, опять же длительное, сотрудничество с другой киностудией. Привлекательнее всего выглядели авансы со стороны «Метро-Голдвин-Майер». Когда-то Элвис уже работал с ней над «Тюремным роком», и в 1963 году сотрудничество возобновилось по случаю фильма «Это случилось на всемирной выставке» — нелепой истории о летчике, впавшем в ипохондрию из-за прекрасных глаз медсестры, — а затем продолжилось на съемках «Да здравствует Лас-Вегас!».

Два с половиной миллиона долларов, которые собрал фильм «Это случилось на всемирной выставке», привели к заключению контракта с другим продюсером «Метро-Голдвин-Майер» — Сэмом Кацманом. Если Элвис по-прежнему претендовал на титул короля рок-н-ролла, Кацман, бесспорно, был королем *quickies* — малобюджетных фильмов, снимаемых в рекордные сроки. Они с Паркером быстро нашли общий язык, поскольку оба делали деньги ради денег и плевали с высокой горы на качество продукции, которая их приносила.

Кацман похвалялся тем, что выпускает самые дешевые фильмы на рынке; он экономил каждую копейку из бюджета, отпущенного «Метро-Голдвин-Майер», что позволяло ему получать прибыль еще до выхода фильма на экран. Обычно на

съемки у него уходило менее трех недель, тогда как его конкурентам требовалось вдвое больше времени. Паркеру большего и не требовалось, тем более что последнее творение «Метро-Голдвин-Майер» «Да здравствует Лас-Вегас!» вышло за рамки бюджета. Оба деятеля договорились было снять фильм о жизни певца кантри Хэнка Уильямса, но, когда издатели песен Уильямса отказались поделиться с Паркером правами на них, полковник предложил сделать главным героем другого певца.

Кацману идей было не занимать, и он предложил задействовать Элвиса в фильме «Целуя кузин» («Kissin Cousins») — карикатуре на жизнь сельского Юга. Несмотря на свою бессодержательность, сюжет полностью устроил Паркера. Всем стало ясно, насколько мало его интересуют фильмы с участием певца: когда сценарист любезно пожелал узнать его мнение, будучи уверен, что полковник — дитя Юга, чем тот крайне кичился, Паркер вместо ответа запросил с него 25 тысяч долларов за свое просвещенное мнение, чтобы показать, что у него нет времени на подобные пустяки. «Я понятия не имею, как делают фильмы, — заявил полковник смешавшемуся сценаристу. — Вас для того и нанимают. Мне важно только одно: чтобы там были песни для альбомов Элвиса». Вполне откровенный ответ, который ничуть не удивил тех, кто часто слышал от Паркера, что фильмам с Элвисом можно было бы попросту присваивать номера, вместо того чтобы придумывать для них названия, — фанаты все равно будут на них ходить.

От своих сотрудников полковник ждал прежде всего слепого повиновения; талант и опыт профессионалов из мира кино, с которыми он сталкивался, его не интересовали, ему была дорога лишь их покорность — это многое говорит о качестве конечного продукта. За редкими исключениями, как Майкл Кёртис в «Короле Креоле» или Дон Сигел (будущий автор «Грязного Гарри») — режиссер «Пламенеющей звезды», кинематографисты, утвержденные полковником, привыкли выпускать второсортные фильмы. Все рекорды побил Норман Торог, стреляный голливудский воробей весьма сомнительного дарования, режиссер девяти фильмов с участием Элвиса.

Сэм Кацман тоже был непривередлив, и оба халтурщика затеяли в 1965 году второй общий проект — «Каникулы в гареме», где Пресли тонет в болоте глупости, изображая певца рок-н-ролла, ввязавшегося в передряги на карнавальном Востоке ради прекрасной арабской принцессы. Посредственность этого опуса, который сварганили за двадцать дней, и нелепость песен, написанных для него — «Каникулы в гареме», «Серенада в пустыне», «Мираж», — не укрылись от самых ненасытных

почитателей Элвиса, и так уже растерявшихся после ошарашивающих песен из «Вечеринки в Акапулько» типа «Тореро был дамой» или «В кабриолете не станцуешь румбу».

Сборы от «Каникул в гареме» были жалкими, несмотря на то, что бюджет фильма свели к минимуму. В конце концов полковник понял, в чем просчет политики Кацмана, и быстро от него избавился. Развязка этого романа побудила его в 1966 году на короткое время снова сойтись с Хэлом Уоллисом: плодом их последнего сотрудничества стал фильм «Легко пришло, легко ушло» («Easy Come, Easy Go»). К тому времени Уоллис успел понять, какой пройдоха импресарио Элвиса, и с деланой неохотой, якобы с большим трудом согласился на требования Паркера — гонорар в полмиллиона долларов и 20 процентов от прибыли. На самом деле продюсер на сей раз дешево отделался, поскольку полковник согласился сократить свои требования вдвое в обмен на гипотетические сборы, а фанаты уже заметно подустали.

Поняв, что его провели, Паркер порвал с Уоллисом и продолжил свою политику выжженной земли с другими продюсерами. Элвис, человек подневольный, перемещался из картины в картину: «Занос», «Двойная проблема», «Пикник у моря», «Держись подальше, Джо», «Спидвей», «Немного жизни, немного любви» и «Беда с девушками» — все это фильмы только по названию.

Полный презрения цинизм, с каким Паркер относился к фанатам Элвиса, совершенное безразличие к таланту артиста, который произвел переворот в мире поп-музыки, не мешали ему извлекать выгоду из своего положения. По слухам, он долгое время жил за счет «Grand Ole Opry» в Нэшвилле и бесстыдно пользовался ее телефонным коммутатором во время своего дебюта в музыке кантри. Прибытие в Голливуд позволило ему подняться на ступеньку выше: теперь его целью было не столько сэкономить за счет себе подобных, сколько обчистить их, и он справлялся с этой задачей на «отлично», будучи непревзойденным лицемером.

Мало того что на большинстве съемок он получал жалованье как технический консультант, он еще вытребовал себе роскошное помещение на студии «Парамаунт», которое тотчас превратил в филиал цирка. Доверив текущие дела своим помощникам, Паркер хранил в собственном кабинете свою коллекцию слонов и снеговиков: на стенах были развешаны его трофеи и вырезки из газет со статьями в его честь, а на рабочем столе возвышался старый автомобильный клаксон, которым он то и дело сигналил, вызывая сотрудников, — тем приходилось безропотно сносить эти

проявления тирании.

Разрыв с «Парамаунт» лишил его этого роскошного пристанища, но Паркер получил от «Метро-Голдвин-Майер» не менее комфортабельный кабинет и с извращенным лукавством превратил его в гигантскую кухню, фритюрницу и морозильную камеру для которой любезно предоставила Ар-си-эй; не зная удержу в своей любви к провокациям, он покрыл клеенкой превосходное бюро красного дерева, выданное ему студией, и демонстративно глодал за ним жареного цыпленка, принимая важных посетителей.

По выходным он продолжал в том же духе в Палм-Спрингс — излюбленном курорте калифорнийской элиты, находящемся в самом центре пустыни. Именно там Паркер поселил свою жену и каждую неделю приезжал отдохнуть среди китчевых голландских мини-мельниц, установленных в саду, — никто не мог разглядеть в этом ностальгических воспоминаний и вызова, брошенного судьбе.

Полковник приехал в Голливуд не затем, чтобы упрочить репутацию седьмой музы, а чтобы бросить вызов всей культурной элите, которую на дух не переносил. В приступе простодушия он даже попенял однажды режиссеру одного из фильмов Элвиса на то, что тот слишком усердствует. «Не хватало еще, чтобы этот фильм „Оскара“ получил, — возмутился он. — Мне тогда смокинг придется покупать». Однако Паркер помимо воли стал основоположником оригинального кинематографического стиля.

Точно так же, как фильмы про Джеймса Бонда или «пляжное кино» с мускулистыми загорелыми парнями на фоне сёрфинга и песенок, картины, в которых снимался Элвис на всем протяжении шестидесятых годов, представляли собой особый жанр. «Фильмы с Пресли» отличались беспомощной сюжетной линией, героем-мачо, постоянно меняющим красоток с божественной попкой на фоне сверкающих машин и роскошных яхт, перемежая это с музыкальными номерами, по которым видно, что певец продал свою душу рокера дьяволу наживы, исполняя бесцветные слезливые песенки для младшего школьного возраста.

Однако происхождение Элвиса придало совсем иное наполнение этим нуворишевским декорациям. Хотя в подавляющем большинстве его фильмы были до боли посредственными, они, сами того не желая, способствовали реабилитации Старого Юга в глазах широкой публики, приученной до сих пор к отрицательному имиджу бывшей Конфедерации, созданному американской интеллигенцией.

После Гражданской войны по всем Соединенным Штатам

распространился миф о Юге как об извращении американской мечты. Для крупной буржуазии из Нью-Йорка, Филадельфии или Бостона конфедераты окончательно утратили вотум доверия после поражения, лишившего их легитимности, на которую зато мог претендовать Север под покровительственным взглядом Всевышнего. Поставив под вопрос священный принцип единства, на котором зиждилась нация, Юг был ввергнут в чистилище нищеты, вины и поражения мстительным Богом из Ветхого Завета.

Эта легенда тем прочнее укоренилась в представлениях американцев, что южная аристократия сама способствовала ее распространению, приписывая свои несчастья преступной безалаберности «белой бедноты» и врожденным животным инстинктам потомков рабов. В них они видели главных виновников насилия, безграмотности и извращений, которые были характерны для Юга в представлении всей страны, превращая сегрегацию в последний рубеж обороны, способный оградить их общество от наметившегося разложения.

Одним из вождей крестового похода против Юга в первой половине XX века стал Генри Луис Менкен, уроженец штата Мэриленд, который во время Гражданской войны разрывался между верностью Союзу и стремлением отделиться. Этот журналист и писатель прославился своими яростными выпадами против южного общества, невежество и животная вера которого, по его словам, тянут Америку на дно, не давая Новому Свету возвыситься до культурного и интеллектуального уровня старушки Европы.

В резкой филиппике, опубликованной в 1920 году, Менкен сравнивает бесплодный Юг с Сахарой, утверждая, что в этой пустыне не родилось ни одного стоящего историка, ученого, социолога или богослова. «В этом раблезианском раю посредственности, — пишет он, — вы не найдете ни одной художественной галереи, ни одного оркестра, способного исполнить все девять симфоний Бетховена, ни одного оперного и ни одного драматического театра, где можно было бы посмотреть пьесу, достойную этого наименования». За этой острой критикой скрывается ностальгия по благословенной эпохе плантаций, на смену которой пришла диктатура опереточных воротил бизнеса, и сожаление о «высшей цивилизации», подмененной царством ку-клукс-клана и «белого отребья».

Именно с этих суровых позиций Менкена и прочих гонителей «темного Юга» американское кино и сформировало его образ. В период между двумя мировыми войнами Голливуд в кинокартинах типа «Унесенные ветром» и «Иезавель»

пропагандировал романтический образ рыцарской аристократии, похороненной под обломками Гражданской войны. Меланхоличное воспевание прошлого оборвалось в начале пятидесятых, пропустив вперед мрачный и неприглядный портрет варварского и свирепого Юга, одержимого непримиримостью в вопросах секса и религии. Взять хотя бы «Трамвай „Желание“» или «Куколку», снятые Элиа Казаном по пьесам Теннесси Уильямса, или более поздние «Беспечный ездок» и «Избавление»: сразу видно, как радикально настроен Голливуд, а его влияние на коллективное сознание американцев было очень стойким.

Ворвавшись на экран в 1956 году, Элвис Пресли пошел против течения, полностью перевернув киношное представление о Юге. В отличие от Марлона Брандо или Карла Мельдена, двух порождений Среднего Запада, которых Казан превратил в вышеупомянутых фильмах в невообразимых южан, Элвис был не настолько профессионален, чтобы играть наследников благородных семейств из Новой Англии, его неистребимый акцент вынудил первых сценаристов поместить его в единственную подходящую для него среду — мир «белого отребья».

Огромная популярность и налет скандальности, связанный с его фигурой, сделали возможным этот смелый жест, на который тотчас ополчилась нью-йоркская пресса, хранительница неприкосновенности «американской мечты». Рецензии, опубликованные после выхода на экраны фильма «Люби меня нежно», ясно говорят о том, что главный упрек, адресованный Пресли, был связан с его сомнительным происхождением, о чем свидетельствует презрительный заголовок в еженедельнике «Лайф»: «Успех вопиющего деревенщины». Черно-белый рок-н-ролл, королем которого он являлся, допускавший смешение полов и культур, что будило страхи и фантазии доминирующей Америки, только обострял чувство отторжения, недвусмысленно выраженное в прессе: в представлении северной элиты рок-н-ролльный бунтарь — прямой наследник Джонни Реба[11], непокорность которого веком раньше ввергла Союз в Гражданскую войну.

Непреходящий успех Пресли в подростковой среде принудит интеллигенцию и буржуазию пойти на попятный, тем более что полковник старался сгладить все острые углы, работая над имиджем своего певца. По мере появления новых кинокартин, в частности после самого совершенного фильма Элвиса — «Король Креол», место действия которого перенесли из Нью-Йорка в Новый Орлеан, — СМИ постепенно проникались уважением к невиданному доселе в Америке персонажу — достойному

деревенщине с Юга.

На самом деле фильмы с Элвисом лишь переносили на почву Юга нравоучительные сюжеты романов Горацио Элджера. Мастер литературы для юношества второй половины XIX века, Элджер сумел укоренить в сознании образ юного героя деревенского происхождения, который неизменно брал верх над жестокостью промышленных метрополий Севера благодаря своему бесстрашию; с тех пор его герои стали образцом для многих поколений американцев, утвердив в качестве высших ценностей мужественность и порядочность.

В географическом и культурном плане антураж фильмов Пресли отличался от романов Элджера, но герои были те же самые, будь то разносчик из «Тюремного рока», спасенный от тюрьмы своим желанием петь, драчливый сын крестьянина из «Дикаря», искупивший свою жизнь писательством, оторванный от корней персонаж из «Следуй мечте», которому его моральные качества помогли не сойти с прямой дороги, доблестный боксер из «Малыша Галахада», молодой моряк-сирота из фильма «Девочки! Девочки! Девочки!», вознагражденный за свое упорство хорошенькой невестой и сверкающей яхтой, бутлегер из «Целуя кузин», который спас честь семьи своего деревенского клана, уступив земли своего отца американским ВВС, шантрапа из «Рабочего по найму», наставленный на путь истинный хорошенькой девушкой, или папенькин сынок из «Пикника у моря», нашедший свой путь в тот день, когда сменял свой костюм богача на обноски бедняка…

Сам того не ведая, Элвис ввел в обиход послевоенной Америки не только тональность блюза и традиции афроамериканской культуры через посредство рок-н-ролла. Благодаря его фильмам, послужившим образцом для целого поколения, Юг взял реванш почти век спустя после позорной капитуляции Роберта Ли в Аппоматоксе. В эпоху, когда изображение и шлягер вытеснили письменную культуру, беззаботность и выговор в нос, свойственные Элвису, примирили поколение «бэби-бума» с образом жизни и экзистенциализмом южных простонародных кругов — полной противоположности воспитательной модели Америки первой половины XX века.

Не отрицая бездарности кинокартин с участием Элвиса и вопреки (а может, и благодаря) презрительному неодобрению со стороны северной и калифорнийской интеллигенции, его образ оказал влияние на развитие американского общества, выставив на первый план ценности нового простонародного Юга. Когда во время предвыборной президентской кампании 1956 года Элвиса спросили о его политических предпочтениях, он заявил: «Я на сто

процентов за Стивенсона (Эдлай Стивенсон, кандидат от демократов. — С. *Д.)*. Правда, он слишком уж интеллектуал, но знает, что делает». Внушив доверие к образу современного демократа-южанина, отринувшего все консервативные и расистские соблазны, несмотря на недоверие к интеллектуальной элите, Элвис в конечном счете позволил порождению «белого отребья» вроде Билла Клинтона попасть в Белый дом, сыграв на саксофоне «Отель, где разбиваются сердца», во время одного телешоу в разгар его предвыборной кампании, а Джорджу Бушу-младшему — похваляться своей причастностью к харизматическому обновлению протестантов с Юга.

С двадцати пяти лет и вплоть до того, как ему перевалило за тридцать, Элвис продолжал плодить пустые фильмы, не задумываясь о своем влиянии на тинейджеров. Он предоставлял действовать полковнику, который всеми силами старался замалевать изначальный образ короля рок-н-ролла, превратив его в короля поп-музыки, безликой и бессодержательной, сделать его вождем поколения потребителей без духовных запросов. Потеряв почву под ногами после кончины матери, которая долгое время была для него духовным наставником, Элвис в первое время не перечил полковнику в его расчетах.

Хотя легкие деньги и принесли в его жизнь комфорт, не это было для него главным; ему было гораздо более свойственно наивное возбуждение, вызванное неожиданными событиями, например появлением на съемочной площадке «Джи-ай блюза» монархов Таиланда и Непала со своими супругами, дочери бразильского президента и нескольких принцесс из Скандинавии. Разве мог сын бывшего заключенного из Парчмана представить себе еще пять лет тому назад, что однажды он превратится в одну из главных достопримечательностей торжествующей Америки!

Постепенное упрощение рок-н-ролла, который его заставляли исполнять, конечно, его не радовало, но Тому Паркеру удалось убедить его в том, что кино — необходимое условие для непреходящего успеха, в чем он признался журналу «Лайф», вернувшись из Германии: «Я хочу посвятить себя актерской профессии, потому что только пением карьеры не сделаешь. Взгляните хотя бы на Фрэнка Синатру: он снова пошел в гору, только когда начал сниматься». Элвис не понимал, что полковнику наплевать на его актерские амбиции, лишь бы фильмы с его участием собирали кассу и способствовали продаже пластинок: он все еще надеялся стать новым Джеймсом Дином.

Во время немецкого изгнания солдат Пресли часто мечтал вслух, вспоминает Присцилла Болье: «Он хотел стать великим

актером, как его кумиры — Марлон Брандо, Джеймс Дин, Карл Малден и Род Стайгер». Эта цель вовсе не казалась недостижимой, особенно когда почтенный ветеран кинематографа Майкл Кёртис благословил его после съемок «Короля Креола». Весьма уважаемый кинокритик из «Нью-Йорк таймс» Босли Кроутер даже озаглавил свою рецензию на этот фильм «Элвис — хороший актер» и добавил после выхода на экраны «Джи-ай блюза»: «Покончено с рок-н-рольными вихляниями, с похотливой ухмылкой краем рта, нет больше походки претенциозного мужлана, набриолиненного кока и тягучего деревенского выговора. Еще немного — и Элвис станет благопристойным». Актер Билл Биксби тоже говорил об актерском даровании Пресли, хотя тому и вредила убогость фильмов, которые ему предлагали: «Он гораздо одареннее, чем кое-кто хотел бы признать. Элвис на экране ни в чем не уступает Синатре. Когда они выходят на съемочную площадку, то не остаются незамеченными».

Пресли был настолько уверен, что сможет оставить свой след в киноискусстве начала шестидесятых, что с большим трудом вырвал у своего импресарио позволение временно забыть о роли поп-певца и сняться в «серьезном» фильме — «Пламенеющая звезда». Режиссер Дон Сигел пользовался в Голливуде определенным авторитетом после успеха в 1956 году «Осквернителей могил», к тому же сценарий фильма был чужд манихейству предыдущих картин Элвиса. Его персонаж был полукровкой, разрывающимся между матерью Киовой и отцом, владельцем ранчо, в тот самый момент, когда разразилась война с индейцами. Сценарий был изначально написан под Марлона Брандо, но тот отказался сниматься по причинам финансового характера, уступив дорогу Пресли. Тот относительно хорошо справился с ролью, которая впервые получила истинную драматическую глубину под пером Нуналли Джонсона (сценариста фильма «Гроздья гнева»), но отношения с Сигелом были натянутыми, и фанаты отнеслись к фильму прохладно. Если критики хором воспевали талант актера, его постоянная публика была разочарована картиной, в которой Элвис исполняет только две песни.

Эта неудача дала в руки полковнику прекрасный козырь, чтобы оборвать крылья мечтам певца о величии: теперь больше никаких серьезных актерских работ, раз с помощью набора сентиментальных баллад можно продать фанатам самый скучный фильм. Пресли, наверное, приспособился бы к такой концепции в стиле тейлоризма[12], если бы Паркер снабжал его репертуаром, соответствующим его ожиданиям, а этого не было. Приведя всех

фанатов Элвиса к общему знаменателю, полковник считал своим долгом заказывать авторам из «Хилл энд Рейндж» милые пустячки, способные выдавить слезу у девчонок, не раздражая родителей.

Пресли претило изображать из себя певца со школьного двора, в котором его хотели запереть; замкнувшись в своем подростковом мире, подрывая жизненные силы таблетками, которые придавали ему энергии, но не сил, чтобы взбунтоваться против власти полковника, он медленно чах. «Он был крайне подавлен, — подтверждает Присцилла Болье, рассказывая о телефонном разговоре с Элвисом вскоре после съемок „Джи-ай блюза“. — „Я только что закончил этот сволочной фильм, — сказал он мне презрительным тоном. — Просто кошмар какой-то, мне всучили дюжину песен, которые гроша ломаного не стоят“». Впоследствии лучше не стало, и Присцилла подтверждает, что Элвис все прекрасно понимал. «Он сказал мне, смеясь, что Ар-си-эй прислала ему макеты жутких песен для его нового фильма. „Я их только что прослушал и ушам своим не верю. Лучше посмеяться над ними, а то, боюсь, заплачу“».

Очень скоро Том Паркер перестал соблюдать даже видимость приличий и разработал беспроигрышную систему. Каждый новый сценарий сначала представляли ему на утверждение, а потом отправляли Фредди Бинстоку, задачей которого было вычленить музыкальные эпизоды, чтобы доверить их тому или иному штатному автору-композитору. Эта дешевка шла на поток, и певец записывал песни одну за другой, хотя ему было противно, что его держат за марионетку. В отличие от атмосферы трудолюбия и сосредоточенности, царившей на сеансах звукозаписи до взлета кинокарьеры Элвиса, обстановка на записях песен к его фильмам в шестидесятые годы не отличалась ни серьезностью, ни проникновенностью, словно он, главное действующее лицо, вдруг решил махнуть на все рукой. Двух сеансов в студии хватило, чтобы записать девять песен к «Рабочему по найму», — печальный подвиг, который Элвис повторял при работе над каждым новым фильмом.

При таких условиях неудивительно, что он постепенно сползал вниз в хит-парадах. После «Surrender» в 1961-м и «Good Luck Charm» в 1962 году ни одна из его «сорокапяток» не заняла почетного места в чартах поп-музыки до самого его ухода из Голливуда в конце десятилетия. И если до 1963 года в его обширном творчестве еще встречается горстка бестселлеров, достойных его таланта — образец ритм-энд-блюза «I Feel So Bad» («Мне так плохо»), «His Latest Flame» («Его последняя страсть») и «Little Sister» («Сестренка»), творения дуэта Морт Шуман — Док

Помус, и «Can't Help Falling in Love» («Не могу не влюбиться») в 1961 году; «She's Not You» («Она не ты») и «Return to Sender» («Вернуть отправителю») в 1962-м, «You're the Devil in Disguise» («Ты переодетый дьявол») и «Bossa Nova Baby» из фильма «Вечеринка в Акапулько» в 1963-м, — имя Элвиса Пресли безвозвратно покинуло вершины хит-парадов.

Миллион распроданных экземпляров «Плачущего в часовне» в 1965 году стал единственным существенным признаком ремиссии на фоне общего упадка; что характерно, эта запись была сделана за пять лет до выхода пластинки, когда в душе Элвиса еще горел священный огонь. Не то чтобы пластинки Короля окончательно выпали из чартов: в общей сложности 75 его «сорокапяток» какое-то время держались в хит-парадах журнала «Биллборд» на протяжении шестидесятых годов, но если двенадцать из сорока его хитов предыдущего десятилетия красовались на первой строчке, впоследствии их было только шесть, а платиновые диски (миллион распроданных экземпляров) выходили всё реже. Обычно поклонникам певца приходилось довольствоваться незначительными и слащавыми синглами, исполненными без «огонька» артистом, который, казалось, окончательно утратил свою оригинальность. Из этого океана разочарования выплыл только сборник «His Hand In Mine» («Его рука в моей»), выпущенный к Рождеству 1960 года, в котором Элвис вновь предался своей страсти к госпелу и спиричуэлс.

Внезапная утрата интереса негритянской общины и любителей музыки кантри к пластинкам Пресли наиболее показательна в плане его творческой деградации. С 1961 по 1968 год ни один из его синглов не приглянулся любителям кантри-энд-вестерна, а афроамериканцы окончательно вычеркнули его из своих хит-парадов после 1963-го. Элвис прекрасно сознавал, что происходит, и даже намеревался записать пластинку под оркестр Джеймса Брауна, выдающегося представителя музыки соул. Импресарио быстро охладил его пыл, заявив категорический протест под тем предлогом, что сейчас не до братания. Крестовый поход пастора Мартина Лютера Кинга достиг своего пароксизма; прагматичный, как никогда, полковник не собирался лишаться благоволения политиков-южан, с которыми он поддерживал дружбу из оппортунизма.

Отказ от рок-н-ролла причинял Пресли настоящие страдания, и после возвращения из армии его поведение в корне изменилось. Нарастающее разочарование побуждало его вести экстравагантную жизнь, которая так и осталась связана с его именем. Парадоксальным образом Элвис, порицаемый большей

частью общества в начале своей карьеры, когда в личной жизни он вел себя вполне примерно, пустился во все тяжкие в тот самый день, когда его менеджер решил подретушировать его имидж.

С 1960 года Элвис жил то в Мемфисе, то в Беверли-Хиллз, где зачастую проводил больше половины года в нескончаемых съемках. Промучившись какое-то время в чопорной атмосфере отеля «Беверли Уилшир», где безраздельно царил полковник Паркер, он укрылся в квартале Бель-Эр, в китчевом имении иранского шаха, а с 1961 года поселился на Белладжио-роуд — улице, где жил Альфред Хичкок. Там он обретался в относительном удалении от толчеи фанатов. «Голливуд — красивый город. Мне там очень нравится, особенно после того, как я переехал на виллу средиземноморского типа в Бель-Эре, спокойном квартале. Великолепная вилла с колоннами и статуями. Но мой настоящий дом — это все-таки Грейсленд», — рассказывал он.

Однако в Мемфисе его охватывала патологическая боязнь одиночества, и он постоянно расширял свое поместье, чтобы принимать там регулярно видоизменяющуюся клику, главной задачей которой было составлять ему компанию. Зимой и летом Элвис носил цветы на могилу Глэдис; его скорбь еще более обострялась по мере того, как между ним и отцом разверзалась пропасть. Вернон с Элвисом никогда не поддерживали той тесной связи, какая существовала между матерью и сыном, хотя и сблизились после смерти миссис Пресли. Чувство отчуждения, возникшее во время европейского изгнания Элвиса, еще усугубило положение, к тому же в жизнь Вернона ворвалась Ди Стэнли.

Элвис всегда не доверял этой женщине, которая сначала заинтересовалась им самим, а уж потом обратила внимание на его отца. Ди была замужем и имела троих детей, когда впервые пересеклась с семейством Пресли; она тотчас же затеяла развод и вышла замуж за Вернона 3 июля 1960 года, ровно через четыре месяца после возвращения Элвиса в Америку. Тот нарочно не присутствовал на церемонии, что не могло не возбудить любопытства прессы. «Моя мачеха симпатичная женщина, но мать у меня была одна и другой не будет. Пока она это понимает, между нами проблем не возникнет», — заявил он сквозь зубы журналисту из «Мемфис Пресс-Сцимитар», уделив чуть больше слов отношениям с отцом: «У меня остался только он, и я не собираюсь противиться его воле. Он всегда меня поддерживал, и я знаю, на какие жертвы он шел, чтобы я мог прилично одеваться, есть досыта и ходить в школу».

Из чувства признательности, а больше потому, что ему с

детства привили уважение к старшим, Элвис согласился закрыть глаза на повторный брак, который казался ему изменой памяти матери. Несмотря на внешнюю покорность, он отселил Вернона с новой женой и ее тремя детьми в бывший гараж Грейсленда, переделанный под жилье. Одновременно он попросил отца оформить у нотариуса официальный отказ от прав на собственность, пока Вернон и Ди не переедут в дом побольше, рядом с Грейслендом, поскольку стало ясно, что отношения Элвиса с мачехой не улучшатся.

С Верноном, взявшим на себя обязанности управляющего, Элвис поддерживал деловые отношения. Мистер Пресли вел дела сына без всякого лукавства и с бережливостью, унаследованной от годов нищеты, хотя ему и не всегда удавалось удерживать ситуацию под контролем. В противоположность предыдущему поколению, вынужденному приспосабливаться к лишениям во время Великой депрессии, Элвис довел до предела логику потребления, характерную для послевоенной Америки. Отцу, укорявшему его за непомерные расходы, он неизменно отвечал: «Это всего лишь деньги, папа. Я могу их заработать, сколько захочу».

Экстравагантность жизни Элвиса была связана не столько с домашней прислугой Грейсленда — несколькими горничными и кухаркой, кстати, негритянкой, — сколько с ростом в геометрической профессии армии наемников, вращавшихся вокруг него. Их переменчивый состав колебался от полудюжины до дюжины, в зависимости от настроения хозяина дома, его знакомств, влюбленностей, а также способности его сеидов смириться со своей не всегда завидной судьбой.

«Мемфисская мафия», как ее окрестила бульварная пресса, зародилась во время первых гастролей «Блу Мун Бойз», когда Глэдис Пресли умоляла Скотти Мура и Билла Блэка позаботиться о ее мальчике и оберегать его. По мере ухищрений Тома Паркера ослабить влияние Скотти и Билла им на смену пришли другие, начиная с родственников Элвиса, окутавших его клановым облаком. Помимо дядей Вестера, Трэвиса и Джонни, для которых в Грейсленде нашлись разные мелкие должности, там были Джин и Билли Смит, сыновья двух братьев Глэдис, которые из кожи вон лезли, чтобы походить на своего знаменитого кузена, копировали его внешность и небрежные манеры, несмотря на свои широкие зады и умственные способности, соответствующие стереотипу «белого отребья». После родственников другой ближний круг составляли одноклассники — на взгляд Элвиса, нерасторжимо привязанного к детству, иначе и быть не могло. Сдержанный и нелюдимый, в школе он оказался на отшибе и тем более был

благодарен людям, поддержавшим его в тот период, — Рыжему Уэсту, Джорджу Клейну и Марти Лаккеру, которые вошли в его ближайшее окружение, как только пришел успех.

Другие заинтересовались Элвисом только после того, как он прославился. К ним относились Алан Фортас, Ричард Дэвис, Ламар Файк и Клифф Гливз, которые почти не расставались с ним с 1956 года. Ламар даже хотел вступить в армию, когда забрали Элвиса, и жил вместе с ним в Бад-Наухайме, куда к ним приехал и Гливз. Во время службы в армии этот круг расширился: Элвис завязал дружбу с Чарли Ходжем и Джо Эспозито, а в шестидесятые годы к ним примкнули Санни Уэст (кузен Рыжего), Ларри Геллер и Джерри Шиллинг — единственный интеллектуал из всей компании, он учился в Мемфисе в университете.

За исключением Алана Фортаса, племянника адвоката, вращавшегося в южных политических кругах, а впоследствии назначенного президентом Джонсоном в Верховный суд, все верные друзья «Э» (такое имя использовали в ближнем кругу) происходили из небогатых, даже бедных семей и окружали его коконом, внутри которого ему было хорошо. Они более или менее четко распределили между собой обязанности. Фортас покупал машины, ухаживал за автопарком и планировал поездки в Голливуд с помощью Санни Уэста. Чарли Ходж, долгое время выступавший в группе хиллбилли «Фогги Ривер Бойз», иногда аккомпанировал Элвису на гитаре. На Билли Смита взвалили нелегкую заботу о внушительном гардеробе певца, ему иногда помогал двоюродный брат Джин. Марти Лаккер официально исполнял обязанности личного секретаря Элвиса, Ричард Дэвис играл роль камердинера, Ларри Геллер был одновременно его парикмахером и духовным наставником, спортсмен Джерри Шиллинг — ценным партнером, Джо Эспозито — наперсником и сводником, посредничавшим в знакомстве с поклонницами.

Наконец, Ламар Файк, вернейший из вернейших, играл роль шута, мальчика для битья и телохранителя, необходимую для сохранения величия Короля, судя по рассказам Дона Никса — музыканта, которого порой приглашали присоединиться к этой компании в Грейсленде вместе с гитаристом Чарли Фриманом. «Элвис объявил нам, что сегодня вечером вечеринки не будет. Он устал и хочет отдохнуть перед матчем в американский футбол, намеченным на завтра. Когда мы уходили, Элвис крикнул: „Вы завтра придете играть?“ Чарли Фриман, державший в руках гитару, решил не упустить своего шанса. „Давай сыграем сегодня!“ — прокричал он. Один из дружков Э ответил ему, указав глазами на гитару: „Он не про гитару говорит, а про футбол“. Чарли ушам своим не поверил: „Да плевал я на футбол!

Я пришел на джем-сейшн!“ На мгновение мир словно остановился, и вдруг два или три дружка Элвиса разом схватили Чарли за шкирку и вышвырнули его за дверь вместе с гитарой. Теперь Чарли понял, что с Королем так разговаривать нельзя».

Полковник разрывался между желанием удерживать Элвиса как можно дальше от реальной жизни и недоверием к этому сонму паразитов, над которыми не имел никакой власти, хотя Марти Лаккер и держал его в курсе всех больших и мелких поступков артиста. Другим заклятым врагом «мафии» был Вернон Пресли, забравший в свои руки значительную власть с тех пор, как начал распоряжаться финансами сына. Он не упускал случая обидеть их, выставить из дома под малейшим предлогом и старался свести к минимуму их еженедельное вознаграждение.

Однако все с готовностью сносили унижения, хотя причины были у каждого свои, и цеплялись за выгоды, какие выпадают на долю каждого уважающего себя придворного: слава и гламур, бывшие повседневностью такой звезды, как Пресли, девочки, которые часто проходили через их постель, прежде чем (возможно) побывать в постели певца, перстни с бриллиантами, золотые браслеты и «кадиллаки», которыми осыпал их Элвис, а также надежды когда-нибудь подыскать себе местечко в шоу-бизнесе. Рыжий Уэст, наверное, устроился лучше всех, получив роли второго плана в нескольких фильмах своего «шефа», и собирался начать карьеру продюсера и автора-композитора, когда голливудская золотая жила иссякнет.

На всем протяжении этого мрачного десятилетия роль «мафии» сводилась к тому, чтобы удовлетворять запросы Элвиса в любое время дня и ночи, причем предпочтительно ночью. Певец жил в такой изоляции, что старался воссоздать вокруг себя искусственный коперниковский мир, центром которого являлся он сам, а планетами — горстка знакомых. Как Глэдис с сыном общались между собой на собственном жаргоне, так и у Короля с его двором были собственный лексикон и особые обороты речи, непонятные для тех, кто не входил в образованную ими систему.

Незрелость их поведения наглядно проявилась после выступления Элвиса в телепередаче Фрэнка Синатры. Понаблюдав вблизи настоящих мафиози из окружения знаменитого певца, приспешники Элвиса сразу напустили на себя вид «крутых», облачившись в темные костюмы, нацепив черные очки и с деланой небрежностью нося пистолеты под мышкой.

Малейшие перепады настроения Короля-солнце сразу сказывались на его окружении, которое смеялось его шуткам, одевалось согласно его вкусам, жило в ритме его причуд и

поглощения амфетаминов, безропотно сносило грубые окрики. В одной скандальной статье, напечатанной в 1968 году в журнале «Эсквайр», журналист Стэнли Бут описал странную атмосферу мнимой непринужденности и почтительности, постоянно царящую в Грейсленде: «Все присутствующие обернулись к двери. Вот неожиданность: Элвис! В руках у него огромная модель самолета. Через несколько секунд все уже в курсе и толпятся на лужайке, где Пресли пытается запустить свою машину. Все взоры обращены на него. Он безуспешно пытается завести крошечный мотор, который чуть-чуть погудел и, закашлявшись, остановился. Волна досады прокатилась по толпе. Элвис разогнулся и достал из кармана рубашки небольшую сигару. Снял целлофановую обертку, сунул сигару в рот — и тотчас его окружила стена зажигалок. <…> Он указал подбородком на одного из своих свитских, тот подошел и зажег сигару Короля, после чего вернулся в безвестность: его минута славы миновала».

Телевизор был необходимым орудием в ежедневной борьбе со скукой, которая еще в большей мере, чем Пресли, царила в Грейсленде. Парки аттракционов, кинозалы и роллердромы, снимаемые по ночам, чтобы укрыться от фанатов, — все эти развлечения неизменно приедались. Члены клана напропалую соревновались между собой в изобретении новых видов развлечений: придумать нечто неслыханное считалось подвигом. Кто устраивал гонки на машинах для гольфа в парке Грейсленда, кто заказывал роскошный фейерверк, кто придумывал стрелять по лампочкам из фотовспышек, плавающим по поверхности бассейна, которые взрывались, выбрасывая молнии, а кто затевал в саду родео на тракторе или договаривался со сторожем мемфисского морга о ночной экскурсии.

В Голливуде развлечения были не более интеллектуальными. В доме в Бель-Эре, в помещении, где переодевались девушки, приглашенные поплавать в бассейне, установили зеркало без амальгамы, и компания Элвиса часами подглядывала за ними, толкая друг друга локтями и давясь от смеха. Элвис завел себе шимпанзе по кличке Скаттер, которого научили задирать гостьям юбки, а потом мастурбировать перед ними.

При таком уровне праздности только эксцессы и могли как-то скрасить совершенно пустое существование. Элвис ничего не делал вполсилы, шла ли речь о том, чтобы заказать огромный морозильник и набить его мороженым, которое он поглощал в огромных количествах, установить в гостиной машину для попкорна или автомат с пепси-колой (его любимый напиток, который он каждый день пил целыми литрами), вделать в потолок спальни экран, чтобы смотреть телевизор лежа, накупить

мотоциклов для всей компании («триумфы» для «мафии» и «Харлей-Дэвидсон» для ее главаря) и устраивать потом на них гонки вокруг бассейна или часами разъезжать по улицам Мемфиса. «Я был очень дружен с Элвисом целых двадцать лет, — рассказывает патриарх музыки соул Джеймс Браун. — Он рассказывал мне, как ночи напролет катался по Мемфису на мотоцикле, когда люди спали. Для него это был единственный способ посетить места своего детства».

Пресса, которой было не о чем писать, с тех пор как успех увяз в рутине, торопилась доложить о таких эскападах и подробно расписывала малейший каприз звезды. Не имея возможности восхищаться его последними записями, которыми не приходилось гордиться, рассказывали о его ангине, об устройстве бара в его «роллс-ройсе», о его последнем визите к братьям Лански, у которых он регулярно скупал весь товар, или о покупке «кадиллака» с позолоченными бамперами и выкрашенного эмалью с алмазной крошкой, с двумя телефонами и золотым телевизором, автоматической машинкой для чистки обуви и холодильником, выдающим кубики льда за две минуты.

Верность преданных слуг подкреплялась строгим подчинением правилам, изданным хозяином Грейсленда, который, в частности, запретил своим подручным носить джинсы — символ своей былой бедности. Следовать образцу, судить о котором мог он один, было непререкаемым долгом: Элвис требовал от своего окружения ложиться спать в одно время с ним, просыпаться вместе с ним и смотреть его любимые передачи по телевизору. Рекомендовалось также поглощать на завтрак (то есть ближе к вечеру) бекон, пережаренный до состояния подошвы. Зато мало кто вслед за Элвисом пристрастился к сэндвичам с бананами и арахисовым маслом, которые так хорошо готовила Глэдис, и кухарке Мэри Дженкинс постоянно приходилось подстраиваться под противоречивые желания домочадцев.

Сколько Вернон ни возмущался беспардонностью «мафии», Элвис как будто не проявлял особого интереса к тому, что его окружает. Когда не стало Глэдис, помогавшей ему поддерживать душевное равновесие, чувство неудовлетворенности от приходившей в упадок карьеры быстро привело к моральному краху. Никто еще не смел утверждать этого открыто, но Пресли впал в меланхолию, от которой он так и не оправится.

Первые симптомы сплина проявились в нарастающей неустойчивости его характера. Как все избалованные дети, Элвис постоянно вел себя то нагло, то покорно: нагло — со своим окружением, безропотно сносившим все его выходки, покорно —

со всемогущим полковником, который диктовал ему линию поведения и принуждал следовать в искусстве по пути саморазрушения. Сам он прекрасно сознавал свою слабость и неоднократно пытался выпутаться из собственных противоречий. Об этом говорят его невмешательство в дела своего «двора» и привычка «заедать» проблемы, хотя он больше всего на свете боялся растолстеть. Вот почему он не отпускал от себя Ламара Файка: это был самый верный способ преодолеть свои комплексы, и он не упускал случая напомнить Файку, которого называл «мистер Бык» или «Будда», о его тучности.

Элвис не имел никакой склонности к алкоголю, который убил его мать, и остерегался наркотиков, считая их противоречащими принципам пятидесятников, которые ему внушили смолоду. Зато он не видел ничего предосудительного в том, чтобы ежедневно принимать барбитураты, зовя к себе ускользающий сон, а по пробуждении глотать амфетамины, чтобы придать себе физической и умственной энергии, которой ему остро не хватало, как он привык в Германии. «Навязчивый страх бессонницы и приступы тревоги — хроническая болезнь в семействе Пресли — побуждали его принимать каждый вечер по три-четыре таблетки плацидила, секонала, квааалуда или туинала, — рассказывает его будущая жена. — Чтобы стряхнуть с себя сон, ему требовалось не меньше двух-трех часов, и он был так мрачен, что лучше было ни о чем его не спрашивать, даже о том, какой фильм он хотел бы посмотреть сегодня вечером. Он спал обычно по четырнадцать часов в сутки, и ему казалось нормальным просыпаться, наглотавшись декседрина». Если добавить к этому антидепрессанты и таблетки для похудения, которые он поглощал в больших количествах каждый раз, когда стрелка весов указывала на лишние килограммы, получается адская смесь, на которую он медленно подсаживался, надеясь, что его проблемы исчезнут.

Под воздействием всей этой аптеки и разочарования в профессиональной деятельности, подрывающего его моральные силы, его природная нервозность быстро уступила место приступам неконтролируемого бешенства. Все труднее становилось пресекать слухи в прессе о телевизорах, расстрелянных из пистолета «Магнум-357», когда показывали артистов, которых он на дух не переносил, в частности Мела Торма и Роберта Гулета, о начинающей актрисе, которую он оттаскал за волосы, потому что она сделала ему замечание по поводу его зажженной сигары, о бильярдном столе, сокрушенном в приступе ярости, о старой постройке позади Грейсленда, которую он без всякой причины снес бульдозером, или о решетке

ограды, которую он сознательно несколько раз протаранил своим лимузином. Карате и игра в американский футбол в парке, отличавшаяся редкой грубостью, в какой-то мере позволяли ему дать выход этой слепой ярости.

Хотя в прошлом Элвису случалось драться, в частности с мужьями, ревновавшими к восторгу, с каким их жены относились к нему, насилие никогда не было частью его жизненной философии. В начале весны 1957 года он послал телеграмму с извинениями молодому военному, с которым у него произошла стычка: «Кто я такой, чтобы говорить, что мне не нравится тот или другой? Все мы равны перед Богом, и я ни к кому не питаю зла. <…> Мне часто удавалось избегать неприятностей, решая дело словами, и не потому, что я трус, а потому, что считаю насилие самым крайним средством».

Депрессия, в которую он погружался, обострила латентные импульсы, унаследованные от матери, которая была способна грозить его отцу сковородкой, когда напьется. Природные нервозность и сверхчувствительность Элвиса проявлялись в припадках, за которые он неизменно извинялся перед теми, кого мог обидеть, но его неуравновешенность все усиливалась. Жил он в основном ночью, в противоположность всем остальным, так что даже не видел дневного света. В перерывах между съемками Грейсленд дарил ему иллюзорную безопасность закрытого мирка, который он тщательно старался оградить от остального мира, покрывая окна фольгой и светонепроницаемой краской.

Любой предлог был хорош, чтобы нарушить монотонность существования. От нечего делать Элвис даже на короткое время отринул врожденное отвращение к наркотикам и согласился попробовать ЛСД, бывший в середине шестидесятых на пике моды. Опыт был проделан в обществе нескольких приспешников под надзором Санни Уэста, готового вмешаться в случае необходимости, но действие психоделика только обострило тоску Пресли, который стал искать выход в другом и впал в мистицизм.

Резкий контраст между самым обычным детством и невероятным успехом уже давно его озадачивал. Непостижимость этого явления, выходившего за рамки его понимания, подстегивала духовный поиск, в который он углубился с середины шестидесятых. Он постоянно тревожился, что колесо фортуны может снова резко повернуться, и с каждым проходящим годом все больше боялся постареть. В начале 1964 года он категорически отказался праздновать свой 29-й день рождения в надежде забыть о том, что через год ему стукнет тридцать. Именно накануне этого рокового рубежа он и пошел по пути

самосозерцания.

Катализатором этого процесса стал Ларри Геллер. Парикмахер по профессии, он познакомился с Элвисом в его доме в Беверли-Хиллз в конце апреля 1964-го, вскоре после завершения съемок «Рабочего по найму», — в тот день постоянный «цирюльник» Короля был чем-то занят. Геллер, весьма сведущий в эзотерике всякого рода, пустился в пространные рассуждения о тайнах Вселенной и о вкладе в их изучение различных религий. «Все, что ты рассказываешь, согласуется с вопросами, которые я постоянно себе задаю, — ответил ему Элвис. — Я всегда спрашивал себя, в чем смысл моей жизни <…> почему я был избран, чтобы стать Элвисом Пресли». Тема была широкой, Геллер получил постоянную прописку в Грейсленде и поселился там на все лето вместе с женой.

Геллер посоветовал Элвису прочесть множество книг, в частности «Безличную жизнь» — туманный трактат, написанный под воздействием божественного откровения иллюминатом начала XX века по имени Томас Беннер. «Читатель, я обращаюсь к тебе. К тебе, ищущему сквозь пространство и время, книги, учения, философию и религию Истину, Счастье, Свободу и Бога. <…> Всем вам, алчущим Хлеба Жизни, явился Я. Готовы ли вы последовать за мной? <…> Кто я? Я ЕСТЬ ты, та часть тебя, которая ЕСТЬ и которая ЗНАЕТ». Демагогическая и многословная философия Беннера сразу нашла отклик в душе Элвиса, ранимого, нервного и с самого рождения подверженного сильному влиянию велеречивого мистицизма южных евангелистов.

Под руководством Геллера он погрузился в изучение множества метафизических трудов, которые были слишком сложны для его понимания, однако хотя бы временно умерили его хроническое чувство неудовлетворенности. Впервые за долгое время чтение и разговоры с Геллером давали ему ощущение того, что он держит в руках свою судьбу, прежде от него ускользавшую. Неловкие изыскания в нумерологии и космологии давали ему готовые ответы о его двойственной связи с умершим братом-близнецом, призрак которого преследовал его с самого детства.

Геллер говорил ему о благости братского мира, избавившегося от антагонизмов между расами и верованиями. В экуменическом порыве Элвис заказал для всех членов своей компании часы с двойным циферблатом, на которых помещались рядом еврейская звезда и христианский крест. Он даже велел выгравировать «звезду Давида» на надгробии своей матери, чем шокировал Вернона — все близкие знакомые знали о его тайном антисемитизме. Как и многие звезды, сбившиеся с пути, Элвис на

краткий миг нашел опору в сверхъестественном, парапсихологии и прочих оккультных науках, дававших объяснение непостижимому.

Как истинный гуру, Геллер играл на двусмысленностях между сексом и духовностью, что выбивало его ученика из колеи, вызывая чувство вины по поводу своей бурной чувственной жизни. По словам духовного наставника, именно такой ценой Элвис наконец найдет свой путь — так и случилось однажды по дороге в Голливуд накануне новых съемок. В один прекрасный день 1965 года Пресли и компания катили по Аризонской пустыне, и вдруг певцу явилось в небе как минимум удивительное видение. «Боже мой, — воскликнул Элвис, — это Иосиф Сталин, коммунистический антихрист!» Через несколько минут лицо диктатора исчезло и сменилось ликом Иисуса Христа. Элвис бросился к Ларри Геллеру, который заключил его в объятия: «Я видел Христа и антихриста. Теперь я знаю, что я не один. Мои молитвы были услышаны! Господь жив, он живет во мне». Спутники Элвиса, сидевшие на заднем сиденье автомобиля, растерянно разглядывали облака.

У них не задались отношения с Геллером, в котором они видели паразита и обманщика. В кои-то веки «мафия» и полковник пришли к согласию, испытывая одинаковую враждебность к человеку, которого они прозвали Распутиным. Тот же по-прежнему играл роль ближнего советника Элвиса. Том Паркер три года томился, дожидаясь удобного момента, чтобы перейти в наступление.

В первое время этот чемпион по унижениям не упускал случая высмеять страсть Элвиса к атрибутам восточной эзотерики. Осенью 1966-го, когда наметился фильм «Легко пришло, легко ушло», он заказал Фредди Бинстоку песню под названием «Yoga Is As Yoga Does», открыто насмехавшуюся над этой аскетической техникой. Полковник просто ликовал, слыша, как Элвис поет «Разве можно принимать йогу всерьез, если у меня от нее спазмы в заднице», а тот бросал убийственные взгляды на менеджера, не смея бунтовать.

Ларри Геллер был еще терпеливее. Поняв это, Паркер перешел к еще более отвратительным методам. Геллер сильно удивился, получив однажды от полковника приглашение провести выходные в семейном кругу в Палм-Спрингс. Причина этой внезапной любезности стала ему ясна, когда по возвращении в Лос-Анджелес он увидел, что в его доме царит разгром, а мебель покрыта экскрементами. Вместо того чтобы отвратить его от Элвиса, это происшествие лишь укрепило их дружбу, и полковник временно остался в дураках.

Случай избавиться от духовного наставника Пресли наконец представился Тому Паркеру весной 1967 года на съемках «Пикника у моря». Впав в депрессию, Элвис стал подвержен булимии, и его вес перевалил за сто килограммов — можно себе представить, какие последствия это имело для его психического равновесия. Он поглощал медикаменты в пугающих количествах, из-за чего постоянно был словно во сне, и однажды очень неудачно упал, поскользнувшись в ванной. Прекрасный предлог, чтобы обвинить во всем переутомление и запретить ему читать метафизические труды, которыми его заваливал Геллер. Того быстро вытеснили на обочину и в конце концов вывели из окружения Короля, к удовлетворению всей честной компании.

Изгнание Геллера не положило конец мистическим исследованиям Элвиса, который до самой смерти был верен учению Шри Дайя Мата («Матери сострадания»), руководившей «Братством самоосознания». Бывая в Калифорнии, Элвис регулярно посещал Храм медитации этого общества.

И все же самым влиятельным гуру из окружения Элвиса оставался полковник Паркер, которому удавалось сохранять свою власть над ним несмотря ни на что. Зная, до какой степени Элвис восприимчив ко всему, что прямо или косвенно касается его матери, Паркер окрестил свой катер «Глэдис» и заслужил этой уловкой признательность безутешного сына. «Это меня очень растрогало, он не мог сделать мне более прекрасного подарка», — сообщил Элвис прессе. Действуя в том же духе, полковник придумал устроить «День Глэдис Пресли» на праздник матерей 1966 года при поддержке около дюжины радиостанций в Мемфисе и кое-каких других по всей стране.

Прирожденный манипулятор, Паркер нашел в этом способ гнусно отомстить Глэдис — единственному человеку, пытавшемуся при жизни умерить его влияние на Элвиса. О Верноне этого сказать было нельзя: во многом благодаря отцу сын каждый раз шел на попятный, если ему приходило в голову перечить полковнику.

Разделение обязанностей между артистом и импресарио было простым: пока первый не вмешивается в дела второго, он волен распоряжаться своими записями. Но это соглашение, наметившееся в начале их сотрудничества, когда Элвис в основном выступал на сцене и работал в студии, утратило весь свой смысл, как только певец стал актером, предоставив полковнику в одиночку выбирать фильмы, а следовательно, и песни.

Взамен утраченной творческой свободы Паркер обеспечивал

Элвису доходы, которых хватило бы с лихвой, чтобы провести остаток дней в золотой клетке. Пропасть непонимания, обозначившаяся между Паркером и Пресли, возникла именно из этого недоразумения: в то время как менеджер думал только о деньгах, артист прежде всего стремился осуществить музыкальную мечту, которая и привела его туда, где он теперь находился. В этом идеализме было что-то отчаянное, поскольку полковник, полный решимости утвердить свою точку зрения, втолкнул певца в своего рода порочный круг. Мучаясь от безделья и неудовлетворенности, Элвис вел экстравагантную жизнь, и Паркер остерегался умерять его природное мотовство. Параллельно он предоставлял Вернону худо-бедно управлять состоянием сына, зная, что у Элвиса, страдающего от депрессии, не будет другого выхода, кроме как согласиться на предлагаемый ему плохой сценарий.

Такая ситуация предоставляла полковнику полную свободу действий для осуществления темных и прибыльных дел, к которым он питал пристрастие. Выиграв очередную схватку с Ар-си-эй, в 1965 году он добился, чтобы каждую новую «сорокапятку» Элвиса отпечатывали в миллионе экземпляров — мера самосохранения, принудившая маркетологов фирмы грамзаписи превзойти самих себя в искусстве обеспечивать продажи в тот момент, когда они шли на спад, сократившись за пять лет на 40 процентов. Точно так же контракт со студией «Ал-лайд Артистс» на съемки фильма «Пощекочи меня» предоставил Паркеру возможность использовать для саундтрека уже сделанные записи при условии, что их еще не выпускали на «сорокапятках»: таким образом, удалось сократить расходы на производство (а следовательно, увеличить прибыли, из которых они с Элвисом получали 50 процентов) и при этом привлечь внимание фанатов к третьесортным песенкам.

Полковник проследил за тем, чтобы включить в контракт особый пункт, согласно которому одежду и аксессуары, в которых артист появляется на экране, должна предоставить студия, иначе она будет обязана доплатить к гонорару 10 тысяч долларов. Однажды Элвис забыл снять часы на съемках одной сцены, и полковник тотчас указал на это продюсеру, потребовав со смехом выплаты оговоренного бонуса. Дубль пришлось переснимать.

Подобные инциденты усугубляли тоскливое настроение Пресли, уязвленного тем, что его считают предметом купли-продажи, тогда как он еще не расстался с мечтой сделать в кино карьеру, соответствующую его ожиданиям. Последние иллюзии рассеялись в тот день, когда он прочитал в газете, что доходы от его последней халтуры позволили Хэлу Уоллису снять фильм

«Беккет» с Ричардом Бартоном и Питером О'Тулом. «Чтобы снимать высокохудожественные фильмы, — объяснял Уоллис, — мне необходимо выпустить несколько кассовых картин с Пресли». Пилюля не была бы так горька, если бы полковник хоть изредка позволял Элвису сниматься в достойных лентах, но такого не происходило. Убежденный в том, что качество — опасная роскошь, годная лишь тешить эго нескольких десятков прокисших интеллектуалов по всей планете, Том Паркер от имени своего артиста отказался от главной роли в фильме «Сладкоголосая птица юности» по пьесе Теннесси Уильямса, благодаря которой Пол Ньюмен сделает себе имя в кино.

Пресли всегда старался соблюдать договор со своим менеджером, даже когда тот ставил его в неловкое положение, появляясь перед журналистами в образе Санта-Клауса или Панчо Вилья[13]. Элвис терпел вульгарные шутки Паркера, его раскатистый смех и громкий голос, авторитарные замашки, оскорбительную манеру обращения с людьми, которых он презирал, и даже Клуб снеговиков, верховным правителем которого он себя провозгласил и силой набирал туда людей, боявшихся его прогневить.

Том Паркер даже позволит себе вмешиваться в микширование записей Элвиса — область, теоретически находившуюся исключительно в ведении певца. Сколько Пресли ни возмущался, Паркер навязал свое мнение Ар-си-эй, и последнее слово осталось за ним. «Старик взялся за мои пластинки, — жаловался Элвис Рыжему Уэсту. — Фанатам не хочется слышать только мой голос, на этом и построен мой стиль. Люди напрягали слух именно потому, что им было не разобрать слова. <…> Лучше бы старик занимался своими контрактами и оставил в покое меня и мою музыку».

Элвис был глубоко уязвлен, но и теперь не посмел выступить против менеджера, которого побаивался. Однако он совершенно не сомневался в том, что полковник утратил всякое представление о музыкальной реальности своего времени — если вообще когда-нибудь имел его. Мир поп-музыки середины шестидесятых имел мало общего с тем, что происходило всего несколько лет тому назад. Вслед за бездарными «кумирами тинейджеров» исчезало царство податливых исполнителей, вылепленных музыкальными издателями и продюсерами студий грамзаписи, освобождая место для поколения гораздо более независимых артистов, имевших свой оригинальный образ, звучание и репертуар.

Том Паркер открыто показывал, что его не интересует творческий почерк новой волны, неуклонно придерживаясь

устаревшей системы, которую он построил на авторах-композиторах, игравших роль музыкальных «негров». Но и здесь давал себя знать износ: с уходом Джерри Лейбера, Майка Столлера, Морта Шумана и Дока Помуса «Хилл энд Рейндж» лишилась своих лучших «перьев».

Начиная с 1966 года снижение популярности Пресли не могло укрыться уже ни от кого. На фоне авторов-исполнителей Саймона и Гарфункеля, Боба Дилана, Донована или «Бёрдс» Элвис выглядел каким-то динозавром; если бы не аура великого жреца рок-н-ролла, по-прежнему связанная с его именем и приносившая ему уважение со стороны молодого поколения, его имя, вероятно, окончательно стало бы историей. Из-за посредственности песен, которыми его снабжали, перед ним окончательно закрылись двери американской «горячей двадцатки», и только благодаря агрессивной коммерческой политике Ар-си-эй «Tell Me Why» («Скажи мне почему») и «Фрэнки и Джонни» еще смогли перевалить через порог в полмиллиона распроданных экземпляров. Замкнувшись в своих проблемах, Пресли полностью утратил связь с реальностью и едва ли был в курсе, что самые пламенные его почитатели — «Битлз» — вот-вот лишат его трона.

Во время своих первых гастролей в США в 1964 году «Ливерпульская четверка» символически обратилась за помощью к «Билл Блэк Комбо» — группе, основанной бывшим контрабасистом Элвиса; вернувшись в США год спустя, Битлы настояли на том, чтобы познакомиться с Королем, и Элвис без особого воодушевления принял их в своей резиденции в Лос-Анджелесе и лишь чуть-чуть просветлел, когда Джон Леннон воскликнул: «Прежде вас не было ничего!» Члены «мафии», присутствовавшие при встрече, прекрасно почувствовали равнодушие Пресли и обращались к Джону, Джорджу, Полу и Ринго одинаково: «Битл» — «Эй, Битл, иди-ка сюда!» — с развязностью на грани оскорбления.

Напрасно Том Паркер пытался устроить встречу с четырьмя англичанами в студии: Битлы были «за», но из-за отсутствия интереса у Элвиса от этой затеи пришлось отказаться. Его главной страстью оставалась афроамериканская музыка, о чем свидетельствуют очень теплые встречи, произошедшие в тот же период с Джеймсом Брауном и Джеки Уилсоном — двумя корифеями музыки соул. И хотя английский рок заслужил его благосклонность благодаря «Роллинг стоунз», разделявшим его любовь к блюзу, самым любимым британским артистом оставался певец из Уэльса Том Джонс: Элвис знал его песни наизусть.

С Джонсом Пресли познакомился случайно, на съемках в

Голливуде, где он по-прежнему безвозвратно губил свою душу, выставляя себя на посмешище на экране на фоне нарастающего равнодушия фанатов. Последней каплей стали «Каникулы в гареме» в 1965 году — Элвис уже представлял себя новым Рудольфом Валентино[14], однако этот проект стал самым катастрофичным в его карьере. Даже полковник был ошеломлен бездарностью этого фильма: он посоветовал режиссеру сделать рассказчиком верблюда в надежде, что публика поведется на это и придет посмотреть на в высшей степени жалкое произведение.

Элвис был чрезвычайно удручен неожиданным фиаско, и это сказалось на его отношениях с импресарио: к концу года они окончательно рассорились. Несколько месяцев Элвис дулся, как ребенок, отказываясь общаться с полковником, который притворился, что сильно переживает, и распустил слухи о новом сердечном приступе, который его якобы сразил. Пресли на это не клюнул, но ему было не сравниться в упорстве с Паркером, и с весны 1966 года их отношения возобновились как ни в чем не бывало.

Элвису еще предстояло пережить самое худшее в этот особенно тяжелый для него год. Незадолго до Рождества полковник сообщил ему о своем намерении значительно изменить связывавший их договор. Вместо того чтобы оставаться певцом и импресарио, он предлагал стать компаньонами. По новому договору Паркер по-прежнему будет удерживать в свою пользу четверть из гонораров и авансов, выданных Элвису как певцу и актеру, но теперь еще и будет забирать половину от его авторских выплат и прибыли от фильмов. Обычно даже самые алчные менеджеры не запрашивали больше 15–20 процентов от доходов своих артистов, так что это был чистой воды грабеж. Не посвятив в подробности свое окружение, Элвис воспротивился таким переменам.

Верный себе, Том Паркер не оставил ему выбора и стал напирать на свою безграничную преданность его карьере и благосостоянию. Он пригрозил своим уходом, прекрасно зная, что Вернон, постоянно боявшийся вновь впасть в нищету и безвестность, надавит на сына. Покорность Элвиса, легкость, с какой он позволил себя убедить, что его успех в большей степени зависит от ловкости его импресарио, чем от его собственного таланта, многое говорят о его психической неуравновешенности, и Паркер в очередной раз вышел победителем.

Полковником двигала не только его навязчивая потребность помыкать другими людьми. В середине шестидесятых страсть к игре увлекла его на весьма опасный путь: каждый год он проигрывал около миллиона долларов в казино Лас-Вегаса и

других городов. Комиссионных с доходов Элвиса едва хватало на удовлетворение его нужд, особенно в период упадка. Пересмотр условий контракта был лишь необходимым этапом на пути финансового выкупа.

Конечно, переговоры сопровождались зубовным скрежетом, но завершились уж совершенно неожиданно. Паркер предпринял отвлекающий маневр, предложив Элвису еще более ошеломительный проект. В переломный момент его карьеры полковник счел необходимым перехватить инициативу, совершив ход конем в игре против фанатов и прессы: 1967 год станет годом свадьбы Элвиса Пресли.

Глава девятая. ФАНАТКИ, ДЕВОЧКИ, ЖЕНА, ДОЧЬ

«Отношение американцев к любви продиктовано истинным поклонением Женщине, особенно крепко укоренившимся на Юге. Предметом самой благоговейной любви в Америке служит мать… Вторая важная традиция заложена пуританами. Пуритане питали болезненное отвращение к физической любви. Католическая церковь примкнула к пуританам, чтобы поддержать суровость нравов. Под их воздействием возникли подавленные желания, комплексы и даже неврозы. В конечном итоге это давление вызвало бурную обратную реакцию. Таким образом, в последние тридцать лет поднялась волна чувственности».

Этот аналитический этюд Андре Моруа из справочника «Умение жить в международном масштабе» за 1950 год проливает свет на двойственные отношения Элвиса с женщинами. В своем поведении он четко следовал доктрине южан, сводившей женщину к двум крайностям: с одной стороны — бесполая Мадонна, закутанная с головы до ног; с другой — легкомысленная и чувственная Блудница.

Олицетворяя собой честь и добродетель, хранительница семейного очага и гарант благочестия своих близких, Мадонна самореализуется в роли супруги и матери, приобретая статус, который превращает ее в объект «женопоклонства» (термин, введенный журналистом У. Дж. Кэшем в своем исследовании нравов Юга, опубликованном в 1941 году). «Достаточно произнести ее имя, чтобы самые очерствевшие мужчины принимались плакать. В редкой проповеди позабудут воздать ей почести, в редкой речи не пропоют ей славу под звон монет и шпаг. <…> Женщина!!! Ты центр, окружность, диаметр, касательная и секущая всех наших чувств!» — иронизировал Кэш.

Этой легендарной Матери, порожденной викторианской сентиментальностью и протестантским морализмом, противостояла роковая женщина, воспетая Бетт Дэвис в «Иезавели» — другом монументальном творении Голливуда довоенного периода во славу Юга после «Унесенных ветром». Это было сублимированное представление, ибо в повседневной жизни бывшей Конфедерации роль Блудницы выпадала на долю не только горожанке, избавившейся от оков морали по мере своего социального возвышения, но и негритянкам и женщинам из «белой бедноты».

Даже в послевоенную эпоху раскрепощения нравов южные

штаты сохранили более традиционное представление о взаимоотношении полов, чем северные. Социолог Уинстон Эрманн, автор редкого исследования о сексуальном поведении молодежи Юга, проведенного в 1959 году, показывает, что только 13 процентов опрошенных им девушек вступали в половую связь до брака. Пять лет спустя аналогичное исследование доказало, что девственность по-прежнему остается главной ценностью на взгляд 84 процентов опрошенных студентов в Виргинии, тогда как в Нью-Йорке тот же ответ дали только 28 процентов.

Воспитанный в скромном семейном кругу матерью, полной решимости порвать со своими бедняцкими корнями, Элвис с детства привык уважать ценности, ставившие мать на вершину семейной пирамиды. Его природная сдержанность, усиливаемая комплексами прыщавого подростка, ограничивала общение с ровесницами, хотя они ценили его деликатность и ранимость, как, например, Реджис Вогэн, с которой он ходил на выпускной бал, когда ему исполнилось восемнадцать. В костюме, взятом напрокат, который плохо на нем сидел, не умеющий танцевать, Элвис в тот вечер был полной противоположностью донжуана.

Однако, если верить его признаниям, которые он впоследствии сделал родственникам, именно в это время он лишился невинности, в соответствии со схемой неравенства, избавлявшей мужчин от правила «чистоты» (Элвису было очень дорого это слово), навязываемого женщине. Это правило подтвердилось, когда у него начался продолжительный роман с Дикси Локк. Она стала бы идеальной снохой, на взгляд Глэдис, которая для начала убедилась, что Дикси происходит из семьи добрых христиан и хороших работников, и лишь тогда начала ей доверять, хотя в то время семья Пресли стояла ступенькой ниже на социальной лестнице по сравнению с семьей Локк.

Весной 1954 года вопрос о браке встал со всей серьезностью. Вдохновляясь родительским примером, Элвис не решался увезти любимую в Миссисипи, где ни один мировой судья не требовал согласия родителей с обеих сторон. Однако то, что было доказательством пристойной независимости во времена Вернона и Глэдис, теперь считалось недостойным приличной семьи, и молодые люди предпочли подождать, пока Дикси закончит школу, а уж потом пожениться и вступить в супружеские отношения.

Запись песни «Всё в порядке» и внезапно свалившийся успех оборвали этот совершенно заурядный роман. Гастроли, увлекающие Элвиса далеко от Мемфиса, отвратили молодых людей друг от друга. Дикси не находилось места рядом с юношей, в котором она уже не узнавала застенчивого подростка,

предмет своей любви, а Элвис отказался от мещанских прожектов, которые подолгу обсуждал со своей подружкой, предпочитая пробиться в высший круг в обществе музыкантов старше себя. Неизбежный разрыв произошел летом 1955 года, и хотя Элвис остался с Дикси в хороших отношениях, о произошедшей в нем перемене можно судить по его недвусмысленным заявлениям прессе на том этапе его карьеры: «Перед тем как начать выступать, я чуть не женился. По правде говоря, моя первая пластинка спасла мне жизнь».

Власть над женской аудиторией стала для Элвиса настоящим откровением. Охваченный дрожью на концерте в Овертон-парке в Мемфисе, вскоре после записи своей первой пластинки, он очень быстро оценил силу магнетизма с сильным сексуальным оттенком, о которой совершенно ничего не знал. То, что поначалу было всего лишь проявлением страха перед сценой, вскоре стало его творческим почерком, и мы знаем, какое воздействие это оказывало на девочек-подростков, завороженных чувственностью его жестов, приподнятой губой и мрачным взглядом.

Преображение в секс-символ радикальным образом изменило его отношения с женским полом. До сих пор пай-мальчик, выросший в семье, одержимой мыслью о том, чтобы пробиться в средний класс, и думать ни о чем таком не смел. И вдруг он в один день освободился от табу, установленных его средой, и был волен удовлетворять желания, подавляемые с момента полового созревания. Он себе в этом не отказывал. Точно так же, как он мог подарить матери дом или купить машину своей мечты, он мог теперь коллекционировать фанаток с непоследовательностью тинейджера, свободного от всяких запретов. Получив известность и деньги, единственный сын в приличной семье «белой бедноты» открыл для себя удобство девушек легкого поведения, хотя был воспитан в почтении к Мадонне.

Чтобы оправдаться в собственных глазах, Элвис ограничивался тем, что само плыло в руки, старательно избегая советоваться со своей совестью. Пронзительные вопли, которыми его приветствовали, когда он выходил на сцену в начале своей карьеры, сменились обожанием девочек, отдававшихся ему с истерическим исступлением, и этот замкнутый мальчик, одержимый страхом перед тем, чтобы спать одному, не испытывал никаких проблем с тем, чтобы найти спутницу на ночь на каждом новом этапе своих гастролей. Как и у моряков, у странствующих музыкантов, говорят, есть девушка в каждом порту, но экзальтированность поклонниц Элвиса переходила все границы. Жена Билла Блэка вспоминает о завершении типичного

концерта: «Прямо как стадо коров. Даже смешно становилось. Когда Элвис с ними попрощался, они порвали его рубашку, а одна девочка попросила его расписаться на ее груди».

Запретный плод был слишком соблазнителен, чтобы можно было удержаться. «В то время я трахал всё, что движется», — признавался он впоследствии своему гуру Ларри Геллеру. Впервые в жизни ему пришлось таиться от матери, которая тревожилась за него, когда он отправлялся в дорогу, и просила звонить каждый вечер, чтобы рассказать, как прошел день. Разве можно сказать ей о том, что он пропускает через себя поклонниц, позабыв все наставления проповедников-пятидесятников, обрекавших развратников на геенну огненную? Глэдис конечно же знала о его оргиях: пресса разносила и раздувала слухи о его победах, но она закрывала на это глаза как понимающая мать, к тому же их отношение друг к другу всегда было пристрастным.

Элвис пользовался этим молчаливым отпущением грехов, не пытаясь скрывать своего удивления перед обожанием, которое он принимал, но не понимал. Шумная реакция женской аудитории во время его первых выходов на сцену его удивляла, а буйство, которое он вызывал своим появлением с весны 1955 года, просто ошеломляло, и он не уставал наблюдать за истерическим поведением девушек, явно готовых на всё, чтобы увидеть его, приблизиться к нему, дотронуться до него. «Когда фанатки бросали мне платок, я сморкался в него и бросал обратно. Я видел, как они прижимали его к сердцу, и мог быть уверен, что они ни за что не станут его стирать. Что это, если не поклонение», — рассказывал он позже.

В пятидесятые годы с той же отстраненностью он проводил опыт за опытом, по мере того как обретал уверенность и учился управлять игрой любви и случая: «Я вглядывался в Марлона Брандо, в беднягу Джимми Дина и, глядя на себя самого, в конце концов понял, почему девушки (во всяком случае, те, что помоложе) так к нам льнут. Им нравится наш мрачный и угрожающий вид. Не спрашивайте меня, почему им это нравится, но я знаю, что если улыбаться, никогда не покажешься им сексуальным. Добряка ни за что не запишут в бунтари».

Совсем молоденькие девушки бросались ему на шею за кулисами, но вечный подросток, завораживаемый зрелостью, испытывал потребность познать и женщин старше себя. Эта наклонность проявилась уже с первых его выступлений в клубе «Бель-Эр», вскоре после выхода пластинки «Всё в порядке», когда он неловко заигрывал с женой одного из музыкантов, бывшего в тот момент на сцене. Впоследствии, когда нагрянул успех, он не

упускал случая попытать счастья с прожженными журналистками, которых забавляли его томные взгляды, но его горизонты расширились после того, как он ворвался в Голливуд.

В эпоху «девушек с обложки», гипертрофированного образчика женственности, которыми американские самцы оклеивали стены своих фантазий, Элвис быстро обнаружил, что в его власти проникнуть в мир, который до сих пор был недостижимой мечтой. Старлетки, встречаемые на съемочных площадках и вечеринках в Беверли-Хиллз, составляли промежуточное звено между этим миром и поклонницами, и он без зазрения совести воспользовался ситуацией, с детской ненасытностью множа легкие победы.

Первые вылазки в Лас-Вегас помогли ему набраться храбрости, отираясь вокруг жен миллионеров, страдающих от недостатка внимания, например Джуди Спреклс, шестой супруги сахарного короля, или танцовщиц с ядовитой внешностью, эталоном которых служила пышнотелая стриптизерша Тем-пест (Шторм), тоже вышедшая из среды «белого отребья». В первый же вечер, который они провели вдвоем в Лас-Вегасе в 1957 году, Элвис жадно набросился на нее. «Я торчу, как козел на перечном поле», — заявил он ей с поэтичностью, которую приберегал для женщин из рода Иезавели.

Простодушие неотесанного молодого певца с Юга, бесспорно, было одним из его явных преимуществ в глазах красоток, привыкших к голливудским повесам. Но не факт, что эта простота не была напускной, на что указывает его роман 1956 года с «белокурой бомбой», как называли в киножурналах Джейн Мансфилд. Роскошная героиня, назначенная на главную роль в фильме «Эта девушка не может иначе» режиссера Фрэнка Тэшлина, в котором с юмором обличались пороки рок-н-ролла, не скрывала своего желания, чтобы Элвис тоже снимался в этом фильме вместе с Фэтсом Домино, Эдди Кокрейном, Литтлом Ричардом и Джином Винсентом. Столкнувшись с непримиримостью полковника Паркера, запросившего 50 тысяч долларов за одну-единственную песню, актриса отправилась в Мемфис и на несколько дней заперлась в отеле вместе с Элвисом — тот поддался на ее аргументы. А ведь Пресли знал, что его согласие ничего не значит, актриса же обнаружила это, лишь вернувшись в Голливуд, когда полковник отказался пойти на уступки. Мансфилд тогда сказала: «У меня было такое чувство, что меня поимели».

Есть некоторые основания полагать, что Элвис утратил невинность, крутя один роман за другим с разными известными актрисами. Когда Дебра Пейджет учтиво отвергла его авансы,

предпочтя внимание миллиардера Говарда Хьюза, Элвис быстро утешился в объятиях белокурой Ивонны Лайм, своей партнерши по фильму «Любить тебя», прибытие которой в Мемфис весной 1957 года воспламенило прессу. Еще более зажигательной была его связь с Натали Вуд, возвышенной в его глазах участием в одном фильме с Джеймсом Дином. Всю осень 1956 года газеты освещали их «роман на мотоцикле»: Элвис и Натали разделяли страсть к ночным прогулкам на «Харлей Дэвидсоне».

Надо полагать, эти вылазки подогревали их взаимный аппетит, судя по воспоминаниям Дьюи Филлипса, которого позабавило, как сильно изменился за несколько месяцев застенчивый исполнитель «Всё в порядке»: «Мы с Сэмом Филлипсом забавлялись, шокируя Элвиса скабрезными рассказами в студии „Сан“. Говорили ему, как приятно лизать киску, а ему становилось так противно, что его тошнило и он выбегал за дверь. Потом он уехал в Голливуд сниматься в кино. Помню, однажды вечером в студии, где были Сэм, Джерри Ли Льюис, я и еще кто-то, является Элвис и говорит: „Мистер Сэм, помните, вы доводили меня до тошноты, рассказывая про лизание киски?“ Сэм говорит: „Да, и что?“ А Элвис: „Так вот, представьте себе, прошлой ночью я попробовал, и теперь всё пропало“. Сэм спрашивает: „Почему? С кем это было?“ Мы все предположили, что его застукали с чужой женой или что-то в этом роде, но оказалось, что это не так. „Нет, с Натали Вуд“. „Так в чем проблема, сынок?“ — удивился Сэм Филлипс. „Проблема в том, мистер Сэм, — ответил Элвис, — что мне это понравилось“».

И все же не потребность в сексе стала самой большой проблемой для Пресли, который очень быстро столкнулся с трудностями, проистекающими из его ненасытности в то время, когда противозачаточные таблетки, разработанные в 1955 году, еще относились к области научной фантастики. Первый иск об установлении отцовства (впоследствии их было еще много) был подан уже в декабре 1954-го, но дело не дошло до суда за неимением доказательств. Впоследствии одной из обязанностей полковника Паркера стало улаживать дела такого рода, по большей части полюбовно, что еще более укрепило его власть над Элвисом.

Остро выраженная враждебность со стороны мужчин, прямо пропорциональная поклонению противоположного пола, представляла собой опасность, отвести которую было значительно сложнее. Годы гастрольных поездок, предшествующие уходу в армию, отмечены более или менее серьезными инцидентами, спровоцированными, как правило,

мужчинами, ревновавшими к знакам внимания со стороны девушек. Пресли регулярно оскорбляли, забрасывали яйцами на сцене, случалось даже, что некоторые столкновения принимали плохой оборот. В Лаббоке, в Техасе, один водитель попросил его подойти, якобы чтобы дать автограф, а сам ударил его по лицу и скрылся. Осенью 1956 года певец подрался с работником автозаправочной станции в Мемфисе, а через полгода — с молодым военным, обвинившим его в неуважении к своей жене. В обоих случаях Элвису пришлось покаяться в суде, чтобы страсти улеглись.

Чаще всего подобные стычки происходили в Мемфисе: вызывающая популярность Элвиса явно раздражала некоторых из его земляков. Певец тем более не понимал этой враждебности, что вел себя в своем городе как можно скромнее, раз уж не мог сохранить инкогнито. Каким разительным был контраст между популярным певцом, кочующим по всей Америке с одной сцены на другую в ореоле скандала, и образцовым сыном, регулярно возвращающимся к матери, двуликим Янусом в своей личной жизни! Пока Элвис-Хайд плодил мимолетные романы, Джекил-Пресли чинно прогуливался под руку с редкими подружками, с которыми поддерживал длительные отношения.

В отличие от Дикси Локк, которой выпала сомнительная честь стать свидетельницей преображения смирного подростка в эстрадного кумира, следующие «невесты» Элвиса уже знали, к чему готовиться. Это относится к Джун Джуанико, которая встретила Элвиса в начале лета 1955 года. Вечером 27 июня «Блу Мун Бойз» давали концерт на базе американских ВВС в предместье Билокси — городка на южном побережье штата Миссисипи. Джун было семнадцать лет, она пришла на концерт со своей лучшей подругой; после концерта обе девушки встретились с Элвисом и повели его по ночным клубам. Расставаясь с Джун той ночью, певец записал номер ее телефона, но так и не позвонил.

Их пути снова пересеклись одиннадцать месяцев спустя в Мемфисе, когда он узнал ее среди фанаток, толпившихся перед его домом. На сей раз они не расставались несколько дней и уговорились встретиться в Билокси, куда Элвис привез в середине июня Вернона и Глэдис. Когда Пресли вместе со своим окружением снова решил провести летний отпуск в штате Миссисипи, ни у кого не осталось сомнений, что дело серьезное. Местная газета «Билокси геральд» даже объявила о свадьбе — этот безосновательный слух прилетел вперед парочки в Новый Орлеан, и пресса назвала ее пребывание в этом городе медовым месяцем.

С месяц Элвис и Джун почти не расставались и снова встретились осенью, но их роман не пришелся по вкусу полковнику. Тот знал, что женатый или помолвленный певец не так привлекателен для фанаток, как неженатый, и настоял, чтобы артист тратил избыток чувств в другом месте. Совет оказался лишним: с момента дебюта в Голливуде у Элвиса не было отбоя от поклонниц; он развлекался с другими в полной уверенности, что Джун будет терпеливо ждать. Каково же было его удивление, когда, удосужившись наконец напомнить ей о себе после нескольких месяцев молчания, он услышал, что она выходит замуж. Самолюбие избалованного ребенка было уязвлено, он в последний раз попробовал помириться, но безуспешно: Джун ждала от жизни другого, ей не был нужен знаменитый и неверный супруг.

Следующую подружку Элвис выбрал в своей вотчине, чтобы удержать ее под своей властью. Анита Вуд вела музыкальную передачу на радио WHHM и представляла «горячую десятку» в телешоу на канале WHBQ. С Пресли она познакомилась через одного из членов «мемфисской мафии» в июле 1957 года. Элвис сразу привязался к этой хорошенькой девятнадцатилетней девушке, прозвал ее «Little» («Малышка») из-за ее хрупкой фигурки и тотчас познакомил со своими родителями.

В отличие от Дикси и Джун Анита не ограничивала свои мечты о будущем ролью домохозяйки и считала свою работу лучшим способом сделать карьеру в кино или на эстраде. Она участвовала в различных конкурсах, а войдя в близкое окружение Пресли, стала мелькать в прессе, что позволило ей начать выпускать свои пластинки после неудачных попыток пробиться в Голливуде, но ее эпоха славы так и ограничилась пятью годами, проведенными в тени Элвиса. Несмотря на то что Пресли категорически опровергал все слухи о браке в беседах с журналистами, Анита чаще многих других находилась рядом с ним в сложный период, отмеченный призывом в армию, кончиной Глэдис и отъездом в Германию.

Неофициально считаясь невестой Элвиса, Анита, однако, не получила разрешения приехать к нему в Европу. Запрет исходил в первую очередь от полковника, который и слышать не хотел о браке. В самом начале своего сотрудничества певец и импресарио заключили договор на этот счет: Элвис соглашался пожертвовать личной жизнью во имя карьеры — по крайней мере на данном этапе. В противоположность Джун Джуанико, противившейся такому диктату, Анита безропотно ему подчинилась: возможно, ее собственная карьера компенсировала ей постоянные обиды от рассказов в прессе о выходках Элвиса, который, кстати, публично

отрекался от нее. Всем журналистам, заговаривавшим с ним о семейном гнездышке, Пресли неизменно отвечал: «Я еще не встретил ту самую женщину, но когда-нибудь это случится. Надеюсь, что скоро, потому что одиночество тяготит меня». Пускай этот заезженный ответ был заранее подготовлен в расчете на поклонниц, Аните от этого легче не становилось.

Пребывание в Бад-Наухайме стало поворотным моментом в личной жизни Элвиса. Отсутствие Аниты — покорной Пенелопы, ткавшей и распускавшей полотно своего нетерпения в Мемфисе, — а еще в большей степени кончина Глэдис ввергли его в пучину сомнений. Поклонницы, постоянно толпившиеся у дверей, позволяли ему с легкостью избегать мук вынужденного безбрачия, но неспокойная натура заставляла его задаваться экзистенциальными вопросами о том, что есть идеальная женщина. Из уважения к памяти матери, которая часто советовала ему не действовать сгоряча, он не мог решиться на то, чтобы выбрать будущую жену из числа доступных девушек, не раздумывая падавших в его объятия. Чтобы показать себя достойной миссис Пресли, не сводившей с сына своего заботливого взгляда с высоты Рая, будущая супруга Элвиса должна была принадлежать к категории Мадонн.

«Элвис уважал женщин, потому что уважал свою мать, и мог остановиться сам, прежде чем я скажу „нет“», — подтверждает Джун Джуанико. Неотступно придерживаясь принципа, по которому его будущая жена должна быть девственницей, Элвис к тому же требовал от нее верности. Это был абсолютный императив, хотя себя он от него избавлял, в соответствии со стереотипом, существовавшим еще задолго до Гражданской войны, по которому привилегированный статус женщины-южанки был своего рода платой за сексуальную свободу ее мужа, устраивавшего себе гарем из рабынь и поставлявшего своим детям сводных братьев и сестер мулатов. Наконец, идеальная женщина должна была непременно сидеть дома.

Торча в своем убежище на Гёте-штрассе, Элвис понял, что Анита Вуд не соответствует установленным критериям хотя бы из-за ее профессиональных амбиций. Лучший способ найти идеальную спутницу жизни — вырастить ее самому. Его крестьянское происхождение давало себя знать: в этом мире женитьба молодого мужчины на девочке двенадцати-тринадцати лет была обычным делом, так поступили некоторые его дяди. Вот откуда явно выраженная склонность к девочкам-подросткам, которые к тому же еще девственницы, если выбирать их в подходящем кругу.

Постоянное присутствие рядом Элизабет Стефаняк, молодой секретарши, которую он нанял вскоре по приезде, решило проблему одиноких ночей. С тех самых пор как семейство Пресли поселилось на Гёте-штрассе, Элизабет не только отвечала на письма и подписывала портреты для фанатов, имитируя почерк певца. По окончании рабочего дня она приходила к Элвису в спальню, чтобы он мог всю ночь сжимать ее в объятиях. В своих отношениях они не заходили дальше ласк и поцелуев: для секса были поклонницы, доступные девушки, с которыми он позволял себе сводить любовные отношения к их самому грязному, на его взгляд, выражению. В такие вечера Элизабет просили удалиться в отведенное ей помещение, пока Элвис удовлетворял партнершу на один раз; когда все заканчивалось, один из его приспешников шел проводить гостью, а он немедленно стучал в стенку, за которой была комната Элизабет, чтобы она пришла к нему.

Между рабыней и шлюхой оставалось место, уготованное будущей супруге, чистой и девственной, которую он надеялся встретить по воле случая. Первая попытка с шестнадцатилетней немкой по имени Маргит вскоре после прибытия Элвиса в Европу закончилась катастрофой, когда он с ужасом узнал, что его подружка по играм окончательно потеряла невинность, согласившись позировать полуобнаженной для «Оверсиз уикли» — журнала, который должен был поддерживать боевой дух американских солдат за рубежом. Приятели Элвиса вызвались найти ему девочку на замену, и это удалось массовику-затейнику из клуба «Орел» в Висбадене, который в конце лета 1959 года познакомил его с Присциллой Болье.

Четырнадцатилетняя школьница с голубыми глазами, длинными каштановыми волосами, вздернутым носиком и рано развившейся женственностью была воплощением идеальной женщины в представлении Элвиса. К тому же она сама искала замену своему мужскому идеалу, случайно узнав, что капитан Болье не ее настоящий отец. Знакомство состоялось согласно обычаю, сложившемуся при дворе Короля: одного из приятелей отправили за девочкой к родителям, чтобы привезти ее в дом на Гете-штрассе, а Вернон Пресли, точно дворецкий, проводил ее в гостиную, где восседал певец в окружении друзей и приспешников.

Войдя в роль звезды, Элвис приветствовал Присциллу с надменностью и деланым безразличием, которое вызвало у его гостьи сильное раздражение, потом сел к роялю и запел в благоговейной тишине. После каждой песни присутствующие отбивали себе ладони, однако нет никаких сомнений в том, что эта сценка была своего рода ритуалом обольщения,

предназначенным для девочки. Церемониал приручения продолжился в более интимной обстановке, на кухне, в присутствии бабушки Пресли, выступившей в роли дуэньи, и вечер закончился обсуждением музыкальных пристрастий американских тинейджеров, заставившим Элвиса задуматься о том, сумеет ли он найти себе место в мире поп-музыки, когда вернется в Штаты.

Это не была любовь с первого взгляда, однако Пресли немедленно потянуло к Присцилле, и они договорились встретиться снова. Их частые встречи продолжались вплоть до его отъезда в США полгода спустя. За это время Элвис убедился, что его надежды обоснованны, быстро перешагнув через стадию разговоров и перейдя к этапу флирта, сдобренного эротическими играми, которые неизменно обрывались перед последним оплотом девичьей чести. Накануне отъезда он обещал расстроенной Присцилле часто звонить и вскоре вызвать ее в Мемфис, но все его мысли вертелись вокруг девственности его юной подруги. «Пиши мне чаще, на розовой бумаге, чтобы я сразу узнавал твои письма среди других. Но главное — пообещай мне, что останешься такой, как есть. Нетронутой, какой я тебя оставляю», — попросил он по дороге в аэропорт.

Вопреки ожиданиям страсть Элвиса к Присцилле не угасла под влиянием времени и расстояния, словно надежда вылепить эту женщину «под себя» помогала ему преодолевать свое хроническое непостоянство. Страх перед одиночеством побудил его возобновить связь с Анитой Вуд сразу по возвращении в Мемфис, но на непостоянной основе и без пыла, больше ради удобства, чем из привязанности, в чем он признавался Присцилле, периодически удостаивая ее телефонных звонков.

И все же он дождался, пока его отношения с Анитой окончательно сошли на нет, и лишь тогда пригласил девочку в Голливуд на две недели, в весенние каникулы 1962 года. Переговоры с родителями Болье шли нелегко: те всполошились при мысли о том, что их семнадцатилетняя дочь одна поедет к артисту, известному своей беспорядочной и аморальной жизнью; только пообещав, что Присцилла будет жить у четы друзей семьи Болье, Элвис сумел вырвать согласие у капитана Болье. После двух лет разлуки Присцилла показалась Элвису сияющей, как никогда, и он поспешно уволок ее в спальню, чтобы проверить, что она «нетронута». «Успокоившийся и счастливый, он сказал, насколько это важно для него», — рассказывает Присцилла в книге воспоминаний. Выполнив эту формальность, он отвез свою гостью к ее друзьям, чтобы символически выполнить обещание, данное отцу.

Затем была продолжительная вылазка в Лас-Вегас, где Элвис довел до высшей точки свои причуды Пигмалиона. Сначала он отвел Присциллу к парикмахеру и визажисту, которые превратили ее в карикатуру на женщину-вещь начала шестидесятых (прическа «Бабетта» и утрированный макияж), а потом обошел с ней все магазины города, снабдив ее гардеробом, достойным этой столицы дурного вкуса.

Когда девочка вернулась в Германию, родители вытаращили глаза: метаморфоза не пришлась им по душе. Вспоминая об этом, они с большим скрипом дали свое разрешение, когда Пресли умолял их отпустить Присциллу в Грейсленд на Рождество. Это новое приглашение, а также разрыв с Анитой Вуд (его потребовала сама девушка, чтобы положить конец двусмысленному положению) говорят о навязчивом стремлении Элвиса сделать Присциллу своей Галатеей.

Ее новые американские каникулы начались в аэропорту Нью-Йорка, где ее встречали специально присланные для этой цели Вернон и Ди Пресли, усадившие ее в самолет, летевший в Мемфис, под вымышленным именем, чтобы сбить с толку журналистов. Прибытие в Грейсленд стало новым этапом в овладении ею: это стало ясно, когда Элвис поделился с девушкой своими планами у рождественской ели, подарив ей огромный солитер и щенка: уверенный в ее непоколебимой верности, он хотел окончательно ввести ее в свой дом и предложил закончить школу в Мемфисе. Впечатленная грандиозным убранством Грейсленда, гигантскими яслями на лужайке и надписью «Счастливого Рождества», выведенной на решетке большими неоновыми буквами, Присцилла была готова согласиться, но не капитан Болье, который ответил категорическим отказом и потребовал возвращения дочери в назначенный срок.

Это не остудило пыла Элвиса, а словно окрылило его. В тот момент, когда он уже не распоряжался своей карьерой и погряз в убийственной скуке, преодолеть это сложное препятствие показалось ему способом вернуть утраченное достоинство. В последующие месяцы он оттачивал план наступления, заручившись поддержкой Присциллы, которой ежедневно звонил по телефону. В конечном счете он взял родителей Болье измором, вырвав у них неуверенное согласие. Для этого пришлось выманить капитана и его дочь в Голливуд, чтобы вести переговоры на своем поле.

Полный решимости добиться своего, Элвис предложил записать Присциллу в привилегированную католическую школу Непорочного зачатия в Мемфисе, а также обязался поселить ее у своего отца и мачехи, чтобы исключить все возможные слухи.

Несмотря на это обещание, как только отец Присциллы улетел обратно в Германию, она поселилась в Грейсленде, и для нее началась странная жизнь: каждый день она делила ложе с Элвисом, изо всех сил оберегавшим ее девственность в ожидании того дня, когда он сможет жениться на ней.

Прошло четыре года; Присцилла играла роль скромной и покорной куклы Барби вдали от любопытных взглядов прессы. Ее пребывание в Грейсленде было источником головной боли для полковника, больше всего на свете опасавшегося вторжения журналистов в личную жизнь певца. Еще во время его нахождения в Германии он бурно протестовал, узнав о почти ежедневном присутствии несовершеннолетней девочки в доме на Гёте-штрассе.

Паркер не позабыл о скандале, вызванном в 1958 году женитьбой Джерри Ли Льюиса на его тринадцатилетней кузине, и не собирался подвергать карьеру Элвиса такой же опасности. Когда в 1963 году его известили о том, что Присцилла окончательно поселится в Мемфисе, он настоял, чтобы девушку представили другом семьи Пресли, проживающей у Вернона и Ди. Весной, когда Присцилле исполнилось восемнадцать, Паркер испытал явное облегчение, и все же не допускал и мысли о том, чтобы изменить имидж Элвиса, обязанного своим успехом у женской аудитории в том числе и статусу холостяка.

Кстати, Пресли не забывал напоминать о том, что его сердце свободно, поддерживая свой имидж неукротимого обольстителя. На взлете своей кинематографической карьеры он был волен приумножить свою коллекцию старлеток, танцовщиц и королев красоты. В своей повседневной жизни, как и в своих фильмах, он продолжал превращать женщину в продукт широкого потребления. После Нэнси Синатры, встречавшей его у трапа самолета после его возвращения на авансцену весной 1960 года, которая была с ним близка на протяжении всего десятилетия, вниманием прессы завладела актриса шведского происхождения Анн-Маргрет, охотно делившаяся подробностями знойной связи, которую она поддерживала с Элвисом в 1963 году и на экране, и в жизни, начиная со съемочной площадки фильма «Да здравствует Лас-Вегас» и до президентского номера в отеле «Сахара», в котором они жили вместе, ни от кого не скрываясь, на виду у столицы азартных игр.

По мнению всех, кто хорошо их знал, согласие, царившее между Элвисом и Анн-Маргрет, выходило за рамки мимолетного увлечения. Если вглядеться в их совместные сцены в фильме, становится ясно, что они прекрасно понимали друг друга, чем и

объясняется продолжительность связи, затянувшейся на долгие месяцы и превратившейся впоследствии в крепкую дружбу.

Несмотря на свое влечение к этой актрисе, Элвис придерживался слишком консервативных взглядов на подчиненную роль женщины, чтобы смириться с мыслью о женитьбе на такой женщине, как Анн-Маргрет. Кстати, объявление в британской прессе об их грядущей свадьбе ускорило разрыв. Молодой женщине удалось убедить Элвиса в том, что она попалась в ловушку, расставленную одним журналистом, когда была в Лондоне, но их отношения от этого сильно пострадали. Вернувшись из Англии, она застала Элвиса сидящим в состоянии прострации перед телевизором, оглушенным, как и все остальные американцы, кадрами убийства президента Кеннеди, последнего символа антагонизма между Севером и Югом. Трагедия 22 ноября 1963 года временно снова их объединила, но огонь угас, и в последующие недели Анн-Маргрет чувствовала, что Элвис отдаляется от нее, перебирая длинные четки из подружек, которым он, впрочем, уделял лишь рассеянное внимание.

Большинство его встреч с безвестными фанатками, как и отношения с актрисами, с которыми он знакомился в голливудских студиях, проходили по отработанному сценарию. Провинциальность Мемфиса и присутствие в Грейсленде Присциллы составляли двойную проблему, так что все свои потребности он удовлетворял в периоды съемок. По молчаливому согласию бывший однополчанин Джо Эспозито ежедневно набирал привлекательных молодых женщин, которые наполняли собой царские покои Пресли на Белладжио-роуд в Бель-Эре. Расположившись на мягких диванах в гостиной, они обычно полночи пытались перехватить друг у друга пресыщенные улыбки хозяина дома, не отрывавшегося от телевизора.

В особые дни Элвис решался на индивидуальные встречи в своей спальне, но без излишнего воодушевления, если верить актрисе Ивонне Крейг, которой выпала сомнительная честь дважды быть его партнершей на экране — в фильмах «Это случилось на Всемирной ярмарке» в 1963 году и «Целуя кузин» годом позже. «Когда мы вошли в гостиную, все его приспешники смотрели телевизор со своими подружками, и мы решили удалиться в его личные апартаменты. <…> Там мы посмотрели старый фильм, и он уснул. Тогда я погасила свет, выключила телевизор и на цыпочках ушла», — рассказывает Крейг.

Это нарастающее безразличие к женщинам, возможно, подогреваемое коктейлем из антидепрессантов и барбитуратов, которые Элвис регулярно поглощал, порой походило на женоненавистничество. Вернувшись в Грейсленд после съемок

«Вечеринки в Акапулько» с Урсулой Андресс, он позволил себе нелицеприятные высказывания об этой швейцарской актрисе, получившей известность незадолго до того, во время первых экранизаций книг о приключениях Джеймса Бонда: «Просто мужик какой-то. Бедер нет, а плечи шире, чем у меня. Я даже не решался снять при ней рубашку».

Репутация обольстителя, закрепившаяся за Элвисом, во многом превосходила реальность, хроника его любовных приключений противоречит чувственному образу, в котором он представал на сцене в начале своей карьеры и который Голливуд поддерживал на экране. Вечный подросток, которому было невероятно трудно вести себя естественно в обществе взрослых, с большим удовольствием выпил бы молочный банановый коктейль с пятнадцатилетней поклонницей, чем попытался бы соблазнить ее мать. С его точки зрения, молоденькие девочки имели то преимущество, что были нетребовательны, за неимением опыта, тогда как повидавшие жизнь женщины ожидали подвигов, на которые он не был способен, судя по словам многих его любовниц во главе с Натали Вуд.

Его отношение к сексу осложнялось консервативными представлениями о любви. Сразу отвергая женщин, отдававшихся ему, он всегда предпочитал томные поцелуи и подростковые объятия, останавливающиеся на границе благопристойности, обозначенной его пятидесятническим воспитанием. «Однажды моя подружка поднялась с ним на второй этаж, — рассказывает одна из постоянных участниц пирушек на вилле в Бель-Эре. — Они ласкали друг друга, как дети, и он так возбудился, что кончил в штаны. Невероятно смутился и сказал: „Вот, посмотри, скольких малышей мы убили“. Я никогда этого не забуду. Если он проводил вечер с девушкой и она соглашалась с ним переспать, он больше не желал ее видеть. Для него она была шлюхой. Насколько я знаю, ни одна из моих подружек никогда с ним не спала».

В Мемфисе Элвис выказывал ригоризм другого рода. Три года до брака были тяжелыми для Присциллы, вынужденной безропотно переносить выходки сожителя, который с каждым днем все больше вел себя как барышник. Разница в положении между Золушкой и Королем, усиленная десятью годами разницы в возрасте, превратила девушку в существо, которое ее властелин и повелитель намеренно старался лишить всякой индивидуальности.

То школьница, то роковая женщина, она должна была выражать свою полную покорность, прихорашиваясь для неизменных ночных походов в кино, а рано утром отправляясь в

школу, пока Пресли спокойно похрапывал под действием снотворного. Ей делали строгие замечания, если она сутулилась или если у нее облупился лак на ногтях, запрещали носить брюки и заставляли вкладывать в лифчик пистолет «дерринджер» во время совместных выходов, чтобы возбуждать воображение Элвиса. Тот не мог решиться на осуществление любовной связи и заставлял ее бесконечно позировать для коллекции полароидных снимков и небольших фильмов-фетишей: нарядившись секретаршей, медсестрой, школьницей или учительницей, Присцилла старалась, как могла, возбудить сексуальность Элвиса, в своих фантазиях разрывавшегося между извращенным влечением к Блуднице и одержимостью чистотой Мадонны.

Эта игра могла бы продолжаться бесконечно, если бы в силу нескольких событий не изменился расклад. Устав скучать в Грейсленде, Присцилла вытребовала для себя право сопровождать Элвиса в Голливуд. В 1966 году средиземноморскую виллу на Белладжио-роуд заменило роскошное ранчо на Рокка-Плейс, где парочка могла пользоваться относительным уединением вдали от остальной компании. По выходным Пресли и его спутница отдыхали в Палм-Спрингс, прибежище миллиардеров, где полковник посоветовал им снять виллу, чтобы держать их под контролем.

Паркер как раз сменил гнев на милость и стал благосклонно относиться к узаконению отношений между Элвисом и дочерью капитана Болье. В мае 1966 года, как только Присцилла стала совершеннолетней, ее связь с Элвисом уже не вызывала вопросов у благонравных американцев. Зато нескромность старлеток, разделявших ложе с певцом, вызывала все возрастающие сомнения в его мужских качествах, и это в тот момент, когда исступление поклонниц пошло на спад. С умом организованная свадьба дала бы импресарио Элвиса небывалый случай подстегнуть его карьеру. После того как Пресли почти десять лет был олицетворением беззаботного плейбоя, настала пора окончательно отмежеваться от всяких покушений на устои и сыграть роль идеального мужа и ответственного отца семейства.

Сам Элвис колебался. С одной стороны, его привлекала мысль о том, чтобы создать семью и жениться на девушке, которую он уже давно для себя готовил, с другой стороны, он не спешил отречься от своей свободы. Приняв решение за него, менеджер разрубил гордиев узел. Присцилле сделали предложение, вернее, вызвали на собственную свадьбу в канун Рождества 1966 года.

Элвис уже несколько месяцев носился с мыслью о разведении лошадей; любой повод был хорош, чтобы расширить конюшню

Грейсленда. Присцилла уже знала, что под елочкой ее ждет великолепный гнедой конь, но удивилась, получив в придачу бриллиант в три карата: после восьми лет довольно-таки странных ухаживаний мечта бывшей школьницы из Висбадена наконец-то сбылась.

Хорошо еще, что Присцилле не пришло в голову оспорить решение Элвиса, поскольку тот не делал ей официального предложения, ограничившись словами о том, что момент настал, и надел ей кольцо на палец. Девушка даже не могла выбрать дату свадьбы, назначенной на весну, в перерыве между съемками, ее роль ограничилась выбором подвенечного наряда — как можно незаметнее, чтобы избежать утечки информации в прессу. Присцилла несколько недель обходила свадебные магазины в сопровождении одного из членов «мафии», которого называла своим женихом, и в конце концов нашла идеальное платье в Лос-Анджелесе.

Со своей стороны, Элвис теперь загорелся страстью к лошадям и коллекционировал их так же, как когда-то фанаток. Это увлечение в первые недели 1967 года граничило с наваждением, редкий день проходил без того, чтобы он не добавил к своему табуну одного-двух чистокровных скакунов. Пока Присцилла одна занималась хлопотами со свадьбой, он наблюдал за постройкой манежа в своем имении и расширял конюшни Грейсленда. Впоследствии за полмиллиона долларов он приобрел обширную ферму, которую случайно заметил в пятнадцати километрах к югу от Грейсленда, — к великой досаде Вернона Пресли, уже не знавшего, как обуздать расходы своего сына.

После лошадей настал черед жилых автофургонов, которые Элвис установил в своем новом ранчо «Круг Г» (по начальной букве имени Глэдис): главный дом не вмешал толпу его приспешников; наконец, он заказал два десятка пикапов для своего двора, а раздавал их первым встречным, как рассказывает Трэвис Смит — брат Глэдис, назначенный садовником в «Круге Г»: «Однажды пришел человек из Эрнандо (Миссисипи), чтобы починить забор, и Элвис приехал на пикапе посмотреть, как идут дела. Тот ему говорит: „Красивый у вас грузовичок. Я всегда о таком мечтал“. А Элвис ему: „У тебя доллар найдется?“ Тот сказал, что да, и дал Элвису доллар, а он: „Ну, теперь пикап твой“».

Пресли настолько был занят своим новым увлечением, что опоздал со съемками «Пикника у моря» — одного из трех фильмов, намеченных на этот сезон, так что полковник даже начал тревожиться из-за равнодушия артиста ко всему,

касавшемуся его карьеры. По правде говоря, Элвис проявлял не больше интереса и к своей свадьбе, которая должна была состояться как раз после завершения работы над фильмом. Эта церемония так мало его волновала, что большинство его близких друзей попросту пригласили в Лас-Вегас, где должно было состояться торжественное событие, не сообщив о подробностях.

«О дне, когда я женюсь, — заявил Элвис журналистам ровно десятью годами раньше, — я сообщу открыто. Я женюсь дома, в Мемфисе, и приглашу на свадьбу весь город». Это обещание уже давно затерялось в затуманенной памяти подверженного депрессии артиста, чья страсть к лошадям стала выражением нарастающей мизантропии. Кстати, выбор места принадлежал полковнику, который вбил себе в голову последовать примеру, поданному за несколько лет до того Фрэнком Синатрой и молодой актрисой Мией Фэрроу. Столица азартных игр, конечно, была не самым уютным местом для женитьбы, но разве Паркер когда-нибудь заботился об уюте для своего певца?

Вечером в воскресенье 30 апреля полковник отправил зашифрованную телеграмму нескольким тщательно отобранным компаньонам среди руководства Ар-си-эй, Агентства Уильяма Морриса и «Метро-Голдвин-Майер». Не вдаваясь в подробности, он назначил им встречу на послезавтра утром в Лас-Вегасе по случаю события первостепенной важности. Ночью Элвис с Присциллой вылетели из Палм-Спрингс на частном самолете в Вегас. Было три часа ночи, когда они оформили свидетельство о браке у мирового судьи, а потом отправились в отель «Аладдин», где их ждали родители.

Как обычно, Том Паркер разработал сценарий, достойный фильма «Миссия невыполнима», чтобы слухи просочились в прессу. Всё сработало как нельзя лучше, поскольку утром 1 мая в холле «Аладдина» уже толпились десятки журналистов. Церемония началась незадолго до полудня в частных апартаментах владельца отеля — давнего знакомого полковника, у которого было много друзей в мире казино. Приглашены были только родственники новобрачных; Джо Эспозито и Марти Лаккер — единственные члены «мафии», которым было позволено присутствовать на церемонии ее великим распорядителем: он не мог им отказать под пристойным предлогом, поскольку Элвис выбрал их в свидетели. В это время остальные члены «банды» томились в гостиничном номере, бесясь от того, что их не позвали.

Они не много потеряли, поскольку вся церемония заняла восемь минут. Едва новобрачные сказали судье «да», как их отвели под надежным сопровождением в парадный зал отеля, где

дожидался завтрак для прессы поистине вселенского охвата: жареная курица во славу Юга, рокфеллеровские устрицы в знак уважения к Новой Англии и шампанское как дань традиции. Отвечая на вопросы журналистов, которым хотелось узнать обстоятельства романа, уже давно не составлявшего тайны, Элвис и Присцилла разрезали свадебный торт высотой в два метра, возвышавшийся на буфетной стойке, и обменялись долгим поцелуем перед камерами. Полковник Паркер, превосходно чувствовавший себя в роли верного друга, уходил от неудобных вопросов вместо жениха («Если вы встретились с Элвисом во время его военной службы, где вы были все эти годы?») и руководил танцем фотографов. В конце концов, он хлопнул в ладоши, когда пришло время прекратить этот прекрасно организованный журналистский цирк.

Фотографии Элвиса в смокинге и Присциллы в длинном платье со шлейфом облетели весь мир; в это время верные спутники певца предавались дурному настроению, уязвленные в очередной раз выказанным к ним презрением. Решение Рыжего Уэста уйти со службы Пресли указывает на брожение, начавшееся в группе, несмотря на то, что через несколько дней после свадьбы молодожены устроили прием в Грейсленде. Этот «бунт на корабле» был только на руку полковнику, дав ему повод еще больше разделить, чтобы еще лучше властвовать. «Вокруг тебя слишком много людей. Послушал бы лучше меня и избавился от них, проблем было бы меньше», — заявил он Элвису, дав при этом понять, что тлетворная атмосфера, установившаяся в Грейсленде, — дело рук новоиспеченной миссис Пресли.

Поддерживать смуту было легко. Некоторые столпы «мафии» никогда не скрывали своей неприязни к «интриганке». Недоверие усугублялось соображениями культурного порядка: Присцилла была родом из католической семьи — серьезный изъян в глазах протестантов и евреев с Юга, составлявших окружение Элвиса. Со своей стороны, Присцилла никогда не заигрывала с этой компанией подростков-переростков, которых считала самыми обыкновенными паразитами, за исключением Джо Эспозито и его жены Джоани — ее единственной подруги в этом сугубо мужском мирке.

Сразу после свадьбы Паркер предоставил действовать Присцилле, которая теперь настаивала на том, чтобы жить с мужем в относительном уединении, оставив при себе только чету Эспозито и Ричарда Дэвиса — титулованного камердинера Элвиса. Юная миссис Пресли, рано оторванная от нормальной семейной обстановки, еще лелеяла мечту свить мещанское гнездышко с Элвисом: она гладила его рубашки, складывала

носки, чем забавляла и умиляла бабушку Юрка, на которой держалась вся повседневная жизнь в Грейсленде.

Полковник мог упиваться победой. Благодаря иллюзии свадьбы он вновь привлек взгляды публики к своему певцу, карьера которого шла на спад, а главное, усилил свою власть над Элвисом, который, покорно склонившись перед ним, не препятствовал удалению большей части верных ему людей. Те, кто не устремился к новым горизонтам, на какое-то время приютились в «Круге Г», но постоянное давление со стороны фанатов и неудобства жизни в деревне после роскоши Грейсленда ослабили их решимость, и «мемфисская мафия» вскоре приказала долго жить под развалинами ранчо Элвиса, которое продали в конце 1967 года за малую часть его стоимости.

Судьба Присциллы тоже была незавидной. Счастливая от того, что наконец-то выходит замуж за своего Пигмалиона, она была не слишком шокирована тем, что церемония, от которой она столького ждала, превратилась в маркетинговый ход. За четыре жалких дня уединения, которые Паркер соизволил предоставить им в Палм-Спрингс, супруги довели до завершения свою связь после восьми лет ожидания, но это сомнительное счастье едва ли пережило «медовый месяц». Бурные разборки с окружением, постоянная мрачность Элвиса, отнюдь не расцветшего в браке, который устроил ему импресарио, рутинные съемки посредственных фильмов, продолжающиеся, несмотря на потерю интереса к ним фанатов, агрессивное поведение поклонниц-неврастеничек, которые оскорбляли жену своего кумира и даже распускали руки, — всё это были трудно преодолимые препятствия для женщины, которой только-только исполнилось двадцать два года.

Событие, способное вернуть равновесие в жизнь молодой четы, быстро обернулось против супругов, ввергнув их в пучину абсурда. Через пять недель после брака врач подтвердил Присцилле, что она ждет ребенка. Элвис не скрывал своей радости, но не его жена, которая охотно продолжила бы жизнь вдвоем. В этой новости не было ничего удивительного: Элвис, придерживаясь консервативных представлений о семье, запрещал Присцилле жаловаться, и она пыталась переносить беременность с улыбкой на устах, больше всего боясь располнеть, чтобы не разонравиться мужу, остро реагировавшему на малейшие поблажки, которые она себе давала.

Очень скоро Присцилла заметила, что все ее усилия напрасны: внезапно превратившись из жены в будущую мать, она утратила всякую привлекательность в глазах Элвиса, который отныне до нее не дотрагивался. Еще до свадьбы он говорил ей о

своей неспособности заниматься любовью с рожавшими женщинами, но Присцилла, уверенная, что ей удастся то, что не удавалось никому, вообразила, будто сумеет помочь ему преодолеть невроз, порожденный сложными отношениями с матерью. Вместо этого Элвис охладел к ней и крутил любовь с Нэнси Синатрой, своей партнершей по новой халтуре, которую раздобыл для него полковник, — «Спидвей».

Рождение Лайзы Марии 1 февраля 1968 года, ровно через десять месяцев после свадьбы ее родителей, ничего не изменило в отношениях, зашедших в тупик. На первых страницах газет Элвис заявлял о своей гордости, а полковник понимающе подмигивал, объявляя, что уже составил контракт будущей звезды, но парадный фасад дал трещину: удрученная поверхностным интересом Элвиса к Лайзе Марии, Присцилла вскоре решила восстановить попранное самолюбие в объятиях мускулистых и сочувственно относящихся к ней мужчин.

Парадоксальным образом Пресли выбрал именно этот момент, чтобы вернуть своей карьере певца блеск, утраченный с начала десятилетия.

Глава десятая. ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ. 1968–1969

С гордостью барышника полковник Паркер взял в привычку сообщать во всеуслышание о финансовых достижениях своего «трехлетки» в конце каждого сезона. 1967 год ознаменовался существенным увеличением прибылей по сравнению с предыдущим, за год доходы Элвиса увеличились с 3,1 миллиона долларов (из них 2,5 миллиона от кино) до 3,5 миллиона. Этот внушительный рост (почти 13 процентов), казалось, подтверждал, что карьера Элвиса процветает, как и исключительная компетентность его менеджера. Если добавить к этому растиражированную в прессе свадьбу звезды с хорошенькой девушкой, десятью годами его моложе, и скорое рождение ребенка, можно было предположить, что к тридцати восьми годам Пресли получил от жизни всё, что хотел.

Однако стоило лишь слегка поскрести эту залакированную идиллическую картинку, чтобы понять: действительность была не так лучезарна. Помимо семейной жизни, которая начала давать сбой еще до рождения Лайзы Марии, Элвис не испытывал удовлетворения ни от кино, ни от грамзаписей: он был прежде всего певец, а уж потом актер, а поэтому больнее всего переживал неудачи именно в этой области. Несмотря на все потуги Ар-си-эй, сделавшей на него долгосрочную ставку, по многим признакам можно было понять, что между Пресли и широкой публикой разверзается пропасть. Последний большой успех он пережил шесть лет назад, весной 1962 года, когда «Good Luck Charm» («Очарование удачи») целые две недели занимала первую строчку в хит-парадах поп-музыки журнала «Биллборд».

С тех пор «сорокапятки», преодолевавшие символический рубеж в миллион распроданных экземпляров, выходили всё реже и реже: четыре — в 1964-м, три — в 1965-м, две — в 1966-м, а в 1967 году — ни одной… Всё это указывало на пробуксовывание карьеры Элвиса как певца. Мыслящие головы в Ар-си-эй прекрасно сознавали посредственность вялых композиций, написанных для его фильмов, и предпочитали извлекать из запасников записи, более согласующиеся с его образом короля рок-н-ролла. «Crying in the Chapel» («Плач в часовне»), записанный в 1960 году вскоре после возвращения Пресли из армии и принесший ему самый большой успех в середине десятилетия, а также «Ain’t That Loving You Baby» («Разве это не любовь, детка») и «Tell Me Why» («Скажи мне почему») — два заимствования из

ритм-энд-блюза, записанные соответственно в 1958 и 1957 годах, — позволили состряпать два лидера продаж в эти годы тощих коров.

Губя себя на экране в роли бедного певца и не получая позволения импресарио вернуться в свою естественную среду — на сцену, Элвис в конце концов превратился в карикатуру на самого себя. Замкнувшись в бездарном репертуаре, он утратил связь со своей изначальной музыкальной средой. Вот парадокс: большинство артистов, пришедших ему на смену на верхние строчки хит-парадов, открыто заявляли о том, что испытали его влияние, будь то «Бич Бойз», «Роллинг стоунз», «Битлз», «Раскалз» или «Троггз», солист которых показательным образом взял себе псевдоним Per Пресли. Тем, кто попытался бы приписать охлаждение публики жестокому и неизбежному велению моды, достаточно указать на карьеру Фрэнка Синатры, по-прежнему находившегося в центре внимания благодаря «Strangers In The Night» («Путники в ночи»), «That's Life» («Такова жизнь») и «Somethin' Stupid» («Глупость») в 1966–1967 годах, через двадцать лет после первого успеха.

Фирма грамзаписи была настолько уверена в неизбежном закате звезды Элвиса, что в начале 1967 года пересмотрела его контракт. Продлив его до 1980 года, Ар-си-эй-Виктор тем не менее решила сэкономить: певец и его менеджер сохранили гарантированные 300 тысяч долларов в год до 1970 года, однако в последующие пять лет эту сумму предполагалось сократить на треть, а начиная с 1976-го — никаких авансов с авторских отчислений.

Эти условия стали отражением постепенного сокращения продаж, которые еще более снизились в 1967 году. Сборник «How Great Thou Art» («Велико искусство Твое»), разошедшийся весной лишь в двухстах тысячах экземпляров, стал провальным, по мнению маркетологов Ар-си-эй, которые рассчитывали на новый сборник гимнов, чтобы подстегнуть продажи альбомов: в прошлом Элвису всегда удавался госпел. Продажа саундтреков к фильму «Двойная проблема» несколько месяцев спустя шла не лучшим образом, и хотя альбом, выпущенный осенью после выхода на экраны «Пикника у моря», чуть поправил положение, в основном это была заслуга маркетинговой команды, которая вложила в обложку фотографию Элвиса и Присциллы в день свадьбы.

В плане «сорокапяток» и EP результаты выглядели еще тревожнее, ведь этот сегмент рынка был самым надежным показателем популярности Элвиса с самого начала его карьеры. «Indescribably Blue» («Неописуемый синий цвет»), выпущенный в

январе 1967-го, разошелся только в трехстах тысячах экземпляров, а «Long Legged Girl (With the Short Dress On)» («Длинноногая девочка в коротеньком платье») с трудом нашла 200 тысяч покупателей. Громкий провал EP, поступившего в продажу в марте после выхода на экраны фильма «Легко пришло, легко ушло», позволил соизмерить охлаждение поклонников Элвиса: разошлось менее тридцати тысяч пластинок — самый низкий показатель за всю карьеру Короля.

Все, казалось, указывало на то, что политика общего знаменателя, которой придерживался полковник, чтобы превратить Элвиса в эстрадного певца без яркой индивидуальности, оказалась несостоятельной. Стремясь к консенсусу и не обращая внимания на изменение вкусов покупателей пластинок, Паркер в конце концов добился оторванности своего артиста от рыночной реальности. В 1968 году уже невозможно было выпустить «сборную солянку» из песен, как три года тому назад, под заглавием «Элвис для каждого» и изображением кассового аппарата на обложке. Создавалось впечатление, что Пресли окончательно утратил популярность, и цепкая коммерческая политика Ар-си-эй не сможет продлевать до бесконечности состояние благодати, отошедшее в область воспоминаний.

Находясь в изоляции, Элвис не осознавал в полной мере равнодушия к нему публики. В Мемфисе вокруг Грейсленда постоянно толклись фанатки, и ему казалось, что ничего не изменилось, но в последнее время его поездки по стране уже не сопровождались сценами буйства. Один проделанный опыт открыл ему глаза на реальное положение дел: он на спор согласился пройтись по улицам Голливуда без охраны. В противоположность тому, что произошло бы еще несколько лет тому назад, никто не попросил у него автограф, и несмотря на все его усилия обратить на себя внимание, прохожие, к его ошеломлению, шли мимо, словно не замечая его.

Кроме полковника, изощрявшегося, чтобы создать впечатление, будто ничего не изменилось, все в окружении Элвиса, начиная с руководства фирмы грамзаписи, тревожились.

Здесь тоже в воздухе витали перемены. В 1966 году Стив Шоулс поднялся по служебной лестнице, достигнув поста вице-президента по эстраде. Это была справедливая награда за мудрую издательскую политику, благодаря которой он превратил Нэшвилл в музыкальную столицу кантри.

Преемника Шоулса при Пресли звали Чарлз Фелтон Джарвис. Поклонник первой волны, этот бывший певец в 1959 году записал

свое «приношение» — «Don't Knock Elvis» («Не обижайте Элвиса»). Хороший шоумен, но заурядный исполнитель, Джарвис впоследствии сменил амплуа и проник в мир южных студий звукозаписи в качестве художественного руководителя. Хорошо знавший музыку соул из Атланты, раскрутивший такие группы, как «Tams», «Gladys Knight&the Pips», он сделал себе имя, став продюсером песни «Шейла» певца Томми Ро — одного из хитов сезона 1962 года.

Этот подвиг принес ему работу в Нэшвилле, поначалу — в Эй-би-си-Рекордз, где Джарвис следил за творческим ростом Марвина Бенефильда, он же Винс Эверетт, — клона Элвиса, позаимствовавшего свое сценическое имя у героя-преступника из «Тюремного рока». На него положил глаз Чет Аткинс, заправила студий Ар-си-эй в Нэшвилле, и Джарвиса взяли на работу в эту компанию. В 1966 году он сменил Шоулса при Элвисе и играл эту роль до самой кончины Короля. Словоохотливый и забавный оригинал (он держал в своем кабинете анаконду и разделял с полковником Паркером страсть к розыгрышам) превосходно «спелся» с Элвисом. В студии он отдавал предпочтение округлому и всезаполняющему звуку, обеспечивающему главенство оркестра над голосом.

С самой своей встречи в мае 1966-го оба рванули с места в карьер, и вскоре родился альбом «Велико искусство Твое». Доброе согласие с новым продюсером пошло на пользу Элвису: к нему вернулась давно утраченная энергия, о чем говорит сеанс, на котором предстояло записать песни к «Пикнику у моря», в феврале 1967 года. По заведенному порядку Пресли, особо не торопясь, приехал в Студию «Б» Ар-си-эй в Нэшвилле. Прошел медосмотр, предварявший каждые новые съемки, потом встретился с Фредди Бинстоком, который пробежал с ним список песен для фильма. Держа в руках тексты, Элвис машинально записывал песню за песней, но вдруг решил выдать свою версию шлягера Эдди Арнольда 1956 года — «You Don't Know Me» («Ты меня не знаешь»), и к нему вернулся задор. В то время как с предыдущими песнями он расправлялся за несколько минут, с этой он повозился, делая дубль за дублем с той дотошностью, какая была ему свойственна в начале карьеры.

Этот случай показал Фелтону Джарвису, что угасающее пламя легко раздуть. Неизбежное падение продаж говорило о потребности в качественных песнях, и продюсер решил взять дело в свои руки, снабдив певца репертуаром, достойным его ожиданий, на сеансах звукозаписи, которые наметили на сентябрь в Нэшвилле.

Во время недавнего пребывания в Голливуде Элвис услышал

по радио проходной шлягер «Гитарист» — историю бродячего сельского музыканта, которая была словно создана для него. Автор песни Джерри Рид был студийным музыкантом, связанным с миром столицы кантри, и Джарвис предложил обратиться к нему: тот выдал бы весьма характерный аккомпанемент на гитаре. Рид охотно откликнулся на приглашение, и после дюжины дублей Джарвис получил искомое. Он предложил Элвису продолжить в том же духе, переписав по-своему «Big Boss Man» — эталон чикагского блюза. Как каждый раз, возвращаясь к своим музыкальным корням, Пресли просто искрился, и его продюсер, убежденный в том, что движется по верному пути, не скрывал своей радости.

Однако приходилось ловчить с Фредди Бинстоком, который четко следовал инструкциям полковника, навязывая песни, сочиненные записными авторами «Хилл энд Рейндж». Уладив эту формальность, Пресли начал новый сеанс на следующий день с вдохновенного прочтения «Hi-Heel Sneakers» («Туфли на высоких каблуках») — хита трехлетней давности афроамериканского певца Литтла Томми Таккера. Гитара Скотти Мура образовала прекрасный ансамбль с губной гармоникой Чарли Маккоя и саксофоном Бутса Рэндолфа, придав этой длинной импровизации искомую атмосферу блюза, удачное сочетание звучания кантри и энергетики соула, свойственной негритянской музыке того времени.

Но в то время как все участники события выражали свое удовлетворение, Фредди Бинсток кривился, ибо все решилось в последний момент и он не успел обговорить права на песню с заинтересованным издателем. Во второй раз за последние сутки Джарвис и Элвис поставили его перед свершившимся фактом: накануне Бинсток уже вступил в жаркий спор с Джерри Ридом, отказавшимся наотрез уступить свою долю «Хилл энд Рейндж». Хотя Бинсток и давал ему понять, что «Гитарист» не будет издан, если они не договорятся, Рид отказывался уступать: его упорство подогревало сознание того, что Ар-си-эй не допустит такой ошибки, как спрятать в запасники столь перспективную запись.

Бинсток и полковник пришли в ярость, и Фелтону Джарвису пришлось вернуться к устоявшимся порядкам осенью 1967 года, когда записывали песни к новому фильму Элвиса — «Вали отсюда, Джо». По сценарию, в фильме было всего четыре песни, но когда Джарвис и Пресли увидели «Доминик», предложенный Бинстоком, который Элвис должен был исполнять на экране под фонограмму, стоя лицом к лицу с быком — вершина гротеска, — они поняли, что дальше ехать некуда. Униженный Пресли не скрывал своего намерения вернуться к более приличному

репертуару, что объяснялось возвращением в студию Джерри Рида. В тот день он принес с собой красивый блюз под названием «U.S. Male» («Американский мужчина»), и Элвис представил захватывающее прочтение этой песни под одобрительным взглядом Джарвиса.

Фредди Бинсток рвал и метал, но не мог ничего противопоставить отклонению от курса, заданного полковником. Результат сентябрьских сеансов быстро дал о себе знать: «Big Boss Man» пробился в список сорока лучших шлягеров и разошелся в 350 тысячах экземпляров, похожие результаты показали «Гитарист» и «Туфли на высоких каблуках», вышедшие на одном сингле в начале января. Пластинка не вызвала такого ажиотажа, на какой надеялся Джарвис, но «процесс пошел», и весной «Американскому мужчине» удалось закрепить успех: он занял 28-е место в хит-парадах и стал самой продаваемой пластинкой Пресли за последние три года: полмиллиона распроданных «сорокапяток».

С 1968 года началась эпоха возрождения в плане грамзаписи. Вечером 29 февраля на ежегодной церемонии вручения премии «Грэмми» Пресли неожиданно для всех получил награду — вот это был сюрприз так сюрприз! Элвису еще ни разу не удавалось заполучить «Грэмми». Он номинировался на эту премию в 1959-м и 1960-м, но систематически «пролетал»: выборщики, отобранные консервативнейшей Академией звукозаписи США, старались оттеснить в сторонку самых буйных представителей нового поколения, давая дорогу более благопристойным артистам.

Впоследствии, в середине шестидесятых, когда рок-н-ролл наконец-то утвердился в общественном сознании, Элвис уже не обладал достаточным престижем, чтобы претендовать на эту награду, и получил свою первую «Грэмми» лишь как «Лучший исполнитель священной музыки» за альбом «Велико искусство Твое». Символичное решение, но оно говорило о возвращении артисту милости: на взгляд истеблишмента из мира грамзаписи, непослушный ребенок Америки пятидесятых окончательно присмирел, выпустив сборник, заглавная песня которого (адаптация протестантского гимна скандинавского происхождения, относящегося к концу XIX века) стала популярна десятью годами раньше во время одного из знаменитых морализаторских крестовых походов евангелиста Билли Грэма.

Тем ярче был контраст с миром «седьмой музы», как подметил критик из «Нью-Йорк таймс» после выхода той же весной фильма «Спидвей»: «Элвис Пресли в корне изменил музыку и образ жизни подростков, когда дебютировал двенадцать

лет тому назад, но этого не скажешь о двадцати шести фильмах, в которых он снялся после своего прорыва с „Отелем, где разбиваются сердца“».

Сам Элвис уже даже не старался подавлять отвращение к ролям, которые ему предлагали. «Мне было от них физически плохо, — скажет он пять лет спустя в документальном фильме „Элвис на гастролях“. — Никто не хотел намеренно причинить мне боль, но тот образ, который навязывали мне в Голливуде, совершенно мне не подходил. Я прекрасно это сознавал, но ничего не мог поделать».

От скуки и депрессии Элвис действительно заболел. Весной 1967 года, когда ему предстояло сыграть отпрыска богатого семейства в «Пикнике у моря», он познакомился в Мемфисе с покладистым врачом, доктором Джорджем Никопулосом, который выдал ему вожделенное заключение, позволявшее на время уклониться от съемок. Десять дней спустя, вскоре после приезда в Голливуд, Элвис поскользнулся в ванной и очень неудачно упал. Полковник приписал эту неприятность умственному перенапряжению, виной которому был Ларри Геллер, однако в большей степени, чем гуру Элвиса, в нем был повинен коктейль из таблеток, которые певец ежедневно поглощал, чтобы развеять тоску.

Съемки «Пикника у моря» начались с опозданием почти на месяц, но это было лишь началом мучений, поскольку на горизонте уже маячили «Спидвей» и «Вали отсюда, Джо»: менеджер Элвиса был не тот человек, чтобы дать ему хоть малейшую передышку.

Как раз в это время на экраны вышел фильм «Легко пришло, легко ушло», подтвердив возрастающее равнодушие со стороны подростковой аудитории: собрав меньше двух миллионов долларов, фильм дотянулся лишь до пятидесятого места по кассовости; впрочем, «Двойная проблема» и того не смогла, не говоря уже о полном провале «Вали отсюда, Джо» и «Спидвея», которым едва удалось «отбить» свои бюджеты. Только в Индии этот жанр еще привлекал толпы кинозрителей, в США же и в других странах фильмы с Элвисом уже не котировались, в Европе прокатчики приобретали их с большим скрипом.

Разочарование Пресли нашло отклик и у полковника Паркера, чьи доходы в огромной степени зависели от потенциальных прибылей, которые давал прокат фильмов. Уже в марте 1967 года он поделился своей обеспокоенностью с прикормленными корреспондентами из «Метро-Голдвин-Майер» и посоветовал им пересмотреть рецепт, больше не делавший сборов: «Смею надеяться, что вы сейчас всматриваетесь в свой

хрустальный шар, чтобы снабдить нас добрыми старыми надежными историями». Ответ студии не заставил себя ждать: на весну 1968 года наметили шпионскую комедию «Немного жизни, немного любви», в которой Элвис предстал в необычном юмористическом ракурсе.

Мысль о том, чтобы сделать из Пресли комика на манер Дина Мартина, не была лишена очарования, но она пришла слишком поздно, чтобы вывести певца из тупика, куда его загнал полковник. Не желая в том признаться, Паркер теперь с величайшим трудом вел переговоры о новых контрактах. Хэл Уоллис и «Парамаунт» окончательно махнули на него рукой после фиаско «Легко пришло, легко ушло», и Паркеру пришлось обратиться к «Нэшнл Дженерал Корпорэйшн» — разветвленной компании, среди филиалов которой были кредитная организация, строительное предприятие, консервный завод и сеть кинотеатров.

Генеральный директор «Нэшнл Дженерал» Юджин Кляйн хотел наладить производство фильмов, чтобы снабжать ими 250 кинозалов, флагманом которых был знаменитый Китайский театр Граумана в Голливуде. Помимо мультфильмов про Снупи и Чарли Брауна он загорелся идеей снять фильм с Элвисом Пресли, отказавшись, однако, уплатить миллион долларов, затребованный полковником. В конце концов сошлись на 850 тысячах, и Паркер, готовый на любые уступки, согласился даже на то, что в фильме будет только одна песня.

«Нэшнл Дженерал» не нужен был Элвис, выпячивающий грудь посреди квохчущих красоток в бикини. В фильме «Чар-ро!» он предстал в образе «уцененного» Клинта Иствуда, сыграв небритого неудачника, которого преследуют бывшие сообщники на исходе мексиканской войны. Хотя сама мысль о том, чтобы снять Пресли в «итальянском» вестерне в тот момент, когда этот жанр был на пике популярности благодаря Серджо Леоне, была вполне здравой, отсутствие способного режиссера обрекло этот проект на провал.

Следующим фильмом Элвиса в 1968 году стал «Беда с девушками», которым завершились его отношения с «Голдвин-Майер». В очередной раз он выкарабкался из патоки предыдущих картин, но не создал ничего достойного внимания. Почти десять лет он служил олицетворением флирта без всякой сексуальной окраски, и вдруг теперь долго массировал спину партнерши в сцене, где не было ничего платонического. Правда, возникал вопрос, не следовало ли совершить этот внезапный переход от периода полового созревания к взрослости чуть пораньше, когда ему еще не было тридцати.

Полковник Паркер не стал дожидаться срока истечения

контракта с «Метро-Голдвин-Майер», чтобы взглянуть на будущее с другой стороны. Уже в 1967 году он установил контакт с Эн-би-си, телеканалом Ар-си-эй. К этому его побудило развитие телевидения, постепенно продвигавшегося в мир кино: он надеялся заключить новые контракты на киносъемки. Руководитель сети Эн-би-си на западном побережье Том Сарнофф (сын президента Эн-би-си Дэвида Сарноффа) согласился выложить 875 тысяч долларов на фильм с Элвисом и добавить еще 250 тысяч, если Паркер согласится на специальный выпуск телепередачи, посвященной певцу.

Это было ловко придумано: Сарнофф знал, до какой степени полковник дорожит цифрой в миллион долларов, достигнув ее за счет небывалого упорства в середине десятилетия. Разрываясь между недоверием к «голубому экрану» и желанием любой ценой спасти кинематографическое будущее своего певца, менеджер Элвиса согласился на эту сделку. Уговорились и об общей направленности рождественского шоу, которое должны были показать в декабре 1968 года. Не ведая того, Паркер дал исходный толчок для цепи событий, перевернувших карьеру Пресли.

Элвис не появлялся на телевидении со времен «Шоу Синатры» в мае 1960 года, когда вернулся из армии. То его выступление длилось всего шесть минут, однако его посмотрела половина американских телезрителей. После восьмилетнего перерыва Сарнофф предвкушал всю выгоду, какую Эн-би-си сможет извлечь из этого события, и без всякого труда убедил компанию — производителя швейных машинок «Зингер» стать спонсором проекта. Пока полковник представлял себе программу в стиле рождественских альбомов и сборников гимнов, которые он выпускал на рынок десятью годами раньше, Эн-би-си задумала масштабную передачу — возвращение Короля.

Исполнительный продюсер Эн-би-си Боб Финкель быстро добился от полковника полноты полномочий и разрешения выйти за рамки простой рождественской передачи при условии, что отобранный репертуар будет одобрен Фредди Бинстоком. Другим важным вопросом переговоров между телеканалом и импресарио Элвиса стал выбор режиссера. Канал предложил Стива Биндера, который не был новичком в своем деле. В апреле 1968 года он снял часовую передачу о признанной звезде эстрады «для семейного просмотра» Петуле Кларк; кроме того, долгое время был режиссером «Hullabaloo» — музыкальной передачи для подростков, а еще поставил «Тинейджерское музыкальное международное шоу».

Этот концерт, записанный на пленку в 1964 году, надолго остался в памяти. На одной сцене собрались «Бич Бойз», Чак Берри, Марвин Гэй, Смоуки Робинсон и «Мираклз», «Роллинг стоунз». Этот фильм всегда производил завораживающее впечатление на Элвиса: он смотрел его несколько раз во время ночных вылазок в кино в Мемфисе, прося киномеханика снова и снова повторять с начала великолепные кадры с заводным Джеймсом Брауном. «Джеймс утверждал, что в жизни не танцевал так быстро, — рассказывает журналистка Джерри Херши. — Он говорил, что если внимательно смотреть фильм, то видно, как он вдруг рухнул на сцену и несколько мгновений не соображал, где он и что с ним».

Помощником Биндера тоже был человек известный. Боунс Хоу был ветераном калифорнийской музыкальной сцены, с которым Пресли уже встречался в Голливуде в начале своей карьеры, и это обстоятельство пошло на пользу дела: к реализации проекта приступили вплотную в начале июня 1968 года, когда Элвис вернулся после двухнедельного отпуска на Гавайях, где был с женой, дочерью и несколькими членами своего окружения. Репетиции и съемки должны были продолжаться целый месяц.

Эта отсрочка может показаться весьма странной, но мало того что полковник со своим обычным маниакальным упорством цеплялся за каждую мелочь (он, в частности, потребовал еще четверть миллиона долларов за краткое появление Элвиса на экране с анонсом передачи, но Том Сарнофф сразу отклонил это предложение), так еще и Эн-би-си проявляла скрупулезность, пропорциональную капиталовложениям. Телеканал не хотел пренебречь ничем для успеха предприятия, выглядевшего еще весьма рискованным; о том, чтобы обойтись простым набором песен, не могло быть и речи.

«Я был убежден, что эта передача станет для Элвиса моментом истины, — вспоминает Стив Биндер. — Если бы он сделал такую же бесцветную передачу, как его фильмы для „Метро-Голдвин-Майер“, то бесповоротно погубил бы свою карьеру. В истории он остался бы кумиром пятидесятых, который извивался на сцене и у которого был мощный менеджер. Напротив, если бы ему удалось доказать благодаря этой передаче, что он по-прежнему лучше всех, он зацепил бы и новые поколения. А для этого нужно было создать впечатление, что это его передача, ведь работал же он сам над своими первыми пластинками, пока не увяз в кино. Люди хотели увидеть Элвиса Пресли, а не существо, придуманное полковником. Новогодние передачи с рождественскими песнями — это всё было хорошо для

Энди Уильямса и всяких там Перри Комо. Я хотел, чтобы Элвис самовыразился, чтобы он показал свое скрытое лицо, и люди поняли бы, какой он на самом деле».

Биндер работал по тщательно выписанному сценарию по мотивам «Синей птицы» Мориса Метерлинка — аллегорического произведения сродни «Пиноккио» Коллоди или «Алисе в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Точно так же, как юные герои пьесы, которые в рождественскую ночь идут странствовать по свету в поисках счастья, Элвис воссоздавал историю своей жизни, вспоминая главные удачи из своего репертуара, а мелодия «Гитариста» была для него путеводной звездой на всем протяжении передачи, заканчивавшейся традиционной рождественской песнью.

Опираясь на энергичную поддержку Элвиса, который весь преобразился при мысли о том, что снова выйдет на сцену и сможет продемонстрировать свои таланты шоумена, Биндер упорно работал над декорациями, хореографией, сочетанием порой довольно рискованных сцен снов. Самой спорной сценой (ее в конце концов вырезали при монтаже) была та, где Элвис попадает в гигантский дом терпимости и вынужден спешно оттуда ускользнуть из-за нагрянувшей полиции, так и не успев обаять Пьюрити (Чистоту) — начинающую «девушку», которая ему понравилась.

Подбор костюмов дал ему возможность заявить о своей независимости по отношению к менеджеру. Примерив костюм с золотой нитью, напоминавший тот, какой заказал полковник в 1957 году, он прислушался к мнению Биндера, посоветовавшего ему снова отпустить бакенбарды и подобравшего для финала белый костюм нувориша, тогда как в первой части шоу он был затянут в черную кожу, придававшую ему слегка хулиганский вид. Играя на двусмысленности между броской элегантностью и насмешкой, Биндер намеренно подчеркивал образ, во многом способствовавший рождению Элвиса Пресли — «мужлана в кричащих нарядах городских негров, баптиста с Юга, призывавшего к сексу своими хрипами на сцене с покачиванием бедер, хорошо воспитанного молодого человека с повадками хулигана» — так его описывали историки музыки кантри Дуглас Гри и Боб Эрманн.

Несмотря на репутацию «шпаны», закрепившуюся за ним в начале карьеры, Элвис сумел тогда устоять перед соблазном черной кожаной куртки, которую ввел в моду Марлон Брандо в 1954 году в фильме «Дикарь», а Джин Винсент потом привнес в мир рок-н-ролла. В 1968 году стереотип рокера радикальным образом изменился. Из сомнительного персонажа он превратился

в легенду, в человека, указавшего путь «Битлз» и ставшего предвестником «революции цветов», уже несколько месяцев происходившей в США. Вчерашний «урка» сделался старшим братом, его бунтарский дух стал источником вдохновения для борцов за социальную справедливость, яростных защитников расового равенства, проповедников свободной любви и мира во Вьетнаме. Подчинившись клише, Элвис лишь подтвердил свой статус Короля.

На репетициях Биндер добивался более непринужденного исполнения, не похожего на священнодействие, в стиле первых крупных музыкальных фестивалей, предвестников Вудстока, которые только-только появлялись в Америке шестидесятых. Отказавшись от нескольких слишком проработанных сцен, он предложил более «домашние» фрагменты, на грани импровизации, для записи которых Элвис обратился к Скотти Муру и Д. Дж. Фонтане. Не сознавая того, Биндер изобрел концепцию акустических концертов, которые тридцать лет спустя снискали большой успех на музыкальном телеканале MTV. Преимуществом этого стиля было то, что внимание сосредоточивалось на разговорных вставках, в ходе которых Элвис должен был вспоминать прошлое с товарищами по гастролям. И поскольку требовалось прежде всего обрести непосредственность, свойственную негритянской музыке, которая была отличительной чертой первых записей Элвиса, Биндер решил заменить «Джорданерс», занятых в другом месте, афроамериканскими бэк-вокалистами «Блоссомс».

Сам факт того, что на одной площадке будут выступать белые и чернокожие артисты, вызывал зубовный скрежет у спонсора и робких людей, боявшихся шокировать зрителей-южан, но Биндеру было плевать на мнение консерваторов. Режиссер и прежде допускал такие «ляпы»: за несколько недель до того он вызвал бурю среди американских реакционеров, отказавшись вырезать из передачи с Петулой Кларк сцену, в которой певица-англичанка дотрагивается до руки Гарри Белафонте, с которым поет дуэтом. Белая женщина не могла безнаказанно дотронуться до черного мужчины в «прайм-тайм» в Америке 1968 года.

Подбор репертуара для «Singer Special» с участием Элвиса тоже был весьма деликатным делом. Фредди Бинсток уже давно пытался подсунуть Биндеру макеты рождественских песен в стиле рок, нелепые названия которых напоминали о худших образцах из голливудской серии Пресли: «Little Stranger (In a Manger)» («Незнакомый малютка в яслях»), «Jingle Bell Rock» или «The Voice in the Choir» («Голос в хоре»). Биндер не собирался делать из

своей передачи посмешище и благоразумно дождался встречи с Элвисом для принятия необходимого решения.

Распределяя обязанности в самом начале своего сотрудничества, артист и импресарио уговорились, что Пресли волен выбирать свои песни, но в последние годы полковник упорно старался распространить свое влияние и на творческую сферу, в которой, кстати, ничего не понимал. Когда до Тома Паркера дошло, что рождественская передача ускользает из-под его контроля, он, как обычно, надавил на Элвиса: к ошеломлению Биндера, тот понурил голову, точно нашкодивший мальчишка. Уже не в первый раз полковник развлекался тем, что унижал своего артиста при свидетелях, но в отличие от прошлых случаев Элвис последовал советам Биндера, как только менеджер отвернулся.

Прежде всего он отобрал несколько песен, написанных Джерри Лейбером и Майком Столлером, в том числе «Trouble» («Беда») из фильма «Король Креол», а также «Saved» («Спасен») Ла Верна Бейкера, сочинение 1961 года, и еще «Little Egypt» («Малый Египет»), оригинальная версия которого в исполнении «Коастерс» ему всегда нравилась. Отдали дань и блюзу, выбрав две песни Джимми Рида — «Baby What You Want Me to Do» («Девочка, чего ты хочешь от меня») и «Big Boss Man», но конечно же Элвис совершенно логичным образом хотел вернуть утраченные позиции благодаря своим прошлым хитам — «Всё в порядке», «Отель, где разбиваются сердца», «Дворняга», «Я потрясен», «Тюремный рок» и «Люби меня нежно».

Тем бунтарство Пресли и ограничилось: следуя директивам полковника, он внес в репертуар несколько рождественских песен, но в то время как его менеджер хотел воспеть обычные атрибуты праздника — омелу, сани и Санта-Клауса, Элвис предпочел более мистическую концепцию Рождества, создав свою версию «Up Above My Head» («Высоко над моей головой») — афроамериканского гимна в стиле госпел, созданного «Саутерн Сонз» в начале сороковых годов и ставшего популярным в конце того же десятилетия благодаря Розетте Тарп и Мэри Найт, а также «Where Could I Go But to the Lord» («Все дороги ведут к Господу»), которая уже вошла в альбом «Велико искусство Твое».

Эти изменения сильно не понравились полковнику. Он еще закрыл бы глаза на песни из каталогов «Хилл энд Рейндж», но не мог смириться с отказом от «A Little Less Conversation» («Короткий разговор») — посредственной песенки из фильма «Немного жизни, немного любви», которую хотел любой ценой включить в программу ради рекламы этой комедии — она должна была выйти на экраны вскоре после телешоу.

Но не это стало яблоком раздора. Изначально передача должна была завершиться традиционной песней, которая вызвала бы прилив чувств у всей Америки, собравшейся перед телевизором под елочкой. Полковник лично выбрал для этой цели «I'll Be Home for Christmas» («Я буду дома на Рождество») — стандарт, введенный в 1947 году Бингом Кросби, но Биндер не собирался идти у него на поводу. Он хотел наложить свой отпечаток на передачу, сделать ее современной, без всякой инфантильной ностальгии. С его точки зрения, призыв к миру и терпимости, с которым по традиции обращаются в рождественскую ночь, должен принять актуальный оттенок в завершение непростого года, отмеченного незаурядными и печальными событиями.

6 июня, во время работы над передачей, Биндер и Пресли были потрясены, узнав об убийстве Роберта Кеннеди — младшего брата Джона Ф. Кеннеди, кандидата в президенты от демократов, в разгар избирательной кампании. Двумя месяцами раньше пуля убийцы, руководимого высокопоставленными лицами, сразила чернокожего лидера Мартина Лютера Кинга-младшего, и эта трагедия вызвала бурю возмущения в большинстве американских гетто.

Элвис, убежденный противник сегрегации всякого рода, был тем более удручен убийством пастора Кинга, что оно произошло в его родном городе Мемфисе в нескольких шагах от Бил-стрит, где он получил свое музыкальное образование. Элвис не стремился высказываться о политических проблемах, которые были выше его понимания, тем не менее он был южным демократом нового поколения, о чем говорит его способность продекламировать, если попросят, знаменитую речь Кинга «У меня есть мечта». Когда Биндер предложил ему исполнить песню с намеком на эту животрепещущую тему, он попал в точку.

Биндер обратился к хормейстеру Эрлу Брауну, и тот за одну ночь лихорадочно написал гимн миру и братству под названием «If I Can Dream» («Когда я мечтаю»). Как понял Биндер, это был самый надежный способ перекинуть мостик между Элвисом и поколением, ратующим за прекращение апартеида в Америке и за мир во Вьетнаме. Вместо того чтобы заручиться согласием Паркера, который наверняка косо посмотрел бы на его инициативу, режиссер попросил Брауна сесть за рояль и продемонстрировать песню Элвису. В порыве добрых чувств тот загорелся воодушевлением и обещал исполнить ее в конце передачи, даже если придется схлестнуться из-за этого с полковником.

А тот как раз трубил сбор, созывая своих союзников в Ар-си-

эй и «Хилл энд Рейндж», чтобы сорвать планы, о которых он прознал. Паркер взирал на музыкальный мир аполитичным взглядом оппортуниста, и, хотя водил дружбу с самыми консервативными из числа южных демократов, вероятный приход в Белый дом республиканца побуждал его проявлять осторожность. Во всяком случае, встав на защиту установленного порядка, он, естественно, сторонился бунтарей и либералов. Он столько лет убеждал средних американцев, что Элвис не *nigger lover* (друг негров), как утверждали его хулители! И речи не могло быть о том, чтобы гимн типа «Когда я мечтаю» разрушил все его усилия.

Судьба этой «песни протеста» была решена во время столкновения между певцом и его менеджером в присутствии Стива Биндера. Вопреки ожиданиям, Элвис сдержал слово и отказался уступить, поставив полковника перед свершившимся фактом. В качестве утешительного приза Том Паркер добился от Эрла Брауна издательских прав на «Когда я мечтаю», прекрасно сознавая при этом, что только что потерпел поражение.

Создание собственно передачи «Singer Special» заняло десять дней — с 20 по 29 июня. В первые дни записывали песни, исполнявшиеся под фонограмму, в сопровождении большого оркестра. Затем Биндер приступил к репетициям и съемке различных эпизодов передачи, которые предстояло соединить во время монтажа. Во время одной из самых важных сцен Пресли вернулся к репертуару «Блу Мун Бойз» в самой что ни на есть интимной атмосфере: Д. Дж. Фонтана и Алан Фортас задавали ритм гитарам Элвиса, Скотти Мура и Чарли Ходжа на импровизированных ударных инструментах. Присутствие Ходжа и Фортаса было не случайным: Биндер обратился к этим членам ближнего круга Элвиса, чтобы придать уверенности певцу: того страшила величина ставки в этой передаче, которая могла ознаменовать собой его возвращение на сцену или окончательный, хотя и преждевременный, уход на покой.

«А если люди меня не любят?» — спросил он с тоской Стива Биндера во время окончательной записи эпизода, разворачивающегося на сцене величиной с боксерский ринг, окруженной зрителями, под лучами юпитеров. Первые кадры передачи показывают дрожащую руку Элвиса на микрофоне, но он очень хочет добиться успеха, и присутствие двух сотен зрителей за столиками, точно в клубе, вселяет в него уверенность. В несколько минут он преображается, обретает свое обаяние, вспоминает со Скотти и Фонтаной бурные турне, буйство поклонников и по ходу исполняет песни, посвящая их

хорошеньким девушкам, которых полковник ловко усадил у самой сцены. Не считая антракта, во время которого костюмерши постарались вернуть подобие формы его костюму из черной кожи, насквозь промокшему от пота, Биндер продолжал съемки четыре часа, совершенно вымотав Элвиса, с которого лило ручьем.

Вечером 29 июня в финальной сцене Элвис один вышел на свой ринг к публике под аккомпанемент оркестра Эн-би-си, расположенного в глубине помещения. Несмотря на волнение, к нему вернулось чувство сцены, принесшее ему небывалый успех двенадцать лет назад. Движения бедрами, жестикуляция, поглаживания… Священный огонь, свойственный Пресли в начале пути, не погас. К тому же певец относился к своему имиджу с юмором, подтрунивая над своими гримасами молодого рокера и «донжуанским списком» на экране. Фанаты узнали своего Короля, мало того: новое поколение поклонников рока открыло для себя блестящего исполнителя, стоящего вне модных тенденций, первосортного шоумена, наконец-то сбросившего с себя путы, в которых менеджер держал его десять лет.

Судя по реакции публики в зале, Элвис выиграл пари, хотя окончательный приговор будет вынесен только после показа передачи, намеченной на начало декабря. В промежутке полковник продолжал вставлять Биндеру палки в колеса, принудив его включить в передачу весьма посредственное исполнение «Blue Cristmas» («Синее Рождество»), вырезанное при первом монтаже, а руководство фирмы «Зингер» заставило исключить сцену в публичном доме. Эти перепалки поддерживали напряжение в прессе все лето 1968 года, в то время как Элвис, натянутый как струна, вернулся к голливудской рутине, в ожидании того, как широкая публика решит его судьбу.

Этот период неуверенности был к тому же отмечен множеством трудностей и неприятностей: разочарование по поводу «Чарро!», работа над которым не оправдывала ожиданий, натянутые отношения с Присциллой и уход одного за другим людей из его близкого окружения. Первым покинул этот свет Ник Адамс — он умер от передозировки наркотиков в феврале, за два месяца до Стива Шоулса, которого сразил сердечный приступ. Затем настал черед его дяди Джонни Смита, младшего брата Глэдис, который учил его в детстве, в Тьюпело, играть на гитаре. С недавних пор Джонни испытывал проблемы с почками, и они доконали его в несколько недель. Вскоре после того двоюродный брат Бобби оборвал долгую борьбу с депрессией сильной дозой крысиного яда, а еще через несколько недель Дьюи Филлипс, тоже доживавший жизнь плачевным образом, сгорел, поскольку совершенно не щадил себя. Точно так же, как после смерти Билли

Блэка от опухоли мозга осенью 1965 года целая глава из жизни Элвиса оказалась вычеркнута.

Новости тоже поступали одна тревожнее другой: в прессе говорили о вторжении в Прагу советских танков; по телевизору крутили кадры с вызывающим жестом чернокожих американских спортсменов: в момент исполнения национального гимна на Олимпиаде в Мехико они, стоя на подиуме, опустили головы и вскинули вверх кулаки; по радио сообщали, что мексиканская армия открыла огонь по бастующим студентам, жертвы исчисляются сотнями. В США Калифорния погрузилась в траур из-за радикализации движения «Черные пантеры», однако самые трагические события произошли в Чикаго: несколько тысяч противников войны во Вьетнаме явились на съезд демократической партии и подверглись избиению двенадцатью тысячами полицейских, призванных мэром, на глазах ужаснувшейся Америки — крушение гражданского мира показывали по телевизору в прямом эфире.

Эта трагедия способствовала победе на ноябрьских выборах Ричарда Никсона, которого республиканцы предпочли Рональду Рейгану, поскольку он обещал «достойный мир». Конец правления Линдона Джонсона был чреват радикальными переменами в американской политике на Дальнем Востоке: в общественном мнении царил раскол, однако оно было явно настроено в пользу мира, особенно после того, как Тетское наступление[15] подорвало моральный дух всей нации.

Именно в такой непростой обстановке во вторник 3 декабря была показана передача «Зингер представляет Элвиса». Окончательная ее версия длилась только шестьдесят минут, но это событие было анонсировано прессой и оправдало ожидания. Зрительский рейтинг составил 42 процента — лучший результат Эн-би-си за весь сезон. За редкими исключениями (например, журнал «Варайети» считал, что «Элвис поет все так же плохо», а «Лос-Анджелес таймс» написала: «Вряд ли телезрителям приятно смотреть, как певец потеет на экране»), пресса пела дифирамбы.

«Нью-Йорк таймс» считала, что Элвис «вывел эстраду из мира иллюзий, переведя ее в мир реальности»; «Рекорд Уорлд» говорила о «мужественном артисте, забавном и ярком, прекрасно вписавшемся в современность»; но самые замечательные слова принадлежат конечно же Джону Ландау, написавшему в журнале «Ай»: «Есть что-то волшебное в том, что заблудшая овца вернулась в стадо. <…> Элвис двигался на сцене с такой простотой и легкостью, что Джим Моррисон позеленел бы от зависти. И хотя большинство его песен десяти- или двенадцатилетней давности, он исполнял их так, будто они были

написаны вчера».

Об успехе можно было судить и по продажам альбома «Элвис NBC-TV», разошедшегося более чем в миллионе экземпляров, войдя в список лидеров продаж конца года, — сборникам Пресли уже много лет не удавалось достичь ничего подобного. Что же до песни «Когда я мечтаю», справедливо считавшейся Ар-си-эй кульминационным моментом передачи, «сорокапятки» с ней раскупили миллионным тиражом, она заняла 12-е место в сотне самых популярных композиций — небывалый успех со времен «Я твой» в 1965 году. Как пишет Присцилла Пресли в автобиографии, «Элвис не утратил хватку, он по-прежнему был Король».

Триумф в СМИ был не только торжеством самого Пресли. Благодаря ему возродился рок-н-ролл, а у главных представителей этого жанра — Фэтса Домино, Билла Хейли, Карла Перкинса, Рика Нельсона — открылось второе дыхание. Это была не просто ностальгия поколения пятидесятых: заданный импульс позволил сблизить точку зрения пионеров рок-н-ролла с позицией звезд прогрессивного рока, волна которого захлестнула Европу и Америку. Лучшим примером этой преемственности стало выступление на одной сцене в конце лета 1969 года Чака Берри, Джина Винсента, Литтла Ричарда и Бо Дидли вместе с Джоном Ленноном, группой «Дорз» и Элисом Купер.

Нет никаких сомнений в том, что Элвис Пресли только выиграл бы, приняв участие в таком событии. Но его импресарио, которому уже стукнуло шестьдесят, оставался глух к развитию рока, предпочитая придерживаться старого проверенного рецепта: «музыка хиллбилли, ритм-энд-блюз, госпел, рождественские песни, щепотка рока и другие ингредиенты. Как в универсаме: всем сестрам по серьгам».

В личных пристрастиях полковника ведущее место занимал Голливуд, где предстояло снять еще одну картину, оговоренную в контракте с Эн-би-си, — совместное производство со студией «Юниверсал». Фильм «Смена привычек» оправдывал свое название: по сценарию Элвис выступал в роли «врача без границ», окунувшегося в нищету городского гетто. Хотя в профессиональном плане он находит себя, леча обездоленных детей и помогая наркоманам избавиться от зависимости, великодушный доктор гораздо менее удачлив в личной жизни: его выбор пал на медсестру, но он не знает, что на самом деле это монашка в гражданском платье — в данном случае в мини-юбке.

Как разрешилась дилемма героя — осталось непонятно. Этот персонаж обладал гораздо более выраженным характером, чем пляжные плейбои, которых обычно играл Элвис, но сюжет был

карикатурен, идея фильма — слишком манихейской, чтобы заинтересовать киноманов, заполнявших залы, где показывали «Беспечного ездока» Денниса Хоппера, «Полуночного ковбоя» с Дастином Хофманом, «Ресторан Элис» с Арло Гутри или «Загнанных лошадей пристреливают»; что же до фанатов первой волны, которые по-прежнему ходили смотреть каждый новый фильм Элвиса, то они были просто сбиты с толку. Вот на такой странной ноте и закончилась актерская карьера Пресли.

Прощание с экраном прошло легче благодаря возобновлению его деятельности как певца. Несмотря на свою изоляцию, Пресли всегда следил за музыкальными новинками, регулярно доставая хиты, которые крутили по радио, а также сборники шлягеров, так что был в курсе изменений в мире поп-музыки и знал, чем обязан современный рок рок-н-роллу, глашатаем которого он по-прежнему оставался. Годы творческой летаргии притупили его желание вернуть себе достойное место в мире музыки, но теперь его подхлестывало возбуждение от телепередачи, так что он даже начал строить планы со Скотти Муром и Д. Дж. Фонтаной. Двигала им не только ностальгия; он был убежден, что сможет раскрыться лучше всего, если наметит новые пути вместе с верными спутниками, разделявшими его страсть к блюзу и кантри. Поэтому он предложил им запереться на некоторое время в студии Скотти в Нэшвилле.

Заходила речь и о том, чтобы отправиться вместе с ними в мировое турне — единственный способ извлечь выгоду из выдыхающейся популярности. Даже в Англии, где широкая публика относилась к нему более терпимо, несмотря на его участие в халтуре, любовь к нему остывала; в 1967 году, после девяти лет безраздельного господства, Элвис утратил титул лучшего певца по версии читателей, присуждавшийся журналом «Мелоди мейкер», пропустив вперед Отиса Реддинга, а его имя впервые за десять лет не попало в британскую «горячую десятку». Оставалось уболтать полковника, который с непонятным ожесточением восставал против всякой попытки выехать за границу.

После песни «Когда я мечтаю» Элвис убедился, что отныне способен противостоять своему импресарио, — правда, он позабыл, что никогда бы не добился успеха без поддержки Стива Биндера. Как только Том Паркер проведал о его планах, то сразу дернул стоп-кран. С досады Скотти решил зачехлить гитару и впоследствии работал только звукоинженером в студии грамзаписи. Новое предательство Элвиса нанесло ему жестокую рану; больше они не увидятся.

Как тонкий психолог, Пакер почуял желание Элвиса возобновить певческую карьеру, но он рассчитывал на Фелтона Джарвиса, чтобы перехватить инициативу и направить Элвиса на истинный путь тщательно продуманных выступлений. Джарвис тоже заметил перемену, произошедшую в Короле, в котором снова вспыхнул огонь. После телепередачи, вернувшей ему одно из первых мест в мире американской эстрады, Пресли уже нельзя было увлечь в Нэшвилл или в Голливуд, чтобы записывать там залежалые песенки, поставляемые Фредди Бинстоком, тем более что Мемфис превращался в один из крупнейших национальных центров музыкальной индустрии.

В последние месяцы мощное развитие получили местные студии, благодаря которым городской бюджет ежегодно пополняли десятки миллионов долларов. Главным святилищем звукозаписи стал «Стакс» — бывший кинотеатр, переделанный под офис ведущей компании в области южной музыки соул, привлекавшей к сотрудничеству лучших представителей этого жанра — Отиса Реддинга, Руфуса и Карлу Томас, Джонни Тейлора, Уилсона Пикетта…

И все же «Стакс» ограничивал себя запросами чернокожей Америки, чего нельзя было сказать о его главном конкуренте — «Американ», студии, созданной в середине шестидесятых Чипсом Моманом. Родом из Джорджии, бывший гитарист Джина Винсента дебютировал как продюсер вместе с основателями «Стакса» в начале десятилетия. Когда между ним и бывшими компаньонами возникли споры финансового порядка, Моман на свои небольшие сбережения открыл собственную студию и попытался компенсировать ее неказистость наличием оркестра, столь же сплоченного, как и у конкурента.

В противоположность «Стаксу», в оркестре которого играли музыканты разных цветов кожи, «Оркестр с Томас-стрит, 827» (таков был адрес студии «Американ» в Мемфисе) состоял исключительно из детей белых пролетариев с Юга; все они находились под обаянием притягательной силы ритм-энд-блюза, исподволь пропитывая ею эстраду, как Элвис десять лет тому назад. В последние месяцы этот исключительный ансамбль способствовал тому, что в американскую поп-музыку влилась смесь из соул, кантри и рока. Сначала он аккомпанировал местным артистам типа «Бокс Топс» и «Джентрис», потом к ним присоединились национальные звезды вроде Нила Даймонда, Дасти Спрингфилда, Б. Дж. Томаса, Джо Саймона, Джо Текса или Уилсона Пикетта, привлеченные «обыкновенным чудом» Момана. В общей сложности, около шестидесяти записей, сделанных «Американ», вошли с 1967 года в американские хит-парады, и

Пресли бы только выиграл от сотрудничества с такой успешной командой.

Официально план «присоседиться» к «Американ» принадлежал Элвису; на самом деле эту идею ему подсказали члены его окружения, которые, как обычно, отошли в тень, едва он высказал ее сам. Фелтон Джарвис сразу же поддержал опыт, который бы позволил обновить имидж певца. Встречу с Моманом назначили на 13 января 1969 года; того привлекала мысль добавить Элвиса в свою «коллекцию охотничьих трофеев», хотя он и не ждал от этих сеансов слишком многого. На его взгляд, к тридцати четырем годам Пресли превратился в бывшую звезду рок-н-ролла, и его шансы ворваться на вершину хит-парадов были весьма невелики, однако сумма, выложенная Ар-си-эй, существенно поправила бы его финансовые дела. «Элвис не был лучшим певцом в мире, — поясняет Моман, — но он обладал своим звучанием, а это самое главное».

Впервые со времен «Сан Рекордз» Пресли записывался в своем городе. Возвращение к истокам прошло тем проще, что в оркестре «Американ» состояли несколько хорошо знакомых ему музыкантов. Например, ударник Джин Кристман, долгое время работавший с Джерри Ли Льюисом, или гитарист Регги Янг и органист Бобби Эммонс — два бывших столпа «Билл Блэк Комбо». Несмотря на ларингит, из-за которого Элвис не мог петь почти половину из запланированных для записи одиннадцати дней, это была одна из самых продуктивных творческих серий в его карьере как по количеству, так и по качеству.

Все началось по традиционной схеме, в присутствии нескольких его подручных, готовых хвалить и успокаивать, если потребуется. Тут же маячил Фредди Бинсток, специально приехавший из Нью-Йорка с обычным грузом баллад и бесцветных песенок, созданных по шаблону. Помня об успехе «Когда я мечтаю», Элвис не собирался подчиняться конвейеру, загубившему его певческую карьеру, и хотел взять инициативу в свои руки, лично подбирая репертуар, — ему и раньше не стоило отказываться от этой прерогативы.

Приняв некоторые предложения Бинстока, он все же выразил желание возобновить связь с миром Юга, которому был обязан первоначальным успехом, и приступил к работе над песней «Long Black Limousine» («Длинный черный лимузин»). Эта история любви в мрачной обстановке, вполне в духе хиллбилли, идеально подходила исполнителю «Отеля, где разбиваются сердца», который сразу показал, что его талант не пострадал ни от времени, ни от стратегических ошибок полковника.

Добротность «Оркестра с Томас-стрит, 827» помогла добиться качественного результата даже в композициях, навязанных Бинстоком, но избегнувших банальности благодаря атмосфере, создаваемой оркестром. Нельзя не испытать чувства признательности к Чипсу Моману, который ловко и твердо руководил Элвисом, стараясь изолировать певца от его окружения. «Когда я сказал ему, что он сфальшивил здесь и здесь, его приспешники чуть не упали в обморок», — вспоминает он со смехом. По своему обыкновению, он стремился к простоте и сосредоточился на взаимодействии между певцом и оркестром, собираясь впоследствии добавить к лучшей записи бэк-вокал и духовые. Последние сыграли принципиальную роль: трубач Уэйн Джексон, саксофонист Эндрю Лав и тромбонисты Джек Хейл и Эд Логан усилили звучание соул.

Элвису очень нравился столь продуманный подход, к нему вдруг вернулось давно позабытое воодушевление, он взялся за работу с пылом, подогретым годами разочарований. Атмосфера была что надо, и к тому же в последний вечер Пресли даже смог встретиться с Роем Гамильтоном, получив от этой встречи несказанное удовольствие. Бывший когда-то его кумиром, Гамильтон перебросил мост от госпела к эстраде, поставив изощренность своей вокальной техники на службу отшлифованному ритм-энд-блюзу, доступному широкой публике. Гамильтон записывал в «Американ» свой альбом, и Элвис от щедрот своих подарил ему одну из песен, которую собирался исполнить сам, — в нем проснулся бывший фанат. Они пообещали друг другу поддерживать связь, но это так и осталось добрым пожеланием: через несколько месяцев Гамильтон скончался от сердечного приступа.

Несмотря на проблемы с горлом, Элвис смог записать два десятка песен, среди которых выделялись композиции Мака Дэвиса. Давний поклонник Пресли, родом из Техаса, он уже снабжал его весьма средненькими сочинениями — например, совсем недавно, для фильма «Чарро!», но Чипе Моман связался с ним, намереваясь получить песни, способные лучше раскрыть потенциал Элвиса. Помимо «Don’t Cry, Daddy» («Не плачь, папа»), напомнившей ему о Глэдис, Элвис ухватился за песню «In the Ghetto» («В гетто»): вслед за «Когда я мечтаю» эта «песня протеста» обличала атмосферу социальной и расовой несправедливости, против которой громко протестовала прогрессивная американская молодежь.

Пресли был убежден, что такая песня сблизит его с поколением почитателей Боба Дилана или Саймона и Гарфункеля; чисто по-человечески он разделял идеи песни «В

гетто» и не заставил себя упрашивать, когда Моман подтолкнул его действовать решительно, несмотря на мрачную физиономию Бинстока, который должен был следить за безобидностью репертуара.

Другой важный момент этого сеанса работы с «Американ» произошел в последнюю ночь, на рассвете 23 января, когда Элвис уже собирался уходить из студии, отправляясь в отпуск вместе с семьей. В запасниках Чипса Момана хранилась песня под названием «Suspicious Minds» («Подозрительные умы»), в которую он крепко верил. «Придворные», бывшие рядом той ночью, разделяя мнение Момана, наперебой побуждали Элвиса попытать счастья, и операция завершилась на бравурной ноте, дав весьма многообещающий результат. Ликующий Пресли даже поделился впечатлениями с репортером из «Коммершиал Апил», явившимся взять у него интервью: «Просто здорово работать в студии, как эта. — И тотчас обернулся к ее руководителю: — Похоже, у нас есть несколько хитов, правда, Чипе?» Моман не скрывал своего удовольствия и охотно ответил комплиментом на комплимент: «Элвис — один из самых трудолюбивых артистов, каких я только знаю. Когда он работает, он него так и пышет энергией и воодушевлением».

Прежде чем вылететь в Колорадо, чтобы отметить там первый день рождения дочери вместе с Присциллой, Элвис уговорился с Моманом снова встретиться в студии «Американ» с «Оркестром с Томас-стрит, 827» во второй половине февраля. В тот раз удастся записать четырнадцать новых песен в такой же атмосфере трудолюбия и добросовестности, как и во время январских сеансов.

В промежутке Фредди Бинсток насел на Момана, чтобы заставить его отказаться от издательских прав на «Подозрительные умы» в соответствии с непреложным правилом, установленным полковником. Моман отказался наотрез, и Бинсток обратился к Тому Паркеру, который пригрозил зажать выход этой песни, однако не на того напал. Как опытный продюсер, Моман мог только сожалеть о решении импресарио Элвиса, если песня так и не выйдет в свет, но он был не тот человек, чтобы дать себя запугать, а успешность его студии предоставляла ему достаточную финансовую свободу, чтобы отстаивать свою точку зрения.

Он попросил рассудить их одного из руководителей Ар-си-эй, который прослушал записи и принял сторону Момана, но что самое невероятное — Элвис открыто воспротивился воле своего менеджера и потребовал выпустить «Подозрительные умы».

Впоследствии артист и фирма грамзаписи не раскаются в этом решении.

Уже в апреле пресса единодушно приветствовала выход «сорокапятки» с песней «В гетто», миллион пластинок расхватали в несколько недель, песня утвердилась на третьем месте в «горячей сотне» — небывалый успех с 1965 года. Альбом «От Элвиса в Мемфисе», поступивший в продажу в июне, подтвердил его, разошедшись полумиллионным тиражом. Даже самые въедливые критики признавали гений пионера рок-н-ролла, которого считали окончательно заблудившимся в извивах плохо управляемой карьеры. Журнал «Роллинг стоун» писал: «Новый альбом замечательный, это самое лучшее из всего, что создал Элвис».

Но лучшее еще было впереди. Запущенная в оборот 26 августа, песня «Подозрительные умы» взлетела к вершинам на волне успеха артиста, переживающего период обновления, и с 1 ноября заняла верхние строчки хит-парадов поп-музыки по версии журнала «Биллборд»: впервые после «Очарования удачи» весной 1962 года имя Элвиса Пресли вернуло себе почетное место в чартах. Вслед за телепередачей «Singer Special» этот успех ознаменовал собой возвращение Короля, который вновь обрел боевой настрой в студии звукозаписи, избавившись от опеки чересчур властного менеджера.

После инцидента с «Когда я мечтаю» полковник проиграл еще одно важное сражение со своим певцом, что грозило подорвать его влияние. Решив больше не уступать, он не стал дожидаться выхода «Подозрительных умов», чтобы по-своему организовать возвращение Элвиса на сцену, а именно в обстановке, более соответствующей его собственным нуждам, чем потребностям его артиста, — в отеле «Интернациональ» в Лас-Вегасе.

Глава одиннадцатая. ЛАС-ВЕГАССКИЙ КИТЧ. 1969–1976

Полковник Паркер обычно пускал в ход свое воображение только при вполне конкретных обстоятельствах: когда нужно было выдумать новые способы облапошить ближнего. Вне этих рамок сей непревзойденный циник придерживался проверенных рецептов, пока те не изживали себя, будучи убежден, что рассуждение — враг успеха, а важен только результат.

Это макиавеллиевское мировоззрение было двигателем его успеха с теперь уже далеких времен, когда он заправлял делами Эдди Арнольда. Это упрямство могло бы показаться преступным, если бы у Паркера был в запасе целый выводок артистов, которых он выбрасывал бы на свалку одного за другим; но он, одиночка, поставил все свое профессиональное будущее на Элвиса Пресли, и так продолжалось уже пятнадцать лет. Он дотошно выстраивал карьеру артиста из последовательных этапов, и только исключительные обстоятельства могли заставить его изменить стратегию.

Именно это и произошло в конце шестидесятых годов. Десять лет назад, когда образ бунтаря себя исчерпал, Паркер занялся преображением секс-символа эпохи рок-н-ролла в молодого улыбчивого южанина-патриота, способного флиртовать с девочками из «средней» Америки и при этом выглядеть идеальным зятем в глазах их матерей. С окончанием кинокарьеры Элвиса эта эра завершилась, к великому сожалению полковника, которому теперь приходилось выдумывать достойную и прибыльную альтернативу Голливуду. Уравнение решалось просто: поскольку актер выдохся, нужно снова сделать его певцом.

Возвращение на сцену прошло тем легче, что фанаты, взрослевшие вместе с Пресли, сохраняли ему верность. По опросам, проведенным британским фан-журналом «Элвис Монтли» в 1969 году, около половины поклонников приписывали крах голливудской карьеры Пресли полковнику: «Критика в адрес его менеджера после успехов, достигнутых в 1969 году, — это явное осуждение всей его политики с 1963 по 1967 год. Если бы тот же вопрос задали в 1967 году, против полковника высказалось бы больше 75 процентов».

Тому Паркеру было плевать, что его сделали козлом отпущения, лишь бы не оторвали от кормушки. Все еще воодушевленный своим выступлением на телевидении, Элвис,

кстати, горел желанием вернуться на сцену, о чем и заявил уже в 1968 году: «Многое переменится, я не собираюсь увязнуть в рутине… Я хотел бы снова давать концерты, в первое время здесь, а потом за границей, возможно, в Европе. Я хотел бы открыть для себя новые места, мне не хватает контакта со зрителем».

Том Паркер мог выбирать из нескольких вариантов. В то время как молодая Америка официально заявила о своей любви к року на мегаконцертах в Вудстоке и Альтамонте, были все основания полагать, что Пресли примут как героя в храмах нового поколения. Но для этого требовалось одобрить нынешние протестные настроения, а они слишком напоминали об изначальном бунтарском духе рок-н-ролла, чтобы полковник, стремящийся сохранить нейтральный имидж своего артиста, на это согласился. Кроме того, возобновление гастрольной деятельности Элвиса таило в себе риск нарушить изоляцию, в которой менеджер держал его с самого возвращения из Германии.

Другой вариант вырисовывался со стороны Лас-Вегаса и шикарных кабаре — искусственный и денежный мирок, в котором Пресли получил бы работу, не связанную с разъездами. Идея была не нова, Паркер уже запустил пробный шар весной 1956 года, когда проверил ее на Эдди Арнольде. У Элвиса осталось неприятное воспоминание от краткого появления в отеле «Нью Фронтьер», но с тех пор ситуация изменилась в корне, на смену снобам, которые тогда облили его презрением, пришло поколение поклонников рок-н-ролла, готовых на любые жертвы, чтобы утолить свою ностальгию по юности.

Полковник приступил к осуществлению нового плана в декабре 1968 года, всего через неделю после телепередачи на Эн-би-си, попросив Агентство Уильяма Морриса переговорить от его имени с одним из самых крупных заведений в игорной столице. Первым клюнул Кирк Керкорян, бывший боксер и летчик-истребитель, ставший бизнесменом, который собирался открыть в Лас-Вегасе самый большой гостиничный комплекс в мире: 1519 номеров, две тысячи сотрудников, поле для гольфа в 18 лунок, тысяча «одноруких бандитов», 30 столов для блек-джека и гигантский бальный зал. «Интернациональ» намеревался придать новый смысл слову «зрелище». Керкорян охотно выпустил бы Элвиса на сцену своего концертного зала в день открытия в начале лета 1969 года, но полковник предпочел, чтобы ленточку разрезал кто-нибудь другой. В конечном счете договорились на август: по два выступления в день четыре недели подряд, за 100 тысяч долларов в неделю.

Паркер сильно жалел, что придется совершенно порвать с

миром кино, а потому настоял, чтобы в контракт включили пункт о том, что он может снять документальный фильм об этом событии, и полковник стал дожидаться подходящего случая. Однако пока еще ни одна студия не соглашалась ввязываться в эту авантюру, поскольку никто не знал, оправдает ли ожидания выступление Элвиса в Лас-Вегасе. С точки зрения певца, смена ритма была более чем резкой: менеджер выпихнул его обратно в шоу-бизнес, сразу «подписав» почти на шестьдесят концертов подряд, тогда как последний раз он появлялся на публике весной 1961 года, если не считать шоу на Эн-би-си.

Закончив съемки в фильме «Смена привычек», Элвис две недели отдохнул на Гавайях и снова вернулся в Мемфис. Он хотел морально подготовиться к ожидавшим его испытаниям; между занятиями в «качалке», чтобы обрести приемлемую фигуру, он каждый день раздавал автографы фанатам, толпившимся у входа в Грейсленд, чтобы вновь приручить свою аудиторию, как объяснил полковнику Вернон Пресли на полном серьезе.

С началом лета Элвис перешел на более высокую скорость. После примерок костюмов настал черед репертуара, который он тщательно подбирал со своим титулованным музыкальным советником Чарли Ходжем. Впереди был переломный этап, Элвис понимал, что обращается к публике, которой уже за тридцать, однако не хотел выглядеть стареющей звездой в эпоху Вудстока.

Гармоничное сосуществование ритм-энд-блюза, госпела и хиллбилли было смыслом жизни Элвиса Пресли и всего художественного направления, которое он породил; поэтому он не мог не обратиться к истокам — «Всё в порядке», «Синие замшевые туфли», «Тюремный рок», — понимая при этом, что ему следует отрешиться от устаревшего образа, приклеившегося к нему с того момента, как начала пробуксовывать его актерская карьера. Это побудило его включить в программу выступления «Hey Jude» и «Yesterday» (привет «Битлз»), а также «Слова» («Words») «Би Джиз» в дополнение к собственным хитам недавнего времени.

Этот эклектический подход ему подсказал коллега Литтл Ричард — Элвис сходил на его выступление на сиене «Аладдина», когда заскочил в июне ненадолго в Лас-Вегас. «У Элвиса была большая проблема, — рассказывает Ричард в своих воспоминаниях. — Он столько лет снимался в кино, и теперь у него не было своего шоу, а он не хотел попросту петь старые хиты эпохи рок-н-ролла. Не мог он и выйти на сцену в смокинге, чтобы изображать из себя Фрэнка Синатру, поэтому он объезжал концертные залы Лас-Вегаса в поиске новых идей».

Аккомпаниаторы Элвиса должны были соответствовать эклектичному репертуару. Самым простым решением было бы обратиться к Скотти Муру и Д. Дж. Фонтане с их безупречным музыкальным прошлым, но это значило не принимать в расчет неприязнь полковника, который выставил им неприемлемые условия, желая раз и навсегда вычеркнуть их из жизни своего артиста. Теперь путь был свободен, и помощник Паркера Том Дискин смог набрать оркестр из проверенных профессионалов, в большинстве своем уроженцев Юга, которые не смешивали бы работу и чувства, как «Блу Мун Бойз». Ядром ансамбля стал Джеймс Бертон, гитарист из лос-анджелесской студии; многие из этих музыкантов останутся рядом с Пресли до самой его смерти.

К инструменталистам добавили две группы подпевки, которые потребовал Элвис, чтобы сгладить собственные шероховатости: «Империале» (квартет белых южан, которыми заменили «Джорданерс», поскольку те были заняты) уже работали с Элвисом на записи альбома «Велико искусство Твое»; а «Свит Инспирейшнс» были лучшими негритянскими бэк-вокалистами на тот момент, их гармоничное пение расцвечивало большинство записей Ареты Франклин, которые беспрерывно передавали по радио. Под руководством Сисси Хьюстон (матери Уитни) «Свит Инспирейшнс» вышли из тени весной 1968 года, записав свой одноименный хит в студии «Американ» Чипса Момана. «Элвис говорил: „Мне нужна эта группа, мне нужна она. Эти девушки или никто!“ Он нанял нас даже без прослушивания, даже не взглянув на нас», — рассказывает одна из певиц, Мирна Смит.

Премьера концерта, уготованная для сливок общества американских богачей, приглашенных Кирком Керкоряном, должна была состояться в последний день июля, накануне официального начала контракта с Элвисом. В последние две недели он постоянно репетировал с новыми музыкантами, чтобы сделать окончательную доводку вместе с большим оркестром «Интернационаля» из тридцати музыкантов. Пресли никогда не отличался терпением и уравновешенностью, но в последнюю неделю перед премьерой он грыз ногти и изводил себя, как никогда. «Он был не такой человек, чтобы признаться, что ему страшно, но это можно было понять по его нервозности, — пишет его жена. — Обычно ему удавалось сдерживать тревогу, пока она не взрывалась, и тогда он набрасывался на первого, кто подвернется под руку».

Он без устали осыпал оркестрантов советами по мере прогона аранжировок к 150 песням, составившим программу шоу. Конечно, Элвис не собирался петь их все, но он всегда оставлял важное место для импровизации на сцене, переходя от быстрого

ритма к балладе в зависимости от реакции зала. Кроме того, по контракту его выступление должно было продолжаться больше часа — гастроли пятидесятых годов не приучили его к такой продолжительности: тогда он выступал полчаса под занавес, после долгой череды артистов и развлечений.

Полковник тоже времени не терял. Меряя шагами авеню Лас-Вегаса со своими подручными, он координировал мощную рекламную кампанию, устроенную его заботами. Ничто не ускользнуло от его внимания: ни рекламные щиты, ни радиостанции и телеканалы, ни такси с фотографией Элвиса на крыше, ни даже фонарные столбы, на которых развесили картонные афиши, примотанные проволокой, как во времена его ярмарочной юности. Пусть все билеты уже давно были проданы, Паркер хотел надолго скрепить союз между Лас-Вегасом и Элвисом Пресли.

Вечером 31 июля, когда «Свит Инспирейшнс» вышли на огромную сцену концертного зала «Интернациональ» после восьми вечера, напряжение стало почти невыносимым. Между их выступлением и выходом Сэмми Шора (бездарного комика, нанятого полковником) у Элвиса оставалось всего два часа, чтобы собрать в кулак энергию, до сих пор неизменно обеспечивавшую ему успех. Оцепенев от страха перед сценой, он не решался выйти на нее, и окружению пришлось его успокаивать. Потом, общаясь с прессой, он попытается преуменьшить свои страхи: «Во время первых трех песен я немного нервничал, а потом сказал себе: „Слушай, давай лучше иди, а то завтра останешься без работы“».

Эти слова вызвали улыбки, но Элвис редко бывал так близок к истине. Помимо знаменитостей, приглашенных дирекцией «Интернационаля» — Фэтса Домино, Кэри Гранта, Пэт Бун, Пола Анка, Ширли Бесси, Дика Кларка, — в зале было несколько десятков представителей СМИ, по большей части привезенных из Нью-Йорка на личном самолете Кирка Керкоряна. Но не на журналистов надо было делать ставку: Элвис не мог себе позволить разочаровать своих фанатов, приехавших со всех концов США, из Европы, Японии и Австралии в надежде увидеть возрождение легенды.

В общей сложности более ста тысяч зрителей расхватали билеты на концерты на весь август. Даже Барбра Стрейзанд, находившаяся на пике своей кинокарьеры после того, как получила «Оскара» за роль в фильме «Смешная девчонка», не сумела собрать столько народу на спектакль, устроенный в честь открытия концертного зала в июле. В вечер премьеры Элвис беззлобно прошелся насчет этого соперничества, сохраняя

невозмутимый вид, и сразу привлек смеющихся на свою сторону. «Смотри-ка! Кто-то написал на сцене „BS“. Вы думаете, это про меня?» — спросил он с невинным видом, сыграв на двусмысленности этого сокращения (от *bullshit* — дерьмо), а потом вспомнил, что это могут быть инициалы актрисы, предварившей его на этих подмостках.

Не без юмора изобразив карикатуру на самого себя — со знаменитым дрыгоножеством и приподнятой губой, — Элвис исполнил старые хиты, выдал свою версию классики ритм-энд-блюза с неожиданными поворотами, воздал должное Карлу Перкинсу и Чаку Берри, померился силами с новым поколением, процитировав «Битлз», становился на колени и обнимал зрительниц, подходивших к сцене, трогательно спел «В гетто» и перешел к своему грядущему бестселлеру — «Подозрительные умы». Завершился концерт «Can't Help Falling in Love» под неописуемый шум, две тысячи человек слушали эту песню стоя, в основном женщины, причем некоторые из них бросали ему ключи от своего номера или кружевные трусики. «Только на спектаклях Элвиса клиенткам предлагали запасные трусики», — подтверждает уборщица из туалета.

Полковник, приверженный к шумным рекламным кампаниям и питающий склонность к балагану, объявил о приезде в Лас-Вегас столпа китча в стиле Либераче — пианиста в сверкающих блестках, образ которого навсегда остался связан с игорной столицей. Элвис старался его опровергнуть: вечер за вечером на сцену выходил артист в прекрасной творческой форме, вызывавший неизменные восторги публики и прессы.

Невероятно, но факт: пропасть, обычно разделявшая бульварную прессу и специализированные журналы, исчезла как по волшебству. С непревзойденной способностью соединять антагонистические миры, в несуразной и несообразной обстановке концертного зала, где соседствовали фальшивая греческая колоннада, фрески в ложноримском стиле и поддельные барочные скульптуры, Пресли в очередной раз сумел примирить своей музыкой провинциальных мещан и столичную интеллигенцию, патрицианский Север и Юг нуворишей, поклонников земного и консервативного рок-н-ролла и защитников прогрессивного и протестующего рока.

«Ньюсуик» восхищался «решимостью» феникса, постоянно возрождающегося из пепла, так что «в свои 34 он выглядит на 19», агентство «Ассошиэйтед Пресс» опубликовало заметку под заголовком «Элвис блистает в Вегасе», «Нью-Йорк таймс» славила «белого певца, который двигается, как негр», а «Чикаго Сан-Таймс» восклицала: «Элвис — король, да здравствует Король!»

Что удивительно, комментарии профессиональной прессы были еще более хвалебными. Журнал «Варайети», обычно скупой на комплименты, писал о «суперзвезде»; нарождающаяся библия рока «Роллинг стоун» устами критика-хиппи Дэвида Дальтона говорила о «воскрешении»; весьма рассудочный «Виллидж Войс» заявлял голосом Роберта Кристгау: «За шестнадцать песен он объединил нас всех — хиппи и старых жлобов — вокруг одного и того же: его самого».

В конце шоу полковник бросился в объятия Элвиса со слезами на глазах, но тотчас воспользовался восторгом директора отеля и обговорил с ним совместное будущее Пресли и «Интернационаля». Фотография стола, за который они оба уселись после спектакля, запечатлела план сотрудничества, продуманный в деталях и подписанный прямо на розовой скатерти с пятнами от кофе. Согласно «скатертному контракту» (под таким названием он вошел в историю) Пресли отныне будет пять лет выступать в концертном зале отеля в начале сезона, а потом летом, получая 125 тысяч долларов в неделю, что в сумме даст миллион долларов в год вплоть до 1974 года.

Сущие крохи, если сравнивать эти цифры с гонорарами голливудского периода, когда Элвис загребал столько же после каждых съемок, не говоря уж о половине сборов от его фильмов. «Интернациональ» обещал миллион в год без учета инфляции, а Элвис к тому же нес все расходы, связанные с концертами, и все же этот удачный ход конем дал полковнику возможность ощутить твердую почву под ногами, чтобы было на чем выстроить карьеру своего певца.

В личном плане роман с Лас-Вегасом открывал перед ним новые перспективы: он обретал постоянную резиденцию, которой ему так не хватало после разрыва с «Метро-Голдвин-Майер». Дирекция «Интернационаля» любезно предоставила в его распоряжение апартаменты, переделанные под офис, а главное — позволила спокойно предаваться страсти к игре. В этом полковник был ненасытен, он часами просиживал за рулеткой и даже делал ставки по телефону своим излюбленным крупье, если не мог отлучиться из офиса.

Том Паркер прекрасно понимал, что Лас-Вегас не компенсирует материальных потерь, связанных с уходом Элвиса из кинематографа. Благодаря своему количеству фильмы с ним еще продолжали приносить прибыль, когда их показывали в кинотеатрах для автомобилистов в маленьких городках или крутили по телевизору, но пора было переходить на новый этап. Еще не истек первый ангажемент, а Паркер уже подыскал местечко, подходящее для Элвиса: каждый год на Астродроме

Хьюстона, штат Техас, устраивали родео и ярмарку скота, по этому случаю на февраль следующего года запланировали шесть концертов, сразу после второго выступления в Лас-Вегасе.

В промежутке надо будет изобрести способ раскрутить заново выпуск пластинок на волне успеха «Подозрительных умов»: этот диск появился в продаже 26 августа и постепенно занял верхнюю строчку в хит-парадах. Сеансы грамзаписи в студии «Американ» в начале года оправдали ожидания, и все же Ар-си-эй и полковник тревожились о будущем. Почти десять лет песни из фильмов с Элвисом поставляли фирме грамзаписи проходные альбомы. Предпочитая не делать ставку на способность артиста переродиться в студии, Паркер счел более надежным выпускать задешево концертные записи, сделанные во время его выступлений в зале «Интернационаля».

Последние концерты августа, записанные на пленку Фелтоном Джарвисом, подтвердили эффективность простого подхода, предпочитаемого полковником. Осенью вышел двойной альбом «Из Мемфиса в Вегас — Из Вегаса в Мемфис», в котором к этим записям добавились остатки «урожая» «Американ» зимы прошлого года. Альбом разошелся в трехстах тысячах экземпляров, и полковник мог поздравить себя с новой победой.

Месяц, проведенный в Лас-Вегасе, изнурил Элвиса, ведь ему приходилось давать по два концерта в день. Вместе с усталостью пришла некоторая небрежность — характерная черта вечного подростка, злейшим врагом которого всегда была скука. Во времена своих первых гастролей с «Блу Мун Бойз» он разыгрывал друзей, теперь же взял в привычку произносить на сцене монологи в юмористическом ключе. Вставляя между двумя заводными песнями выверенную долю откровений, благодаря которым у публики создавалось впечатление, будто он говорит с ней начистоту, Элвис каждый вечер преподносил разную версию своей карьеры. По мере выступлений этот рассказ приобретал все большее значение, Пресли сыпал каламбурами и зачастую намеренно скабрезными намеками. Эта раскованность была не по душе Тому Паркеру, настаивавшему на принципе семейного шоу, особенно во время первого концерта, который проходил каждый вечер в час ужина, когда в зале были дети и подростки. Он поговорил об этом с Элвисом, который, избавившись от мандража, уже начал скучать на сцене.

Дни шли за днями, Элвис становился все непосредственнее, и во время второго концерта во вторник 26 августа, за два дня до конца ангажемента, для полковника прозвучал тревожный звонок. Когда Сисси Хьюстон из «Свит Инспирейшнс» начала серию импровизаций на мотив «Are You Lonesome Tonight?», Элвиса

внезапно одолел неудержимый смех, так что он даже не смог допеть песню до конца, о чем свидетельствует запись Фелтона Джарвиса.

Этот случай ознаменовал собой надлом, который теперь будет лишь усугубляться. Элвис долго тосковал по сцене, думая, что только контакт со зрителями сможет поддержать мерцающий внутренний огонь, и лишь теперь осознал неизбывность своей неудовлетворенности. Период полной бездеятельности после выступлений в «Интернационале» пережить было тяжело; впервые за всю карьеру, после многих лет, когда съемки шли за съемками, ему было совершенно нечем себя занять несколько долгих месяцев. Сколько бы он ни разъезжал между Беверли-Хиллз, Грейслендом и своей виллой в Палм-Спрингс, его удручала пустота его дней. Вернее, ночей, поскольку он как никогда пытался убежать от повседневности, скрываясь от дневного света. Подобно вампиру, Элвис просыпался в сумерках и с первыми лучами зари глотал барбитураты, без которых уже не мог обойтись, чтобы погрузиться в сон.

В Мемфисе он снова жил в назойливом ритме киносеансов, продолжавшихся до утра, или наведывался со своей компанией в местный луна-парк, все аттракционы которого уже знал наизусть. Он настолько натренировался, что мог теперь проехаться по «американским горкам», стоя в головном вагончике и не держась за перекладину, даже на самом головокружительном спуске. В Калифорнии он разгонял тоску, как мог, например, обходя ювелирные отделы универмагов, которые велел открывать среди ночи и тратил там за несколько часов астрономические суммы с помощью своего «двора». Элвис окончательно утратил чувство реальности и бесповоротно погряз в своем выдуманном мире. Весь трагизм отрыва от жизни выразился в наивном восклицании одного из приспешников Короля, когда он со свитой однажды отважился прокатиться на машине до захода солнца: «Слушай, а забавно вот так гулять по вечерам! Смотри! Даже люди настоящие на улицах!»

Перемена мест сулила возможность временно избегнуть скуки. После недели на Гавайях, подаренной дирекцией отеля «Интернационалы» за его неоценимые услуги, Пресли собирался поехать в Европу. Желание вновь увидеть Старый Свет подогревалось присутствием на пресс-конференции, данной после премьеры в Лас-Вегасе, английского устроителя спектаклей. Элвиса пригласили выступить на стадионе Уэмбли за миллион фунтов стерлингов, он передал слово полковнику, который потребовал деньги вперед. Тем дело и кончилось.

Однако ничто не мешало ему поехать в Лондон с женой,

дочерью и друзьями семьи — четой Эспозито, Шиллингами, кузиной Пэтси и ее мужем Дж. Дж. Гэмбиллом. Всем оформили паспорта, и тут полковник наложил на проект свое вето, заявив, что британским фанатам не понравится эта турпоездка, раз Элвис ни разу не выступал у них с концертами. Пронырливый Паркер, как обычно, обратил собственные просчеты к своей пользе, найдя выход из ситуации, которую считал опасной для себя, и в конце концов Пресли уехали на Багамы, откуда быстро сбежали из-за плохой погоды.

Подводя итоги 1969 года, полковник был вынужден отметить резкое сокращение доходов своего артиста, который указал в налоговой декларации два с половиной миллиона долларов, то есть почти на миллион меньше, чем в прошлом году. В этом не было ничего удивительного: доходы от концертов еще не компенсировали значительного сокращения поступлений от кино. Что до пластинок, придется подождать еще несколько месяцев до получения прибылей от «Подозрительных умов» и «Не плачь, папа» — новой «сорокапятки», которая, судя по первым данным о продажах, легко перевалит за миллион экземпляров. А потом второй сезон концертов Элвиса в «Интернационале» пополнит закрома, как и новый концертный альбом, которым Ар-си-эй отметит возвращение в Лас-Вегас.

Главной задачей Пресли накануне встречи со зрителями было обновить репертуар в перспективе долгоиграющей пластинки «На сцене». На сей раз он хотел составить более актуальную программу, включавшую некоторые недавние хиты, в том числе «Sweet Caroline» Нила Даймонда, одного из популярнейших певцов того времени, а также «Proud Магу» («Гордая Мэри») калифорнийской рок-группы «Криденс Клируотер Ревайвал».

Следует отметить его пристрастие к жанру, занимающему промежуточное положение между кантри, фолком и роком, — только он мог составить достойную альтернативу нарастающей гегемонии стиля соул в исполнении Дайаны Росс и группы «Джексон Файв» на рубеже нового десятилетия. Очень символично, что «сорокапяткой», занявшей первое место в хитпарадах поп-музыки 3 января 1970 года, стала песня из фильма «Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид» — «Капли дождя сыплются мне на голову» («Raindrops Keep Failin' on My Head»). Ее исполнитель Б. Дж. Томас упрочил влияние хиллбилли на мир американской поп-музыки, и его примеру последовали Рей Стивенс и Джо Саут. У последнего, автора песен и гитариста из Нэшвилла, Элвис позаимствовал «Walk a Mile in My Shoes» («Пройдись с милю в моих башмаках»), предложив свое прочтение

этой песни, вполне оправданное его происхождением.

Гвоздем программы стал еще один гимн Югу — «Polk Salad Annie» Тони Джо Уайта. В ней речь шла о дикорастущем растении, похожем на ботву брюквы, которую обычно употребляло в пищу «белое отребье». Ловко играя на контрасте между женским портретом в стиле Джеймса Эджи[16] и затейливостью плетеного пояса, украшенного драгоценными камнями, который он вертел в руках, показывая между куплетами приемы карате, Пресли подтвердил свое превосходство шоумена уже на премьере нового концерта вечером 26 января.

Музыкальная пресса не могла не заметить, как рисковал полковник, устроив Элвису ангажемент в «Интернационале» менее чем через пять месяцев после его триумфа на той же сцене. Том Паркер же предсказывал такой же успех, как и прошлым летом, и выиграл пари: Элвис собирал полный зал вечер за вечером, давая по два концерта в день. Цза Цза Габор, Дин Мартин и еще несколько десятков тысяч фанатов специально приехали в Лас-Вегас, и «Интернациональ» не пустовал весь период, считающийся «мертвым сезоном»: постояльцы гостиницы имели приоритет при покупке билетов.

Лас-Вегас способствовал повторению успеха первых фильмов с Элвисом, когда его фанаты ходили смотреть их по три-четыре раза подряд. Пускай билет в концертный зал «Интернационаля» стоил гораздо дороже, чем в кинотеатр, Элвис часто видел возле сцены одни и те же лица, концерт за концертом, что подталкивало его к импровизации, чтобы не надоесть поклонникам. Он, например, забавлялся тем, что сбивал с толку оркестр, переставляя некоторые куплеты, а то и попросту менял программу выступления. Еще в большей степени, чем любимые расшитые комбинезоны, цвет которых менялся на каждом концерте, способность к импровизации была самой яркой чертой шоумена в полном расцвете сил.

Ангажемент Пресли закончился в ночь на 24 февраля исключительным выступлением, по мнению всех присутствующих. До трех часов утра Элвис выкладывался по полной программе, даже неожиданно сам сел к роялю и исполнил «Lawdy Miss Clawdy» и «Blueberry Hill», отдав дань уважения ритм-энд-блюзу из Нового Орлеана. Новый успех окрылил полковника, и он с позиции силы заявил дирекции «Интернационаля», что в августе Пресли, вероятно, не найдет возможности выступить здесь. Конечно, предложения выступить с концертом сыпались со всех сторон, но полковник блефовал: на самом деле он вовсе не собирался разрушать пьедестал, на котором воздвигал свою новую стратегию, а просто зондировал почву, намереваясь

пересмотреть контракт.

Разделавшись с выступлениями в Лас-Вегасе, Пресли тотчас выехал в Хьюстон, где ему предстояло дать шесть концертов на ежегодной Техасской ярмарке. Несмотря на убогую акустику зала, не приспособленного для спектаклей такого масштаба, Элвис установил новый рекорд, собрав двести тысяч зрителей. Его гонорар оказался пропорционален этому количеству, и полковник все серьезнее подумывал о том, чтобы отправиться в ближайшем будущем на гастроли, — он отмахивался от этой мысли с самой демобилизации Элвиса.

Пока эта идея вызревала, Паркер задумал с Кирком Керкоряном проект совсем другого рода. После открытия отеля Керкорян ввязался в новую финансовую авантюру, вложив часть своего состояния в киностудию «Метро-Голдвин-Майер» и вскоре став ее президентом и генеральным директором. Он знал, как велико воздействие на публику обаяния Элвиса, и дал добро на съемки документального фильма. Стив Биндер предложил полковнику похожую идею за несколько месяцев до того, но у менеджера Элвиса остались не самые лучшие воспоминания о независимом уме этого режиссера.

Напротив, Керкорян разделял взгляды Паркера на рентабельность подобного проекта, они сошлись на сумме в полмиллиона долларов — половине того, что запросили у Биндера. Съемки поручили Денису Сандерсу, второсортному режиссеру, все заслуги которого сводились к тому, что он дал толчок кинокарьере Роберта Редфорда в 1962 году. Фильм «Elvis: That's the Way It Is» («Элвис: вот так это было») должен был стать хроникой пребывания Пресли в Лас-Вегасе. «Моя идея состояла в том, чтобы при случае заснять на пленку его потрясающий спектакль, — объясняет Сандерс. — Но мы пошли гораздо дальше, потому что следовали за ним во время репетиций, проявляя интерес к музыканту в поиске им собственных эмоций и чувств, которые он вызывает у других». Намерение похвальное, чего нельзя сказать о результате: зритель не успевал следить за нагромождением сцен посредственного документального фильма, целью которого было заставить поверить, будто это подготовка к великому возвращению Элвиса в Лас-Вегас.

Правда была гораздо непригляднее, поскольку репетиции и съемки на самом деле соответствовали третьей серии концертов Элвиса в «Интернационале», которая началась 10 августа 1970 года и длилась месяц. К вящему удовлетворению Тома Паркера, камера подолгу и без всякой надобности задерживалась на цирковой атмосфере, царящей вокруг Короля. Зрителю

демонстрировали кучу самых разных постеров и плюшевых медвежат, сувенирные альбомы и прочее барахло, которые вырывали друг у друга из рук фанаты, съехавшиеся на «Летний фестиваль Элвиса» — так теперь назывались концерты в «Интернационале». На сцене Элвис уже начал выказывать первые признаки усталости, с пресыщенным видом рассказывая истории последних лет, перескакивая с пятого на десятое, даже симулируя приступ страха перед публикой ради оператора, который снимает его выход на сцену в вечер премьеры. «Вот и настал момент бояться», — говорит он в камеру не слишком-то убедительно.

Перспектива выхода фильма на экраны тем не менее побудила его снова перетряхнуть репертуар, подарив зрителям несколько новых песен. Некоторые из них — «Bridge Over Troubled Water» («Мост над мутной водой») Саймона и Гафункеля, «You Don't Have to Say You Love Me» («Тебе не надо говорить, что ты меня любишь») Дасти Спрингфильда, «Funny How Time Slips Away» («Как бежит время») Вилли Нельсона или «Got My Mojo Working» («Мой талисман сработал»), излюбленный шлягер блюзмена из Чикаго Мадди Уотерса, — были отшлифованы в студии во время особенно плодотворных сеансов в Нэшвилле в начале июня, под руководством Фелтона Джарвиса.

Элвис также придумал для этого фильма игровой прием, который станет его фирменным знаком: десятками раздавал яркие платочки своим поклонницам, толпившимся возле сцены. Взаимодействие с публикой занимало все большее место в его шоу, но в отличие от прежних выступлений Элвис, казалось, забавлялся, потешаясь над зрителями, между ним и его почитателями словно разверзлась пропасть. Вот он с лукавым огоньком во взгляде расстегивает «молнию» своего комбинезона и тотчас застегивает снова, посмеиваясь украдкой, пока женщины в вечерних платьях пронзительно вопят; а теперь бросает плюшевого медвежонка в плотную группу фанаток и смотрит, как они таскают друг друга за волосы. «Странные они все-таки, — удивляется он, покидая сцену в конце шоу. — Нормальные люди так себя не ведут».

Обожание его обескураживает, подавляющее большинство мужчин и женщин, которые приходят на него посмотреть, оставляют способность критически мыслить за дверью. Он может острить или говорить пошлости, выкладываться на полную катушку или терпеливо дожидаться конца выступления — реакция всегда одна и та же, истеричная и несоразмерная. Только журналисты начинают подмечать отличия от предыдущих серий концертов, но полковник строго-настрого запретил ближнему кругу сообщать Элвису об отрицательных отзывах в прессе. На

критику наложено табу, Король избавлен от неблагосклонных к нему статей. Этот систематический отбор продолжался с давних времен, когда Глэдис Пресли, чересчур оберегая своего сына, вклеивала в его альбом с газетными вырезками только хвалебные статьи. Полковник понял, какую выгоду можно извлечь из такой политики умственного заточения.

Сам Том Паркер мало тревожился по поводу мнения журналистов, которых глубоко презирал. Что до спектаклей Элвиса, то он не видел никаких причин что-либо менять, пока зал «Интернационаля» набит до отказа. Спрос не ослабевал, пришлось добавить к заключительному концерту еще один — в три часа утра; по такому случаю директор отеля подарил Элвису огромный пояс из массивного золота, как у боксеров, на котором была выгравирована красноречивая надпись: «Чемпионат мира — Рекорд популярности».

Другим наваждением полковника была рулетка, и его проигрыши достигли астрономических масштабов. Перепады настроения в зависимости от везения или невезения ни от кого не могли укрыться. «Он изменился, когда Элвис получил ангажемент в Лас-Вегасе, — рассказывает Жан Абербах. — Просто доктор Джекил и мистер Хайд, а он все проигрывал и проигрывал». По разным оценкам, проигрыши полковника достигали миллиона долларов в год, его в буквальном смысле снедала страсть к игре.

Руководство «Интернационаля» и не думало его сдерживать, радуясь тому, что может запросто возместить добрую часть затрат на гонорары Элвису, но Паркеру постепенно приходилось искать новые источники доходов. Все средства хороши, лишь бы отыграться. Затребовав 12 тысяч долларов за дополнительный концерт в конце третьего ангажемента в Лас-Вегасе, он в несколько дней организовал мини-гастроли из шести концертов с помощью Ар-си-эй и недавно созданного агентства «Менеджмент III».

Паркер всегда отмахивался от идеи вернуться к изнурительному ритму *one-nighters* — по концерту в день, так было, когда Элвис колесил по всей Америке, сохранив об этом мучительное воспоминание. Первое турне новой эры Пресли стало своего рода тестом, поскольку требовалось еще доказать, что дело прибыльное. Вечером 14 сентября, после шести дней и восьми представлений с полным аншлагом, певец и менеджер поделили около 300 тысяч долларов за вычетом накладных расходов, и у полковника развеялись все сомнения по поводу того, что Элвис на правильном пути.

Потребовалось менее двух месяцев, чтобы организовать

второе турне, которое началось 10 ноября в «Колизее» Окленда, в заливе Сан-Франциско, и закончилось неделей позже в Денвере, штат Колорадо. В каждом из восьми крупных городов, через которые пролегал путь Элвиса, билеты расхватали за несколько часов. Показательнее всего пример Лос-Анджелеса, известного своей пресыщенной публикой, где почти сорок тысяч билетов разошлись за одно утро. Некоторые фанаты стояли в очереди всю ночь, чтобы наверняка добыть билет, в мирной атмосфере благодушия, свойственной почитателям Элвиса.

В отличие от «Роллинг стоунз», которые годом раньше попали во все выпуски новостей, отметив свой концерт у дороги в Альтамонте печальным результатом (одно убийство, два несчастных случая со смертельным исходом и больше 800 пострадавших), Пресли привлекал мирную семейную аудиторию, оправдывая свою репутацию образцового американца. Почитающий Бога, муж и отец семейства, заклятый враг коммунизма и наркотиков во всех проявлениях, он пылко воспевал слово Божие и не упускал случая поговорить о своей матери, что приносило ему всепоглощающую народную любовь.

Путь Элвиса, отмеченный славой и скандалом, был весь соткан из парадоксов. 14 ноября, на сцене Инглвуд Форума в Лос-Анджелесе, он похвалялся тем, что продал больше пластинок, чем «Битлз», «Роллинг стоунз» и Том Джонс вместе взятые.

За несколько минут до этого заявления он получил повестку в суд по делу о признании отцовства.

Молодая жительница Лос-Анджелеса Патриция Энн Паркер уже несколько месяцев обвиняла Пресли в том, что он обрюхатил ее во время выступлений в Лас-Вегасе в начале года. В этом не было ничего удивительного, учитывая склонность Элвиса к юным девушкам, но на сей раз озлобленность истицы и легкость, с какой она обращалась за поддержкой в прессу, грозили бросить тень на его репутацию. 19 октября мисс Паркер родила сына, названного Джейсон Питер Пресли, и судебное разбирательство занимало внимание СМИ больше года, пока 26 января 1972 года Элвис не был окончательно оправдан благодаря анализу крови. Однако это происшествие спровоцировало целую цепь проблем, тяжело отразившихся на его поведении.

В рамках этого дела адвокат Элвиса вынужденно обратился к частному детективу, бывшему руководителю бригады по борьбе с наркотиками из Голливуда по имени Джон О'Грейди, и его присутствие сыграло ключевую роль, когда возникли новые осложнения. 26 августа 1970 года, во время третьего ангажемента Элвиса в «Интернационале», в службу безопасности отеля

поступил анонимный звонок, сообщивший, что тем же вечером Пресли собираются похитить. Обычные меры безопасности были усилены, и оба концерта прошли без инцидентов.

Два дня спустя другой аноним связался с окружением Пресли и запросил 50 тысяч долларов мелкими купюрами в обмен на имя убийцы, которому поручено устранить певца. Присутствия Джона О'Грейди, которого спешно вызвали в Лас-Вегас, оказалось недостаточно, чтобы унять страхи Элвиса: он немедленно вызвал всех бывших телохранителей, многие из которых отдалились от него после свадьбы. Вооруженные до зубов, по большей части владеющие боевыми искусствами, они отныне окружали его преторианской гвардией, прославившись своей грубостью.

Угрозы прекратились так же внезапно, как и появились, но страх, испытанный Элвисом, превратился в длительную паранойю. Он окончательно отгородился от мира, оборудовал Грейсленд мудреной системой видеонаблюдения и часами следил по экранам за передвижениями фанатов вдоль забора: и так уже покрытое мраком ночи, его представление о внешнем мире отныне свелось к этим черно-белым картинкам.

Тревога вызывала у него неконтролируемую реакцию, он больше никуда не выходил без бронежилета, пистолетов «дерринджер» в каждом сапоге, «кольта» 45-го калибра под мышкой или за поясом. На протяжении осени 1970 года этот арсенал существенно обогатился. Точно так же, как увлечение лошадьми тремя годами ранее, страсть к огнестрельному оружию принимала тревожный оборот, по мере того как Элвис скупал товар у своих доверенных оружейников из Палм-Спрингс, Лос-Анджелеса и Мемфиса. Он приобретал боеприпасы целыми ящиками, дарил своему окружению пистолеты и заказывал золотые накладки на рукояти для своих любимых пистолетов, в частности «вальтера», который он носил в честь Джеймса Бонда.

Эта навязчивая идея подкреплялась интересом ко всему, что связано с полицией, — след увлечения вечного подростка детективными фильмами. Когда ему надоели выдуманные истории, он часами просиживал у телевизора и смотрел репортажи во славу ФБР и бригад по борьбе с организованной преступностью, делал пожертвования семьям полицейских, раненных или убитых при исполнении. Главным источником историй на эту тему для него был Джон О'Грейди. Тот понимал, что это болезненное увлечение связано с зависимостью Элвиса от амфетаминов: «За двадцать лет службы я насмотрелся на наркоманов и знал, что Элвис подсел на таблетки… Чтобы понять это, достаточно было посмотреть ему в глаза и услышать, как медленно он говорит, едва ворочая языком, и я подумал, что,

возможно, будь у него бляха полицейского, он перестал бы глотать всю эту гадость».

Перспектива официально стать представителем закона показалась Пресли заманчивой, но не ограничила потребление стимулирующих средств, барбитуратов и антидепрессантов.

10 октября 1970 года его назначили заместителем шерифа графства Шелби на частной церемонии, в ходе которой шериф Мемфиса вручил ему настоящую бляху и всё, что к ней положено: табельное оружие, наручники, дубинку, электрический фонарик — взамен почетной эмблемы, которую ему уже вручали раньше.

Это назначение вызвало очередное повальное увлечение официальными значками, быстро превратившееся в манию. Всего десять дней спустя он уже раздавал всем членам своего окружения золотые медали с выгравированными на них буквами «TCB» от «Take Care of Business» («Заботься о деле»), взятыми из песни «Respect» («Уважение») Ареты Франклин 1967 года, рядом с которыми он лично нарисовал молнию. На одной групповой фотографии тех времен Король сидит, удобно устроившись в огромном кожаном кресле, сияя в черном костюме, темных очках и белом галстуке посреди двенадцати своих апостолов, в том числе своего отца, кузена Билли, мемфисского шерифа Роя Никсона и своего предшественника Билла Морриса, Ламара Файка, Джерри Шиллинга, Реда Веста и своего личного врача доктора Никопулоса. В правой руке все гордо, с уморительно серьезным видом держат звезды с буквами «TCB». Вскоре носить значки заставят жен и подруг, но на тех будут буквы «TLC» от «Tender Loving Care» («Нежная любовь и забота»).

Пока девизами компании Пресли стали «TCB» и «TLC», он сам коллекционировал почетные знаки. За чек на семь тысяч долларов, подаренный полиции Лос-Анджелеса в начале декабря, Элвис получил бляху комиссара, но мечтал о более высоком положении. После встречи с вице-президентом Спиро Агню на выходных в Палм-Спрингс, которому он хотел подарить револьвер, Элвис воспылал желанием получить бляху Федерального бюро по борьбе с наркотиками. Он умолял Джона О'Грейди замолвить за него словечко перед замдиректора этой службы Джоном Финлейтором, и дело, возможно, тем бы и кончилось, если бы певец не решил взять его в свои руки.

Кризис наступил 19 декабря, в субботу перед Рождеством. Встревоженный поступлением немыслимых счетов от ювелиров, автомобильных дилеров и оружейников, которым Элвис заказал новогодние подарки, Вернон призвал сына сократить расходы, если он не хочет разориться. Он уже несколько дней делал ему

замечания, но Элвис решил, что умилостивит отца, подарив ему «мерседес». Вмешательство Присциллы, считавшей, что муж поступает неразумно, бросая деньги на ветер, вызвало взрыв. Элвис пришел в ярость, выбежал из комнаты, хлопнув дверью, и уехал из Грейсленда на одной из многочисленных машин по направлению к аэропорту.

В подобном побеге не было бы ничего необычного, если бы его совершил не Элвис Пресли, к тому же одетый в костюм из фиолетового бархата с огромным золотым поясом, и если бы при нем не было трости, инкрустированной драгоценными камнями, и плаща, как у Бэтмена, придававшего ему вид инопланетянина, и если бы он не оказался впервые в своей взрослой жизни наедине с самим собой. Уже пятнадцать лет Элвис не выходил из дома без сопровождения; он давным-давно не заглядывал в банк, почти не представлял себе, как пользоваться чековой книжкой или кредитной карточкой, и у него не было ни цента в кармане — все эти препятствия он недооценил, покидая Грейсленд.

Его первым побуждением было отправиться в Вашингтон, где он надеялся встретиться с Джойс Бова — фанаткой, с которой он познакомился в Лас-Вегасе. Прежде всего нужно было найти способ добраться до столицы рейсовым самолетом — небывалое дело для звезды, перемешавшейся лишь на личном самолете. Его появление у стойки «Американ Эйрлайнз» не осталось незамеченным, ему тотчас выдали билет первого класса на ближайший рейс в Вашингтон, чтобы как можно незаметнее препроводить в салон для VIP-пассажиров. Преимуществом такого обхождения стала возможность избежать досмотра, непременно выявившего бы арсенал, который Пресли носил при себе.

Прибыв на место, он обратился в контору проката лимузинов и велел отвезти себя в отель «Вашингтон», где намеревался остановиться. Он проголодался и попросил шофера остановиться у первой попавшейся закусочной. У владельца закусочной в гетто глаза на лоб полезли при виде знаменитого посетителя. «У него были перстни с бриллиантами на каждом пальце, — рассказывает один из друзей, которому Элвис впоследствии поведал эту историю, — и тот парень воскликнул: „Аллл-виссс Пресли! Да с брильянтами! Господи Исусе!“ А Элвис ему: „Точно, мужик. И представь себе, брильянты я оставлю при себе“. И достал из кобуры под мышкой свой 45-й „кольт“».

История умалчивает, успел ли певец проглотить гамбургер, но вскоре такси доставило его к отелю, где он снял апартаменты под вымышленным именем и тщетно пытался связаться с Джойс Бова. Мысль о том, чтобы просидеть все выходные в номере, его не радовала, и он быстро отправился обратно в аэропорт, где на

сей раз сел в самолет, летящий в Калифорнию. Посадка проходила бурно, поскольку служащие отказались пускать его в самолет с оружием; только после вмешательства пилота он в конце концов смог устроиться в первом классе, где две стюардессы пичкали его шоколадом.

Воспользовавшись промежуточной посадкой в Далласе, он связался с Джерри Шиллингом и попросил встретить его в Лос-Анджелесе и ничего не говорить Присцилле, если та позвонит. Было два часа утра, когда Шиллинг увидел сходящего по трапу Элвиса с лицом, распухшим от крапивной лихорадки. Певец велел тотчас везти себя домой, где уже ждал врач, диагностировавший аллергию на лекарства, которые тот поглощал на протяжении бурного дня, усугубленную шоколадом, съеденным за время полета.

Долгий путь породил идею. Элвис уже несколько недель намеревался пойти в Федеральное бюро по борьбе с наркотиками в Вашингтоне, чтобы поговорить с директором, и эта вылазка была долгожданным случаем довести дело до конца. В воскресенье он уладил все детали своего возвращения в Вашингтон. Прежде всего ему нужно было убедить Джерри Шиллинга сопровождать его. Они оба позвонили Санни Весту, одному из телохранителей Короля, и назначили ему встречу на следующее утро в столице, куда сами отправились вечером.

По воле случая Джордж Мерфи, сенатор из Калифорнии, который долгое время работал в Голливуде, пока не ушел в политику под знаменами республиканской партии, оказался в том же самолете. По его совету Элвис написал детским почерком на бланке «Американ Эйрлайнз» письмо президенту Никсону, прося его об аудиенции; в наивных выражениях Пресли сообщал о своем желании получить бляху ФББН, чтобы бороться с наркотиками, обязуясь сделать все возможное, чтобы побудить «Черных пантер» и революционное движение «Студенты за демократическое общество» вернуться в лоно своей страны. «Уважаемый господин президент. Прежде всего, позвольте представиться. Я Элвис Пресли, я восхищаюсь Вами и глубоко уважаю Ваш пост… Я не ищу ни титулов, ни должностей. Однако думаю, что смогу сделать много хорошего, если стану федеральным агентом», — говорится в его письме, сохранившемся в архивах ФБР.

Из-за разницы во времени было пять часов утра, когда Пресли и его спутник прибыли в Вашингтон и воспользовались той же службой проката лимузинов, к которой Элвис обращался двумя днями раньше. По дороге в отель Элвис попросил остановиться у Белого дома и вручил ошалевшему охраннику свою записку с

просьбой передать ее президенту.

Пока Шиллинг дежурил в отеле «Вашингтон» в ожидании ответа Ричарда Никсона, Элвис отправился в ФББН прямо к десяти и предъявил рекомендательное письмо от сенатора Мерфи, набиваясь на прием к директору. Тот попросил своего заместителя Джона Финлейтора заняться неудобным посетителем. В тот момент, когда Финлейтор пытался убедить Элвиса, что его просьба невыполнима даже за пожертвование в пять тысяч долларов, Шиллинг предупредил певца, что президент ждет их в Белом доме через три четверти часа.

Вопреки всем ожиданиям, маневр удался. Письмо Элвиса прошло обычным путем по закоулкам Белого дома и оказалось у одного из советников президента Никсона, которого, мягко говоря, озадачила любопытная патриотическая речь, попавшаяся ему на глаза. Подчеркнутые намеки на коммунистическую угрозу и навязчивое желание автора вырвать наркотики с корнем были по меньшей мере странны, однако в искренности Пресли сомневаться не приходилось, и этот визит мог даже сослужить службу президенту, не ладившему с молодым поколением. Поддержка поп-идола такого масштаба, как Элвис, возможно, подправила бы имидж Ричарда Никсона в глазах широкой общественности в середине его президентского срока. В администрации Никсона зашел разговор о том, стоит ли организовывать эту встречу, и в конце концов было принято решение пригласить Пресли тем же утром.

Советники президента усомнились в разумности своего решения, узрев человека, необычный облик которого резко контрастировал с вежливостью застенчивого ребенка. Встреча проходила в Овальном кабинете, но прежде служба безопасности изъяла у Пресли все его оружие, подивившись внушительности этого арсенала. Он все же получил позволение оставить при себе «кольт» 45-го калибра, который намеревался преподнести Никсону, при условии, что пистолет будет разряжен. Раскрылись двери, и Король рок-н-ролла отправился на удивительную встречу с одним из самых неоднозначных президентов в истории США.

К счастью для потомков, протокол этой встречи не постигла та же участь, что и магнитофонные ленты с записью разговоров президента, имеющих отношение к «Уотергейту»[17], так что нам известно, как она проходила. У Элвиса было всего несколько минут, и он собирался пустить в ход все свои козыри. Едва за ним закрылась дверь Овального кабинета, как он достал из кармана фотографии жены и дочки, неопровержимые доказательства своей приверженности семейным ценностям, а также коллекцию полицейских жетонов, собранную за несколько месяцев, и

аккуратно разложил их на столе президента. Взвешивая каждое слово, он вложил в свою речь всю силу убеждения, объясняя своему собеседнику, какие действия намерен предпринять в шоу-бизнесе, если ему выдадут официальный знак принадлежности к службе по борьбе с наркотиками.

«Пресли взволнованно заявил президенту, что он „на его стороне“, — говорится в записях советника Бада Крога. — Он уточнил, что всего лишь сын бедной семьи из Теннесси и чувствует себя в долгу перед своей страной». С логикой, не поддающейся обычным законам, Элвис стал яростно высмеивать коммунистов, промывающих мозги молодежи, а в подтверждение своих слов привел в качестве примера «Битлз», обвинив их в том, что они проповедуют употребление наркотиков и отстаивают антиамериканские позиции.

После краткого колебания президент решил удовлетворить просьбу своего посетителя и попросил одного из помощников раздобыть для него вожделенный жетон. Элвис, не помня себя от счастья, бросился к президенту и заключил его в объятия. Совершенно ошеломленный Никсон, не привыкший к излияниям чувств в такой форме, лишь неловко похлопал певца по плечу. На всем протяжении встречи на высшем уровне штатный фотограф запечатлевал это событие для потомков, сделав серию официальных снимков, которые посетители Национального архива и сегодня просматривают чаще всего. С наивностью избалованного ребенка, которому ни в чем не могут отказать, Элвис попросил позволения впустить Джерри Шиллинга и Санни Веста, дожидавшихся в приемной. Выставив напоказ свой ласвегасский пояс чемпиона мира среди певцов, Король гордо позировал в обществе своих приспешников и президента на фоне целого леса знамен. Пожав напоследок руку президенту, певец собрал свою коллекцию значков, и двери Овального кабинета за ним закрылись; сюрреалистическая встреча закончилась.

Поскольку жетон и сопроводительные документы могли быть готовы только после полудня, советник президента показал Пресли, Шиллингу и Весту Белый дом, потом пригласил их пообедать в столовой для сотрудников, где появление певца вызвало настоящий переполох. Чуть позже Элвис с удовлетворением получил свою бляху из рук Джона Финлейтора, который еще сегодня утром выпроводил его ни с чем. На следующий день сияющий Пресли вылетел в Мемфис, чтобы во всех подробностях рассказать о своих приключениях жене — под елочкой, где были сложены подарки для Лайзы Марии.

Благодаря новому назначению Элвис мог теперь разъезжать по всем Штатам вооруженным до зубов. После того как он

воплотил собой новый Юг, терпимый и великодушный, исполнив «Когда я мечтаю» и «В гетто», теперь он покорил Америку своим имиджем «красношеего», воинственного индивидуалиста. Каков парадокс? Это был полный реванш Юга.

Приключения Элвиса в Вашингтоне на этом не закончились. После визита к президенту он захотел познакомиться с Дж. Эдгаром Гувером, главой ФБР и одним из самых могущественных людей в стране. Поскольку сенатор Мерфи обещал ему свою поддержку, Пресли вернулся в столицу 30 декабря вместе с компанией преданных людей, среди которых был бывший шериф Мемфиса Билл Моррис, его друг. Для начала они наведались в Национальную ассоциацию американских шерифов, потом Элвис отправился в штаб-квартиру ФБР и осмотрел ее под руководством одного из сотрудников, но там его ждало большое разочарование, поскольку Гувер уклонился от встречи. На самом деле тот не хотел встречаться с Королем, поскольку получил от своих агентов докладную записку, в которой говорилось: «Несмотря на свои явные благие намерения, Пресли не тот человек, с которым стоит показываться на людях директору ФБР. В настоящее время он носит волосы до плеч и довольно эксцентричные костюмы».

Эта неудача не охладила пыла Элвиса, жаждущего почета. Перед поездкой в Вашингтон он смотался в Тьюпело, где шериф его родного города вручил ему в крайне торжественной обстановке «звезду» своего помощника, а в новом году получил еще более престижную награду. Он только что узнал, что попал в список десяти молодых людей года, составляемый Молодежной торговой палатой Америки. С 1939 года премия *Jaycee Award* присуждалась самым разным людям: Джону и Роберту Кеннеди, Орсону Уэллсу, Ральфу Нейдеру[18], Нельсону Рокфеллеру, Генри Киссинджеру и Леонарду Бернштейну, и Пресли готовился принять это звание с благоговейным трепетом.

После ночи лихорадочного возбуждения, когда он с помощью Присциллы сочинял свою речь, утром 16 января он явился в отель «Ривермонт Холидей Инн» в Мемфисе, чтобы присутствовать на молитвенном завтраке вместе с постоянным представителем США при ООН Джорджем Бушем. «Я выступаю против любой музыки, проповедующей употребление наркотиков или неуважение к нашему флагу. По-моему, задача артиста в том, чтобы сделать людей счастливыми», — заявил Элвис в порыве консерватизма, свойственного его тогдашнему умонастроению.

Наряду с решением городских властей назвать дорогу, проходящую мимо Грейсленда, «бульваром Элвиса Пресли» и присуждением ему премии «Грэмми» «за жизненные достижения»

— самой высокой награды ее организаторов, эта церемония осталась одним из самых ярких моментов маловыдающегося 1971 года.

В профессиональном плане четыре миллиона долларов, собранные за предыдущий сезон, доказали полковнику, что концерты могут приносить такой же внушительный доход, как и кино. Две новые серии выступлений в Лас-Вегасе в 1971 году приняли мессианский характер: отныне выход Элвиса на сцену предваряла тема «Так говорил Заратустра» Ричарда Страуса. Элвис не имел ни малейшего представления о Штраусе, а тем более о Ницше, но коронная мелодия из фильма «Космическая одиссея 2001 года» прекрасно подходила под мистический настрой шоумена, намеренно принимавшего напыщенный вид и исполнявшего «Велико искусство Твое», раскинув руки, словно благословляя поклоняющихся ему, священнодействуя, и странный плащ, без которого он больше не появлялся на сцене, еще больше подчеркивал этот жест.

Выступления два раза в год в отеле «Интернациональ», преобразованном в «Лас-Вегас Хилтон» после его приобретения этой гостиничной сетью, чередовались с концертами в «Сахара Тахо Стейтлайн», еще одной туристической Меккой в штате Невада, на берегу озера Тахо, где полковник регулярно устраивал Элвису ангажемент до середины десятилетия. Что касается отдельных концертов, в том году их было полтора десятка, не больше, в первой половине ноября, в ожидании нарастающего ритма гастролей в следующем году.

На фронте грамзаписи тоже царило затишье: покупатели встречали без всякого воодушевления «сорокапятки» с маловыдающимися синглами. Только песня «I Really Don’t Want to Know» («Я в самом деле не хочу знать») — переделка старого хита Эдди Арнольда, записанная под руководством Фелтона Джарвиса на сеансах-марафонах весной 1970 года в Нэшвилле, — удачно выделилась на этом фоне, разойдясь в семистах тысячах экземпляров. Зато альбомы приносили больше дохода; помимо компиляций из старых песен, позволивших Ар-си-эй не остаться внакладе, сборники «Элвис — Как это было» и «Элвис кантри» дали обильную жатву прошлой весной и принесли Пресли два новых «золотых» диска.

Истощение запасов побудило полковника и Ар-си-эй вернуть Элвиса в студию для записи рождественской пластинки. Этот проект не вызвал воодушевления у Элвиса, который держался все более независимо по отношению к «Хилл энд Рейндж» и исполнял в студии произведения, права на которые издатель не успел обговорить. После первой попытки, предпринятой в марте и

прерванной из-за проблем с глазами, вынудивших Элвиса провести несколько дней в больнице, новые сеансы звукозаписи были намечены на май и июнь.

По просьбе Тома Паркера Джарвис установил в студии наряженную елку, а Ламар Файк нарядился Санта-Клаусом в надежде вызвать у Пресли вдохновение. Фокус удался: в конечном итоге получилось записать больше сорока песен, в том числе прекрасное прочтение «Merry Christmas Baby» («Счастливого Рождества, малыш»), образец ритм-энд-блюза, связанный с именем негритянского певца Чарлза Брауна. Эта песня станет одной из самых удачных на долгоиграющей пластинке «Elvis Sings the Wonderful World of Christmas» («Элвис поет о волшебном мире Рождества»), вышедшей осенью.

В марте Пресли попал в больницу из-за повторяющихся болей в глазах. Врачи определили глаукому и посоветовали певцу носить темные очки, чтобы максимально смягчить воздействие софитов. В диагнозе не было ничего страшного, но Элвис снова впал в тревожное состояние. Если не считать простуды во время военной службы и легкого недомогания осенью 1964 года, он еще ни разу не болел. Однако в недавнем прошлом уже звучали тревожные звоночки, предупреждая, что его здоровье не настолько крепко, как ему хотелось бы думать. В начале 1969 года первый опыт работы со студией «Американ» был осложнен болью в горле, и это несущественное происшествие осталось бы незамеченным, если бы впоследствии не повторялось через равные промежутки времени, в частности в Лас-Вегасе, где его концерты несколько раз чуть не пришлось отменять.

Теперь, по прошествии времени, можно предположить, что это недомогание было прямым следствием отравления лекарствами, которыми он себя пичкал, как и приступ аллергии во время бегства в Вашингтон. После десяти лет ежедневного поглощения таблеток Элвис превратился в наркомана, как и многие жители Америки, подпавшие под обаяние коварного лозунга, выдвинутого еще в 1939 году фармацевтической корпорацией Дюпон: «Жить лучше благодаря химии».

Крайне нервозный человек, который в начале своей карьеры грыз ногти и не мог спокойно стоять на одном месте, подпал под влияние стимулирующих средств во время пребывания в Германии: ритм армейской жизни не согласовывался с его привычками «совы». К возбуждающим средствам добавились снотворные, позволявшие поспать несколько часов, — противоестественная смесь, постепенно вызвавшая другие недомогания. По мере того как Элвис полнел, а приступы тревоги и боли в животе становились частью его повседневной жизни, его

аптечка пополнилась средствами для снижения аппетита, анксиолитическими (устраняющими состояние тревоги) и болеутоляющими, составлявшими гремучую смесь с амфетаминами и успокоительными.

Пресли любил повторять, что учился бы в медицинском, если бы его родители могли оплатить его учебу. Вооружившись «библией» американских врачей — «Physician's Desk Reference» («Настольный справочник врача»), с которым он то и дело сверялся, он втянулся в порочный круг, с каким-то болезненным любопытством испытывая на себе все фармацевтические новинки. Перкодан, демерол, карбитал, декседрин, фенобарб, дилаудид, риталин, квааюд, амитал, бифетамин, йонамин, плацидил, валиум, эфинамейт, кодеин… Об эффективности всех этих средств он судил с уверенностью профессионала. Ученик колдуна XX века, Элвис подбирал дозы каждого лекарства в зависимости от замеченных им побочных эффектов — до того самого дня, когда уже не смог вовремя остановиться.

Эта зависимость была тем более гибельной, что вписывалась во внешне законные рамки: лекарства ему выписывали врачи. В результате Элвис смог убедить себя в том, что не имеет ничего общего с любителями ЛСД и героина, хотя на бессознательном уровне понимал всю тщету этого софизма, о чем говорят его яростные нападки на «наркоманов».

Благодаря богатству у Пресли было пространство для маневра, чтобы без труда поддерживать свою зависимость. Долгое время полагаясь на преданность доктора Кларка, который лечил его мать, он с некоторых пор предпочитал обращаться к менее щепетильным эскулапам, как, например, Джордж Никопулос.

Элвис и его домашние называли его просто доктор Ник. В Грейсленд он проник через посредство радиоведущего Джорджа Клейна. После того как он снабдил Элвиса «по дружбе» бюллетенем накануне съемок «Пикника у моря» в 1967 году, Никопулос окончательно вошел в окружение певца и считался полноценным членом «семьи», достойным носить пресловутый жетон «TCB». Доктор Ник пополнял аптечку Элвиса как в Мемфисе, так и на гастролях, поэтому совершенно естественно, что именно к нему певец и обратился, когда весной 1971 года у него участились боли.

Никопулос предпочитал жить в тени Пресли, его имя даже не упоминается в биографии Короля, вышедшей из-под пера журналиста Джерри Хопкинса и изданной в том же году. Появление на прилавках этого бестселлера, написанного объективно и аналитически, создало проблемы полковнику, который всегда старался представить своего артиста ангелом с

крылышками: «Элвис» Хопкинса был далек от житийного описания, и респектабельная лакировка, покрывавшая его образ, начала трескаться.

Это произошло в непростой момент жизни Элвиса, когда его брак висел на волоске. Несмотря на все свои усилия, Присцилла не смогла привыкнуть к образу жизни своего мужа, практически не прикасавшегося к ней после рождения Лайзы Марии. Не строя никаких иллюзий относительно супружеской верности такого публичного человека, как Элвис, объекта всеобщего поклонения, она все же лелеяла надежду направить его жизнь в менее эксцентричное русло. Удаление большей части «мафии» после их свадьбы должно было тому способствовать, как и ее желание принимать участие в профессиональной жизни мужа. Но полковник взял на себя труд дать ей понять, что ей нет места в этой области, и Присцилла постепенно отдалилась от человека, формировавшего ее с четырнадцати лет, и обрела независимость вместе с совершеннолетием.

Элвис же оказался неспособен вырваться из подросткового мира, в котором погряз. Продолжая жить «наоборот», не как все, он хотел вовлечь Лайзу Марию в свой ночной мир, не заботясь о ее будущем, общении и учебе. Точно так же он не мог найти «золотую середину» между нетерпением и попустительством: то ругал свою дочь на чем свет стоит, то баловал ее, если ему казалось, что он зашел слишком далеко. Присцилла пыталась, как могла, восстановить равновесие, взяв на себя все заботы о воспитании дочери. В конце концов она создала себе жизнь помимо Элвиса, какое-то время находила отдушину в любовной связи с руководителем танцевальной школы, которую посещала, потом завела продолжительный роман со своим учителем карате Майком Стоуном.

Слухи о разводе поползли после первого ангажемента Элвиса в Лас-Вегасе, когда некоторые журналисты, удивленные тем, что вокруг Пресли постоянно увиваются хорошенькие девушки, услышали от него шутки по поводу его семейных проблем. Полковник поспешил внести ясность в эти несвоевременные заявления, настояв на том, чтобы Присцилла как можно чаще появлялась рядом с мужем. Начиная с осени 1971 года все иллюзии развеялись: окружение Короля, многочисленное как никогда после угроз предыдущего года, узнало о проблемах четы Пресли, когда Элвис сам вдруг поднял этот вопрос на Рождество.

Несколько недель спустя Присцилла подтвердила Элвису свои намерения по окончании его февральского ангажемента в Лас-Вегасе. «Он спросил меня: „Ты уходишь от меня к другому?“ — рассказывает она. — „Я не ухожу от тебя к другому, я ухожу,

чтобы жить своей жизнью и найти, наконец, себя“». Пресли, жертва слепого эгоцентризма, не ожидал разрыва и мог только удивляться решению, которого не понимал. «Ты с ума сошла, — заявил он жене. — У тебя же есть всё, о чем любая женщина может только мечтать. Ты, наверное, шутишь».

Но Присцилла редко была такой серьезной, и Элвис испытал муки покинутого. После смерти брата-близнеца, призрак которого неотступно преследовал его в детстве, и кончины матери накануне его отъезда в Германию уход Присциллы стал новой незаживающей раной. Для уроженца Юга, воспитанного в почитании заповедей пятидесятников, брак — нерушимый союз, расторгнуть который может лишь тот, кто его освятил. «Для него брак был чем-то священным, — подтверждает его друг Билл Броудер, занимавшийся распространением продукции Ар-си-эй в регионе Мемфиса. — Когда он понял, что все кончено, мир для него пошатнулся. Теперь все было не так, как раньше, начиная с его здоровья».

Большинство знавших Элвиса подтверждают, что он вдруг начал чахнуть. Сначала впал в меланхолию и требовал, чтобы в Грейсленде постоянно находилось как можно больше верных ему людей. Из инфантильного и эгоцентричного побуждения он запрещал им посещать его вместе с женами, чтобы не выглядеть единственным холостяком во всей компании. Кстати, самым надежным способом отвести от себя это проклятие было подыскать себе подружку, а в них недостатка не было: Элвис постоянно пополнял свою коллекцию поклонниц, даже в начале семейной жизни.

В Лас-Вегасе и на гастролях ему было необходимо женское присутствие по ночам, и одна из бэк-вокалисток, Кэти Вестморленд, какое-то время играла роль плюшевого медвежонка, изображая нечто среднее между мамочкой и любовницей. Хористку выбрали ради ее девственности, а потом, естественно, попросили уступить место, когда Король надолго увлекся другой.

Одной из таких пассий была Джойс Бова. Она работала в Парламентском комитете Вооруженных сил. Ей было двадцать пять лет, когда один из вербовщиков Пресли заприметил ее на концерте в Лас-Вегасе летом 1970 года. Верный своему образу джентльмена с Юга, как только ему попадалась птица высокого полета, Элвис начал старательно ухаживать за молодой женщиной, но их связь оборвалась, когда та намекнула на его брак.

В таких ситуациях Элвис обычно ворчал, что брак дышит на ладан, но это объяснение не удовлетворило Джойс, и только во

время второй поездки Пресли в Вашингтон, в конце 1970 года, по случаю визита в ФБР, он в конце концов провел с ней ночь. Содержа параллельно несколько других фавориток, Пресли больше года худо-бедно поддерживал роман с Джойс, пока она не осознала бесцельность этой связи, забеременев от него и сделав аборт. Бова обладала независимым характером; властный и неверный любовник, эгоистичный и неуравновешенный, так что приходилось опасаться за его психическое здоровье, быстро утомил ее, тем более что их роман не отличался страстностью, судя по книге ее воспоминаний.

Элвис уже давно пользовался двусмысленной репутацией секс-символа, который «светит, но не греет». Его одержимость женской чистотой достигала высшей точки в отношениях с женщинами, вызывавшими его восхищение, но с секретаршами, продавщицами и прочими поклонницами, занимавшими более скромное социальное положение, которых в обилии поставляли ему его приятели, он действовал без всяких комплексов и испытывал к ним не больше уважения, чем к фанаткам в начале карьеры.

Джойс Бова рассказывает в своей книге, как внезапно оказалась лицом к лицу с двумя безмозглыми девчонками, похвалявшимися тем, что занимались любовью друг с другом по просьбе Элвиса, которого это явно возбуждало. Мало-помалу в сексуальной жизни Элвиса воцарилась скука, он уже не получал удовлетворения вне безумных оргий, регулярно устраиваемых его окружением в период гастролей. Да и тогда он получал больше духовное, чем физическое удовольствие; на глазах у приближенных он принимался читать отрывки из Библии, убежденный в том, что спасает заблудшие души, в мессианском порыве сродни тому, что побудил его предложить Ричарду Никсону свои услуги вершителя правосудия.

Огромный любовный опыт вкупе с непростым отношением ко всему, что связано с сексуальностью, в конце концов притупили его либидо, и после расставания с Присциллой он искал в подруге прежде всего верности. Лучше всего этот идеал воплощала собой Линда Томпсон, сочетавшая юмор с постоянством. Но что еще важнее, она обладала практически неистощимым запасом терпимости. Эта «Мисс Теннесси» вошла в жизнь Элвиса летом 1972 года, во время одного из ночных киносеансов, на которые Король и его двор отправлялись каждый день в период праздности.

Связь Элвиса с Линдой продлится больше четырех лет. Помимо того, что была девственна, хорошо знала Библию и интересовалась эзотерикой (наиглавнейшие качества в представлении Элвиса), Линда не задавала ему вопросов, когда пресса трубила о его неверности, и старалась рассмешить его — просто подвиг по тем временам, когда он все глубже погружался в хроническую мрачность. Однажды, гордый своей новой победой, Элвис велел ей спуститься по главной лестнице Грейсленда в длинном белом норковом манто, которое только что ей подарил. Линда повиновалась, но предварительно зачернила себе резцы мягким карандашом. Когда гости в ужасе воззрились на ее беззубую улыбку, Элвис зашелся от хохота, сбросив с себя вид самодовольного самца, который часто напускал на себя на публике.

Обезоруживающая непринужденность девушки, которую он прозвал Мамулей, пригождалась и тогда, когда надо было унять приступы булимии, неизменные спутники скуки. Певец никогда не умел правильно питаться, и со временем дела шли только хуже, поскольку удержу он не знал. Элвис поглощал жареный бекон килограммами и гамбургеры по полдюжины, ел мороженое литрами, проглатывал огромные пирожные с бананом, запивая их пепси-колой, а потом в бешенстве обрушивался на своих близких,

когда весы открывали ему правду; в подобных ситуациях Линда разрабатывала для него диету на основе йогуртов и свежих овощей, не давая пожирать закуски целыми банками, и сопровождала его на сеансы лечебного сна к одному врачу из Лас-Вегаса, убежденному в том, что лучший способ похудеть — это выспаться.

Полковник Паркер тоже, как мог, старался отвлечь Элвиса от его саморазрушительных наклонностей, придав новый импульс его карьере. Этот отвлекающий маневр к тому же был в его собственных интересах, поскольку его проигрыши уже совершенно вышли из-под контроля. Нужно было срочно выдумать новые способы пополнить закрома: в сомнительном мире казино не привыкли давать должникам перевести дух. Паркер «оказался вынужден делать такие вещи, которые он бы ни за что не сделал, — признает издатель Жан Абербах. — Ему нужны были деньги, и приходилось признать, что некоторые кредиторы оказались менее уступчивыми, чем другие».

Весной 1972 года Паркер пытался улучшить финансовые условия двух ежегодных выступлений Пресли в «Лас-Вегас Хилтон». Внешне пересмотр контракта не принес золотых гор, поскольку еженедельный гонорар Элвиса вырос со 125 до 130 тысяч долларов за год, пусть даже в дальнейшем и планировалось довести его до 150 тысяч. Несвойственное Паркеру великодушие можно понять, если знать, что дирекция «Хилтона» предложила полковнику лично, за спиной у артиста, премию в 50 тысяч долларов в год на протяжении трех лет, что очень смахивало на взятку.

После успешного опыта с «Сахарой Тахо» летом 1971 года продление этого ангажемента до 1975 года представляло собой неплохой довесок к договору с Лас-Вегасом, но лишь одиночные концерты позволили Тому Паркеру выйти на новый уровень. Гастроли в начале десятилетия доказали, что они рентабельнее выступлений в «Хилтоне», если только как следует продумать график и расходы. Наученный опытом, с 1972 года полковник старался как можно рациональнее подойти к этому вопросу.

Цифры говорят сами за себя. После 16 выступлений в 1970 году и всего 13 в следующем Элвис дал в 1972 году 44 концерта по всем США, в 1973-м — 29, в 1974-м — 69, в 1975-м — 57, а в 1976-м — 96, к которым следует добавить сотню шоу каждый год в казино Невады. Для сравнения: «Роллинг стоунз» в то же время давали в среднем по полсотни выступлений в год.

Менеджер навязал Пресли изнурительный ритм, но этот конвейер приносил немалый доход: в конце каждого сезона певец

клал в карман три-четыре миллиона долларов. Эта манна небесная только разжигала алчность полковника. Согласно последнему договору, заключенному между ним и Элвисом в 1967 году, он получал половину доходов, связанных с Голливудом, вытребовав себе 25 процентов комиссионных от всего, что относится к сцене. Этот пункт не имел никакого значения в то время, когда Пресли больше не пел на публике. Произошедшие с тех пор изменения побудили Паркера изменить в свою пользу контракт своего артиста, который предоставил ему треть доходов от концертов начиная с 4 февраля 1972 года.

Элвис был равнодушен к деньгам, зато его отец не преминул бы забить тревогу. Полковник заблаговременно принял меры предосторожности, распустив слух, что готов уступить другому заботы о своем певце. «Элвис Пресли увольняет Паркера?» — под таким заголовком вышла «Лос-Анджелес Ситизен ньюс». Вернон Пресли опасался обратного, будучи убежден в том, что его сын не сможет выжить в джунглях шоу-бизнеса без помощи своего менеджера, и не помешал тому пересмотреть свои комиссионные в сторону повышения.

Следующим делом было сократить гастрольные расходы. Паркер взялся за эту задачу с позиций тейлоризма; заявленной целью было превратить шоу Элвиса Пресли в спектакль для всей семьи типа театра на льду: через четыре года после громкого возвращения Короля рок-н-ролл снова попал в опалу.

Полковник наладил безотказный механизм, в котором было задействовано около сотни людей, распределенных на три команды, у каждой из которых был наемный самолет. Первая команда, находящаяся под непосредственным управлением Тома Паркера, прибывала в назначенный город накануне концерта и занималась вопросами постоя. В самом большом местном отеле снимали целый этаж, после чего расписывали пребывание певца по минутам. Нужно было выиграть время и предотвратить возможные покушения, пока не прибыла вторая команда — сам певец со своим окружением. В отличие от третьей группы, куда входили технические сотрудники, музыканты и бэк-вокалисты, присоединявшиеся к своему вожаку за несколько часов до выхода на сцену, Элвис и его подручные путешествовали ночью, сразу после предыдущего концерта, чтобы успеть отдохнуть перед следующим.

Полковник руководил и рекламными акциями, организуемыми перед гастролями, а также распространением сувениров, доходы от продажи которых существенно пополняли кошельки и его самого, и Элвиса. В Лас-Вегасе перед каждой серией концертов в холле «Хилтона» сооружали киоск с

фотографиями, флажками и прочим, чтобы никто не прошел мимо. То же было во время гастролей: Паркер старался сбыть как можно больше рекламного товара по завышенной цене. Верный пословице, согласно которой перинка складывается из пушинок, он без зазрения совести продавал через свою команду бесплатные брошюры, издаваемые Ар-си-эй для торговцев пластинками и представителей фирмы.

По мере того как гастроли набирали обороты, полковник получил возможность спланировать несколько крупных операций. В начале 1972 года он подписал с «Метро-Голдвин-Майер» договор о создании нового музыкального документального фильма: кассовый успех фильма о рок-фестивале в Вудстоке распалил аппетиты Голливуда. Два режиссера, отобранных студией, — Боб Абель, бывший однокашник Фрэнсиса Форда Копполы по факультету кинематографии Лос-Анджелесского университета, и Пьер Адидж, — сами посвятили английскому певцу Джо Кокеру фильм под названием «Бешеные псы и англичане». На сей раз они хотели обнажить корни революции рока на примере жизненного пути самого знаменитого из ее творцов. Снимать концерты Элвиса им бы никто не помешал, но вот расспрашивать его о карьере или вставлять в фильм картинки, извлеченные из его прошлого, им бы вряд ли позволили. Абель и Адидж поняли, что единственный шанс обойти запреты полковника — уговорить самого Пресли.

Искренность Абеля, признавшегося Элвису, как он подростком ненавидел его из-за его популярности у девушек, попала в точку: певец привык к беззастенчивой лести своего окружения. Даже полковник, не скрывавший своего недоверия к бородатым и волосатым киношникам, в конце концов уступил их просьбам, и съемочным группам Абеля и Адиджа позволили следовать за Королем на гастролях, снимать жизнь за кулисами, гримерки, лимузины, подобострастных телохранителей, смеющихся каждой его шутке. Более того, режиссерам удалось передать на пленке разительный контраст между бездонной скукой пресыщенного певца и поклонением фанатов, бросающихся на сцену, чтобы припасть к его стопам.

Почти призрачный голос Элвиса комментировал за кадром его собственный жизненный путь, умело смонтированный Мартином Скорсезе, который уже составил себе репутацию, приняв участие в создании фильма «Вудсток». «Элвис на гастролях» («Elvis On Tour») не остался незамеченным после своего выхода на экраны осенью 1972-го. Он даже получил престижную премию «Золотой глобус» как лучший

документальный фильм 1972 года, к великому удовольствию Короля, следившего за церемонией из своего туалета — на телеэкране, установленном напротив унитаза. В этой награде Элвис видел заслуженный реванш после провала его актерской карьеры — горькой главы из его биографии, о которой он много распространялся в фильме.

Кадры частной жизни Элвиса конечно же интересны, но особенно удались сцены, снятые на концертах, которые оба режиссера снимали исключительно на Юге, где шоу проходили так интенсивно, как нигде больше. Конечно, Пресли принимали повсюду, но штаты из бывшей Конфедерации оставались его вотчиной, и не было никаких сомнений в том, что Югу не удастся окончательно взять реванш, пока не падет последний бастион превосходства Севера — город Нью-Йорк.

Если не считать появлений на телевидении в середине пятидесятых, Элвис никогда не выступал в главном городе США, систематически отвергаемый его элитой. Том Паркер решил, что пора разрушить чары, и вознамерился создать событие под стать своему артисту, устроив ему три концерта подряд в святилище американской поп-культуры — Медисон-сквер-гарден. Открытый в 1879 году, этот зал, неоднократно менявший свое местонахождение в постоянно меняющемся городе, стал ареной величайших спортивных, политических и музыкальных событий XX века. Вернувшись в 1968 году на 33-ю улицу, Гарден повидал победу «Нью-Йорк Никс» в финале НБА в 1970-м, поражение Мухаммеда Али от Джо Фрейзера в 1971-м и концерт Джорджа Харрисона, Ринго Старра, Боба Дилана и Эрика Клэптона в пользу Бангладеш в августе того же года.

Риск был велик: еще ни один певец не сумел три раза подряд наполнить зал на двадцать тысяч мест. И всё же возникла необходимость добавить четвертый концерт — в воскресенье 11 июня, после того как выступление в пятницу вечером и два субботних шоу прошли с аншлагом. Нью-йоркская публика, ревниво следящая за модой, хлынула на встречу с человеком, олицетворявшим собой стиль ретро пятидесятых и повальное увлечение китчем — две тенденции, крайне популярные в культурной столице Америки на заре эры диско. Пятнадцать лет назад хорошим тоном было презирать южного деревенщину с похотливой гримасой, теперь же полагалось восхищаться гуру рок-звезд, чьи мишурные костюмы, переливающиеся блестками и стразами, прекрасно утоляли жажду экзотики местной интеллигенции. На ее взгляд, Король достиг высот самой продвинутой тривиальности в своей «Американской трилогии», ура-патриотическом манифесте в защиту примирения между

Севером и Югом, в которой южная ода «Дикси» символически соседствовала с «Боевым гимном Республики» и негритянским спиричуэле «All My Trials».

Природа недоразумения, отделявшего Элвиса от нью-йоркской аудитории, проявилась сразу, как только на сцену вышел комик Джеки Кахэйн, который должен был разогревать публику во время гастролей. Тяжеловесные скабрезные шутки Кахэйна вызывали смешки в американской глубинке, но завсегдатаи Гардена освистали и обратили в бегство протеже Элвиса, так что ему самому захотелось отменить свое выступление, но полковник призвал его к порядку.

Отзвуки этого несовпадения взглядов встречались и в прессе. Обозреватель из «Нью-Йорк таймс» с покровительственными нотками законодателя хорошего вкуса говорит об «одновременно пестром, вульгарном и великолепном» зрелище, вспоминает о боксере Джо Луисе, чемпионе по бейсболу Джо Ди Маджио и кубинском шахматном короле Хосе Капабланке — аналогии, характерные для замешательства нью-йоркской элиты, не знающей, записать ли Элвиса в аутисты или недалекие. Полковнику было на это наплевать: он с гордостью объявил о том, что Элвис побил все рекорды Гардена, собрав в общей сложности 730 тысяч долларов и 80 тысяч зрителей.

Пока Пресли продолжал странствовать по Америке в ореоле нового триумфа, Том Паркер был вынужден думать о новых, еще более грандиозных мероприятиях. Впечатляющий прогресс телевидения оказался ему на руку. В его голове уже десять лет назад засела мысль о том, чтобы с помощью новых спутниковых технологий позволить Элвису выступить перед всей планетой. В феврале этого года полковник понял, что его давняя мечта может осуществиться, когда президент Никсон провел одну из ярчайших рекламных акций в своей карьере: по случаю государственного визита, срежиссированного Генри Киссинджером («Томом Паркером» из Белого дома), Ричард Никсон пожал руку Мао Цзэдуну на глазах у миллионов американцев, остолбеневших при виде такой исторической «загогулины».

Помимо своей грандиозности, достоинством плана Паркера было то, что он позволил бы окоротить всех иностранных продюсеров, предлагавших Элвису гастроли, — в частности в Японии. Анонс мегапроекта прозвучал в начале лета 1972 года, когда успех в Медисон-сквер-гарден еще был у всех в памяти: благодаря спутнику Элвис сможет спеть перед всем земным шаром на зрелищном шоу, передаваемом с Гавайев, где у него есть давние и верные поклонники. Помимо соображений сентиментального порядка, главным аргументом в пользу этого

выбора было стратегическое положение пятидесятого американского штата — всего пять часов разницы во времени с Японией, главной целью операции Тома Паркера: если начать в полночь, можно захватить японских телезрителей в начале вечера.

Изначально концерт был намечен на осень, но его быстро перенесли на начало следующего года по просьбе руководства «Метро-Голдвин-Майер», опасавшегося возможной конкуренции этой передачи с фильмом «Элвис на гастролях», выход которого на экраны был запланирован на ноябрь. Элвис мог воспользоваться этой передышкой, чтобы вернуть себе стройность — непростая задача после того, как он месяцами напролет «заедал» свои разочарования, — и подолгу репетировать спектакль, который, по словам полковника, должен был собрать полтора миллиарда телезрителей.

Передачу «Элвис: Алоха с Гавайев» финансировали фирма Ар-си-эй и канал Эн-би-си, постановку доверили Марти Пасетте, профессионалу, специализирующемуся на музыкальных передачах и церемониях вручения наград. В отличие от «Singer Special» 1968 года со строго проработанным сценарием, «Алоха с Гавайев» — просто снятый на пленку концерт; и все же у Пасетты не было права на ошибку, поскольку передачу должны были транслировать в прямом эфире на Дальний Восток. В такой ситуации режиссер пошел ва-банк на первой же встрече с Элвисом: укорил за то, что его спектакли сплошная рутина, и даже осмелился сказать, что тот растолстел. От такого оскорбления величия члены «мафии» вскочили со своих мест, а ведь они с самого начала встречи дали почувствовать Пасетте, что к чему, положив перед собой на стол пистолеты. Реакция Пресли оказалась непредсказуемой. «Он снял свои черные очки и расхохотался, никак не мог остановиться. Под конец встал, обнял меня и сказал: „Я сделаю все, что ты захочешь“», — рассказывает Пасетта.

После генеральной репетиции концерта, на которой присутствовало десять тысяч человек, выступление Элвиса на Арене Интернэшнл Конвеншн Сентер в Гонолулу началось вскоре после полуночи в субботу вечером 14 января 1973 года с эффектного прибытия на вертолете, придуманного Паркером, — впоследствии этот прием будет растиражирован. Вопреки напыщенным утверждениям полковника, шоу не транслировалось одновременно на весь мир по очевидным причинам, связанным с разницей во времени. Три десятка европейских стран были вынуждены дожидаться следующего дня, чтобы посмотреть трансляцию по Евровидению, а в самих США передачу назначили

на 4 апреля, но, несмотря на такую отсрочку, 57 процентов американских телезрителей собрались перед голубым экраном. Рейтинг в вечер прямого эфира в Гонконге, Южной Корее и Таиланде тоже был впечатляющим, а в Японии он составил 40 процентов — нечто неслыханное для Страны восходящего солнца.

На волне редкого воодушевления в вечер грандиозного успеха полковник написал Элвису почти отеческое письмо, в котором благодарил его за сотрудничество и восхвалял его профессионализм. Накануне своего 64-го дня рождения Том Паркер вознесся на вершину своей карьеры.

О Пресли нельзя было сказать того же: в психологическом плане он совершенно сбился с курса, несмотря на мощный стимул для его эго в виде гавайского шоу. Просвет, обозначившийся в момент громкого возвращения в конце шестидесятых, снова затягивался, рейтинг его пластинок вновь скатился до посредственных показателей, позабытых со времен голливудской эры; в 1972 году только горстка лидеров продаж на короткое время пробилась на вершины хит-парадов. Но год начался с разочарования, вызванного выходом заглавной песни из альбома госпел «He Touched Me» («Он прикоснулся ко мне»), записанного несколькими месяцами раньше по особой просьбе полковника. Операция потерпела фиаско: было распродано менее пятидесяти тысяч «сорокапяток», и лишь после того, как долгоиграющая пластинка получила «Грэмми» несколько месяцев спустя, продажи пошли в гору.

Альбом «Elvis Now» («Элвис сейчас»), также вышедший в свет в начале 1972-го, не вызвал большего воодушевления со стороны широкой публики: его название противоречило разношерстному и не новому содержанию, надерганному из разных сеансов звукозаписи, с момента которых прошло уже несколько лет. Но уже в начале лета в магазинах появился двойной альбом, записанный в Нью-Йорке. Запись проводили без ведома Элвиса, чтобы не подвергать его стрессу. Альбом «Элвис вживую в Медисон-сквер-гарден» вышел менее чем через неделю после записи — настоящий подвиг с целью опередить пиратов, которые являлись на концерты Пресли с кассетными магнитофонами, а потом загоняли подпольные записи из-под полы самым верным фанатам. Этот сборник нашел самую широкую аудиторию и даже вызвал одобрение пуриста Роберта Палмера из журнала «Роллинг стоун»; он стал самым продаваемым альбомом Пресли за последние десять лет; в конечном итоге только в США было распродано три миллиона экземпляров, что подняло планку на новый уровень.

Белая полоса продолжилась с выходом песен «Burning Love» («Жгучая любовь»), «Separate Ways» («Разные пути») и «Always on My Mind» («Всегда в моих мыслях»), записанных весной 1972 года. Недавние выступления в Лас-Вегасе совпали с уходом Присциллы, и Элвис пересмотрел свой репертуар, включив в него несколько баллад, где говорилось о покинутости и одиночестве. Такого раньше не было: до сих пор Пресли никогда не смешивал свое творчество и личную жизнь. Измена привычкам не укрылась от Фелтона Джарвиса, который постарался закрепить это в студии: результат вышел трогательным, в записях Элвиса зазвучала внутренняя сила и правда, которых ему начинало недоставать. Слушателей не обманешь: «Жгучая любовь» взобралась на второе место в горячей сотне хитов, а через несколько недель «Разные пути» вместе со «Всегда в моих мыслях» вошли в двадцатку популярных шлягеров. При жизни Элвиса больше никакой другой из его синглов не преодолеет символической отметки в миллион распроданных экземпляров. То же относится к пластинкам в 33 оборота: двойной альбом «Алоха с Гавайев через спутник» стал последним сборником, удостоенным первого места в чарте журнала «Биллборд».

В пробуксовывании не было ничего удивительного. Полковник и Ар-си-эй уже несколько лет назад предвидели неизбежный спад интереса к творчеству Пресли. Объемы продаж «В гетто», «Подозрительных умов» и «Жгучей любви», конечно, впечатляют, но все же было бы наивно полагать, будто Элвис сумеет надолго удержаться в лидерах. Из этих соображений Том Паркер начал торговать дешевыми компиляциями под маркой «Камден Рекордз», филиала Ар-си-эй с конца шестидесятых. Недостатком этой политики было то, что Элвис оказался причислен к великим артистам прошлого, однако Ар-си-эй смогла распродать несколько миллионов альбомов, скомпонованных на основе «проверенных» песен.

Пресли играл такую важную роль в истории компании, что ее руководство хотело бы свободно располагать всеми его записями, находившимися по контракту во власти полковника. С самого начала сотрудничества в 1955 году Паркер ни разу не упустил случая навязать фирме свою точку зрения, и его безудержный авторитаризм вызвал трения со Стивом Шоулсом и его преемниками. Чтобы поступить в продажу, самая завалящая пластинка должна была непременно получить визу полковника, который высказывал свое мнение за деньги, присылал счета за свои советы и заламывал невероятные цены за фотографии Элвиса, украшавшие обложки.

Для Паркера не могло быть и речи о том, чтобы отказаться от

своих прерогатив, во всяком случае, пока его не прижали карточные долги. «Полковник был одним из наших лучших клиентов», — подтверждает директор «Хилтон Интернациональ». Припертый к стенке кредиторами, он был готов на всё, чтобы пополнить свои запасы, а право согласования записей Пресли было крупным военным трофеем. После нескольких месяцев переговоров Ар-си-эй и полковник 1 марта 1973 года заключили исторический договор: компания выкупила за 5,4 миллиона долларов право распоряжаться и публиковать по своему усмотрению, в том виде и на тех носителях, какие сама выберет, все записи, сделанные Пресли к этому дню, а их набралось около семисот. За эту кругленькую сумму артист и его менеджер отказывались от всех причитающихся им авторских отчислений. Иными словами, Элвис больше не будет получать ни цента при переиздании таких хитов, как «Всё в порядке», «Отель, где разбиваются сердца» или «Дворняга».

Одновременно полковник продлил союз с Ар-си-эй еще на семь лет, из расчета два альбома и четыре «сорокапятки» в год, за что компания обязалась выплачивать минимум полмиллиона долларов в год в виде аванса по авторским отчислениям. В общей сложности, если учитывать побочные выплаты, которые Том Паркер выговорил лично для себя как «советник по коммуникациям и мерчендайзингу», Ар-си-эй извлекла из своих закромов более чем 10 миллионов долларов, из которых Паркер получил 60 процентов, провернув один из тех фокусов, на которые был мастер. После восемнадцати лет честной и беспорочной службы менеджер теперь зарабатывал больше, чем певец, так что возникает вопрос: кто же из них был более талантливым артистом?

Элвис совершенно не улавливал более чем сомнительного характера этого соглашения. Окутанный облаком личных проблем, он замкнулся в одиночестве и днями напролет слушал альбом «Куда уходит наша любовь?», записанный в 1965 году актером Шарлем Буайе. Во время своего восьмого ангажемента в Лас-Вегасе в феврале 1973 года он познакомился с Мухаммедом Али, готовившимся к боксерскому матчу.

Тот был поражен прострацией певца, который сидел взаперти в гостиничных апартаментах с зашторенными окнами: «Я сказал ему, чтобы он ходил гулять, общался с людьми, а он ответил, что не может и носа высунуть наружу, чтобы на него не набросились. Он не понимал, что люди не хотят ему ничего плохого, просто пытаются выразить ему свою любовь».

Пресли вырывался из изоляции, только когда поднимался на

сцену, но и там его телохранители старались оградить его от контактов с поклонниками. С тех времен, когда он ограничивался тесным общением с родителями, чувствуя себя отвергнутым одноклассниками, Элвис так по-настоящему и не приспособился к жизни в обществе. Успех только усилил ощущение, что он непоправимо отличается от всех остальных, как он сам признался в день особого отчаяния Кэти Вестморленд, бэк-вокалистке, с которой поддерживал во время гастролей подобие любовной связи: «Люди приходят посмотреть на меня издалека, потому что принимают меня за аттракцион».

В начале сезона 1973 года паранойя Элвиса обострилась настолько, что неожиданное вторжение четырех поклонников на сцену концертного зала однажды вечером спровоцировало форменную баталию на глазах у пораженной публики. Уверенный в том, что они покушаются на его жизнь, Элвис применил приемы карате, избив одного из «нападавших», а его телохранители поступили так же с тремя остальными. Пресли был убежден, что его обидчиков подослал Майк Стоун, новый спутник Присциллы. Он тотчас приказал двум своим подручным убить соперника и даже достал автомат из шкафа в гостиничном номере, но через несколько часов успокоился.

Линда Томпсон первой встревожилась из-за этих приступов помешательства, которые приписывала злоупотреблению медикаментами, но ее никто не слушал. Повторяющиеся заболевания ларингитом теперь сменились недомоганиями, которые несколько раз помешали Пресли выйти на сцену за время его пребывания в «Лас-Вегас Хилтон». Инциденты такого рода продолжились в мае в «Сахара Тахо», где в первые вечера он выступал с таким опухшим лицом, что его было трудно узнать, ангажемент пришлось сократить, а певца положить в больницу. На сей раз Вернон Пресли и полковник забили тревогу и обратились к Джону О'Грейди, поручив ему узнать, кто поставляет Элвису барбитураты и стимулирующие средства. В ходе расследования всплыли имена трех врачей и одного дантиста, но из-за невозможности действовать по закону и из-за нежелания помочь со стороны главного заинтересованного лица дело тем и ограничилось.

Тогда обратились к Каргу Ри, учителю карате, которого Элвис глубоко уважал. По случаю присуждения Тигру (такое прозвище учитель дал своему ученику) шестого дана Ри попытался ему объяснить, что каратист, достойный этого имени, должен освободиться от власти наркотиков. Элвис согласился со всей серьезностью и извлек из ящика стола свой жетон Бюро по борьбе с наркотиками, подаренный президентом Никсоном, — лучшее,

на его взгляд, доказательство того, что он не имеет ничего общего с рок-звездами, сидящими на игле.

Тигр упорно отказывался рассматривать свои проблемы с точки зрения наркомании, и те еще более обострились, о чем свидетельствуют сеансы звукозаписи в июле 1973 года. После вселенского успеха двойного альбома «Алоха с Гавайев через спутник» Ар-си-эй поручила Фелтону Джарвису создать новый альбом. Дочь Пресли находилась тогда в Грейсленде, и он не хотел уезжать из Мемфиса. Поскольку Чипе Моман переехал со своей студией «Американ» в Атланту еще два года назад, Джарвис предложил поработать со «Стакс», лидером негритянской музыки соул, звезда которой еще сияла вовсю — она погаснет только через два года.

Студия «Стакс», расположившаяся в бывшем кинотеатре в негритянском гетто, была не первой свежести, но давала уникальное звучание, которому во многом способствовали штатные музыканты. За шесть дней удалось записать с десяток песен — печальный рекорд, отражавший потерю интереса со стороны Пресли. Он то играл со своими пистолетами, то дремал в кресле, не мог сосредоточиться, и сеансы заканчивались в обстановке всеобщего разочарования, усугубленной техническими разногласиями с руководством студии и преждевременным уходом штатного ударника. Эл Джексон, легендарный ударник, участвовавший в записи большинства песен Отиса Реддинга, отказался подчиняться правилу, по которому в присутствии Короля нельзя было пить; Джексону было не понять, почему он должен отказываться от своих привычек в угоду апатичной звезде, накачанной антидепрессантами.

Запись закончилась, когда Элвис улетел в Лас-Вегас, где блистал посредственностью своих выступлений. В вечер последнего из них полковник, обычно мало заботившийся о качестве концертов своего певца, пришел в черную ярость, когда Пресли, явно не в себе, выехал на сцену на Ламаре Файке и часть спектакля пролежал на кровати, которую специально велел принести. Затем он исполнил несколько необычный вариант песни «Люби меня нежно» («Чао, п…дор, пока, папа, плевать на Хилтон, идите все на…»), но в глазах Паркера хуже всего было то, что Элвис в завуалированной форме обличил перед публикой дирекцию «Хилтона», уволившую сотрудника, который ему нравился.

После спектакля менеджер и певец стали сыпать обвинениями; первый упрекал второго за отсутствие профессионализма, тот переходил в контратаку, заявляя, что Паркер использует его как денежный мешок, чтобы уплатить свои

долги. Попутно он обвинил своего импресарио в том, что тот отказывается устраивать ему гастроли за границей из-за своего неясного происхождения, на что в последнее время намекали газеты. Тон повысился, окружение пришло в ужас при мысли, что рядом может оказаться какой-нибудь журналист, и в конце концов они оба объяснились в гримерке певца, который уволил полковника, когда тот пригрозил своим уходом.

Главным качеством Паркера конечно же была осторожность. Понимая, что в профессиональном плане ему не выжить без Пресли, он потребовал у него астрономическую сумму задолженностей, которые подробно перечислил в официальном письме. Готовый на всё, лишь бы избавиться от тирании Паркера, Пресли сказал, что уплатит по счету, а его адвокат Эд Хукстраттен даже предложил взять на себя обязанности полковника. Разрыв был бы неминуем, если бы не вмешался Вернон Пресли: конечно, Хукстраттен долгое время руководил карьерой Кэри Гранта и других голливудских звезд, но отец певца не решался рискнуть равновесием, установившимся в последние два десятка лет. Успокоив сына, он взялся склеить разбитые отношения и положил конец кризису, который продолжался почти две недели.

В целом атмосфера того пребывания в Лас-Вегасе была отвратительной. Имя Элвиса попало в газеты, когда он поранил одну из поклонниц, показывая ей приемы карате; через несколько дней его телохранители без видимой причины набросились на одного из гостей Короля, который тотчас подал на него в суд. Отмахнувшись от этих неприятностей, Элвис нашел прибежище в музыке и нанял за 100 тысяч долларов в год вокальный ансамбль, который назвал «Войс» («Голос») в честь эзотерического журнала Ларри Геллера — «Нью Эйдж Войс» («Голос новой эры»).

Сначала Элвис набрал этот вокальный квартет, чтобы сделать сюрприз своему другу Тому Джонсу, который как раз тогда был в Лас-Вегасе; уэльский певец не пожелал связываться с такой дорогой подпевкой, и Элвис решил включить ее в свое шоу, к великому отчаянию отца, не знавшего, как его образумить: теперь Элвиса на сцене окружали одиннадцать певцов — самый дорогостоящий ареопаг на эстраде.

Оформление развода с Присциллой стало еще одним источником головной боли для Вернона. Процесс длился долго, потому что Присцилла запросила 725 тысяч долларов компенсации и по шесть тысяч ежемесячных выплат на гардероб, дорожные расходы и прочие сопутствующие траты, помимо алиментов в четыре тысячи долларов для Лайзы Марии. Зато Элвис добился права на совместное воспитание дочери, что

позволяло ему видеться с ней так часто, как он захочет.

Эта утешительная мера не уберегла его от недомогания 11 октября 1973 года, через два дня после официального развода. Видя, в каком он состоянии, доктор Никопулос принял решение положить его в Баптистскую мемориальную больницу Мемфиса для полного обследования. Официально руководитель этого заведения объявил прессе, что его знаменитый пациент подхватил грипп, но результаты анализов показали зависимость от демерола — анальгетика, побочные эффекты которого были усилены одновременным принятием антидепрессантов и снотворных.

Уложив Элвиса в постель почти на три недели, доктор Ник намеревался провести дезинтоксикацию. Певец очень неохотно подчинился решению своего врача, и его окружение изо всех сил старалось сделать так, чтобы пребывание в больнице было для него как можно менее тягостным. Для начала окна его палаты оклеили фольгой, потом поставили рядом с его кроватью еще одну — для Линды Томпсон, которая должна была лежать, пока Короля не выпишут. Управиться с сотнями телефонных звонков и тысячами писем и открыток, которые ежедневно поступали на его имя, было гораздо труднее, и вскоре пришлось взять палату Пресли под охрану во избежание неуместных визитов поклонниц и журналистов.

То, что госпитализация оказалась как мертвому припарка, стало ясно, когда Элвис, едва выписавшись из больницы, снова зачастил к своей аптечке. И все же, отдохнув на больничной койке, он обрел некоторый душевный покой, чем и воспользовался Фелтон Джарвис, пригласив его в студию «Стакс» после месяца, проведенного в Грейсленде для полного выздоровления. Атмосфера на этих сеансах была более рабочей, чем в июле, хотя первый день начался необычно: певец велел доставить в студию несколько телевизоров, чтобы не пропустить вечерней трансляции матчей по американскому футболу.

За семь дней удалось записать не меньше восемнадцати песен при помощи усиленной команды техников и переносной студии звукозаписи, предоставленной по просьбе Ар-си-эй. Пресли был не в лучшей форме, но сумел собраться и сосредоточиться. Захваченный мистическим настроением «Help Me» («Помоги мне»), он закончил запись стоя на коленях, нашел волнующие нотки, исполняя «Take Good Care of Her» («Позаботься о ней») с таким реализмом, будто обращался к новому спутнику Присциллы, и вложил безысходную грусть в свою версию «Good Time Charlie's Got the Blues» («Чарли уже давно тоскует») фолк-певца Данни О'Кифа.

Элвис обладал развитым чувством юмора, который оживил блюз «If You Talk in Your Sleep» («Если заговоришь во сне»), в котором говорилось о любовнике, советующем своей милой не произносить его имени во сне, когда она спит рядом с мужем. Запись делали в присутствии Литтла Мильтона, одного из крупных представителей школы блюза из студии «Стакс», который впоследствии даст свою просветленную версию этой песни, сочиненной Рыжим Уэстом. «Как только я ее услышал, песня показалась мне замечательной, — рассказывает Мильтон. — Я сразу понял, как можно было бы ее преподнести и что он упустил. Я сказал себе, что наверняка не продам столько же пластинок, сколько он, но запросто сделаю лучше в творческом плане».

Характерна реакция, показывающая, как изменилось восприятие Пресли южной негритянской общиной. Обожаемый целым поколением артистов от Карлы Томас до Отиса Реддинга, которые начинали с его репертуара, вдохновитель одного из лучших альбомов Альберта Кинга — «King Does the King's Things» («Король занимается королевскими делами»), — в 1969 году, к моменту своего появления в «Стакс», Элвис производил удручающее впечатление. Не говоря уж о фанфаронстве телохранителей и его эксцентричных запросах, студийные музыканты жалели о том, что продюсер, из соображений издательских прав, отдал предпочтение популярному репертуару, а не гимнам в стиле соул, которые Элвис наверняка исполнил бы проникновенно.

Жалкие результаты сеансов звукозаписи в «Стакс» как будто подтверждали эту теорию. Ни один из трех альбомов — «Raised on Rock», «Good Times», «Promised Land» — не блеснул, но эти результаты были подправлены публикацией первых компиляций, сделанных после заключения договора между Ар-си-эй и полковником. Приведем лишь один пример: пластинка в 33 оборота «Элвис: легендарный исполнитель. Выпуск 1», на которой прошлые хиты соседствовали с несколькими неизданными песнями, которые полковник раньше отказывался выпускать, была распродана большим тиражом, чем все фи альбома вместе взятые.

Зато лучшие синглы, вышедшие из сеансов в «Стакс» — «Если заговоришь во сне», «Promised Land» («Земля обетованная») и «My Boy» («Мой мальчик»), — нашли более широкий отклик в сердцах. Благодаря им имя Элвиса Пресли в последний раз при его жизни попало в горячую двадцатку поп-музыки. А главное, они вернули ему давно утраченную ауру в хитпарадах музыки кантри. Если не считать «There Goes My Everything» («Вот моё всё») в 1971 году, Элвис впервые с момента отъезда в Германию вернулся на

высшие позиции в чартах кантри-энд-вестерн журнала «Биллборд» и так и остался там до самой своей кончины.

После унылого Рождества, омраченного отсутствием Присциллы, 1974 год начался довольно приятно: мэр Мемфиса отпраздновал 39-летие Короля, провозгласив 8 января Днем Элвиса Пресли. Губернатор Джорджии и будущий президент США Джимми Картер поступил так же в Атланте. Этот поток почестей и возрождение интереса со стороны любителей кантри ознаменовали собой возвращение Короля к традиционным южным ценностям. Обращение к корням было подтверждено в марте широко освещавшейся в прессе встречей Элвиса с Джорджем Уолласом, политиком-оппортунистом, примкнувшим к сторонникам расовой сегрегации, чтобы получить пост губернатора Алабамы.

Первые гастроли в том году были посвящены исключительно публике Дикси: можно было предположить, что она будет не так строга к артисту с весьма непостоянным поведением. Хотя зимнее шоу в Лас-Вегасе, которое пришлось подсократить на две недели по рекомендации доктора Ника, прошло без значительных инцидентов, Элвис лишь упражнялся в стрельбе в своем номере и разнес несколько телевизоров и хрустальную люстру. Что серьезней всего, случайная пуля просвистела в нескольких сантиметрах от головы Линды Томпсон, когда Элвис тренировался гасить свет в гостиной, стреляя в выключатель из длинноствольного карабина. «Нужно же было чем-то себя занять, — оправдывается один из его телохранителей. — Вы когда-нибудь сидели целый месяц в гостинице, ничего не делая?»

Праздность отравляла жизнь Элвиса, который старался всеми способами свернуть с наезженной колеи. Если его не уводили со сцены побледневшим, с приступом повторяющегося гриппа (пристойная маскировка для его пошатнувшегося здоровья), он экспериментировал. В августе, на Летнем фестивале Элвиса в «Лас-Вегас Хилтон», он резко изменил свою привычную программу уже в вечер премьеры, на которой, как обычно, присутствовали звезды, в том числе актер Телли Савалас, бывший на гребне славы, с тех пор как его плешь замелькала в сериале «Инспектор Коджак» на телеканале Си-би-эс. Забыв о помпезном вступлении «Так говорил Заратустра», Элвис вновь обратился к блюзу, перемежая его заимствованиями у Оливии Ньютон-Джон, новой любимицы публики на заре эры диско. Это плавание к неведомым музыкальным берегам не пришлось по вкусу завсегдатаям Вегаса, и уже со второго вечера шоу вошло в свое обычное русло.

В следующие две недели публику ожидали новые сюрпризы, в частности странный урок истории искусства, на котором Элвис сравнил себя с Микеланджело и объяснил причины, побудившие его выкрасить в черный цвет одну из барочных статуй, украшавших концертный зал. Пресса начала делать намеки на его пристрастие к галлюциногенам, он попытался отмести это обвинение в долгих обращениях к зрителям. Теперь его выступления были насыщены нескончаемыми и бессвязными монологами на разные темы. Самое примечательное из этих лирических отступлений он посвятил своим отношениям с Присциллой, которая в вечер последнего концерта сидела перед сценой вместе с Лайзой Марией: Элвис почти десять минут разглагольствовал тягучим голосом о нерушимой дружбе, связывающей его с матерью его дочери, а потом заговорил о Майке Стоуне, спутнике Присциллы, расхвалив его как настоящего жеребца.

Зал был ошеломлен точно так же, как за несколько дней до того публика была повергнута в удивление, когда он прервал концерт и начал демонстрировать приемы карате вместе с Рыжим Уэстом. Гордясь восьмым даном, который ему только что присудили, Элвис уже некоторое время подумывал о том, чтобы снять полнометражную картину в духе фильмов с Брюсом Ли, который как раз недавно умер, блеснув в «Кулаке ярости» и «Возвращении дракона». Боевые искусства, которыми занимались на экране «полицейский-каратист» Чак Норрис и Дэвид Кэррадайн в телесериале «Кунг-фу» на Эн-би-си, приносили большой доход, но полковник отказался благословить этот проект, зная, что тот обречен на провал. Элвис заупрямился и обратился к режиссеру Джерри Шиллингу, доверив ему свой фильм «Новые гладиаторы». Было отснято несколько сцен, но фильм наскучил Элвису после того, как он вложил в него почти 100 тысяч долларов, и съемки остановились так же внезапно, как и начались.

Том Паркер теперь с подозрением относился ко всему, что могло отвлечь внимание Элвиса от его основного дела. Умерив его каратистский пыл, он пытался убедить Элвиса не ругаться и не материться на сцене, но безуспешно. Совершенно утратив связь с реальностью, Элвис жил в своем собственном мире, постепенно переставая понимать, что делает. Его четвертые гастроли в 1974 году были отмечены несколькими неприятными эпизодами. В Мэриленде он не стоял на ногах, выполз на четвереньках из лимузина и выступал словно в полусне; в Детройте он ушел со сцены через полчаса, и концерт пришлось отменить; в Абилене, штат Техас, его отцу пришлось спешно

вызвать доктора Ника: Элвис, с распухшим от лекарств лицом, цеплялся за опору микрофона, чтобы не упасть на глазах у поклонников.

Фирма грамзаписи не делала ровным счетом ничего, чтобы подправить имидж артиста, которого теперь охотно представляла реликтом прошлого. В середине десятилетия, когда Америка ностальгировала по пятидесятым, следя за телесериалом «Счастливые дни», и вспоминала старые добрые времена, массово отправляясь в кинозалы на «Американские граффити», Ар-си-эй радостно оседлала волну ретро, выпуская одно повторное издание за другим.

Только сборник «Элвис: запись концерта в Мемфисе» поддержал марку, преодолев рубеж в полмиллиона распроданных экземпляров. Том Паркер воспользовался весенними гастролями по южным штатам, чтобы устроить великое возвращение Короля в свои владения, запланировав четыре концерта в Колизее Среднего Юга. В продажу было выпущено 50 тысяч билетов, но спрос превысил предложение, и полковник добавил пятое шоу, которое решил записать на пленку. Пластинка с концерта позволит Элвису выполнить свои обязательства по контракту перед Ар-си-эй, ведь в студии он уже не появлялся, хотя качество его концертов было уже весьма сомнительным. И все же, воодушевленный поддержкой зрителей, Элвис прекрасно исполнил гимн «Велико искусство Твое», получив в конце сезона свою третью и последнюю премию «Грэмми» за всю карьеру.

Несмотря на этот успех, пластинки расходились плохо, каково бы ни было их содержание. Тогда полковник решил выпустить на прилавки странный сборник «Веселье с Элвисом Пресли на сцене» под маркой, специально созданной для этого случая. Эта компиляция из дурных каламбуров и бессодержательных монологов, надерганных из разных концертов, встретила единодушное осуждение, однако удалось продать больше ста тысяч экземпляров. Покупателями стали фанаты Короля из последней фаланги: всего через шесть лет после искупления песнями «Когда я мечтаю», «В гетто» и «Подозрительные умы» Элвис снова впал в прострацию, как в конце своей голливудской карьеры.

Между гастролями и сеансами лечебного сна, рекомендованными врачами, Пресли убивал скуку в Мемфисе, где почти каждую ночь ходил в свой любимый кинотеатр, если только не выдумывал более неожиданных развлечений, например заявившись однажды в городской роддом, к ошеломлению молодых мамаш. Его отец расстался с Ди Стэнли и сошелся с медсестрой, с которой познакомился в Денвере, а Элвис

напропалую изменял Линде Томпсон, на что та закрывала глаза. Он пытался найти новую аудиторию, показывая приемы карате, разбивая доску ребром ладони или рассказывая о своем визите в Белый дом. В глазах этого взрослого человека, заплутавшего в воспоминаниях детства, сексуальные отношения отошли на второй план: со своими партнершами он пытался искусственно воспроизвести материнские ласки.

Кандидатки подвергались систематической проверке Джоном О'Грейди, но романы редко длились долго: нужно было обладать закаленным характером Линды, чтобы терпеть капризы Короля, становившегося злобным из-за амфетаминов, и ангельской невозмутимостью, когда Пресли забывался во сне и не контролировал свой мочевой пузырь. Шейла Райан была той редкой девушкой, что вытерпела такое положение несколько месяцев. Она познакомилась с Элвисом в одно из его пребываний в «Лас-Вегас Хилтон», и в их первую ночь он сразу заснул. Впоследствии он попытался вылепить из нее свой идеал, как всегда поступал с дебютантками, а потом завел с ней отношения, напоминавшие нечто среднее между подростковым флиртом и связью между матерью и сыном.

Однажды вечером в Лас-Вегасе Элвис пустился в очередное нескончаемое лирическое отступление и представил Шейлу зрителям. Официальное объявление об их связи широко обсуждали в прессе, на мгновение показалось, что его отношения с Линдой отошли в прошлое, но ничуть не бывало. В это самое время бывшая Мисс Теннесси следила за ремонтом в Грейсленде: хозяин дома подобрал ярко-красную мебель для гостиной и столовой, обстановку в гавайском стиле для «комнаты джунглей», а после замены паласов на ворсистые ковры дом превратился в царство сапрофитов.

Шли месяцы, страсть Элвиса к Шейле еще периодически вспыхивала, пока девушка не исчезла окончательно летом 1975 года, познакомившись с актером Джеймсом Кааном (одним из сыновей Марлона Брандо в «Крестном отце»), за которого вскоре вышла замуж. Окружение Элвиса всячески старалось скрыть от него эту новость, но певец, похоже, уже достиг такой стадии, когда не вполне понимал, что с ним происходит.

1975 год начался с дурного предзнаменования — переноса зимних выступлений в Лас-Вегасе. Сидя в темноте в своей спальне в Грейсленде, Элвис пытался забыть о приближающемся сорокалетии — рубеже, о котором пресса вслед за еженедельником «Пипл» хором ему напоминала. Несколько дней спустя он заболел воспалением легких. По счастью, рядом была Линда, не отходившая от него все две недели, которые он провел

в апартаментах, специально обустроенных для него на 15-м этаже Баптистской мемориальной больницы. Доктор Ник хотел провести еще один курс дезинтоксикации, на сей раз на основе метадона, после того как биопсия показала расстройство печени.

Пребывая в депрессии, Элвис испытывал непреодолимую тягу к самоубийству, в чем однажды признался Линде Томпсон. Он медленно сползал в пропасть. Его тоска достигла высшей точки, когда его отец попал в ту же больницу, в соседнюю палату, с сердечным приступом. Вернон в жизни никогда не болел и свалил на Элвиса ответственность за свой инфаркт, укоряя сына в том, что тот хочет уморить его, после того как свел в могилу свою мать. Недалекий Вернон был плохим психологом, а для его сына эти обвинения стали личной драмой.

Линда пыталась его успокоить, поселившись по соседству, как во время его предыдущего пребывания в больнице, и они часами сидели рядом, глядя на экран камеры наблюдения, установленной в их палате, где можно было видеть перинатальное отделение больницы с копошащимися грудничками.

Обжегшись на прежних неудачах, доктор Ник решил на сей раз довести дело до конца. Как только его пациент вернулся в Грейсленд, он подменил снотворные плацебо. У Элвиса сработало шестое чувство, присущее большинству наркоманов: он провел доктора, раздобыв таблетки за его спиной, и жизнь потекла в прежнем трагикомическом ключе.

Пока не начались концерты в Лас-Вегасе, перенесенные на середину марта, он нашел время сделать несколько записей в студии Ар-си-эй в Голливуде. Десятка записанных песен едва хватило для сборника, который вышел два месяца спустя под названием «Сегодня»; возможно, Фелтон Джарвис сумел бы записать и еще кое-что, если бы Брайан Уилсон из «Бич Бойз», работавший в соседней студии, не настоял на встрече с Пресли. Тот никогда не отличался способностью сосредоточиться, и это вторжение похоронило последний сеанс звукозаписи в том году.

Двенадцатый ангажемент в «Лас-Вегас Хилтон» прошел в исключительно хороших условиях по тем временам. Прекратив демонстрировать свои таланты каратиста, Элвис вновь обрел чувство юмора и посмеялся над своим «сорокалетним брюшком», как было написано за несколько месяцев до того в одном таблоиде. Длинные разговоры, как прошлым летом, уступили место динамичному музыкальному спектаклю, произведшему впечатление на Барбру Стрейзанд, которая присутствовала на нем со своим спутником Джоном Петерсом. Актриса как раз собиралась приступить к съемкам очередного ремейка «Рождение

звезды» (в 1937 году Джанет Гейнор получила «Оскара» за главную роль в этом фильме, а в 1954-м Джуди Гарленд снялась в первом ремейке, ознаменовав свое возвращение на экран). Стрейзанд хотела, чтобы Элвис стал ее партнером по фильму, и певец принял это предложение с воодушевлением, но его деспот-менеджер загубил проект на корню своими непомерными аппетитами: когда Стрейзанд предложила гонорар в полмиллиона долларов, полковник запросил вдвое больше: 50 процентов от прибылей и главную роль для своего певца — это были неприемлемые условия, и все разговоры на эту тему прекратились.

Паркер вовсе не собирался вновь отпускать Пресли в голливудские джунгли, рискуя финансовым равновесием, обретенным по мере гастролей. Помимо Летнего фестиваля Элвиса Пресли, до конца года было намечено больше полусотни выступлений, и публика не выказывала ни малейшего признака усталости, о чем говорит количество распроданных билетов. 24 апреля состоялся первый концерт в том году — в Маконе, штат Джорджия. Более десяти тысяч зрителей выложили от пяти до десяти долларов, чтобы посмотреть на Пресли живьем. Столько же было на следующий день в Джексонвиле, штат Флорида, в Тампе — восемь тысяч, в Лейкленде — двадцать четыре, в Мерфисборо, штат Теннесси, — двенадцать, в Атланте — семнадцать тысяч.

После возвращения Элвиса на сцену в начале десятилетия количество зрителей не сильно варьировалось от города к городу, даже в глухомани. Побывав королем рок-н-ролла, Пресли превратился в главного поп-певца американской глубинки, в Джонни Эпплсида[19] XX века: его способность заставить подпевать себе всю страну напоминает о благотворном странствовании его предшественника. Точно так же, как яркие комбинезоны и броские украшения создавали иллюзию роскоши в глазах публики, стремящейся к процветанию и общественному признанию, в полноте Элвиса было что-то ободряющее для трудящихся из маленьких городков и поселков городского типа: тучность была признаком сбывшейся американской мечты об изобилии для всех.

Повсюду местная пресса рассыпалась в похвалах спектаклям с семейной атмосферой, не оторванным от корней, проникнутым добродушным юмором местного уроженца, возвышенного своим успехом. Зато критики из крупных нью-йоркских или лос-анджелесских газет были гораздо менее снисходительны. Хотя «продвинутая» элита благосклонно относилась к китчу,

проповедуемому Королем, его порицали за ненужный шум без всякого чувства меры, не имеющий ничего общего с качеством, которое некогда его прославило. В самом деле, проблески гения случались все реже, например, в тот июльский вечер 1975 года, когда Элвис сел к роялю и потрясающе исполнил «You'll Never Walk Alone» («Ты никогда не будешь ходить одна») — тему из мюзикла «Карусель», с которой начался творческий путь его кумира Роя Гамильтона в 1954 году.

За редкими исключениями, его появления на публике были чем-то средним между рутиной и провалом — по мере поглощения допинга. Раздувшийся Пресли, оскорбляющий своих поклонников и яростно швыряющий в них гитару в приступе безумия, — в то лето это стало скорее правилом. Однажды он публично унизил Кэти Вестморленд, а потом покаялся и осыпал ее драгоценностями, как только улеглась буря у него в голове. А доктор Ник чудом избежал смерти, когда Элвис выстрелил в экран телевизора, а пуля срикошетила и попала ему в грудь. Своими увещеваниями по поводу употребления лекарств доктор вызвал гнев Короля, который потом пытался загладить свою вину, предоставив ему беспроцентную ссуду в 200 тысяч долларов, — Никопулосу нужны были эти деньги для своей новой фирмы.

И вот в такой атмосфере конца света открылся Летний фестиваль Элвиса Пресли 1975 года. Элвис не готовил новый спектакль и в основном пел на заказ: по рядам зрителей пустили ведерко для шампанского, в которое они должны были класть записки. Он не держался на ногах и сидел, развалясь, на стуле, а к концу вечера улегся прямо на сцену.

Этот балаган продлился три дня, полковник отменил ангажемент «по медицинским показаниям» и отправил певца в Мемфис, где его тотчас положили в больницу. Две недели лечения позволили ему встать на ноги, но и только: он по-прежнему периодически страдал от острых приступов паранойи.

Теперь уже наваждения Элвиса вышли за рамки привычного и свидетельствовали о безумии. Любовь к кино вкупе с фотографической памятью позволяла ему с отроческих лет цитировать целые фрагменты из увиденных фильмов. Николас Рей, режиссер фильма «Бунтарь без причины», который познакомился с Элвисом в Голливуде в середине пятидесятых, был покорен, услышав, как Пресли слово в слово воспроизводит диалоги Джеймса Дина. Двадцать лет спустя эта способность обратилась в невроз: Элвис вступал со своей «мафией» в словесные состязания вокруг реплик из фильмов, которые могли длиться часами.

Точно так же периоды безудержных трат, начавшиеся с

приходом успеха, теперь превратились в сумасшествие; раньше Элвис совершал безумства, а теперь впал в безумие. Вернувшись с гастролей в начале лета 1975 года, он купил себе четырнадцать «кадиллаков» у своего мемфисского поставщика, но если обычно покупки такого рода делались для подарков близким (в данном случае зубному врачу и Мирне Смит из «Свит Инспирейшнс»), то теперь одну из машин, купленных в тот день, он преподнес незнакомке, случайно оказавшейся у дилера. Что же до страсти Элвиса к кольцам, часам, браслетам и цепочкам, ее уже ничто не сдерживало после того, как новый «придворный» ювелир из Мемфиса Лоуэлл Хейз вошел в его близкое окружение через посредство доктора Ника. Если раньше Пресли ограничивался эпизодическими ночными «налетами» на ювелирную лавку, то теперь требовал от ее владельца, чтобы он следовал за ним на гастролях со всем своим товаром, удовлетворяя его прихоти.

С течением времени счета достигли суммы в миллион долларов — 85 680 долларов за один лишь июль 1975 года, и Вернон Пресли рвал на себе волосы, когда счета приходили в Грейсленд. Но это было еще не самое страшное: последняя страсть его сына гораздо быстрее подорвала его финансы.

В начале года местная пресса сообщила, что Джерри Ли Льюис и Чарли Рич недавно приобрели частные самолеты. Эта новость уязвила тщеславие Короля, который не собирался отставать от знаменитостей кантри и рок-н-ролла. Он тотчас присмотрел себе подержанный «Боинг-707», выставленный на продажу на развалинах империи Роберта Веско, бизнесмена, сбежавшего в Коста-Рику после громкого финансового скандала.

Эта покупка не была такой уж нелепой, как могло показаться на первый взгляд. Каждый год Пресли тратил целое состояние, перемещаясь во время гастролей на наемных самолетах, и с точки зрения бухгалтерии приобретение самолета было совершенно здравым поступком. Зато обуявшая его исступленная любовь к воздухоплаванию была гораздо менее разумной. Уже в апреле, когда определенные обстоятельства помешали ему приобрести «Боинг-707», он подписал договор о покупке «Конвэра-880» на сто мест, который уступила ему авиакомпания «Дельта» за 250 тысяч долларов. Личный самолет Короля тотчас окрестили «Лайза Мария», украсили пресловутым логотипом «ТСВ» и перегнали в Техас, где специализированная компания должна была оборудовать салон, столовую и спальню с ванной, в которой были золотые вентили. Пока шли эти работы, он купил за 850 тысяч долларов реактивный самолет «Джет Стар Локхид» на шестнадцать мест и пользовался им для текущих поездок.

Летом, узнав, что Элтон Джон подарил своему импресарио

«роллс-ройс», Элвис решил взвинтить ставки и преподнес полковнику двухмоторный «Грумман», сильно обременив того громоздким подарком. Новая мания Пресли этим не ограничилась. В августе он решил взять напрокат на год тяжелый «Фэйрчайльд Ф-27» за 13 тысяч долларов в месяц, но несколько дней спустя отказался от этой затеи, выписав чек на полмиллиона долларов за реактивный «Аэро Коммандер». Наконец, в следующие недели он пополнил свою коллекцию, вложив деньги в «Фалькон» 1966 года выпуска, который должен был перевозить его музыкантов во время гастролей.

Не считая стоимости покупки, содержание этого воздушного флота съело бюджет Элвиса, о чем его сразу предупредил отец. Желая как можно скорее избавиться от «Джет Стар», который стал не нужен после выхода из ремонта «Лайзы Марии», Вернон Пресли связался с неким Найджелом Винфильдом, не зная, что тот принадлежит к одной из крупнейших преступных группировок в Америке. Заключенный ими договор, крайне выгодный с точки зрения империи Пресли, был всего лишь попыткой отмывания денег, и в результате Элвис оказался впутан в сложные юридические хитросплетения, последствия которых и после его смерти расхлебывали его наследники.

Тем временем Король был на грани разорения. Не говоря уже о подарках, которые опустошали его закрома быстрее, чем их наполняли поступления от концертов, капиталовложения в новый спортивный комплекс в Мемфисе серьезно подорвали его финансы. Хотя дела, которые вел от его имени полковник, складывались удачно, с 1974 года Элвис тратил больше, чем зарабатывал. За вычетом налогов и расходов на его королевский образ жизни, семь миллионов, заработанных в тот сезон, принесли ему лично только полтора миллиона долларов, тогда как потратил он вдвое больше.

Если двадцать лет назад его пластинки обеспечили взлет компании Ар-си-эй, теперь они расходились плохо, и качество его последних записей не способствовало тому, чтобы вновь раскрутить этот изношенный маховик. Слишком непредсказуемые выступления на сцене не позволяли выпускать по несколько концертных альбомов в год, как было в начале десятилетия; что же до студийных записей, то Элвис находился в таком состоянии физического и морального упадка, что и слышать не хотел о поездке в Нэшвилл или в Голливуд.

Обязательства по контракту с фирмой грамзаписи вынуждали полковника пытаться издать тематические компиляции, но Ар-си-эй без всякого воодушевления встретила его предложение в энный раз выпустить сборник лучших песен из кинофильмов или

сборник для детей. Фелтон Джарвис с отчаяния согласился сделать альбом в Грейсленде, зная, что это последний шанс пробудить хотя бы подобие интереса у певца, подавленного скукой и депрессией.

Сеансы звукозаписи, устроенные в начале февраля 1976 года, сразу не заладились. Во-первых, грузовик с передвижной студией Ар-си-эй сломался и его пришлось буксировать в Грейсленд. Но еще тревожнее была полная незаинтересованность Элвиса, на которого вдруг вновь накатили фантазии поборника правосудия. Только что вернувшись из Денвера, где он присутствовал на похоронах брата своего друга-полицейского, он заперся в своей спальне и отказывался снимать полицейскую форму, которую надел по такому случаю. В каком-то бреду он поклялся искоренить мемфисских наркоторговцев, виновных в том, что младший сын Ди Стэнли подсел на героин.

Недоверие к бывшей мачехе никогда не мешало Элвису строить из себя старшего брата по отношению к трем ее сыновьям, которых он баловал в отрочестве, а потом ввел в свое ближайшее окружение. На самом деле Рикки Стэнли еще в ранней юности познал радости амфетаминов благодаря Пресли, а уж потом перешел на героин. Маскируя собственные грехи наркомана гневными речами в адрес поставщиков наркотиков, Элвис собрался осуществить план, достойный Чарлза Бронсона из «Жажды смерти» — этот фильм, недавно вышедший на экраны, произвел на него сильное впечатление.

«Благодаря своим связям в местной полиции он получил список всех, кто торговал наркотиками в Мемфисе, — рассказывает Присцилла. — Однажды вечером он позвонил мне и сказал: „Цилла, если тебе когда-нибудь понадобится кого-нибудь пристрелить, только скажи. Смотри только, это страшная тайна“». Близкие пытались утихомирить Элвиса, дожидаясь конца приступа, но это было нелегко. Как вернуть с небес на землю человека, накачанного возбуждающими средствами, уже двадцать лет как оторванного от реальности окружением, существующим только за счет угодливости и лести? Пресли вызвал к себе в комнату нескольких телохранителей, и те увидели разложенный на полу арсенал из двадцати ружей, нескольких автоматов и гранатометов. План Элвиса был прост: имея алиби в виде присутствия в Грейсленде Фелтона Джарвиса и команды Ар-си-эй, прочесать нынче ночью улицы в центре города и железной рукой вычистить оттуда всякую сволочь.

Пустив в ход всю свою силу убеждения и, наверное, накачав солидной дозой успокоительных, Рыжий Уэст сумел успокоить Пресли, к которому на следующее утро как будто вернулась

способность трезво мыслить. Все так же в форме полиции Денвера он картинно появился 2 февраля в «комнате джунглей», где продюсер установил передвижную студию. Мысль о том, чтобы записывать песни у себя в доме, на короткое время задела его музыкальную струну, и за одну неделю он записал на пленку альбом «С бульвара Элвиса Пресли», а также наброски последней пластинки в 33 оборота, вышедшей при его жизни, — «Moody Blue». Джарвис рассчитывал на более обильный урожай, но хотя бы ушел не с пустыми руками. Когда в последний день Элвис явился с ружьем и стал расстреливать из него репродукторы, тот понял, что настаивать бесполезно.

Чтобы выкарабкаться из финансового застоя, в котором оказался Пресли, вся надежда была на сцену. Полковник, подталкиваемый всепожирающей страстью к рулетке, впервые согласился на предложение продюсера, жаждущего устроить новогоднее шоу с Элвисом. До сих пор тот всегда проводил праздники в семейном кругу, но уход Присциллы заставил его пересмотреть свою позицию.

«Новогоднее явление Элвиса» произошло в Понтиаке, штат Мичиган, 31 декабря 1975 года. Прошло оно по-королевски, потому что Пресли выступил перед шестьюдесятью тысячами зрителей за гонорар в 800 тысяч долларов — по тем временам настоящий рекорд. От великого до смешного — один шаг: во время выступления, в ледяной обстановке огромного дворца спорта с плохой акустикой, звезда, затянутая в слишком узкий костюм для своего раздобревшего тела, услышала, как посреди спектакля лопнули брюки. Это было тем более неприятно, что нижнего белья Элвис никогда не носил. Закончив выступление, он устремился к «Лайзе Марии» и вернулся в Грейсленд, где провел новогоднюю ночь вместе с Линдой, пересматривая старые серии из «Летающего цирка Монти Пайтона».

Несмотря на кампанию в прессе, устроенную Ар-си-эй, чтобы отпраздновать 400 миллионов распроданных пластинок, в 1976 году продолжился спад, начавшийся в предыдущем сезоне, несмотря на нарастающий темп концертов — 126, если считать пятнадцать выступлений весной в «Сахара Тахо» и еще пятнадцать в «Лас-Вегас Хилтон» незадолго до Рождества.

Гастроли возобновились в феврале, сразу после сеансов звукозаписи в Грейсленде. Оркестр пришлось частично обновить: несколько музыкантов ушли, не выдержав перепадов настроения своего руководителя. В том году Америка пышно праздновала двухсотлетие обретения независимости, шоу Элвиса Пресли выглядело в глазах многочисленной публики вершиной

творческих свершений, залы были всегда полны. Кстати, певец решил по-своему отпраздновать юбилей, включив в свой репертуар несколько патриотических гимнов, в том числе «Прекрасная Америка» и «Боже, благослови Америку», которые он исполнял, приложив руку к сердцу, в звездно-полосатом комбинезоне, специально сшитом для этой цели. Массы его обожали, поклонники обожествляли, и нередко после концертов его постельное белье или обрывки фольги, которой оклеивали окна гостиничных номеров, продавали с торгов: 96 долларов за пару простыней, 250 долларов за наволочку, 105 — за коврик из ванной…

Если превращение «гадкого утенка» рок-н-ролла в глашатая господствующей идеи покорило американскую глубинку, украдкой смахивавшую слезу при виде того, как он покидает сцену в развевающемся плаще — что-то среднее между евангелистом и Бэтменом, — самые благосклонные к нему журналисты были ошеломлены, побывав на нескольких кошмарных концертах. Редко какой артист способен выступать ровно при любых обстоятельствах, но Элвис просто поражал своим непостоянством. 3 июня он предстал перед публикой в Форте Ворт во вполне приличной форме, несмотря на лишние килограммы, не позволявшие ему двигаться так же легко, как раньше, и шоу прошло без эксцессов. Зато месяц спустя его возвращение в тот же техасский город ознаменовалось провалом, сопоставимым только с фиаско на концерте в конце августа, о котором Боб Клейпул напишет в «Хьюстон пост»: «Бессвязный любительский спектакль, на сцене спотыкающийся человек с заплетающимся языком, ничем не заслуживающий титул короля рок-н-ролла. После долгой карьеры покорителя сердец Элвис Пресли разбил мое собственное».

Бормотание вместо пения, нечеткие движения, провалы в памяти — его выступления становились всё более бессвязными, но публика принимала его хорошо, крича о своей любви к Королю. Еще до своей жалкой смерти, в период упадка катастрофического царствования певец уступил место бесплотной и вневременной легенде. Элвис сознавал эту метаморфозу и даже иногда высмеивал почитание своих поклонников с горьким смешком, его охватывало чувство вины, когда он понимал свою несостоятельность. «Послушайте только этих идиотов! — крикнул он как-то своим аккомпаниаторам прямо во время спектакля. — Этим людям плевать, плох я или хорош. Я тут валяю дурака, а им нравится».

Творческие срывы усугублялись хозяйственными

проблемами, подрывавшими бюджет Пресли. В среднем собственное окружение обходилось Элвису в полмиллиона долларов в год, выплачиваемых в виде жалованья, — теперь, в «голодные» годы, Вернон хотел бы урезать эти траты. Жертвами бюджетных сокращений в июле стали Рыжий Уэст, его кузен Санни, а также их самый ревностный приспешник Дейв Хеблер. Несколько человек, пострадавших в стычках с этими телохранителями Элвиса, подали на певца в суд, что грозило серьезными расходами, и Вернон решил действовать на опережение по совету частного детектива Джона О'Грейди.

Полковник тоже дал на это свое благословение, но Элвис предоставил отцу самому уладить это дело, самоустранившись от проблем, как это свойственно слабым людям; укрывшись в Лас-Вегасе, он ждал, пока минует гроза, и проходил между гастролями новый курс лечебного сна для похудения. Рыжий Уэст был задет не столько своей отставкой, сколько предательством бывшего школьного друга. Он перешел в контратаку и стал подыскивать издателя для публикации своих воспоминаний.

Король был «священной коровой», и до сих пор еще ни один член его окружения не нарушил закон молчания. Одна из задач Джона О'Грейди, составлявшего донесения о новых подружках Элвиса, как раз и заключалась в том, чтобы определить, насколько они болтливы, но никто даже не предполагал, что кто-то из числа самых близких друзей сможет однажды восстать против своего босса. Это заблуждение могло стоить Элвису «трона», и так уже изрядно поколебленного бульварной прессой, с тех пор как «Пейджент» и «Нэшнл инкуайрер» ополчились на него накануне сорокалетия.

Но одно дело читать злопыхательские статьи в желтой прессе, а другое — узнать правду из уст бывших телохранителей. Эта троица не собиралась заниматься очернительством, но даже правдивый рассказ о повседневной жизни Элвиса серьезно подпортил бы имидж образцового сына славной Америки, празднующей свое двухсотлетие. Это выглядело кощунством, и все журналисты, к которым Рыжий, Санни и Дейв Хеблер сначала обратились с просьбой о сотрудничестве, ответили отказом, пока один специалист по сплетням, писавший для таблоида «Стар», не решился принять вызов.

Эта новость дошла до Элвиса, он всполошился и попросил Джона О'Грейди связаться с Рыжим Уэстом и уладить все полюбовно. Пресли сказал, что готов уплатить по 50 тысяч долларов каждому из троих, если они обязуются хранить молчание; Рыжий Уэст был оскорблен этим торгашеским подходом и отказался вести переговоры со всеми, кроме Элвиса. В

конце концов тот позвонил ему, чтобы объясниться, но было слишком поздно. Уэст записал на пленку путаные объяснения Короля, и они были опубликованы в «Стар» в конце октября, а потом перепечатаны в книге «Элвис: что случилось?», вышедшей в свет за несколько дней до смерти ее невольного героя.

Нарастающее одиночество Элвиса усугубляли отрицательные комментарии, ежедневно публиковавшиеся после его концертов. Том Паркер, встревоженный масштабами катастрофы, высказал певцу всё, что думает, в непривычно обидных выражениях после провального августовского выступления в Коннектикуте. Надо полагать, он надеялся произвести эффект электрошока, но все оказалось наоборот. О растерянности полковника можно судить хотя бы по тому, что он не возражал против внезапного возвращения Ларри Геллера, бывшего духовного наставника Элвиса, бесцеремонно выгнанного в 1967 году.

К сожалению, нумерология, космогония и вся прочая эзотерика, которой он так долго увлекался, теперь уже не могла помочь Элвису, прошедшему точку возврата. Новые сеансы звукозаписи, устроенные Фелтоном Джарвисом в Грейсленде в конце октября, повергли его в безысходную печаль тоскливых блюзов. «It's Easy For You» («Тебе это легко») с намеками на утраченную любовь настолько подходила ему, что он даже стыдливо подсмеивался над собственной обостренной чувствительностью: «Совсем разнюнился, барышня кисейная». На второй вечер, в канун хеллоуина, он утратил к музыке всякий интерес и явился в помещение передвижной студии в наряде гангстера из кино. Зато его автомат был самым настоящим, и музыканты быстренько собрали манатки, когда он начал им угрожать. Джарвис понял, что от певца больше ничего не добиться. Хотя он и не ушел несолоно хлебавши, все же записанного было явно недостаточно, и он не мог выдать на-гора целый альбом без еще одного сеанса звукозаписи.

До начала следующего года ничего планировать было нельзя, поскольку Пресли ждали в Лас-Вегасе на единственный ангажемент в этом сезоне. Тем временем американцы явились на избирательные участки, чтобы избрать своего 39-го президента. Несмотря на неплохие шансы, президент Джеральд Форд, два года занимавший Овальный кабинет после отставки Ричарда Никсона, уступил Джимми Картеру, губернатору Джорджии, который посвятил день 8 января 1974 года Элвису Пресли. Его победа стала более чем неожиданной. Картер, прозванный американцами *Peanut man* (Мистер арахис)[20], был южным демократом новой волны, из тех, кто ратовал за интеграцию негров и за принятие в демократическую партию политиков, не

принадлежащих к номенклатуре, чем отчуждали от себя одновременно южных консерваторов и вашингтонских политиканов. Вяло выразив поддержку этому человеку, высоко несшему знамя Нового Юга, Элвис дошел до той стадии, когда события в мире его уже не волновали. В ожидании возобновления концертов в конце ноября он велел доставить себе в Грейсленд «феррари» и устраивал прогулки через всю Америку на борту «Лайзы Марии».

После гастролей из семи концертов ему было пора возвращаться в Лас-Вегас, где ему предстояли две недели выступлений. «Праздник перед праздником» внушал большие надежды: обычно накануне Рождества игорная столица пустела, но Элвис каждый вечер выступал с аншлагом, хотя билеты «кусались» — 29 долларов. Помимо Присциллы, на премьеру явились звезды — Лайза Минелли, Викки Карр, Таня Таккер, и слегка похудевший Пресли чуть не создал иллюзию возвращения в прошлое, если бы не позабыл слова своих песен посреди шоу.

Три дня спустя он уже напоминал собственную тень, представ перед публикой, сидя на стуле (он подвернул ногу, упав в своей комнате). Вечером в пятницу 10 декабря Элвис даже не пытался скрыть усталость от аудитории и выплеснул на нее всю свою ненависть к Лас-Вегасу. Он пригрозил уйти со сцены и выдал экспромтом трагикомическую речь о низком качестве оборудования. «Кому-нибудь нужна эта дрянь?» — спросил он нетвердым голосом, протягивая в зал свой микрофон. Журналист из «Мемфис Пресс-Сцимитар», явившийся два дня спустя на заключительный концерт, был просто ошарашен, увидев, как Элвис выставляет себя на посмешище. Билл Берк больше пятнадцати лет преданно следил за карьерой Короля и теперь написал трезвые и пророческие строки: «Мы вправе задуматься о том, что конец уже близок».

Смерть явно витала в воздухе, жалкое царствование подходило к концу. В тот же вечер Вернон Пресли привел в гример-ку к сыну пастора Рекса Хамбарда, главу Собора завтрашнего дня, за пламенными выступлениями которого Элвис часто следил по телевизору. Певец попросил пастора о духовной поддержке, умоляя помочь ему найти смысл жизни, и расплакался. Восемь месяцев спустя Хамбард вспомнит об этой встрече, произнося проповедь на похоронах Короля.

Тем временем с началом новых гастролей в канун Нового года произошла генеральная репетиция печального события: Бобби Манн-Рен, двоюродная сестра Элвиса, долгое время руководившая его институтом карате в Мемфисе, умерла от передозировки наркотиков. Она скончалась вскоре после

Рождества, но Вернон сообщил об этом сыну только после новогоднего шоу в Питсбурге, и тот уехал в Грейсленд в самом мрачном расположении духа.

Глава двенадцатая. РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

8 января 1977 года Элвису Пресли должно было исполниться 42 года. Для сына «белой бедноты», воспитанного в духе суеверного мистицизма южных пятидесятников, к тому же увлекающегося нумерологией, каждый год после сорока был испытанием, поскольку приближал его к тому возрасту, когда умерла его мать, и он решил обмануть судьбу, отпраздновав свой день рождения на вилле в Палм-Спрингс в обществе нескольких человек из своего ближнего окружения.

В его представлении, любовь прогоняла смерть. Воспользовавшись присутствием своего духовного наставника Ларри Геллера, уполномоченного проводить церковные обряды, с тех пор как он получил диплом священника после заочного обучения, Элвис вздумал отпраздновать в этот день бракосочетание своего друга-дантиста, приехавшего к нему на выходные со своей невестой. Эта церемония сильно смахивала на репетицию: Элвис сам выразил намерение снова жениться и создать новую семью с девушкой, которая неотлучно находилась рядом с ним уже почти два месяца.

Пути Пресли и Джинджер Алден пересеклись 19 ноября прошлого года, когда его бывший одноклассник Джордж Клейн, поставлявший пополнение в гарем Элвиса, представил ему новую «Мисс Теннесси». Преемницу Линды Томпсон звали Терри Алден, она приехала в Грейсленд с двумя младшими сестрами — Розмари и Джинджер. Последней было девятнадцать лет, и она пошла по стопам старшей сестры, участвуя во всех конкурсах красоты подряд. Поднаторев в этом «виде спорта», она завоевала такие «престижные» звания, как «Мисс Средний Юг», «Мисс Дорожная безопасность», «Герцогиня Праздника хлопка» — мемфисского карнавала, празднуемого каждую весну с 1931 года.

Вопреки ожиданиям Джорджа Клейна Элвис не проявил никакого интереса к Терри и не сводил глаз с Джинджер, которая своим кукольным перманентом и макияжем под «женщину-кошку» напомнила ему Присциллу шестидесятых годов. Позже Пресли узнал, что в детстве Джинджер часами простаивала перед решеткой Грейсленда в надежде хоть одним глазком взглянуть на его владельца; по семейному преданию Алденов, он даже как-то потрепал ее по щеке в один чудесный день. Пока Терри страдала от уязвленного самолюбия, Джинджер заняла место при дворе Короля — сначала на задворках, поскольку фавориткой все еще считалась Линда.

После четырех с половиной лет безропотного подчинения

официальная спутница Элвиса начала выказывать признаки усталости. Измены Пресли ее не слишком расстраивали, но вот его неспособность предоставить ей хоть малейшую свободу в конце концов подорвала моральную устойчивость Линды. После громкой отставки кузенов Уэст атмосфера в Грейсленде изменилась, там воцарилось ощущение неловкости. И так уже подверженный приступам паранойи, Пресли теперь подозревал всех и вся; пока он часами рассуждал о жизни, любви и смерти, запершись в своей комнате с Ларри Геллером, Линда развлекалась игрой в карты с оставшимися членами «мафии», вместо того чтобы держать Элвиса за руку.

Молодой женщине было все труднее переносить тяжелое пробуждение своего спутника жизни, не говоря уже о тех днях, когда он пребывал в полукоме, из которой его мог вывести только личный врач. В последние месяцы участились неприятные происшествия, и Линда не раз спасала ему жизнь, как, например, в тот день, когда он заснул за едой и чуть не захлебнулся в тарелке с супом.

Когда Элвис попытался временно спровадить ее, чтобы провести какое-то время с Джинджер, Линда все поняла: написала прямое письмо, приложив к нему кредитную карточку, на которую имела право по своему положению (правда, предварительно потратила тридцать тысяч долларов на безделушки в виде прощального подарка), а потом ушла и стала тихо жить с пианистом, сопровождавшим Элвиса на гастролях, — Дэвидом Бриггсом.

Страсть Пресли к Джинджер умерила чувство покинутости, которое он испытал после ухода Линды. С бывшей подругой он разыгрывал роль буйного избалованного ребенка, а теперь вернулся к роли Пигмалиона, которая придавала ему уверенности, приносила чувство реальной жизни, и принялся переделывать младшую Алден на свой вкус. Случай занять место авторитетного старшего брата представился в самом начале нового года, когда умер дедушка Джинджер по материнской линии. Элвис не поскупился, предоставил в распоряжение всего семейства свой личный самолет и еще наемный по случаю похорон, состоявшихся 3 января в небольшом городке в Арканзасе, в трехстах километрах к северо-западу от Мемфиса.

Это лишь один пример из множества других: Элвис не жалел усилий, чтобы завладеть Джинджер с намерением сделать из нее вторую Присциллу. Однако сходство между двумя женщинами ограничивалось их молодостью и фигурой: по своему характеру бывшая Мисс Дорожная безопасность была полной противоположностью бывшей жены Элвиса. Если Присцилла

выказала образцовую покорность, уехав за несколько тысяч километров от семьи, чтобы жить рядом с ним, Джинджер была капризной домоседкой.

Первые признаки ее непокорности проявились уже в начале декабря, во время «Праздника перед праздником» в Лас-Вегасе. Всего через несколько дней после приезда в «Хилтон» Джинджер захотела вернуться в Мемфис, потому что соскучилась по семье, и согласилась остаться только при условии вызвать к ней отца, мать, двух сестер, брата и невестку. Элвис, не допускавший мысли о том, чтобы остаться одному, поспешил выполнить ее просьбу, а сверх того преподнес ей белый «линкольн-континенталь», который велел доставить среди ночи из Калифорнии.

После этого Элвис ожидал, что Джинджер будет рядом с ним ежеминутно, но девушка неохотно на это соглашалась, как только надо было уезжать из Мемфиса. Едва вернувшись после недельного пребывания в Палм-Спрингс, где зашла речь о браке, она воспротивилась мысли провести несколько дней в Нэшвилле, где Элвис должен был записать свой новый альбом под руководством Фелтона Джарвиса. Плачевные результаты осенних сеансов звукозаписи в Грейсленде побуждали продюсера записать на пленку новые песни, и с 20 января он снял одну из лучших студий в городе. Музыканты были на месте, репертуар подобрали, но Элвис под предлогом боли в горле отказался выходить из отеля «Шератон», где заперся вскоре по приезде в столицу Теннесси. Его дурное настроение было вызвано отсутствием Джинджер. Он дулся на нее ровно сутки, а потом вдруг сорвался и уехал обратно в Грейсленд, так и не переступив порога студии.

Упрямство Джинджер выбивало Пресли из колеи: он не привык, чтобы ему перечили. Близкие, до сих пор не вмешивавшиеся в его личную жизнь, теперь позволяли себе критические выпады в адрес этой избалованной девчонки, оказывавшей на него дурное влияние, и хотя Элвис признавал их правоту, но был не способен отказаться от новой любви. Капризы Джинджер распаляли его страсть и даже побудили сделать ей официальное предложение в надежде надолго привязать ее к себе. Помолвка состоялась 26 января в личной ванной комнате владельца Грейсленда, где Джинджер часто пряталась. В полном соответствии с южными представлениями о рыцарстве Элвис опустился на одно колено и надел ей на палец кольцо с бриллиантом в одиннадцать каратов.

Изготовление этого кольца задало хлопот Лоуэллу Хейзу, придворному ювелиру Пресли. Его мучения начались около часа ночи, когда один из приспешников певца разбудил его и передал

приказ немедленно сделать кольцо. Судя по «Книге чисел» псевдографа Луиса Гамона, знаменитого ирландского шарлатана, прославившегося в начале века под псевдонимом Кейро, 26-е число идеально подходило для осуществления планов Элвиса, который непременно должен был добиться согласия Джинджер именно в этот вечер.

Поручение, отданное Хейзу, было просто невозможно исполнить за столь короткое время. В его запасниках не было такого крупного камня; он созвонился со своими корреспондентами в Нью-Йорке — всё напрасно. Только выковыряв бриллиант из огромного перстня с печаткой «TCB» самого Элвиса, Хейз смог выполнить задание, в несколько часов соорудив украшение ценой в 70 тысяч долларов.

После помолвки, сделав небольшой крюк через Лос-Анджелес, где Элвис и Джинджер поздравили Лайзу Марию с ее девятым днем рождения, Пресли отправился в свое первое в этом году турне в сопровождении всего клана Алденов. Джинджер навязала ему это условие, отказавшись также ехать без сестер на Гавайи в начале марта. Это можно было назвать путешествием влюбленных лишь с большой натяжкой, поскольку в окружение звезды входило три десятка человек. Отдых вдали от Грейсленда, последний в жизни Элвиса, проходил безмятежно, хотя люди, которых он раньше встречал в Гонолулу, с трудом могли узнать короля рок-н-ролла в этом располневшем человеке с нетвердой походкой.

Гавайские каникулы закончились раньше времени, когда Элвису случайно запорошило песком глаза. По совету доктора Ника он тотчас вернулся в Мемфис лечиться, тем более что приближался срок его второго турне. В общей сложности до начала лета он должен был дать четыре серии концертов. Прекрасно зная о его проблемах со здоровьем, полковник отдавал предпочтение непродолжительным рабочим периодам, когда Элвис появлялся на публике в среднем около дюжины раз. При таком ритме между гастролями появлялось две недели отдыха, а у певца уже не было сил выступать без перерыва, как всего несколько месяцев назад.

К быстрой утомляемости добавились перепады настроения, связанные с капризами Джинджер, регулярно отказывавшейся следовать за ним. В таких случаях певец просил Кэти Вестморленд спать с ним в одной постели, чтобы смягчить приступы тревоги. Ни о каких ласках и поцелуях, а тем более о сексе речи не было: Пресли попросту просил Кэти держать его за руку и часами выслушивать его сетования на отсутствие матери или тревоги по поводу того, какое место он займет в истории.

«Как люди будут вспоминать обо мне?» — волновался он.

Гастроли, намеченные на конец марта сразу после каникул на Гавайях, начались драматично. Удрученный решением Джинджер остаться с родителями в Мемфисе, Пресли наглотался нейролептиков перед отъездом в Аризону; его кузен Билли Смит никак не мог его разбудить и срочно послал за доктором Ником. В последние месяцы происшествия такого рода случались регулярно, но теперь дело оказалось серьезнее, чем обычно. Это сказалось на концертах, судя по записям, сделанным по просьбе Фелтона Джарвиса, который отчаянно искал способ набрать материал для альбома, обещанного Ар-си-эй до начала лета.

Большую часть времени Элвис пребывал в ступоре, и доктор Ник давал ему допинг лишь перед выходом на сцену, по которой он теперь передвигался, словно автомат с подсевшей пружиной. Воспоминания зрителей, которые приходили слушать его в этот период, горьки и тяжелы. Никто из близких не строил себе иллюзий по поводу его шансов выжить, так что его телохранители даже проработали план действий на тот случай, если он скончается во время гастролей, не рассчитав дозы.

Явно устав играть навязанную ему роль, Элвис ждал неизбежного. Вечером 31 марта в Батон-Руже он оказался неспособен выйти к зрителям — к большому огорчению фанатов, концерт резко оборвался после обычного выступления «Свит Инспирейшнс» и «Стампс», белого ансамбля госпела, участвовавшего в шоу с осени 1971 года.

Пока полковник старался перенести на другое время концерты, запланированные на три следующих вечера, Пресли провел несколько дней в своих апартаментах в Баптистской мемориальной больнице, выполняя ритуал, навязанный страховыми компаниями, которые должны были выплачивать неустойку продюсерам, пострадавшим от отмены концертов. Официально причиной его пребывания в больнице назвали «истощение» — это был эвфемизм, поскольку тело певца было в буквальном смысле разъедено медикаментами. Обследования, которые проводили по просьбе доктора Ника уже несколько лет, выявили преждевременную изношенность сердца, язву желудка и регулярные нарушения работы кишечника, сильно увеличенную печень, не говоря уже о глаукоме, проблемах с кровообращением и затруднением дыхания, постоянно угнетавших Элвиса.

Странное поведение Короля на сцене и замалчивание его окружением информации, касающейся его здоровья, вызвали лавину публикаций в «желтой прессе». После нескольких лет заговорщического молчания таблоидов, не смевших покушаться

на легенду, Элвис вдруг превратился в их излюбленную мишень. Это явление можно объяснить по-разному, например решением «Стар» нарушить перемирие, объявив о скорой публикации отрывков из книги бывших друзей Пресли. Рыжий Уэст и двое его бывших коллег первыми преступили закон молчания, но с некоторого времени их примеру последовали другие, доведенные до отчаяния ненадежностью Элвиса.

Несостоявшиеся сеансы звукозаписи в январе давали пищу для слухов. В статье, опубликованной в то время в газете «Нэшвилл Баннер», несколько членов ближнего окружения, пожелавших остаться неизвестными, не скрывали своего раздражения от непреходящей паранойи Элвиса, его никчемности в студии и пагубного влияния Джинджер Алден. Главные американские таблоиды во главе с «Нэшнл инкуайрер» тотчас устремились в пробитую брешь, расписывая эксцентричный образ жизни певца и альковные секреты, услышанные от его окружения. На большинство фанатов, желавших видеть в нем пример жизненного успеха и полную противоположность декадентствующим рок-звездам с распущенными нравами, эти откровения произвели эффект разорвавшейся бомбы: парадный фасад дал трещину.

Последний бастион их иллюзий пал после удручающих спектаклей, которые Пресли пытался давать всю весну. Те, кого до сих пор не шокировала его полнота, теперь судили о ней критически, после того как бульварная пресса просветила читателей о его патологическом обжорстве. Правда, перевалив за 110 кило, Элвис уже мало чем напоминал искрометного артиста, покачивавшего бедрами на сцене, когда весы показывали на тридцать килограммов меньше. Диеты, на которые он садился между гастролями, уже не оказывали никакого видимого действия на его фигуру, и только два из пятидесяти комбинезонов, которые он раньше возил с собой, еще налезали на него.

Репортеры местных газет, до сих пор сдержанные в своих рецензиях в соответствии с благодушным настроением публики, теперь говорили вслух то, что фанаты думали про себя, и с тем большей язвительностью, что чувствовали себя обманутыми. «Стоило платить пятнадцать долларов, чтобы услышать его слабый голос и то, как он бормочет, запинаясь, слова, которые должен был бы выучить наизусть за эти двадцать лет. <…> Пресли постарел, растолстел, он уже не может двигаться. В лучшем случае это пародия на него самого», — писали в газете на следующий день после его выступления в Детройте 22 апреля.

К несчастью, действительность превосходила самые

нелестные описания, и с конца мая неприятные происшествия следовали одно за другим. Вечером 22-го Элвис выступал на сцене «Кэпитал Сентер Арена» в Лэндовере, штат Мэриленд, и вдруг ушел с нее, объяснив двадцати тысячам зрителей, что ему надо справить нужду. Всего через неделю после этого похожий инцидент произошел в Балтиморе; подпевка почти полчаса, как могла, сдерживала нетерпение публики, пока Пресли худо-бедно не решил свои проблемы с кишечником и без всяких объяснений не возобновил выступление с того места, на котором остановился.

Две недели спустя он позвонил президенту Картеру, надеясь сыграть на солидарности южан, чтобы просить о снисхождении президента к Джорджу Клейну, недавно обвиненному в подделке результатов опросов в своей радиопередаче. Джимми Картера в тот день не было в Белом доме, и в секретариате Элвису пообещали передать его просьбу. На следующий день президент лично перезвонил в Грейсленд, и завязавшийся разговор быстро перешел в область абсурда: Пресли, с трудом проснувшийся в пять часов пополудни, нес околесицу под действием возбуждающих средств, и Джимми Картер в конце концов повесил трубку. В дальнейшем все попытки певца поговорить с президентом будут напрасны.

Полковник с величайшим трудом пытался удержать корабль на плаву. В конце апреля в «Нэшвилл Баннер» просочилась информация о том, что он хочет продать контракт своего певца, но Паркер поспешил ее опровергнуть. Возможно, редактор немного поторопился с выводами, но дыма без огня не бывает. Импресарио Элвиса охотно уступил бы его другому, пока еще есть время, тем более что его долги росли как снежный ком. «Ему нужны деньги, чтобы уплатить миллион, проигранный в декабре прошлого года», — утверждал журналист из «Баннера».

Паркеру было почти 68 лет — не тот возраст, когда можно балансировать на тонкой проволоке. Даже если забыть о его собственных страстишках, самая элементарная осторожность побуждала его подстраховаться в тот момент, когда карьера Элвиса ускользала из-под контроля. Изменив своей привычке не выносить сора из избы, он даже пригрозил Элвису, что больше не будет устраивать ему концерты. «Пора уже ему встряхнуться и выполнять свои обязательства, если он хочет, чтобы гастроли продолжались», — заявил он через прессу.

Это увещевание не помогло, и полковник стал действовать через Вернона Пресли, посоветовав тому проследить, чтобы Элвис составил завещание, — уже несколько лет эту операцию переносили с одного месяца на другой. Согласно этому документу, подписанному 3 марта в присутствии Джинджер и

Чарли Ходжа, Вернон становился душеприказчиком своего сына. Последний предоставлял отцу защищать интересы своей единственной наследницы — Лайзы Марии, заботиться о благополучии бабушки Пресли и его самого. Эти распоряжения успокоили полковника, уже давно забравшего власть над Верноном: в случае проблем он мог рассчитывать на Пресли-старшего и доверить ему управление наследием, о котором пекся почти двадцать два года.

Пока же Элвис оставался хозяином собственной судьбы — по меньшей мере на бумаге, и теперь предстояло исполнить договор, заключенный между артистом и его агентом годом раньше. В самом деле, последний контракт, связывающий их обоих, вступил в действие 22 января 1979 года: отныне они делили поровну доходы от концертов. Через четыре года после пересмотра договора и увеличения своей доли с 25 до 33 процентов Паркер усилил давление и присвоил себе львиную долю доходов, поскольку расходы, связанные с концертами, по-прежнему нес Элвис.

Из-за финансовых проблем певца договор еще ни разу не соблюдался с момента его подписания, но полковнику было ясно как день, что пора привести счета в порядок. Самым надежным способом этого добиться было провернуть несколько доходных операций помимо гастролей, что Паркер и сделал, заставив Элвиса посвятить свою будущую поездку в Лас-Вегас, намеченную на октябрь, открытию нового зала на семь тысяч мест, построенного дирекцией «Хилтона».

Другим событием 1977 года стало подписание с телеканалом Си-би-эс контракта о часовой телепередаче. Впервые с тех пор, как он занялся делами Элвиса, Том Паркер не скрывал своего скепсиса; тем, кто поздравлял его с этим подвигом, удивляясь, с чего бы это такая компания, как Си-би-эс, заинтересовалась Пресли в момент его творческой агонии, он признавался, что первый поразился, когда запрошенную им страшную сумму согласились уплатить.

Запись наметили на период июньских гастролей. Съемочную группу Си-би-эс в большей степени интересовало шоу в Рапид-Сити в Южной Дакоте. Элвис еще ни разу не выступал в этом городе с населением в сорок тысяч жителей, и вряд ли его концерт вызовет разочарование.

Было решено начать съемки двумя днями раньше в Омахе, штат Небраска, но концерт вышел таким жалким, что режиссеры передачи даже растерялись, увидев, как певец с трудом поднялся по нескольким ступенькам, ведущим на сцену, и поставил себя в нелепое положение, попытавшись вильнуть бедрами. Понимая,

как удручающе он выглядит, Элвис решил не есть двое суток, до самого выступления в Рапид-Сити. «Накрутив» себя лошадиной дозой возбуждающих средств, вечером 21 июня он предстал перед очень восприимчивой аудиторией. Подстегиваемый мыслью о том, что его снимают для телевидения, он сумел сохранить лицо и выдержал это испытание, совершенно обессилев, а ему еще предстояло дать пять концертов перед возвращением в Грейсленд.

Смерть окутала романтической аурой его последние появления на сцене. Самое последнее шоу некоторые из близких к нему людей считали одним из лучших его выступлений за истекшие месяцы. В воскресенье 26 июня Элвис прибыл в Индианаполис на борту «Лайзы Марии» вместе с Джинджер, и было около девяти часов вечера, когда он вышел на сцену. Усталость, накопившаяся за последние дни, проявлялась во всем его облике, лицо опухло, но он пел песню за песней почти полтора часа — перспектива полутора месяцев отдыха в Мемфисе придавала ему энергии.

Он исполнял «классику»: «Тюремный рок», «Плюшевого медвежонка», «Не будь жестокой», «Дворнягу», беседовал с публикой по поводу песни «У меня есть женщина» Рея Чарлза, выдал пронзительное прочтение «Моста через мутные воды» — эталонного образца из репертуара Саймона и Гарфункеля, всегда нравившегося ему своим мистическим порывом, раздавал платочки ярких цветов горстке поклонниц, которые вопили от радости, и долго представлял каждого из членов своего оркестра, а потом вызвал на сцену Джинджер, ее мать, сестру, доктора Ника и нескольких кузенов, а также порозовевшего от удовольствия Вернона Пресли, робко приветствовавшего толпу широким жестом руки. «Я хотел бы поблагодарить вас всех <…> и сказать, что о лучшей публике невозможно и мечтать», — заявил Элвис восемнадцати тысячам зрителей, которые устроили ему овацию, а потом блестяще исполнил «Не могу не влюбиться в тебя» и исчез, предоставив одному из певцов «Стампс» напомнить о киоске с сувенирами, следуя рекомендациям полковника, который отмечал в тот день свой 68-й день рождения.

Концерт, бесспорно, прошел лучше, чем обычно. И тем не менее шоу Пресли уже не имели ничего общего с бодрыми выступлениями начала десятилетия, хотя его ближайшее окружение и отказывалось смотреть правде в глаза, упорствуя в отрицании очевидного. Мирна Смит, одна из певиц из «Свит Инспирейшнс», поняла, как печально заканчивалось его царствование, только посмотрев «Элвис на концерте» по каналу Си-би-эс три месяца спустя: «Когда я увидела эту передачу, то

расплакалась, поняв, как же мы все были слепы».

Прозрение пришло, когда Элвис покинул сцену. Уже никто из его близких не строил иллюзий по поводу его психического здоровья. Накануне концерта в Индианаполисе, увидев, что кондиционер в его номере работает плохо, он внезапно решил подыскать себе другой отель, никого не предупредив. По счастью, Дэвид Стэнли, один из пасынков Вернона, увидел, как он уходит, и предупредил телохранителей и полковника. Шедшие мимо граждане Цинциннати с удивлением увидели взмокшего, отдувающегося Элвиса в огромных солнечных очках на пол-лица, который с упрямым видом вышагивал прямо по проезжей части, а за ним гнался его менеджер.

Не меньшее удивление испытали двумя днями раньше ночной заправщик на АЗС в Де-Муане и два молодых налетчика, пытавшихся обчистить его кассу, когда Элвис, случайно увидев эту сцену из окна своего лимузина, увозившего его после концерта, попросил шофера остановить машину. Бросившись на помощь заправщику, он продемонстрировал несколько приемов карате, а потом сфотографировался со всеми действующими лицами этой странной трагикомедии. Пресли уже не в первый раз разыгрывал из себя героя, страстно веруя в закон и порядок. Годом раньше он остановился на обочине, чтобы оказать помощь жертвам ДТП, и гордо показал им жетон, подаренный Ричардом Никсоном. Эта новость быстро облетела все газеты.

В начале его последнего лета имя Элвиса Пресли еще изредка мелькало в новостях только благодаря пластинкам. Фелтон Джарвис с великим трудом набрал десять песен, необходимых для альбома «Moody Blue», соединив несколько концертных записей, сделанных весной, и фрагменты сеансов в Грейсленде. Только напористость маркетинговой службы Ар-си-эй могла обеспечить успех этому сборнику и соответствующей «сорокапятке» — «Way Down» («Падение»), По совету полковника, отдававшего предпочтение форме перед содержанием, «Moody Blue» отпечатали ограниченным тиражом на синем прозрачном виниле — эта уловка позволила преодолеть порог в двести — триста тысяч экземпляров, раскупленных самыми верными поклонниками.

Элвиса хозяйственные вопросы не интересовали. Запершись в Грейсленде, он целыми днями отдыхал, надеясь восстановиться после полугодия, отнявшего у него последние силы. Самое главное, он хотел прийти в форму перед приездом Лайзы Марии, которая собиралась провести вместе с ним первые две недели августа. Он подарит дочери пони и отвезет ее однажды ночью в

Либертиленд — тематический парк развлечений, который откроют ради нее вечером 7 августа. За исключением нескольких других выходов в свет — на сей раз в кино, чтобы посмотреть последний фильм о Джеймсе Бонде — «Шпион, который меня любил», — ничто не напоминало о буйствах того времени, когда Элвис и «мафия» «зажигали» по ночам в Мемфисе.

Грейсленд погрузился в мрачную атмосферу, Короля окружали немногие самые верные ему люди. Помимо доктора Ника, необходимого как никогда, двор короля рок-н-ролла ограничивался его кузеном Билли Смитом, камердинером Аль-Страда, верными друзьями Джо Эспозито и Чарли Ходжем, а также сыновьями его мачехи Ди Стэнли. В начале августа вышла в свет книга его бывших телохранителей «Элвис: что случилось?», еще более омрачив настроение Короля и его окружения. Рыжий и Санни Уэсты рассказывали о его зависимости от медикаментов и склонности к молоденьким девушкам, не забыв подробно описать тот вечер, когда Пресли попросил их лишить жизни спутника Присциллы. Хотя все это было правдой, рассказ походил на сведение счетов.

Предательство близких людей доставило Элвису ужасные страдания, он часами говорил об этой книге со своим окружением. Вспышки гнева сменялись покорностью судьбе, то он говорил, что убьет Рыжего и Санни, а то заявлял, что эта книга — Божий знак, указывающий на глубину его грехов, то все отрицал, а то представал перед журналистами с веревкой на шее, а в конце концов неизбежно заявлял, что его страшит не столько мнение широкой общественности, сколько то, что подумает Лайза Мария, когда будет достаточно взрослой, чтобы прочесть этот пасквиль.

Время проходило в чередовании периодов апатии и проблесков сознания, в зависимости от приема лекарств и от капризов Джинджер, невероятно тяготившейся жизнью в Грейсленде. По мере того как приближались годовщина смерти Глэдис, отъезд Лайзы Марии и возобновление концертов, Элвис погружался в меланхолию. Отход Короля ко сну походил на укачивание ребенка: не в силах отделаться от кошмара одиночества и покинутости, мучившего его пятнадцать лет, он требовал, чтобы какая-нибудь добрая душа говорила с ним, держа за руку, пока он не уснет, оглушенный коктейлем, который готовил ему лично доктор Ник.

Новые гастроли, шестые за год, начинались 17 августа в Портленде, штат Орегон, и Лайза Мария должна была вернуться к матери в Лос-Анджелес накануне. Вечером 15 августа Элвис записался к своему дантисту на половину одиннадцатого; вооружившись двумя пистолетами 45-го калибра, заткнутыми за

пояс спортивного костюма с инициалами Федерального бюро по борьбе с наркотиками, он отправился к врачу вместе с Джинджер, которую хотел представить доктору Хофману в перспективе грядущего брака. Вернувшись в Грейсленд, он вместе с Чарли Ходжем занялся хозяйственными проблемами, связанными с новым ангажементом, но сильная зубная боль мешала сосредоточиться, и он позвал доктора Ника, который прописал ему дилодил.

Пока Рикки Стэнли ездил в больницу за лекарством, Элвис решил сыграть партию в ракетбол[21]. Он всегда старался дать себе физическую нагрузку перед каждыми гастролями в надежде сбросить вес, и игра среди ночи обычно помогала ему уснуть. Было около четырех часов утра, но он не задумываясь разбудил Билли Смита, привыкшего выполнять капризы знаменитого кузена, и они оба вышли на корт со своими подружками.

Билли был быстрее и ловчее, но конечно же позволил выиграть своему противнику. Уже вставало солнце, когда Элвис ушел к себе в спальню вместе с Джинджер, побренчав несколько минут на пианино. Проглотил первый коктейль из снотворных, приготовленный медсестрой по рецепту доктора Ника, но наркотики редко действовали сразу, и Джинджер уже заснула, а Элвис все ворочался с боку на бок.

Он так и не смог забыться сном к тому моменту, когда Рикки Стэнли принес ему вторую горсть пилюль, и было уже позднее утро, когда его тетя Дельта по его просьбе принесла ему третью. От этих хождений туда-сюда проснулась Джинджер, и Элвис решил почитать в ванной, пока не подействует лекарство.

Джинджер раскрыла глаза около половины второго и поняла, что Элвис не спал с ней рядом. Она, как обычно, позвонила матери и не спеша привела себя в порядок, прежде чем постучаться в ванную. Не получив ответа, она открыла дверь и обнаружила безжизненное тело Элвиса рядом с унитазом, лицом в луже рвоты, впитавшейся в толстый коврик. Она в ужасе бросилась к телефону и позвонила на первый этаж, где обедали Аль-Страда и Джо Эспозито. Те мгновенно примчались и попытались привести Элвиса в чувство.

За несколько минут комната наполнилась народом — обитатели Грейсленда приходили один за другим. Вернон Пресли ломал руки и вскрикивал при виде сына: лицо синее, язык вывалился, застывшие глаза налиты кровью. Лайза Мария протиснулась между ногами взрослых и спрашивала, что случилось, увидев недвижимого отца. Джинджер поспешно увела ее под общий шум, чтобы избавить от этого зрелища, и поручила заботам бабушки Пресли.

Когда прибыла «скорая», в доме царили полнейший хаос и паника. Аль-Страда с грехом пополам объяснил врачам, что Элвис переборщил с лекарствами. Все симптомы это подтверждали, и медики погрузили тело на носилки, оттащив от него Джо Эспозито, пытавшегося вернуть своего босса к жизни искусственным дыханием рот в рот.

Доктор Ник, которому позвонили, как только обнаружили тело, приехал в тот самый момент, когда «скорая» уже собиралась уезжать. Он выскочил из своего «мерседеса» и сел к Эспозито и Чарли Ходжу в санитарную машину, где стал пытаться оживить Элвиса. Через десять минут «скорая» вихрем влетела во двор Баптистской мемориальной больницы. Было 14.55. Реанимационная бригада уже стояла наготове, и врачи засуетились для очистки совести, прекрасно зная, что их усилия тщетны. Было 15.30, когда доктор Ник вышел в коридор, где ждали Джо и Чарли, и сообщил им, что всё кончено.

Конечно, это была трагедия, и все же в этой смерти было нечто смехотворное, если подумать, что Король умер возле унитаза, со спущенными пижамными штанами, в невероятной обстановке огромной ванной комнаты с телевизором и несколькими креслами. Стул из искусственной кожи в центре огромной душевой кабины напоминал о том, что этот 42-летний мужчина был слишком слаб, чтобы мыться стоя.

Эспозито и Ходж вернулись в Грейсленд и первым делом выбросили из покоев Элвиса все таблетки, какие там были, подготовившись к расследованию, которое непременно устроят правоохранительные органы. Джо также согласился сообщить новость родным, начав с Присциллы, которая лишилась чувств рядом с телефоном, а потом попросила как можно скорее прислать за ней в Лос-Анджелес «Лайзу Марию». В 1600 километрах к северу полковник следил за последними приготовлениями к завтрашнему спектаклю в Портленде. Гастроли сулили успех, на все двенадцать концертов билеты были полностью распроданы, и новая серия выступлений должна была закончиться в Мемфисе в конце месяца. Когда Джо Эспозито удалось дозвониться ему в отель «Шератон», Том Паркер ограничился кратким «Боже мой» и повесил трубку. В следующие несколько минут он выстроил план битвы.

Первым делом требовалось переговорить с Верноном Пресли, на котором в соответствии с мартовским завещанием лежала вся ответственность за наследство Элвиса. Вернон, находившийся в пограничном состоянии, согласился на предложение полковника взять в свои руки все последующие хлопоты, и разрыдался.

Вторым этапом шла фирма Ар-си-эй: с ней Паркер вчерне обсудил договор, который принес бы ему больше полумиллиона долларов в обмен на ценные советы. Третий звонок был сделан Гарри Гейслеру, президенту компании «Факторе», недавно отличившемуся своей пробивной способностью в торговле сувенирами с символикой «Звездных войн». Полковник надеялся на взлет продаж всяких сувениров, связанных с образом Элвиса, и не собирался терять время на телячьи нежности. В несколько минут он добился от Гейслера первого перевода ста тысяч долларов на счет компании «Бокскар», главным акционером которой являлся, и теперь со спокойной душой мог ехать в аэропорт, чтобы вылететь в Мемфис.

Несмотря на всю свою проницательность, полковник был поражен всплеском эмоций, вызванных кончиной Элвиса. Новость о его смерти, объявленная в половине пятого, волной прокатилась по всей Америке. Уже через несколько минут коммутатор Баптистской мемориальной больницы надрывался от звонков, а первые фанаты толпились у решетки Грейсленда. Самолеты брали штурмом, цветочные магазины Мемфиса не знали отбоя от клиентов и за сутки распродали все запасы Среднего Юга, крупные телеканалы вырывали друг у друга первых свидетелей, а по радио передавали полагающиеся по случаю программы.

Фрэнк Синатра прервал в тот вечер свое шоу и исполнил попурри из хитов Элвиса, а почитатели Короля осаждали пресс-службу Белого дома, требуя от президента официального заявления, если уж нельзя устроить государственные похороны. По поводу заявления между Джимми Картером и его советниками возникли долгие споры: они не могли сойтись во мнении о том, стоит ли прославлять человека, столь далекого от истеблишмента. Одно дело, когда губернатор Джорджии объявляет день Элвиса Пресли, как сделал это Картер несколько лет тому назад, а другое — когда президент Соединенных Штатов официально поет славу южной глубинке. И все же Картер решился это сделать утром 17 августа: «Смерть Элвиса Пресли лишила нашу страну частицы ее самой. <…> Его музыка и его личность глубоко изменили облик американской поп-культуры, соединив белую музыку кантри и черный ритм-энд-блюз».

Накрывшая Америку волна переживаний еще усилилась с рассветом в среду, когда на всех официальных учреждениях Теннесси и Миссисипи были приспущены государственные флаги. Пока десятки тысяч людей — по разным оценкам, от пятидесяти до ста тысяч — устремились в Мемфис, заполнив все гостиницы на десятки километров в округе, местные бальзамировщики

обработали тело Элвиса и поместили его в тяжелый медный гроб — такой же, какой он заказывал для своей матери. Когда около полудня катафалк отправился в Грейсленд, его водителю пришлось обратиться к полиции, иначе он не смог бы добраться до места назначения: бульвар Элвиса Пресли был забит на много километров.

Перед лицом такой самоотверженности фанатов родные Элвиса решили открыть в три часа дня двери Грейсленда и позволить почитателям Короля поклониться открытому гробу, в котором он покоился в белоснежном костюме. Выстояв многочасовую очередь под палящим солнцем, пятнадцать тысяч поклонников добрались до колоннады, по обеим сторонам которой была выставленная охрана, а затем просочились в холл, отделяющий гостиную от музыкального салона, где под огромной хрустальной люстрой было выставлено тело. Некоторые молча плакали, десятки людей падали в обморок. К потерявшим сознание устремлялись медики, дежурившие при входе в усадьбу, рядом с палатками для прессы, где тучи журналистов со всего мира с грехом пополам диктовали по телефону свои статьи под шум вертолетов и радиопередатчиков, по которым без конца крутили хиты Короля.

Изначально прощание должно было продолжаться до 17 часов; по просьбе Вернона его продлили до конца дня, а потом пришлось закрыть решетку усадьбы, чтобы пропустить к гробу важных персон, приехавших отдать певцу последние почести. По этому поводу ходили самые невероятные слухи: некоторые утверждали, что видели Джекки Онассис, Джона Уэйна и Сэмми Дэвиса Младшего[22]. На самом деле за исключением актрисы Анн-Маргрет, с которой Элвис долгое время поддерживал любовную связь во время своего голливудского периода, большинство предпочло прислать цветы, и мало кто из знаменитостей приехал лично — возможно, потому, что после смерти Король вернулся в свою первородную среду «белого отребья». И если вечером в дверь Грейсленда позвонила Каролина, дочь президента Кеннеди, то лишь потому, что она была журналистом-стажером в «Нью-Йорк дейли ньюс».

Присутствие Джеймса Брауна укрепило стену, выросшую между искренним порывом провинциальной Америки и неловким положением элиты. Крестный отец музыки соул нанял по такому случаю частный самолет, и его поступок много говорит о том, что чувствовали люди, чья судьба перекликалась с судьбой сына бедного Юга, опиравшегося на культуру нищеты, чтобы придать себе достоинство. «Я был потрясен его смертью. Мы были во многом похожи — двое бедных мальчишек, выросших под звуки

госпела и ритм-энд-блюза. <…> Когда он умер, я сказал себе, что это мой друг, я должен туда поехать. <…> Я хотел утешить отца Элвиса, но, когда я оказался перед гробом, утешать пришлось меня самого. Я прижал руку к сердцу и сказал ему со слезами на глазах: „Почему ты меня покинул? Почему все бросил?“ <…> Элвиса перемололо жерновами системы, одна лишь смерть могла стать для него избавлением».

Эта смерть была настолько предсказуемой, что Джерри Хопкинс, автор первой биографии Элвиса, вышедшей в начале десятилетия, еще весной получил предложение от одной калифорнийской радиостанции дополнить свою книгу: тогда в день кончины Короля она сможет опередить конкурентов. Несмотря на все предвестники кончины, фанаты и близкие отказывались смотреть правде в глаза, как и музыканты Элвиса: их самолет пришлось накануне развернуть на полпути, когда они уже летели в Портленд. «Мы все были оглушены, — рассказывает гитарист Джон Уилкинсон. — Элвис Пресли не может умереть. Мы с вами можем, а он — нет».

Элвис превратился в полубожество. Замкнувшись в отрицании, фанаты не желали видеть, что их кумир умирает. Они были готовы к любым предположениям, даже самым сумасшедшим, лишь бы не хоронить его. «По-моему, Элвису надоел весь этот цирк. Ему больше не хотелось жить, — предполагает певец кантри Мёрль Хаггард. — Или же он вовсе не умер. Сделал себе новое лицо и отпечатки пальцев. В конце концов, ничего невероятного в этом нет. Многие люди, которые его видели, готовы поклясться, что в гробу лежал не он».

В самом деле, многие убедили себя в том, что густо накрашенная мумия, лежавшая в странном медном саркофаге, не имела ничего общего с Королем. Опухшая маска вместо лица, покрытые лаком волосы, — Элвиса было не узнать, особенно тем, кто по-прежнему помнил его буйным подростком, вихлявшим бедрами под «Всё в порядке» и «Дворнягу».

Однако бальзамировщики как нельзя лучше воссоздали славный облик Пресли, получив тело из рук судмедэкспертов. Как только врачи из Баптистской мемориальной больницы констатировали смерть, администрация этого заведения решила провести вскрытие, чтобы пресечь поползшие слухи. Они стали следствием промедления с объявлением о смерти, которое отсрочили по просьбе Джо Эспозито: он хотел лично предупредить полковника, пока информацию не передали по радио. Это из-за него пресс-секретарь больницы намеренно промурыжил журналистов около часа, говоря что-то о проблемах с дыхательной системой (что было ложью лишь наполовину,

поскольку Элвис уже не дышал), и лишь потом сообщил главную новость.

Вместо того чтобы успокоить умы, вскрытие лишь окутало всю эту историю ореолом таинственности, тем более что невыразительность первых официальных сообщений открывала возможность для разного рода домыслов. В первом заключении судмедэксперта говорится об остановке сердца, гипертонии и других естественных причинах, в то время как зависимость Пресли от стимулирующих средств и барбитуратов была всем известна после издания записок его телохранителей. Таблоиды решили извлечь выгоду из упорства, с которым скрывали секрет Полишинеля, чтобы резко поднять тираж, и сразу после похорон в прессе разгорелась полемика.

В последующие дни споры усилились, поскольку доктор Ник изо всех сил отрицал наркотическую зависимость своего пациента, пытаясь его защитить. Однако результаты фармакологического исследования после вскрытия тела, объявленные два месяца спустя, опровергли его слова. Из отчета врачей следовало, что в крови Элвиса было обнаружено присутствие около десятка отравляющих веществ, по большей части наркотиков и анальгетиков, в больших или меньших количествах. Проверка аптек Мемфиса показала, что в последние полгода жизни Элвиса доктор Ник выписал своему пациенту больше пяти тысяч таблеток, то есть в среднем по 25 таблеток в день.

Медикаментозное отравление не вызывало сомнений, но ближе всего к истине, похоже, стоял Сэм Филлипс, вызвавший новую волну споров тем, что перевел смерть Элвиса в эмоциональный регистр. «Я по-прежнему убежден, что можно умереть от разбитого сердца», — заявил основатель «Сан Рекордз». Он лучше, чем кто-либо другой, мог судить об эмоциональной неустойчивости артиста, которого громкий успех и неумолимая алчность системы не только ввергли в мир излишеств, но и замкнули в изоляции. Оберегая образ певца, в котором он одним из первых разглядел искру таланта, Филлипс не встречался с Пресли в эпоху китча, чем и объясняется его отсутствие на похоронах, прошедших в Грейсленде в строго семейном кругу в четверг 18 августа.

Этот день начался с трагедии: около четырех часов утра пьяный водитель сбил нескольких человек у решетки усадьбы. Два юных уроженца Луизианы погибли, третий, фанат из штата Миссури, серьезно пострадал. За неимением свободных мест в гостиницах несколько сотен верных поклонников пытались развеять тоску, проведя всю ночь у ворот дома 3734 по бульвару

Элвиса Пресли в странной атмосфере, в которой смешались горе и вуайеризм, — она станет характерной для всего, что имело отношение к певцу.

По ту сторону ограды двое подручных Элвиса охраняли его безжизненное тело во время приготовлений к церемонии, назначенной на середину дня. Первая вереница из сотни автомобилей, везших около трех тысяч венков, выехала из Грейсленда уже утром и направилась к кладбищу Форест Хилл, где Пресли должны были похоронить в мраморном мавзолее, в нескольких десятках метров от надгробия его матери. Бабушка Пресли скорбно смотрела на то, как рушится ее мир; Вернон давал невнятные указания каменотесам по поводу надписи на надгробном камне своего сына. Не поспевая за событиями, он подмахнул наряд-заказ, не заметив, что второе имя его сына — Арон — написано с ошибкой: с двумя «а».

Оставалось уладить еще множество мелких дел. Отпевание доверили преподобному Брэдли из Вуддейльской церкви Христа — пастору-пятидесятнику, с которым Вернон познакомился через свою вторую жену, но нужно было выделить время и евангелисту Рексу Хамбарду, который неожиданно приехал и хотел сказать несколько слов. Джекки Кахэйн, комик, участвовавший в шоу Пресли, должен был произнести надгробную речь, и оставалось договориться о том, кому выпадет честь нести гроб.

Вернон предложил это полковнику, но тот поспешил отказаться под тем предлогом, что ему неприлично нести гроб в гавайской рубашке, а он не успел захватить с собой ни одного темного костюма. Никто и не подумал ему заметить, что он вполне успеет купить себе такой костюм, поскольку все в окружении Элвиса знали, что Паркер в жизни своей не присутствовал на похоронах, за исключением погребения Глэдис, от которого ему было бы трудно отбояриться. Полковник не собирался играть на этой церемонии главную роль и предпочитал держаться в сторонке. Тем временем быстро набросали список тех, кто предаст певца земле: доктор Ник, хотя кое-кто уже намекал, что именно он свел в могилу своего пациента; Билли и Джин Смиты, двоюродные братья Элвиса, которые были ему ближе всех; Джо Эспозито и Чарли Ходж, верные наперсники Короля; бывший «мальчик для битья» Ламар Файк; друзья Джордж Клейн и Джерри Шиллинг, а также Фелтон Джарвис.

Церковная служба продлилась полтора часа вместо запланированных тридцати минут. В большой салон Грейсленда набилось сто пятьдесят человек — по большей части члены кланов Пресли и Смитов, но также местные политические деятели, в том числе губернатор Теннесси, несколько

представителей руководства Ар-си-эй и Чет Аткинс от Нэшвилла, а еще главные спутницы жизни Элвиса — Присцилла, Анн-Маргрет, Линда Томпсон и Джинджер Алден.

Зная о страсти Пресли к ритм-энд-блюзу, отсутствие на его похоронах афроамериканцев просто поражает, в особенности когда Кэти Вестморленд, вокальный ансамбль «Стампс» и Джеймс Блэквуд из «Братьев Блэквуд» по очереди исполняли его любимые гимны. Спустя четверть века после того, как Элвис помог Югу утвердить свою культуру, впустив на американскую эстраду музыку негров, его окончательно призвали к порядку.

На бедного Вернона, расстроенного присутствием Джеймса Блэквуда, который пел и на похоронах его жены, было жалко смотреть. Со дня погребения Глэдис прошло ровно девятнадцать лет, и Вернон, которого часто считали слабым звеном в семействе Пресли, судорожно цеплялся за навязчивую идею о том, что его сына убили. Преподобный Брэдли в своей проповеди долго распространялся о крепких узах, соединявших эту незаурядную семью, а потом набросал очень реалистичный портрет Элвиса — хрупкого существа, надломившегося под тяжестью собственного успеха. До него евангелист Рекс Хамбард тоже говорил о ранимости Элвиса, вспоминая об их встрече в Лас-Вегасе восемь месяцев назад и подчеркивая смятение певца, который уже не понимал, в чем смысл его жизни.

Окончание отпевания подало знак к отправлению на кладбище. Была почти половина четвертого, когда серебристый «кадиллак» выехал из Грейсленда и проследовал по бульвару Элвиса Пресли на север, открывая путь белому катафалку с эскортом из мотоциклистов и семнадцати белоснежных лимузинов, за которыми вытянулась колонна из нескольких десятков машин. Внушительный кортеж. На протяжении всех шести километров, отделявших жилище Элвиса от кладбища Форест Хилл, вдоль дороги молча стояли люди — больше двадцати тысяч человек. Во избежание беспорядков вход на кладбище был закрыт, и фанаты проявили величайшее благоразумие, лишь взглядами проводив огромный караван, за которым закрылись металлические ворота.

Близкие, которые должны были нести гроб, пробирались через океан цветочных композиций, напоминающих о Короле, — гитары, венки, разбитые сердца. Дойдя до крипты мавзолея, они поставили гроб на землю, и преподобный Брэдли произнес краткое напутственное слово, а потом позволил всем по очереди подойти проститься. Вернон шел последним. Он пробыл некоторое время наедине с сыном и вышел, волоча ноги, предоставив рабочим запечатать дверь в усыпальницу.

Зрители ждали этого сигнала: они полезли через стены кладбища и собирались вокруг мраморной часовни. Это продолжалось до самого закрытия и возобновилось на следующий день рано поутру, пока последний из пятидесяти тысяч человек, пришедших поклониться могиле Элвиса Пресли, не унес последнюю розу.

Тело Короля недолго пробыло в своем святилище. Дней через десять после похорон полиция застукала трех взломщиков, пытавшихся проникнуть в мавзолей и завладеть телом, чтобы потом потребовать у родственников выкуп в 10 миллионов долларов. Дело не выгорело, но Вернон из вполне понятных соображений безопасности добился разрешения перенести останки жены и сына в Грейсленд, в Сад размышлений, где потом будет похоронен и он сам — 26 июня 1979 года.

Этот случай многое говорит о том, какое безумие охватило Америку. Книга Рыжего и Санни Уэстов была распродана в трех миллионах экземпляров и стала первой в долгой череде сочинений, посвященных всем аспектам жизни певца. Одновременно резко увеличились продажи его пластинок. Прессы Ар-си-эй работали без передышки; чтобы удовлетворить спрос, английскому филиалу фирмы пришлось вновь запустить остановленный завод. За один год Ар-си-эй распродала около двухсот миллионов альбомов и «сорокапяток», в то время как творчество других артистов, сотрудничавших с этой компанией, отошло на второй план.

Конкурирующие фирмы нашли другие способы наварить денег на повальном исступлении. Всего через неделю после смерти Пресли неизвестный певец по имени Ронни Макдауэлл проснулся знаменитым, исполнив песню «Король ушел», — эта пластинка разошлась миллионным тиражом за несколько недель. Его примеру последовал Леон Эверетт, спевший «Прощай, король рок-н-ролла». Начали множиться клоны Элвиса.

Том Паркер понял, что ему никогда не оседлать эту волну. Держа Элвиса под колпаком, он мог влиять на имидж своего певца, но появление легенды о Пресли отняло у него добрую часть его прерогатив. Он постарался заручиться поддержкой Вернона, который официально сделал его защитником своих интересов, но преслимания стала всеобщей и вышла из-под его контроля, поскольку речь теперь шла не только о торговле футболками, фотографиями с автографами и пластинками.

Опрос общественного мнения, проведенный в течение нескольких месяцев после кончины Элвиса Пресли, показал, что это самый известный человек в мире, стоящий наравне с Мао

Цзэдуном, «целевой аудиторией» которого был миллиард китайцев. Эта всемирная слава позволила Элвису обрести особый статус в коллективном сознании, заняв промежуточное положение между реальностью и вымыслом. Точно так же, как дом 2216 на Бейкер-стрит в Лондоне, где жил Шерлок Холмс, или набережная Ювелиров в Париже, по которой ходил комиссар Мегрэ, Грейсленд с годами стал местом паломничества всех тех, кто хотел открыть для себя легендарную Америку пятидесятых.

В 2002 году был поставлен рекорд, достойный Книги рекордов Гиннесса: благодаря альбому «30 хитов номер один» король рок-н-ролла беззастенчиво утвердил свое господство, заняв первую строчку в хит-парадах в США, Англии, Бельгии, Испании, Аргентине, Новой Зеландии, Ирландии, Дании, Швеции, Чили, Австрии и даже в ОАЭ. Став героем фильмов, стихов, песен, комиксов, выставок, пьес, детективных романов, ученых исследований и рекламных роликов, Элвис превратился в привычный символ успеха в стране доллара, власти шоу-бизнеса и общества потребления, в знак глобализации универсальной культуры, родившейся из множественной конфронтации.

Четверть века спустя после его кончины пора перейти от историй к историзму, перестать перечислять его разнообразные подвиги и задуматься о его реальном воздействии на свою эпоху. Через семьдесят лет после его рождения, через полвека после выхода его первых записей уже нет смысла подсчитывать, сколько людей покупали его пластинки, а сколько посмотрели его фильмы, нужно понять, как он смог стать культурным маяком своего поколения, а затем предметом поклонения для главных деятелей рок-революции шестидесятых; в чем секрет того, что матери семейства из американской глубинки по-прежнему краснеют, ностальгируя о прошлом, при упоминании о его чувственных блюзах, и при этом его китч занял свое место в пантеоне стиля панк; по какому недоразумению на его наследие сегодня претендует консервативное меньшинство наших демократий, позабывших о его еретических взглядах на отношения между общинами, а интеллектуальная элита упрекает его в присвоении традиций блюза, хотя на самом деле они были его собственными; каким образом, наконец, он смог затронуть общечеловеческие струны, хотя сам замкнулся в полнейшей нарциссической изоляции.

Судьба Элвиса Пресли — плод двусмысленности, на которой зиждется миф об Америке. «История вне мифа не имеет смысла, зато миф интересует нас лишь своим соотношением с историей», — говорит философ от рока Грейл Маркус. Восславив своим парадоксальным примером эпикурейскую и

морализаторскую культуру черно-белого южного пролетариата, побочным сыном которого он был, Элвис продемонстрировал реванш Юга над умственными ценностями Севера, унаследованными от Европы эпохи Просвещения.

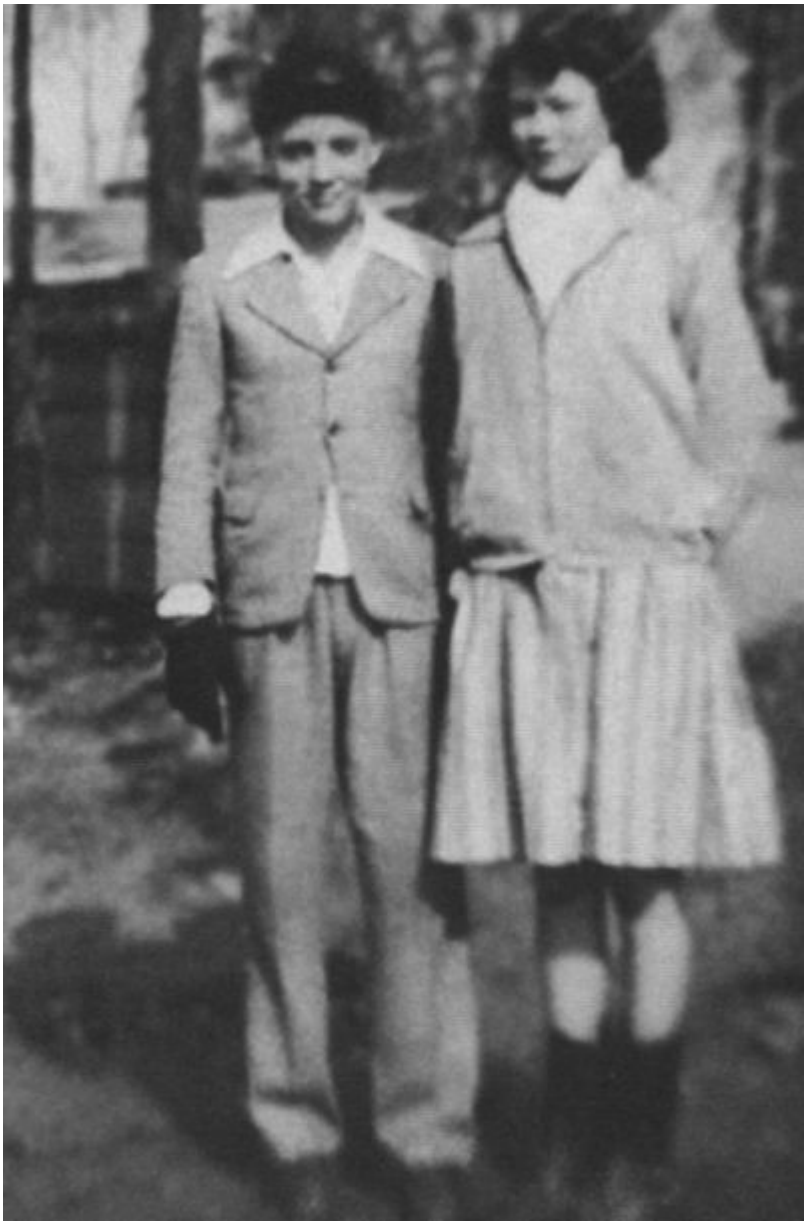
Его неувядающая легенда напоминает нам о его исторической роли.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дом в Тьюпело, где родился Элвис Пресли

Элвис с родителями. 1937 г.

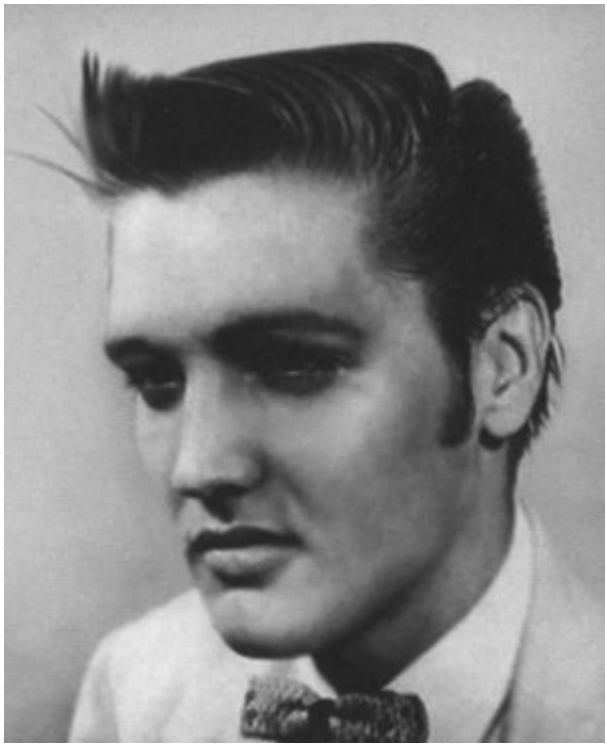
Малыш Элвис



Тринадцатилетний Элвис с первой любовью Магдалин Морган. 1948 г.

С матерью

С кузеном Джином Смитом. 1953 г.



Семнадцатилетний Элвис

Скотти Мур, Элвис и Билли Блэк. 1954 г.

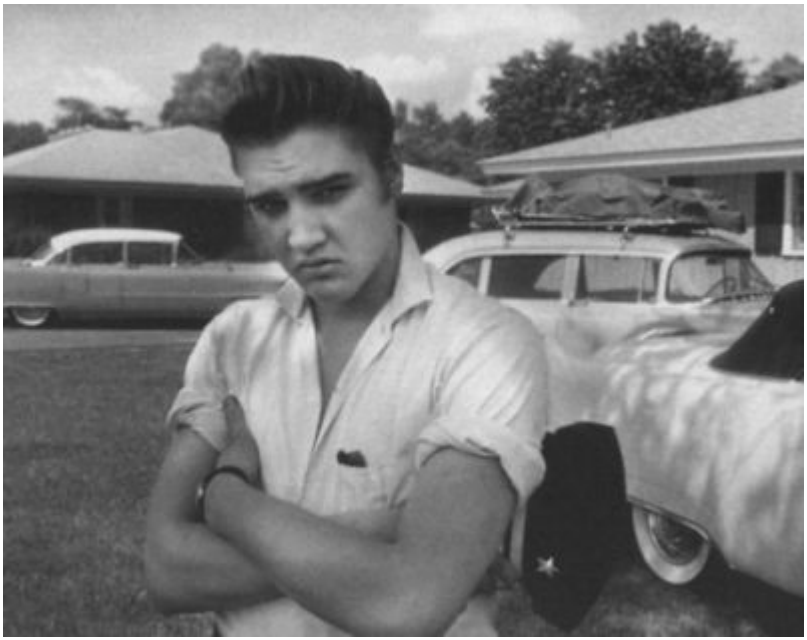
Одно из первых выступлений будущей мировой звезды. 1954 г.

В знаменитом розовом «кадиллаке». 1955 г

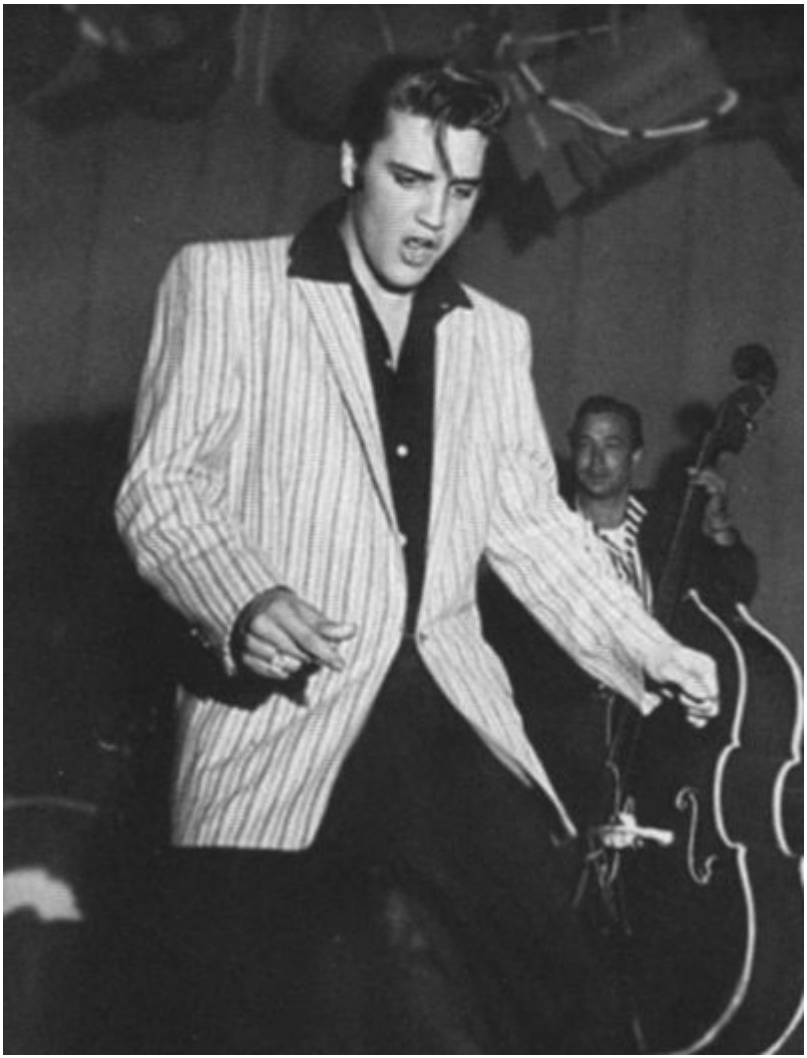
С отцом. 1956 г.

С Биллом Хейли. 1955 г.

С Барбарой Херн. 1956 г.

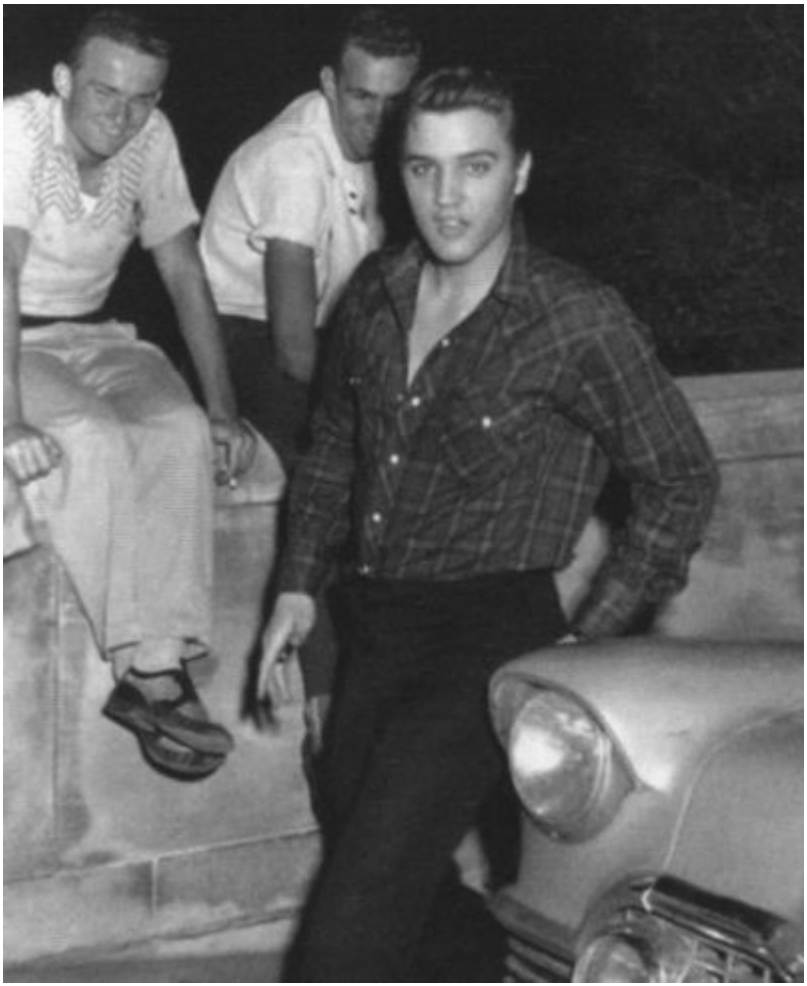


У своего дома в Мемфисе. 1956 г.



На шоу Мильтона Берля. 1956 г.

Полицейский выписывает Элвису штраф. 1956 г.

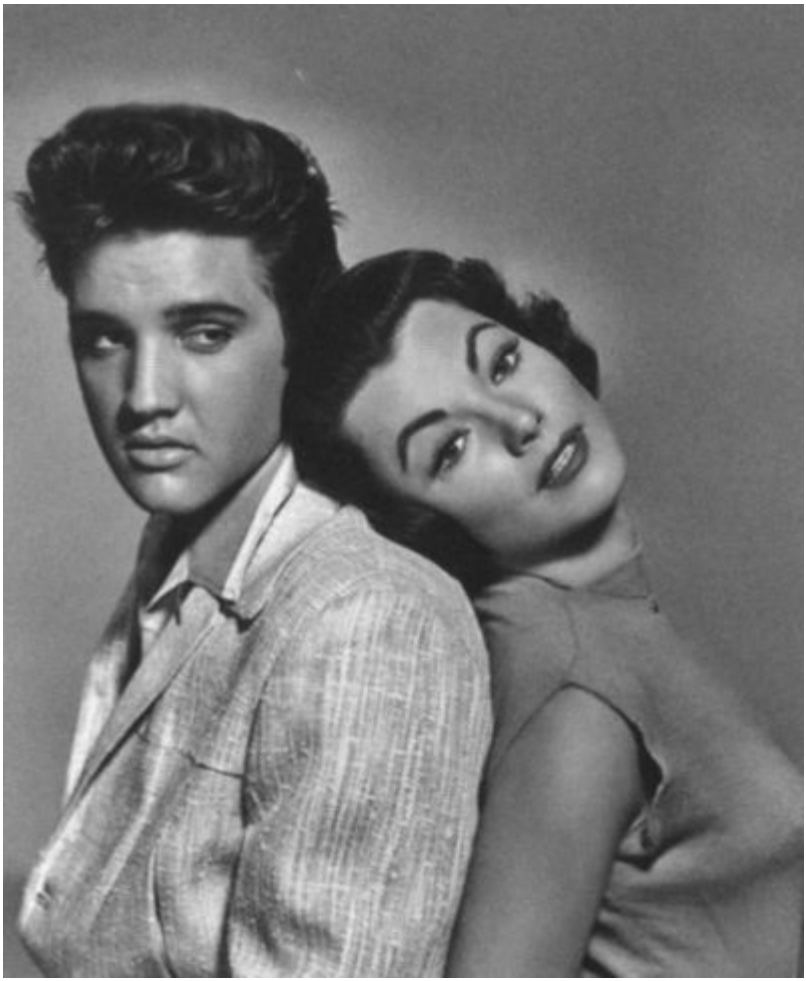


С друзьями в Лас-Вегасе. 1956 г.

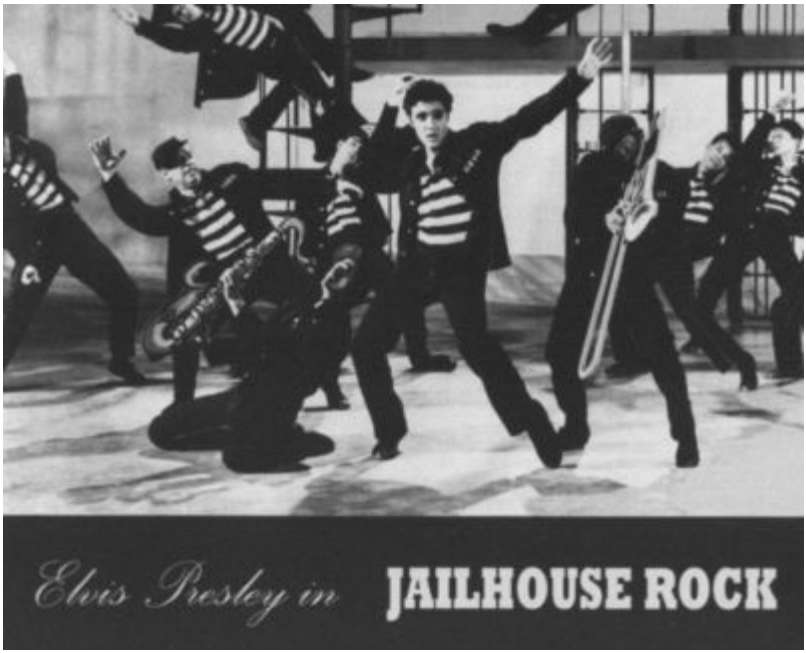
Первые автографы поклонницам. Сент-Пол, 1956 г.

С Анитой Вуд

С фанатками. 1957 г.



С Джуди Тайлер в фильме «Тюремный рок». 1957 г.



Знаменитая танцевальная сцена из фильма «Тюремный рок». 1957 г.

На одном из концертов

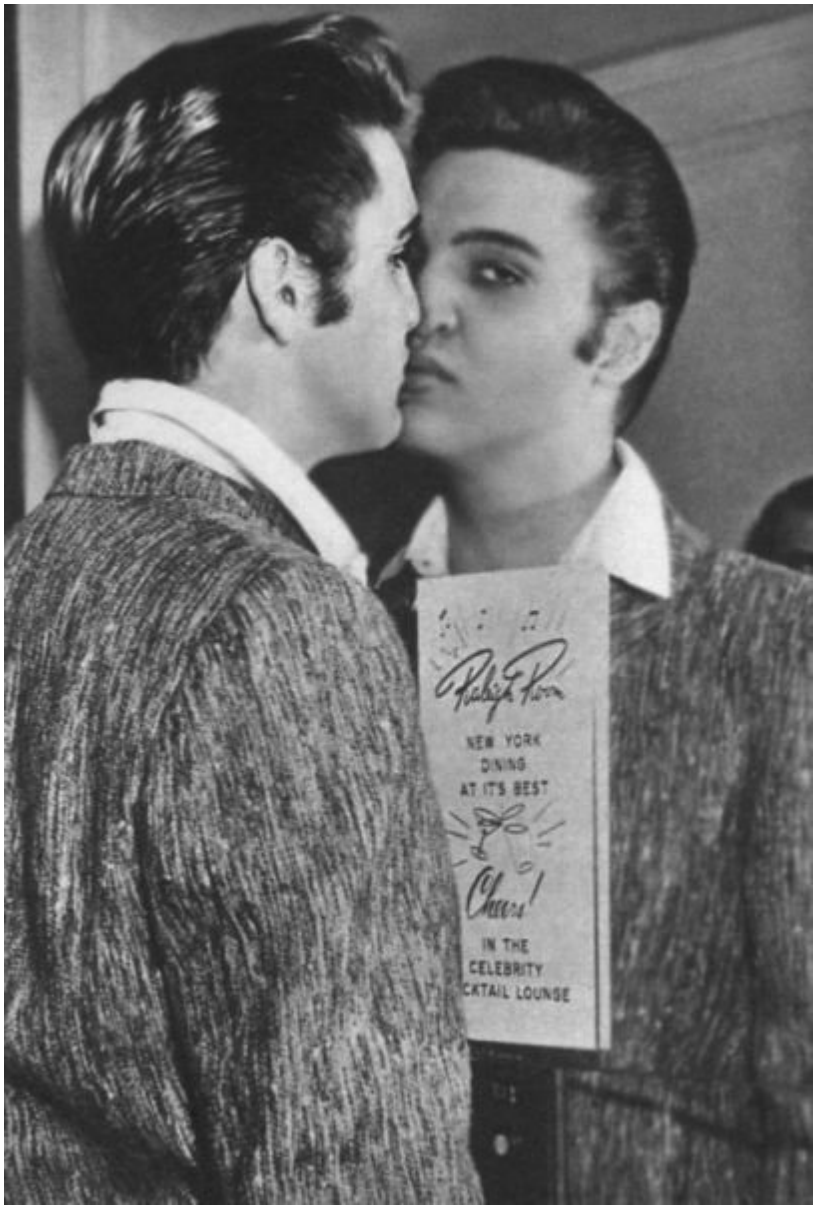
Запись альбома «Тюремный рок»

Поместье Грейсленд

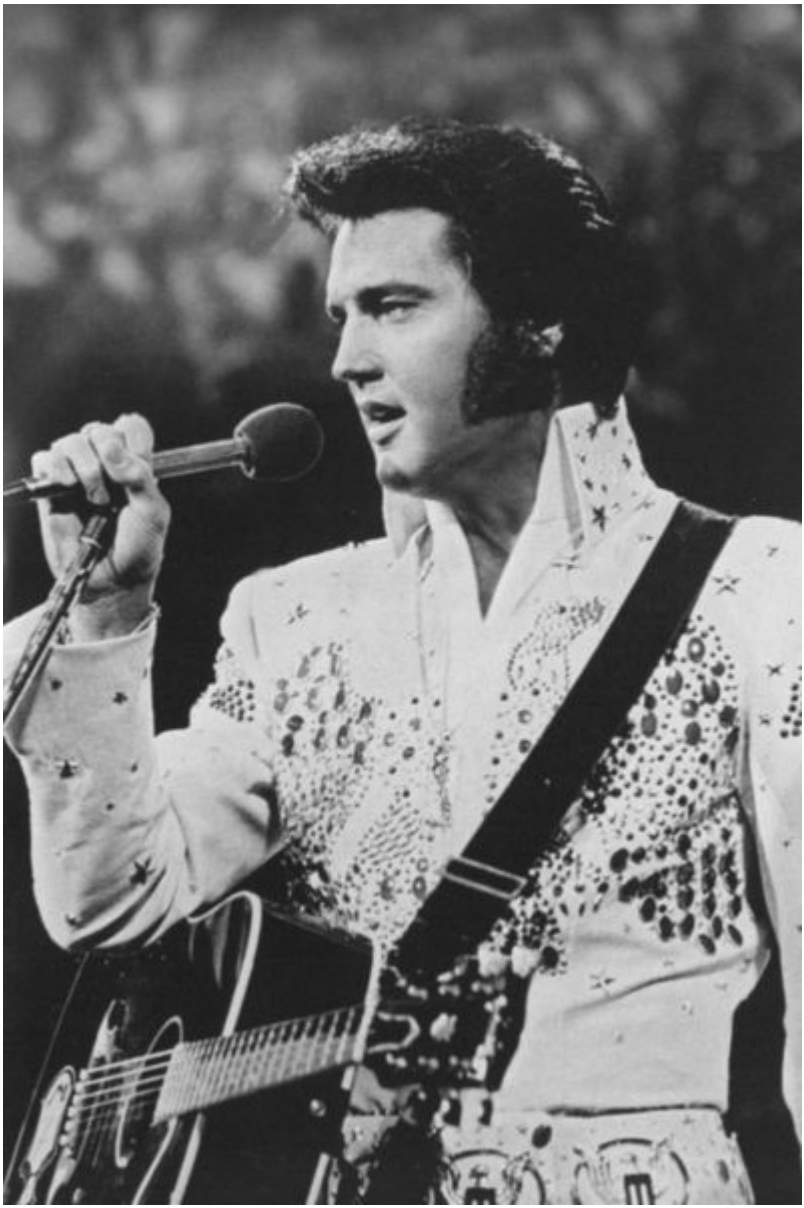
Элвис у ворот Грейсленда. 1957 г.

Комната в Грейсленде

В Грейсленде



Неотразимый Элвис Пресли



Элвис Пресли

Элвис с родителями. 1958 г.

Проводы в армию. 1958 г.

И в армии Элвис не расставался с гитарой

С Верой Чеховой в Мюнхене. 1959 г.

Возвращение из армии. 1960 г.

С Нэнси и Фрэнком Синатра

Прибытие на Самоа для съемок фильма. 1962 г.

С Джоан Блэкмен в фильме «Голубые Гавайи». 1961 г.

Присцилла Болье, будущая миссис Пресли. 1960 г.

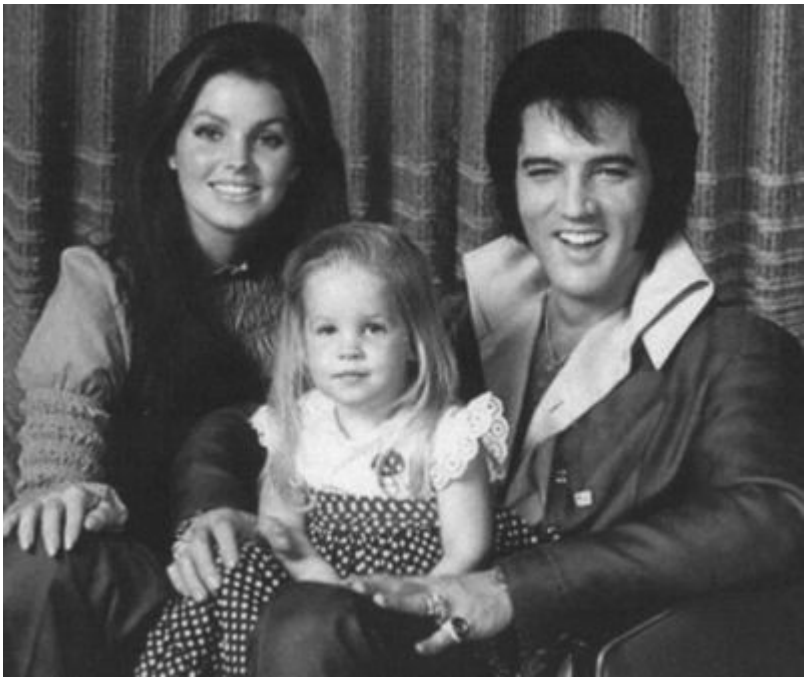
С полковником Паркером в Акапулько

С Урсулой Андресс в фильме «Вечеринка в Акапулько».1963 г.

С Анн-Маргрет в фильме «Да здравствует Лас-Вегас!». 1964 г.

Элвис Пресли. 1962 г.

Бракосочетание Элвиса Пресли и Присциллы Болье. 1967 г.



С женой и дочерью Лайзой Марией

С президентом Никсоном. 1970 г.

С Джо Эспозито

С Дотти Уэст. 1971 г.

С Линдой Томпсон

Супруги Пресли во время бракоразводного процесса. 1973 г.

Концерт в Сан-Франциско. 1976 г.

Неугомонный Элвис. 1975 г.

Последний концерт в Индианаполисе. 1977 г.

Похороны короля рок-н-ролла. 1977 г.

Могила Элвиса Пресли в Грейсленде

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭЛВИСА ПРЕСЛИ

***1935**, 8 января* — родился в Тьюпело, штат Миссисипи, в бедной рабочей семье Вернона и Глэдис Пресли.

1941–1953 — учеба в школе.

1946 — на свое 11-летие получил в подарок первую гитару.

***1948**, осень* — вместе с семьей переезжает в Мемфис, штат Теннесси. *1948–1953* — подрабатывает на разных работах, в том числе водителем грузовика, чтобы помочь семье и обеспечить себя.

***1953**, 18 июля* — в студии Сэма Филлипса «Сан» записывает первую пластинку (в единственном экземпляре) с песнями «Мое счастье» («My Happiness») и «Когда заболело сердце» («That's When Heartaches Begin»).

***1954**, 4 января* — в студии «Сан» записал вторую любительскую пластинку с песнями «Я никогда не встану на твоем пути» и «Без тебя все будет иначе».

26 июня — студия «Сан» приглашает Элвиса на прослушивание.

5 июля — с музыкантами Скотти Муром и Билли Блэком записывает в студии «Сан Рекордз» песню «That's All Right» («Всё в порядке»).

19 июля — пластинка с этой песней выпущена фирмой Сэма Филлипса («Blue Moon of Kentucky» — «Голубая луна Кентукки» на оборотной стороне), разошлась в количестве 20 тысяч экземпляров и стала первой официальной пластинкой Элвиса Пресли. Записывает другие песни на студии и начинает первые выступления на Юге.

1955 — полковник Том Паркер становится постоянным менеджером Пресли.

20 ноября — Элвис подписывает контракт со звукозаписывающей студией «Ар-си-эй Рекордз» («RCA Records»).

***1956**, 27 января* — выходит сингл «Heartbreak Hotel» («Отель, где разбиваются сердца»), разошелся миллионным тиражом и стал первым золотым синглом Элвиса.

Март — выходит первый альбом под названием «Elvis Presley».

6 апреля — подписывает контракт с киностудией.

16 ноября — в Нью-Йорке состоялась премьера первого фильма «Love Me Tender» («Люби меня нежно»).

***1957**, март* — покупает поместье Грейсленд, которое

останется его домом до конца жизни. Выходят фильмы «Тюремный рок» и «Любить тебя».

Ноябрь — первые концерты на Гавайях.

Декабрь — получает извещение о призыве на военную службу.

***1958**, 24 марта* — призван в армию.

14 августа — в больнице Мемфиса от сердечного приступа скончалась мать Пресли, что явилось для него тяжелым ударом.

Октябрь — переведен для прохождения дальнейшей военной службы в Западную Германию на военную базу во Фридберге.

***1959**, осень* — знакомство с четырнадцатилетней Присциллой Болье.

***1960**, 5 марта* — демобилизуется из армии и возвращается в США. Принимает участие в телешоу Фрэнка Синатры «Welcome Home, Elvis».

***1961**, 25 февраля* — в штате Теннесси этот день официально объявлен «Днем Элвиса Пресли».

1960–1969 — снимается в Голливуде, записывает альбомы к фильмам. *1965, 27 августа* — встреча с участниками ансамбля «Битлз».

***1967**, 1 мая* — бракосочетание Элвиса Арона Пресли и Присциллы Энн Болье в Лас-Вегасе.

***1968**, 1 февраля* — рождение дочери Лайзы Марии.

29 февраля — впервые получил премию «Грэмми» как «Лучший исполнитель священной музыки» за альбом «Велико искусство Твое» («How Great Thou Art»).

1969 — возвращается к концертной деятельности, которую будет продолжать вплоть до своей смерти. В студии у Чипса Момана в Мемфисе записывает свои лучшие песни: «Don't Cry. Daddy» («Не плачь, папа»), «In the Ghetto» («В гетто»), «Suspicious Minds» («Подозрительные умы») и др.

Март — апрель — заканчивает съемки своего последнего голливудского фильма «Change Of Habit» («Смена привычки»).

31 июля — 28 августа — дает серию концертов в Лас-Вегасе в отеле «Интернациональ».

1970–1971 — выступления в Лас-Вегасе, концерты в Хьюстоне, штат Техас, гастрольное турне по Америке.

***1970**, декабрь* — встреча с президентом США Ричардом Никсоном в Белом доме в Вашингтоне.

1971 — присуждение второй премии «Грэмми» за альбом «He Touched Me» («Он прикоснулся ко мне»).

1972 — в начале года Элвис и Присцилла расстались, Присцилла забрала дочь и переехала в Лос-Анджелес.

Июнь — серия грандиозных концертов в Нью-Йорке в Медисон-сквер-гарден.

***1973**, 14 января* — на Гавайях состоялся знаменитый концерт, транслировавшийся через спутник на 40 стран мира.

Октябрь — официальный развод с Присциллой.

1974–1977 — гастрольные поездки по Америке, записи новых альбомов.

***1975**, март* — Элвис получает третью и последнюю премию «Грэмми» за концертную версию песни «Велико искусство Твое».

***1977**, 17–26 июня* — последнее гастрольное турне по стране.

26 июня — последний концерт в Индианаполисе.

16 августа — Элвис Пресли умер в Грейсленде в возрасте 42 лет.

notes

Примечания

1

От англ. *government* (правительство) и *issue* (задание) — солдат армии США. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Библейский пояс (англ. *Bible belt)* — регион в США, культура которого основана на евангельском протестантизме. Приблизительно он простирается от Техаса и Канзаса до восточного побережья страны, где доходит до Виргинии и Флориды. Фактически Библейский пояс тождествен юго-востоку США. «Пряжкой Библейского пояса» называют также Нэшвилл в Теннесси и город Талса в Оклахоме.

3

Общество взаимопомощи масонского типа, возникшее в Англии в XVIII веке.

4

Религиозное совершеннолетие еврейского мальчика (бат-мицва — девочки).

5

Pelvis *(англ.)* — таз *(анат.)*.

6

После Гражданской войны в США федеральное правительство приняло меры по обеспечению прав чернокожего населения. В ответ демократы южных штатов приняли местные законы, серьезно ограничившие в правах чернокожее меньшинство. Эти законы стали известны как «Законы Джима Кроу» *(Jim Crow laws),* названные по имени комического персонажа. Впервые имя Кроу появилось в песенке «Прыгай, Джим Кроу», спетой в 1865 году Томасом Райсом, эмигрантом из Англии, исполнявшим ее с вымазанным жженой пробкой лицом. Имя стало нарицательным для обозначения плохо одетого неграмотного негра. В 1890 году в Луизиане была введена расовая сегрегация на железной дороге, что принято считать началом эпохи «Законов Джима Кроу». К 1915 году в каждом южном штате были подобные законы. Например, существовали ограничения, связанные с участием в голосовании: избирательный налог и тест на грамотность, которые относились только к неграм. К середине XX века под давлением общественности Верховный суд стал признавать эти законы антиконституционными. Последний из них был отменен в 1964 году, когда в Джорджии запретили сегрегацию в общественных местах.

7

Симона де Бовуар (1908–1986) — французская писательница, жена одного из основоположников экзистенциализма Ж. П. Сартра. Ее книга «Второй пол» (1949) считается «библией феминизма». В 1974 году создала Лигу прав женщин.

8

Уолкер Эванс (1903–1975) — американский фотограф, известный своими работами времен Великой депрессии, на которых без прикрас показана нищета сельского Юга.

9

Французский джазовый гитарист, певец и композитор русского происхождения.

10

Каносса (Canossa) — замок в Северной Италии, в котором в январе 1077 года произошла встреча римского папы Григория VII с отлученным от церкви и низложенным германским королем Генрихом IV. Генрих IV в одежде кающегося грешника три дня простоял у стен Каноссы, добиваясь приема папой. Выражение «идти в Каноссу» стало означать согласиться на унизительную капитуляцию, но на самом деле со стороны Генриха IV это было лишь политическим маневром.

11

Джонни Реб и *Билли Янк* — собирательные образы южанина и северянина. Поэтому войну между Югом и Севером часто называют войной между Джонни и Янком.

12

Научный способ организации производства, при котором предпочтение отдается единственному методу, являющемуся наиболее рентабельным. Назван в честь американского инженера Фредерика Тейлора (1856–1915).

13

Панчо Вилья (1878–1923) — мексиканский партизан, участвовавший во втором десятилетии XX века в многочисленных налетах и военных операциях против США. Символ мексиканца вообще и мятежника в частности. Герой нескольких фильмов.

14

Рудольф Валентино (1895–1926) — мегазвезда немого кино; в 1921 году снялся в роли шейха Ахмеда ибн Хассана в фильме Джорджа Мелфорда «Шейх».

15

Тетское наступление (также известно как *наступление Тет* или *Новогоднее наступление)* — первое широкомасштабное наступление коммунистических сил во время войны во Вьетнаме в декабре 1968 года. Стало переломным моментом войны, после которого общественное мнение в США утратило веру в возможность победы во Вьетнаме.

16

Джеймс Эджи (1909–1955) — американский писатель. Родился в Теннесси. В 1936 году вместе с фотографом Уолкером Эвансом сделал репортаж о белой бедноте Алабамы. В 1958 году получил Пулитцеровскую премию за автобиографический роман «Смерть в семье».

17

Отель в Вашингтоне, в котором располагалась штаб-квартира демократической партии США в перка президентской выборной кампании 1972 года. Была предпринята попытка установить в главном офисе штаб-квартиры подслушивающие устройства. Расследование завершилось отставкой президента Никсона в 1974 году.

18

Ральф Нейдер (р. 27 февраля 1934) — американский адвокат и политический активист. Выступал в поддержку прав потребителей, феминизма, гуманитаризма, охраны окружающей среды и демократического правительства.

19

Джонни Эпплсид («Яблочное Семечко») — легендарный персонаж, первопроходец, колесивший по американским штатам в первой половине XIX века, сажая по дороге яблоневые сады ради пропитания страны.

20

Картер, некогда занимавшийся производством арахиса, вел свою предвыборную кампанию под лозунгом «Не только арахис» («Not Just Peanuts»), намекая, что способен на большее.

21

Ракетбол — спортивная игра с ракеткой и полым мячиком, проходящая на прямоугольном закрытом корте, придуманная в 1949 году американцем Джо Собеком. В нее играют вдвоем или парами (две команды).

22

Джекки Онассис — вдова президента Джона Кеннеди, вышедшая замуж за миллионера Аристотеля Онассиса; *Джон Уэйн* — знаменитый актер, снимавшийся в вестернах; *Сэмми Дэвис Младший* — известный американский актер, певец и танцор.